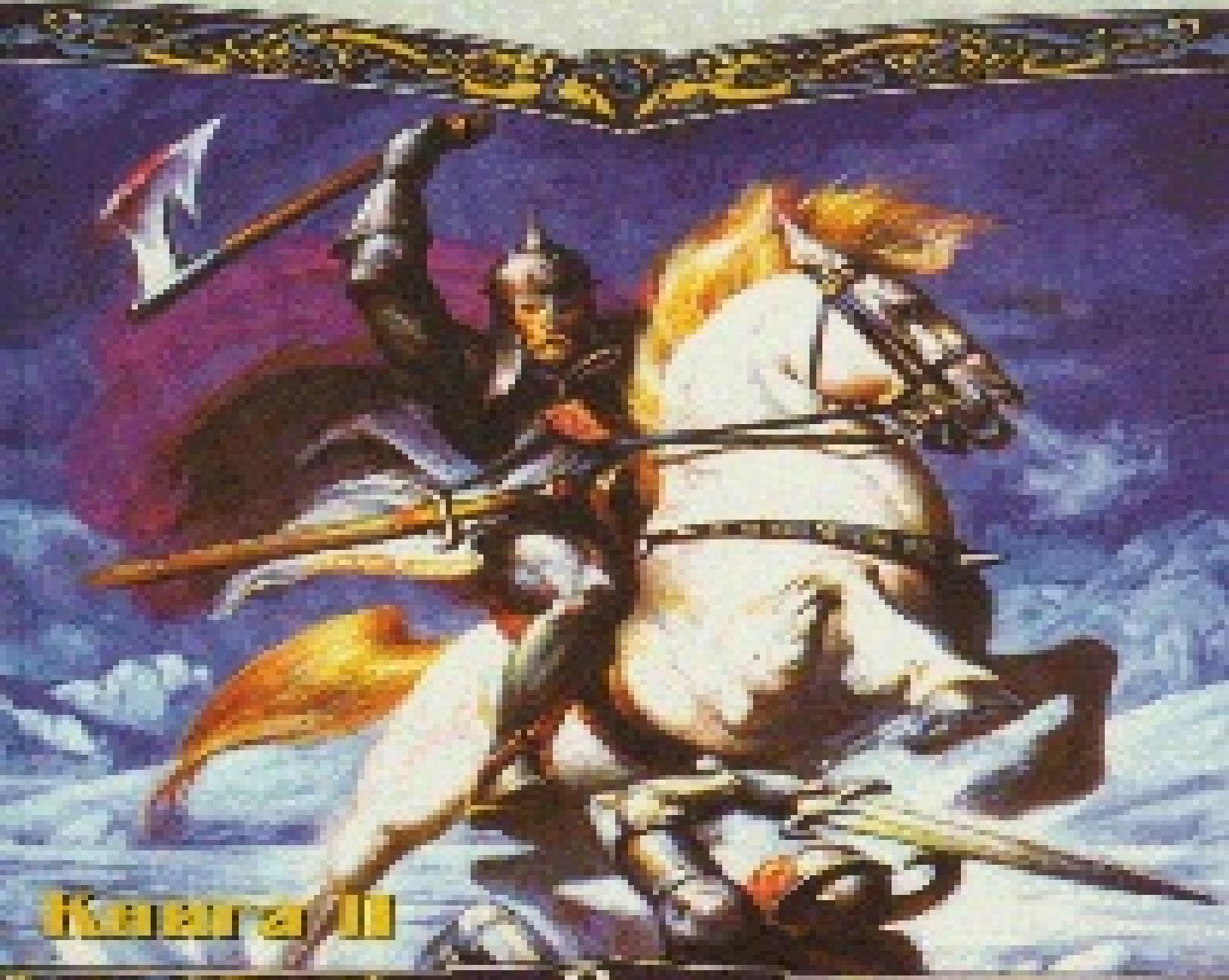
ДЖОРДЖ МАРТИН

ИГРА ПРЕСТОЛОВ

Книга II

Пир Дракона

www.litrv.ru

Игра престолов Книга II

(Песнь льда и пламени - 1)

Джордж Мартин

«Игра престолов» – это суровые земли вечного холода и радостные земли вечного лета. Это легенда о лордах и героях, воинах и магах, убийцах и чернокнижниках, которых свело вместе исполнение древнего пророчества. Это история о таинственных воителях,что сражаются мечами из неведомого металла, и о племени странных созданий, что повергают своих врагов в безумие. Это сказание о жестоком принце драконов, готовом на все, дабы вернуть утраченный трон, и ребенке, что блуждает по сумеречному миру межжизнью и смертью. Это трагедии и предательства, битвы и интриги, поражения и победы. Это игра, в которой ставка высока…

Джордж Мартин

Игра престолов

Книга II

Эддард

Ему снился странный сон: трое рыцарей в белых плащах, давно разрушенная башня и Лианна на окровавленном ложе.

Во сне с ним были друзья, как и тогда, в жизни. Гордый Мартин Кассель, отец Джори; верный Тео Валл; Этан Гловер, бывший тогда эсквайром Брандона, сир Марк Рисвелл, мягкоречивый и благородный сердцем; житель озера Хоуленд Рид; лорд Дастин на своем огромном рыжем коне. Нед помнил их лица, как свое собственное; но годы вторгаются в память человека даже во сне, даже если он дал обет не забывать ничего. Ему снились тени, призраки, сотканные из тумана.

Всемером они стояли перед троими – во сне, как и в жизни. Но троих трудно было назвать обыкновенными воинами. Они ожидали перед круглой башней, позади краснели горы Дорна, белые плащи раздувал ветер. Они не превратились в тени – лица оставались ясными даже теперь. Сир Эртур Дейл, Меч Зари, скорбно улыбался. Рукоять великого меча Рассвет поднималась над его правым плечом. Сир Освелл Уэнт, припав на одно колено, правил клинок точилом. На белой эмали шлема расправляла крылья черная летучая мышь его дома. Между ними стоял свирепый сир Герольд Хайтауэр, Белый Бык, лорд-командующий Королевской гвардии.

– Я искал вас у Трезубца, – сказал Над.

– Нас не было там, – отвечал сир Герольд.

– Горе постигло бы узурпатора, если бы мы там были, – проговорил сир Освелл. – Когда пала Королевская Гавань и сир Джейме убил вашего короля золотым мечом, я пытался узнать, где вы.

– Мы были далеко, – отвечал сир Герольд. – Иначе Эйерис по-прежнему сидел бы на Железном троне, а наш лживый брат горел бы в адском пекле.

– Я спускался к Штормовому Пределу, чтобы снять осаду, – сказал ему Нед. – Там лорды Тирелл и Редвин сложили знамена, а все их рыцари преклонили колена в знак верности. Я был уверен, что вы окажетесь среди них.

– Мы ни перед кем не склонимся, – проговорил сир Эртур Дейл.

– Сир Уиллем Дарри бежал на Драконий Камень с вашей королевой и принцем Визарисом. Я думал, что вы будете сопровождать их.

– Сир Уиллем человек добрый и верный, – заметил сир Освелл.

– Но он не принадлежит к числу гвардейцев, – возразил сир Герольд. – Королевская гвардия никогда не бежит.

– Ни прежде, ни теперь, – подтвердил сир Эртур, надевая шлем.

– Мы дали обет, – пояснил старый сир Герольд. Призраки зашевелились возле Неда с призрачными мечами в руках. Их было семеро против троих.

– Ну а теперь начнем, – сказал сир Эртур Дейл, Меч Зари. Он извлек Рассвет и взялся за рукоять обеими руками. Бледный, как молочное стекло, клинок горел живым светом.

– Нет, – ответил Нед со скорбью в голосе. – Теперь и закончим. – И тогда он услышал за собой крик Лианны:

– Эддард!

Ветер бросил на кровавое небо тучу лепестков розы, синих, как глаза смерти.

– Лорд Эддард, – вновь прокричала Лианна.

– Обещаю, – прошептал он. – Лиа, я обещаю…

– Лорд Эддард! – позвал мужской голос из тьмы. Со стоном Эддард Старк открыл глаза, лунный свет вливался сквозь высокие окна башни Десницы.

– Лорд Эддард? – Над постелью склонилась тень.

– Как… как долго? – Простыни сбились, нога в лубке, в боку пульсирует боль.

– Шесть дней и семь ночей. – Голос принадлежал Вейону Пулю. Стюард поднес чашу к губам Неда. – Выпейте, милорд.

– Что?…

– Чистая вода. Мейстер Пицель сказал, что вам захочется пить.

Нед глотнул. Сухие губы потрескались. Вода оказалась сладкой, как мед.

– Король оставил приказ, – проговорил Вейон Пуль, когда чаша опустела. – Он желает поговорить с вами, милорд.

– Завтра, – сказал Нед. – Когда я окрепну.

Он не мог сейчас встретить бывшего друга лицом к лицу, сон лишил его сил, сделал слабым, как котенка.

– Милорд, – проговорил Пуль, – король приказал прислать вас к нему, как только вы откроете глаза. – Стюард торопливо принялся зажигать свечи.

Нед громко ругнулся. Роберт никогда не был известен своим терпением.

– Передай королю, что я слишком слаб, чтобы явиться к нему. Если он хочет переговорить со мной, я буду рад принять его у себя. Надеюсь, ты найдешь его в глубоком сне. И позови… – Нед уже собрался назвать Джори, когда вспомнил. – Позови капитана моей стражи.

Элин вступил в опочивальню через мгновение после того, как стюард

откланялся.

– Милорд!

– Пуль утверждает, что прошло шесть дней, – сказал Нед. – Я должен знать положение дел.

– Цареубийца бежал из города, – доложил Элин. – Говорят, что он направился на Бобровый утес к своему отцу. Повесть о том, как леди Кейтилин захватила Беса, у всех на устах. Я выставил дополнительную стражу, если вы не против.

– Не против, – заверил его Нед. – Как дочери?

– Они посещали вас каждый день, милорд. Санса тихо молится, но Арья… – он помедлил, – не произнесла ни слова после того, как вас принесли сюда. Такая свирепая кроха. Я никогда не видел подобной ярости в девочке.

– Что бы ни случилось, – проговорил Нед, – я хочу, чтобы дочери мои были в безопасности. Боюсь, что это только начало.

– С ними не случится плохого, лорд Эддард, – заверил Элин. – Пока я жив.

– А Джори и все остальные…

– Я передал останки Молчаливым Сестрам, чтобы их отослали на север, в Винтерфелл. Джори хотел бы лежать возле своего деда…

…Возле деда, ведь отец Джори был похоронен далеко на юге. Мартин Кассель погиб вместе с остальными. Тогда Нед велел разрушить башню и сложить из ее кровавых камней восемь кэрнов на гребне. Говорили, что Рейегар называл это место Башней Счастья, но у Неда с ней были связаны горькие воспоминания. Да, их было семеро против троих, но лишь двое смогли покинуть это место; сам Эддард Старк и маленький житель озера Хоуленд Рид. Эддард не усматривал доброго предзнаменования в том, что сон этот приснился ему именно сейчас, после столь многих лет.

– Ты распорядился правильно, Элин, – проговорил Нед, увидев возвратившегося Вейона Пуля. Стюард поклонился.

– Светлейший государь здесь, милорд, а вместе с ним и королева.

Нед подвинулся выше, дернулся, когда ногу пронзила боль. Он не рассчитывал увидеть Серсею. Встреча эта не сулила добра.

– Впусти их и оставь нас. Наши слова не должны выйти за пределы этих стен.

Пуль молча вышел.

Роберту хватило времени, чтобы облачиться в черный бархатный дублет с коронованным оленем Баратеонов, вышитым на груди золотой ниткой, и золотую мантию под плащом из светлых и темных квадратов. Рука короля

держала бутыль вина, лицо его раскраснелось после выпивки. Серсея Ланнистер вошла следом, волосы ее украшала усыпанная самоцветами тиара.

– Светлейший государь, – проговорил Нед, – прошу прощения, но я не могу подняться.

– Ерунда, – отозвался король ворчливо. – Хочешь вина? Из Ибора. Хороший урожай.

– Только немного, – сказал Нед. – Голова моя еще тяжела после макового молока.

– Человек на вашем месте должен радоваться тому, что голова его вообще еще остается на плечах, – объявила королева.

– Тихо, женщина! – отрезал Роберт. Он поднес Неду чашу вина. – Нога еще болит?

– Немного, – отвечал Нед. Голова его пылала, но он не хотел признаваться в слабости перед королевой.

– Пицель утверждает, что нога заживет. – Роберт нахмурился. – Как я понимаю, тебе известно, что сделала Кейтилин?

– Так-то оно так. – Нед отпил вина. – Но моя леди-жена не виновна в своем поступке, светлейший государь. Она сделала это по моему распоряжению.

– Я недоволен тобой, Нед, – буркнул Роберт.

– По какому праву вы смеете прикасаться к моим родственникам? – потребовала ответа Серсея. – Кем, по-вашему, вы являетесь?

– Десницей короля, – ответил ей Нед с ледяной любезностью. – Иначе говоря, персоной, которую ваш лорд-муж обязал поддерживать в королевстве мир и выполнять королевское правосудие.

– Вы были десницей, – начала Серсея, – но теперь…

– Молчать! – взревел король. – Ты спросила его, и он ответил… – Серсея умолкла в холодном гневе, и Роберт повернулся к Неду:

– Чтобы поддерживать в королевстве мир, ты говоришь? Так вот как ты поддерживаешь мир, Нед? Погибло семеро…

– Восьмеро, – поправила королева. – Трегар умер сегодня утром от удара, полученного им от лорда Старка. – Похищение на Королевском тракте и пьяное побоище на моих улицах, – проговорил король. – Я этого не потерплю.

– У Кейтилин были все причины, чтобы арестовать Беса…

– Я сказал, что не потерплю этого! В пекло все причины. Ты прикажешь ей немедленно отпустить карлика и помиришься с Джейме.

– Трое моих людей погибли на моих глазах, потому что Джейме

Ланнистер пожелал наказать меня. Неужели я должен это забыть?

– Мой брат не был причиной ссоры, – сказала королю Серсея. – Лорд Старк пьяным возвращался из борделя. Люди его напали на Джейме и его стражу – именно так, как жена его схватила Тириона на Королевском тракте.

– Не верь этому, Роберт, ты знаешь меня, – проговорил Нед. – Спроси лорда Бейлиша, если сомневаешься. Он был там.

– Я говорил с Мизинцем, – ответил Роберт. – Он сказал, что поехал за золотыми плащами до того, как началась схватка, но он признает, что вы возвращались из какого-то борделя.

– Какого-то борделя? Разуй свои глаза, Роберт, я ездил туда посмотреть на твою дочь! Мать назвала ее Баррой, она похожа на твою первую девочку, которая родилась в Долине, когда мы были мальчишками. – Говоря эти слова, он глядел на королеву, лицо которой превратилось в застывшую маску, бледную и ничего не выражающую.

Роберт покраснел.

– Барра, – пророкотал он. – Решила сделать мне приятное, чертова баба. Я думал, что у нее больше ума.

– Ей нет и пятнадцати, она уже шлюха, и ты считаешь, что она может быть разумной? – ответил, не веря себе, Нед. Нога его отчаянно разболелась, и трудно было сдержаться. – Дурочка любит тебя, Роберт.

Король поглядел на Серсею.

– Тема эта не подходит для ушей королевы.

– Светлейшей государыне не понравится все, что я могу сказать, – заметил Нед. – Мне передали, что Цареубийца бежал из города. Прикажи мне вернуть его и поставить перед правосудием.

Король задумчиво покрутил чашу с вином и пригубил.

– Нет, – решил он. – С меня довольно. Джейме убил у тебя троих, ты у него пятерых. На этом и закончим.

– Таково, значит, твое представление о справедливости? – вспыхнул Нед. – Я рад, что больше не являюсь твоим десницей.

Королева поглядела на мужа:

– Если бы какой-нибудь человек осмелился обратиться к Таргариену, как говорит с тобой этот…

– Ты что, принимаешь меня за Эйериса? – прервал ее Роберт.

– Я принимаю тебя за короля! Джейме и Тирион твои братья по законам брака и родственных связей. Старки изгнали одного из них и захватили другого. Человек этот бесчестит тебя каждым своим дыханием, и ты кротко стоишь здесь, спрашиваешь, болит ли его нога и не хочется ли ему вина?

Роберт потемнел от гнева.

– Сколько раз, женщина, должен я приказывать тебе попридержать язык?

Лицо Серсеи изобразило все оттенки презрения.

– Как же это нас перепутали боги? – сказала она. – По всем правилам, тебе следовало бы носить юбку, а мне броню.

Багровый от гнева король ударил ее тыльной стороной ладони по щеке, Серсея споткнулась о стул и сильно ударилась, но не вскрикнула. Тонкие пальцы легли на щеку, бледная и гладкая кожа покраснела. На следующее утро синяк, это уж точно, зальет половину ее лица.

– Буду носить его как знак чести, – объявила она.

– Только носи в молчании, иначе я еще раз почту тебя, – посулил Роберт. Он кликнул гвардейцев.

В комнате появился сир Меррин Трант, высокий и строгий в своей белой броне. – Королева устала. Проводите ее в опочивальню. – Не говоря ни слова, рыцарь помог Серсее подняться на ноги и вывел ее.

Роберт потянулся к бутылке и вновь налил свою чашу.

– Теперь видишь, что она со мной делает, Нед. – Король опустился в кресло, сжимая чашу с вином. – Любящая жена, мать моих детей. – Ярость оставила его, в глазах короля Нед теперь видел скорбь и даже испуг. – Мне не следовало бить ее. Это не… это не королевский поступок. – Он поглядел на руки, словно бы не вполне понимая, что они собой представляют. – Я всегда был силен… никто не мог выстоять передо мной. Никто. Но как бороться с тем, кого нельзя ударить? – В смятении король потряс головой. – Рейегар… Рейегар победил, проклятие! Я убил его, Нед, я вонзил шип в его черный панцирь, в его черное сердце, и он умер у моих ног. Об этом поют песни. И все же он каким-то образом победил. Теперь он с Лианной, а мне досталась Серсея. – Он осушил чашу.

– Светлейший государь, – сказал Нед, – мы должны переговорить…

Роберт прижал пальцы к вискам.

– Меня смертельно тошнит от разговоров. Утром я отправляюсь в Королевский лес на охоту. Все, что ты хочешь сказать, может подождать до моего возвращения.

– Если боги будут милостивы, я не стану ждать твоего возвращения. Ты приказал мне возвращаться в Винтерфелл, помнишь?

Роберт встал, ухватившись за одну из опор балдахина, чтобы устоять.

– Боги редко бывают добры, Нед. Возьми свою вещь. – Из кармана в подкладке плаща он достал тяжелую застежку в форме руки и бросил на постель. – Хочешь ли ты этого или нет, но ты остаешься моей десницей,

проклятый! Я запрещаю тебе уезжать.

Нед взял серебряную застежку. Похоже, у него не оставалось выбора. Нога его пульсировала, он чувствовал себя беспомощным, как ребенок.

– Наследница Таргариенов…

Король застонал:

– Седьмое пекло, не начинай сначала этот разговор. С этим покончено, я не желаю больше слышать об этом!

– Почему ты хочешь, чтобы я был твоей десницей, если не желаешь слушать моих советов?

– Почему? – Роберт расхохотался. – Хочу и все тут. Кому-то ведь надо править этим проклятым королевством! Бери знак своей власти, Нед. Он подобает тебе. Но если ты еще хоть раз бросишь его мне в лицо, клянусь, я сразу же приколю проклятую штуковину на плащ Джейме Ланнистера!

Кейтилин

Восточный небосклон порозовел и позолотился, когда солнце поднялось над Долиной Арренов. Держась руками за тонкий резной камень, Кейтилин Старк стояла у окна и смотрела, как освещается небо. Мир внизу пробуждался: становился из черного индиговым, а потом зеленым, рассвет крался уже по полям и лесам. Бледный туман поднимался от Слез Алисы, окружая стекавший с плеча горы призрачный поток в его долгом падении вдоль обрыва Копья Гиганта; Кейтилин даже ощущала лицом слабое прикосновение влаги.

Алиса Аррен увидела смерть своего мужа, братьев и всех своих детей, однако при жизни не пролила ни слезинки, посему после смерти боги велели ей не знать усталости, пока слезы ее не увлажнят черную землю Долины, в которую ушли люди, некогда любимые ею. Алиса умерла шесть тысяч лет назад, но до сих пор ни одна капля потока еще не достигла почвы Долины. Кейтилин попыталась представить, каким будет водопад ее собственных слез после смерти.

– Рассказывайте остальное, – сказала она.

– Цареубийца собирает войско у Бобрового утеса, – ответил сир Родрик Кассель из комнаты позади нее. – Ваш брат пишет, что он послал гонцов на утес, потребовав, чтобы лорд Тайвин открыл свои намерения, но тот ему не ответил. Эдмар приказал лорду Венсу и лорду Пайперу охранять проход под Золотым Зубом. Он обещает вам, что не отдаст ни пяди земли дома Талли, не увлажнив ее кровью Ланнистеров.

Кейтилин отвернулась от заполнившего окно рассвета. Краса его не слишком-то утешала. Как неприятно, что предстоящий им мерзкий день начинается такой красотой.

– Эдмар посылал гонцов и дал обещание, – сказала она. – Но Эдмар не лорд Риверрана. Что слышно о моем лорде-отце?

– Послание молчит о лорде Хостере, миледи. – Сир Родрик потянул себя за бакенбарды. Пока он оправлялся от своих ран, они отросли – белые словно снег и щетинистые. Старый мастер над оружием стал наконец похож на себя самого.

– Отец не поручил бы оборону Риверрана Эдмару, если бы не чувствовал себя очень плохо, – сказала она озабоченно. – Надо было разбудить меня сразу, как только прилетела эта птица.

– Ваша леди-сестра посчитала, что вам лучше поспать, так сказал

мейстер Колемон…

– Меня надо было разбудить, – настаивала она.

– Мейстер сказал, что ваша сестра намеревается поговорить с вами после поединка.

– Значит, она все еще не отказалась от этого фарса? – скривилась Кейтилин. – Карлик сыграл на ней, как на волынке, а Лиза слишком глуха, чтобы слышать мелодию. Чем бы ни кончилось сегодняшнее утро, сир Родрик, нам пора ехать отсюда. Место мое в Винтерфелле – возле моих сыновей. Если у вас хватит сил сесть на коня, я попрошу Лизу, чтобы нам дали отряд, который проводит нас до Заячьего города. Оттуда мы можем кораблем отправиться домой.

– Опять кораблем? – Сир Родрик буквально на глазах позеленел, однако сдержал дрожь в голосе. – Как прикажете, миледи.

Старый рыцарь остался ждать возле ее двери, когда Кейтилин кликнула выделенных ей Лизой служанок. Надо бы переговорить с сестрой до поединка, быть может, она передумает, прикидывала Кейтилин одеваясь. Политика Лизы зависела от настроения, а настроение ее менялось ежечасно. Застенчивая девочка, которой сестра была в Ривердане, превратилась в женщину, попеременно гордую, пугливую, жестокую, мечтательную, безрассудную, застенчивую, упрямую, тщеславную, то есть непостоянную и непредсказуемую.

Когда ее подлый тюремщик приполз, чтобы рассказать о признании Тириона Ланнистера, Кейтилин просила Лизу принять карлика с глазу на глаз, но нет, ничто не могло изменить решения сестры, собравшейся блеснуть перед доброй половиной Долины. И теперь еще это…

– Ланнистер – мой пленник, – раздраженно сказала Кейтилин сиру Родрику, когда они спускались по ступенькам башни и шли по холодным белым залам Орлиного Гнезда. На ней было простое серое платье с серебряным поясом. – Следует напомнить об этом сестре!

Из дверей палат Лизы вылетел ее дядя.

– Идете на дурацкий праздник? – воскликнул сир Бринден. – Я бы посоветовал тебе вколотить капельку здравого смысла в сестрицу, если бы считал, что это возможно. Похоже, ты только расшибешь себе лоб…

– Прилетела птица из Риверрана, – начала Кейтилин, – с письмом от Эдмара…

– Я знаю, дитя. – Бринден нервно теребил застегивавшую плащ черную рыбу, которая была единственным украшением в его одежде. – Мне пришлось узнать об этом от мейстера Колемона. Я попросил у твоей сестры тысячу опытных людей, чтобы отправиться с ними в Ривердан со

всей возможной скоростью. И знаешь, что она мне ответила? «Долина не может выделить не только тысячи мечей, но даже одного, дядя! А ты – Рыцарь Ворот, твое место здесь». – Порыв детского смеха вырвался из открытой двери позади них, и Бринден мрачно глянул через плечо. – Ну я и сказал ей, что она вполне может искать себе нового Рыцаря Ворот. Пусть я и Черная Рыба, но я пока еще Талли. И я отъезжаю в Ривeрран сегодня вечером.

Кейтилин не могла скрыть удивления.

– Один? Ты прекрасно знаешь, что одному человеку нечего делать на высокогорной дороге, а мы с сиром Родриком возвращаемся в Винтерфелл. Поедем вместе, дядя. Я дам тебе твою тысячу, Ривeрран не останется в одиночестве.

Бринден подумал мгновение, потом резко кивнул.

– Пусть будет, как ты говоришь. До дома далеко, но мне тем более хочется попасть туда. Я подожду вас внизу. – Он направился прочь, плащ развевался позади него.

Кейтилин обменялась взглядом с сиром Родриком. Они направились в дверь – на тонкий нервный детский смешок.

Палаты Лизы выходили в небольшой сад, засаженный голубыми цветами, – кружок земли и травы, со всех сторон окруженный высокими белыми башнями. Строители намеревались устроить здесь богорощу, но Орлиное Гнездо лежит на твердом камне, и, сколько бы ни носили земли из долины, чардрево так и не пустило здесь корни. Поэтому лорды Орлиного Гнезда засадили свободное место травой и расставили статуи посреди невысоких цветущих кустарников. Здесь два поединщика должны были рискнуть, отдав свои жизни и судьбу Тириона Ланнистера в руки богов.

Лиза, только что нарядившаяся в молочный бархат, дополненный ниткой сапфиров и лунных камней на белой шее, собрала свой двор на террасе над местом сражения и сидела в окружении свиты: рыцарей, а также знатных и не столь уж знатных лордов. Многие среди них все еще надеялись на брак с ней – на ее ложе, на право править Долиной Арренов. Судя по наблюдениям Кейтилин за время пребывания в Орлином Гнезде, надежды их были тщетны.

Для кресла Роберта соорудили деревянный помост, лорд Орлиного Гнезда хихикал и хлопал в ладоши, пока горбатый кукольник в сине-белой одежде заставлял двух деревянных рыцарей рубить и колоть друг друга. Были выставлены кувшины с густыми сливками и корзинки с черной смородиной, гости попивали сладкое, надушенное апельсином вино из чеканных серебряных чаш.

– Дурацкий праздник, – сказал Бринден. На той стороне террасы Лиза весело смеялась какой-то шутке сира Хантера и накалывала ягоду из корзинки острием кинжала сира Лина Корбрея. Этих женихов Лиза поощряла более всего… по крайней мере сегодня. Кейтилин едва ли сумела бы сказать, который из двоих менее подходил ей.

Изуродованный подагрой Хантер был даже старше Джона Аррена, судьба прокляла его тремя задиристыми сыновьями, один другого жаднее. Сир Лин проявлял безрассудство иначе; сухощавый и симпатичный наследник древнего, но обедневшего дома, он был тщеславен, опрометчив и вспыльчив… Кроме того, шептали, что интимные прелести женщин подозрительно мало волнуют его.

Заметив Кейтилин, Лиза приветствовала ее сестринским объятием и влажным поцелуем в щеку.

– Правда, очаровательное утро? Боги улыбаются нам! Отведай вина, милая сестрица. Лорд Хантер любезно прислал нам этот напиток из собственных погребов.

– Спасибо тебе, Лиза, нет. Мы должны поговорить.

– Потом, – обещала сестра, уже отворачиваясь от нее.

– Сейчас, – проговорила Кейтилин более громким голосом, чем хотела. На голос ее уже оборачивались. – Лиза, ты не можешь позволить себе подобное безрассудство. Бес имеет цену, покуда он жив. Мертвым он годен только для ворон. Ну а если победит его рыцарь…

– На это шансы невелики, миледи, – опередил ее лорд Хантер, прикоснувшись к плечу Кейтилин рукой в старческих пятнах. – Сир Вардис – крепкий боец. Он разделается с наемником.

– Кто знает, милорд? – сказала Кейтилин. – Сомневаюсь. – Она видела Бронна на высокогорной дороге. Наемник отнюдь не случайно уцелел в путешествии, когда остальные погибли. В бою он двигался словно пантера, а уродливый меч казался частью его руки.

Женихи Лизы собирались поблизости, как пчелы вокруг цветка.

– Ну, женщины слабо разбираются в подобных вещах, – уверил ее сир Мортон Уэйнвуд. – Сир Вардис – рыцарь, милая леди. А люди, подобные его противнику, в сердце своем всегда трусливы. Окруженные тысячью собратьев, они достаточно полезны в битве, но в поединках мужество оставляет их.

– Значит, вы понимаете, что делаете, – сказала Кейтилин с любезностью, от которой во рту стало больно. – Чего мы добьемся смертью карлика? Или вы воображаете, что Джейме будет разбираться, судили его брата или нет, прежде чем сбросить с горы?

– Обезглавьте его, – посоветовал сир Лин Корбрей. – Когда Цареубийца получит голову Беса, это послужит ему предостережением.

Лиза нетерпеливо тряхнула длинными – до груди – осенними волосами.

– Лорд Роберт желает видеть, как он полетит, – ответила она, словно бы выложив самый убедительный аргумент. – А Бес пусть винит тогда только себя самого. Это он потребовал суда поединком.

– Миледи Лиза не могла достойно отказать ему, даже если бы она захотела, – многозначительно проговорил лорд Хантер.

Игнорируя всех, Кейтилин обратилась лицом к сестре:

– Напоминаю тебе, Тирион Ланнистер – мой пленник.

– А я напоминаю тебе: этот карлик убил моего лорда-мужа! – Голос Лизы возвысился. – Он отравил десницу короля, оставил мое милое дитя без отца, и теперь я намереваюсь расплатиться с ним! – Крутнув юбками, Лиза зашагала по террасе. Сиры Лин, Мортен и прочие женихи прохладно откланялись и отправились следом за ней.

– Значит, вы думаете, что это сделал он? – спросил сир Родрик негромко, когда они вновь остались одни. – Что Тирион убил лорда Джона? Бес отрицает это самым решительным образом…

– Я полагаю, что лорда Аррена убили Ланнистеры, – ответила Кейтилин, – но кто сделал это – Тирион, сир Джейме, королева или все они вместе, – сказать не могу.

Лиза называла Серсею в том письме, которое прислала в Винтерфелл, но теперь она казалась уверенной, что именно Тирион был убийцей… не потому ли, что карлик здесь, под рукой, а королева пребывала в безопасности за стенами Красного замка, в сотнях лиг к югу? Кейтилин едва ли не жалела о том, что не сожгла письмо своей сестры прежде, чем прочитать его.

Сир Родрик потянул себя за бакенбарды.

– Яд, не… Это действительно мог быть и карлик. Или Серсея. Ведь говорят же, что яд – оружие женщины. Прошу вашего прощения, миледи. Но чтобы Цареубийца… я не слишком-то симпатизирую ему, но он не из той породы. Он слишком любит вид крови на своем золотом мече. Яд ли это был, миледи?

Кейтилин нахмурилась от смутной неловкости.

– А как еще можно было сделать смерть похожей на естественную? – Позади нее лорд Роберт заверещал от восторга, когда один из марионеточных рыцарей разрубил другого напополам и из раны на террасу хлынул поток красных опилок. Кейтилин поглядела на племянника и вздохнула. – Мальчишка не знает никакой дисциплины. Он никогда не

сделается крепким настолько, чтобы править, если только не забрать его от матери на какое-то время.

– Его лорд-отец согласился бы с вами, – сказал голос возле ее локтя. Она обернулась и увидела мейстера Колемона с чашей вина в руке. – Он намеревался отослать мальчишку на Драконий Камень, как вы знаете… но я влез в ваш разговор. – Адамово яблоко задергалось на горле мейстера. – Боюсь, слишком увлекся чудесным вином лорда Хантера. Перспектива кровопролития смущает мои нервы.

– Вы ошибаетесь, мейстер, – сказала Кейтилин. – Речь шла о Бобровом утесе, а не о Драконьем Камне, и к приготовлениям приступили после смерти десницы без согласия моей сестры.

Голова мейстера, заканчивающая абсурдно длинную шею, дернулась, едва ли не превращая в марионетку его самого.

– Нет, прошу вашего прощения, миледи, именно лорд Джон…

Внизу громко ударил колокол, и высокие лорды, – а следом за ними и служанки, – оставив свои дела, двинулись к балюстраде. Внизу три стражника в небесно-синих плащах уже вывели вперед Тириона Ланнистера. Септон Орлиного Гнезда проводил его в центр сада к вырезанной из белого с прожилками мрамора статуе плачущей женщины, вне сомнения изображавшей Алису.

– Скверный коротышка, – сказал лорд Роберт хихикая. – Мама, а можно я пущу его полетать? Я хочу увидеть, как он полетит.

– Потом, мой милый, – посулила ему Лиза.

– Сперва суд, – напомнил сир Лин Корбрей, – а потом казнь.

Мгновение спустя оба противника появились на противоположных сторонах сада. Рыцаря сопровождали два молодых сквайра, наемника – мастер над оружием Орлиного Гнезда.

Сир Вардис Иген был закован в сталь от головы до пят, на кольчуге – тяжелая пластинчатая броня, под кольчугой – стеганый кафтан. Большие округлые сочленения, покрытые молочно-белой и голубой эмалью, под цвет луне и соколу дома Арренов, защищали уязвимые соединения руки и плеча. Юбка из жесткого металла прикрывала его тело ниже поясницы до середины бедра, прочный воротник охватывал горло, от висков шлема разбегались соколиные крылья, а забрало изображало острый металлический клюв с узкой прорезью для глаз.

Брони был настолько легко вооружен, что казался почти нагим рядом с рыцарем. Наемник ограничился черной кольчужной рубахой на проваренной коже и круглым стальным шишаком с носовой стрелкой, шею сзади прикрывала кольчужная сетка. Высокие кожаные сапоги со

стальными пластинами в известной мере защищали его ноги, диски черного железа были нашиты на пальцы перчаток. Тем не менее Кейтилин отметила, что наемник на половину ладони выше своего соперника и руки его длиннее… Кроме того, Бронн был на пятнадцать лет моложе сира Вардиса, насколько она могла судить.

Обратившись лицом друг к другу, они преклонили колени в траве перед плачущей женщиной. Ланнистер стоял между ними. Септон достал из мягкой тряпочной сумки на поясе граненую хрустальную сферу. Он высоко поднял камень над головой, и радуги заплясали на лице Беса. Высоким торжественным напевом септон попросил богов воззреть долу и засвидетельствовать истину в душе этого человека; даровать ему жизнь и свободу, если он невиновен, в ином случае – послать ему смерть. Голос его гремел меж стен.

Когда последний отголосок его слов угас, септон опустил свой кристалл и заторопился прочь. Тирион повернулся и успел что-то шепнуть Бронну, прежде чем стражники увели его. Наемник, гоготнув, поднялся и смахнул травинку с колена.

Лорд Аррен, владыка Орлиного Гнезда и Хранитель Долины, нетерпеливо закопошился на своем высоком престоле.

– Хочу, чтобы они начали драться! – заканючил он. Сиру Вардису помог подняться один из его сквайров. Другой принес ему треугольный щит, едва ли не в четыре фута высотой, – тяжелое дерево, усыпанное железными нашлепками. Щит надели на его левую руку. Когда оружейных дел мастер Лизы предложил Бронну подобный щит, наемник сплюнул и отмахнулся. Трехдневная черная щетина закрывала его челюсти и щеки, но не брился он отнюдь не потому, что ему нечем было это сделать: лезвие его меча грозно светилось, как и подобает часами точившейся стали, к краю которой даже прикоснуться опасно.

Сир Вардис протянул руку в кольчужной перчатке, а сквайр вложил в нее изящный обоюдоострый длинный меч. Клинок украшал тонкий серебряный узор, изображавший горное небо. Рукоять была украшена соколиной головой, поперечина изображала крылья.

– Этот меч выковали для Джона в Королевской Гавани, – горделиво сказала Лиза своим гостям, наблюдая за пробным замахом сира Вардиса. – Он всегда брал его, садясь на Железный трон вместо короля Роберта. Правда, очаровательная вещь? Я подумала, что нашему чемпиону подобает отомстить за Джона его собственным клинком.

Гравированное серебряное лезвие было, вне всяких сомнений, прекрасным, но Кейтилин показалось, что сир Вардис наверняка

чувствовал бы себя увереннее со своим собственным мечом. Но тем не менее ничего не сказала, устав от бесполезных споров с сестрой.

– Пусть они сойдутся! – крикнул лорд Роберт. Сир Вардис обратился лицом к лорду Орлиного Гнезда, салютуя, приподнял свой меч:

– За Орлиное Гнездо и Долину!

Окруженный стражей Тирион Ланнистер сидел на балконе по другую сторону сада. Брони повернулся к нему с небрежным салютом.

– Они ждут твоего приказа, – сказала леди Лиза своему благородному сыну.

– Бейтесь! – завизжал мальчишка, дрожащими руками впиваясь в поручни кресла. Сир Вардис с усилием поднял тяжелый щит. Брони повернулся к нему. Мечи столкнулись раз и другой, пробуя оборону. Наемник отступил на шаг. Рыцарь последовал за ним, выставив перед собой щит. Он попытался ударить, но Брони вовремя отскочил, и серебряный клинок рассек только воздух. Бронн вильнул вправо. Сир Вардис повернулся, отгораживаясь щитом, и шагнул вперед, осторожно ставя ноги на неровную землю. Наемник отступал, слабая улыбка играла на его губах. Сир Вардис атаковал рубящим ударом, но Брони еще раз отступил, легко вскочив на невысокий, поросший мхом камень. Теперь наемник забирал налево, подальше от щита, к незащищенному боку рыцаря. Сир Вардис попытался подрубить его ноги, но не сумел дотянуться. Брони отскочил еще дальше. Сир Вардис снова повернулся.

– Этот лишен доблести, – объявил лорд Хантер. – Остановись и прими бой, трус! – К нему присоединились сочувствующие голоса.

Кейтилин поглядела на сира Родрика. Ее мастер над оружием коротко кивнул:

– Наемник добивается, чтобы сир Вардис преследовал его. Вес панциря и щита утомит даже самого сильного мужчину!

Она едва не каждый день видела, как упражняются мужчины в фехтовании, в свое время посетила с полсотни турниров, но здесь все выглядело как-то иначе и жутче: в этой пляске один ошибочный шаг сулил смерть. И вдруг вспомнила другой поединок – столь же ясно, как если бы он состоялся вчера.

…Они встретились в нижнем дворе Риверрана. Увидев, что на Петире только шлем, нагрудник и кольчуга, Брандон тут же расстался с большей частью своего вооружения. Петир попросил у нее какой-нибудь знак симпатии, чтобы повязать его, но она отказала: лорд-отец обещал ее руку Брандону Старку, ему она и подарила свой бледно-голубой шарф, на котором вышила прыгающую форель Риверрана. Передавая жениху

кусочек ткани, она попросила его:

– Петир – просто глупый мальчишка, но я люблю его как брата. Мне будет горько, если он умрет.

Жених посмотрел на нее холодными серыми старковскими глазами и обещал пощадить мальчишку, который любил ее.

Та схватка окончилась, не успев начаться. Брандон был уже взрослым мужчиной, и он погнал Мизинца по двору, а потом по причальной лестнице, осыпая его дождем ударов на каждом шагу; наконец, покрытый кровью от дюжины неглубоких порезов, мальчишка начал шататься.

– Сдавайся, – то и дело требовал Брандон, но Петир только угрюмо тряс головой и продолжал наскоки.

Когда река омыла их сапоги, Брандон сумел закончить схватку жестоким обратным ударом, прорезавшим кольчугу, кожу и мягкий бок Петира ниже ребер; Кейтилин даже не усомнилась в том, что рана была смертельной. Падая, Петир поглядел на нее, пробормотал «Кет», и алая кровь хлынула между его облаченными в перчатку пальцами. Ей казалось, что она забыла об этом…

Это было так давно. Столько времени прошло до того дня, когда ее доставили к нему в Королевскую Гавань!

Через две недели Мизинец набрался сил, чтобы сесть в носилки и оставить Ривeрран. Лорд-отец запретил Кейтилин посещать раненого приятеля в башне, где он лежал в постели. Лиза помогала мейстеру ухаживать за Петиром; она была в те дни застенчивей и мягче. Заглядывал к нему и Эдмар, но Петир не захотел видеть его. Брат ее принимал участие в поединке в качестве сквайра Брандона, и Мизинец этого ему не простил. Когда он достаточно окреп, лорд Талли немедленно отослал своего воспитанника на Персты в закрытых носилках, чтобы тот закончил свое лечение на родной, продутой всеми ветрами скале.

Звон стали вернул Кейтилин к настоящему. Сир Вардис наступал на Бронна, подавляя его весом, щитом и мечом. Наемник отступал назад, отбивая каждый удар; легко переступая через камни и корни, он не отводил глаз от соперника. Он был быстрее, как уже заметила Кейтилин. Серебряный меч рыцаря ни разу не прикоснулся к Бронну, успевшему уже наделать щербин своим уродливым серым клинком на оплечье сира Вардиса.

Короткий поток ударов иссяк так же неожиданно, как и начался: Бронн скользнул в сторону и остановился за статуей плачущей женщины. Сир Вардис ударил в ту сторону, где остановился наемник, и выбил искру из беломраморного бедра Алисы.

– Они сражаются не по правилам, мама, – пожаловался лорд Орлиного Гнезда. – Я хочу, чтобы они дрались.

– Подожди, мое милое дитя, – утешила его мать. – Наемник не может бегать целый день.

Кое-кто из лордов, находившихся на террасе, уже обменивался сухими шутками и наполнял свои чаши, но разноцветные глаза Тириона Ланнистера следили за боевой пляской с противоположной стороны сада, как за самым важным событием на земле.

Брони, жестокий и быстрый, вынырнул из-за статуи и направил двуручный меч в незащищенный правый бок рыцаря. Сир Вардис парировал, но неудачно, и меч наемника ударил ему в голову. Звякнул металл, и соколиное крыло, хрустнув, отломилось. Чтобы прийти в себя, сир Вардис отступил назад и поднял щит. Полетели щепки: меч Бронна ударил в дубовую стену. Наемник снова шагнул налево, подальше от щита, и угодил сиру Вардису поперек живота. Острый как бритва клинок оставил на броне яркий след.

Сир Вардис шагнул вперед, вложив весь свой вес в серебряный клинок. Брони отбил удар в сторону и пляшущим движением уклонился. Рыцарь ударился об изваяние плачущей женщины, пошатнувшееся на своем постаменте. Ошеломленный, он отступил и принялся вертеть головой, разыскивая противника. Узкая прорезь в шлеме сужала поле зрения.

– Позади тебя, сир! – вскричал лорд Хантер, но слишком поздно. Бронн обеими руками обрушил свой меч на локоть правой руки сира Вардиса. Защищавший сустав, тонкий вздутый металл треснул. Рыцарь охнул, поворачиваясь и поднимая оружие. На этот раз Брони остался на месте. Мечи запорхали среди белых башен Гнезда, наполняя стальной песней сад.

– Сир Вардис ранен, – сказал сир Родрик серьезным голосом.

Кейтилин не нуждалась в подобных пояснениях. Глаза верно служили ей, она видела яркую струйку крови, спускавшуюся по руке рыцаря. Каждое новое движение получалось чуть более медленным, не таким размашистым. Сир Вардис повернулся боком к врагу, пытаясь закрыться щитом, но Брони скользнул вокруг него, быстрый как кошка. Наемник, казалось, обрел новую силу. Теперь его удары оставляли на панцире рыцаря глубокие отметины. Свежие зарубки блестели на броне сира Вардиса на правом бедре, на клювастом шлеме, пересекались на нагрудной пластине, особо длинная осталась на воротнике. Налокотник с луной и соколом на правой руке сира Вардиса разлетелся на две половинки, одна из них повисла на завязках. Все слышали его трудное дыхание, воздух со свистом вырывался через забрало.

Даже ослепленные надменностью рыцари Долины понимали, что происходит внизу, но только не ее сестра.

– Довольно, сир Вардис! – свысока воскликнула Лиза. – Кончайте с ним, мой ребенок устал!

Надо сказать, что сир Вардис Иген был верен своей госпоже до последнего мгновения. Только что он отступил назад, прячась за искалеченным щитом, но вдруг все переменилось. Внезапный бычий бросок заставил Бронна потерять равновесие. Сир Вардис столкнулся с ним и ударил краем щита в лицо наемника. Бронн едва-едва не упал, он отшатнулся назад, споткнулся о камень и ухватился за плачущую женщину, чтобы удержаться на ногах. Отбросив щит, сир Вардис бросился вперед, обеими руками занеся меч. Правая рука его от локтя до пальцев была покрыта кровью, и отчаянный удар раскроил бы Бронна от шеи до пупа… если бы только наемник оставался на месте.

Но Брони вновь отступил. И прекрасный гравированный серебряный меч Джона Аррена, отскочив от мраморного локтя плачущей женщины, отломился на треть длины от вершины клинка. Брони оперся плечом о спину статуи. Изношенное ветром и непогодой изваяние Алисы Аррен пошатнулось и упало с великим грохотом, придавив собой сира Вардиса Игена.

Бронн мгновенно оказался возле него, отбросив остатки оплечья в сторону, чтобы открыть слабое место между рукой и нагрудной пластиной. Сир Вардис лежал на боку, придавленный разбитым торсом статуи. Кейтилин услыхала стон рыцаря, когда наемник обеими руками вогнал клинок, надавив всем своим весом, между рукой и ребрами… Сир Вардис Иген содрогнулся и затих.

Молчание легло на Орлиное Гнездо. Бронн стянул свой шишак и бросил его на траву. Принявшие удар щита губы его были разбиты и окровавлены, черные как уголь волосы промочил пот. Наемник выплюнул выбитый зуб.

– Все кончилось, мама? – проговорил лорд Орлиного Гнезда. Нет, хотела сказать Кейтилин, все только началось.

– Да, – мрачно ответила Лиза голосом столь же холодным и мертвым, как капитан ее гвардии.

– Значит, я могу выбросить коротышку?

На противоположной стороне сада Тирион Ланнистер поднялся на ноги.

– Какого-нибудь другого коротышку, только не этого, – произнес он в полной тишине. – Этот коротышка намеревается спуститься вниз своим ходом. Спасибо вам большое.

– Вы полагаете… – начала Лиза.

– Я полагаю, что дом Арренов помнит свой девиз, – продолжал Бес. – «Высокий как честь»!

– А ты обещала, что я брошу его полетать, – завопил лорд Орлиного Гнезда, начиная трястись. Лицо леди Лизы раскраснелось от ярости.

– Боги сочли угодным объявить его невиновным, дитя. У нас не остается другого выхода, как освободить карлика.

Она возвысила голос.

– Стража! Возьмите милорда Ланнистера и его наемника и заберите их отсюда, чтобы я больше не видела ни того, ни другого. Отправьте их к Кровавым воротам, выставите на дорогу. Проверьте, чтобы они получили коней и припасы – так, чтобы хватило до Трезубца, и все свои вещи и оружие. На высокогорной дороге без оружия не обойдешься.

– На высокогорной дороге, – повторил Тирион Ланнистер.

Лиза позволила себе чуть улыбнуться. Своего рода смертный приговор, поняла Кейтилин. Тирион Ланнистер должен понимать это. Тем не менее карлик почтил леди Аррен насмешливым поклоном.

– Как вам угодно, миледи, – проговорил он. – Дорога как будто знакомая.

Джон

– Вы столь же безнадежны, как и все мальчишки, с которыми мне приходилось иметь дело, – объявил сир Аллисер Торне, собрав их во дворе. – Ваши руки годятся только для навозных лопат, а не для мечей, и если бы это зависело только от меня, все вы пасли бы свиней. Но прошлой ночью мне передали, что Гуерен ведет по Королевскому тракту пятерых новых ребят. Быть может, за одного или двоих можно будет дать горшок мочи. Чтобы освободить для них место, я решил передать восьмерых из вас на усмотрение лорда-командующего. Он назвал прозвища одно за другим:

– Жаба, Каменная Голова, Зубр, Дубовник, Прыщ, Обезьяна, сир Лунатик. – Напоследок он поглядел на Джона и объявил:

– И Бастард.

Пип с восторженным возгласом подбросил меч в воздух. Сир Аллисер припечатал его к месту взглядом рептилии.

– В Ночном Дозоре вас будут звать мужчинами, но вы будете еще большими дураками, чем ярмарочная мартышка, если поверите в это. Вы так и остались мальчишками, зелеными, пахнущими летом, и когда придет зима, будете дохнуть как мухи! – С этим сир Аллисер Торне и оставил их.

Остальные собрались вокруг названных восьмерых, со смехом, ругательствами и поздравлениями. Халдер хлопнул Жабу по мягкому месту плоской частью меча и воскликнул:

– Жаба из Ночного Дозора!

Крикнув, что Черному Брату положен конь, Пип вспрыгнул на плечи Гренна; они повалились на землю и принялись бороться. Дарион бросился внутрь арсенала и вернулся с бурдюком кислого красного. Ухмыляясь как дураки, они передавали вино из рук в руки, и тут Джон заметил Сэмвела Тарли, стоявшего в одиночестве под голым мертвым деревом в уголке двора. Джон предложил ему бурдюк.

– Глотни вина?

Сэм тряхнул головой:

– Нет, спасибо тебе, Джон.

– С тобой все в порядке?

– Очень даже, – солгал толстый парень. – Я так рад за тебя! – Круглое лицо задрожало, и он выдавил улыбку. – Когда-нибудь ты станешь первым разведчиком, каким был твой дядя.

– Как мой дядя, – поправил Джон. Он никак не мог смириться со

смертью Бенджена Старка. Прежде чем он успел сказать что-то еще, Халдер воскликнул:

– Эй, неужели ты собираешься выпить все в одиночку? – Пип выхватил вино и со смехом ускакал в сторону. Гренн схватил его за руку, Пип чуть нажал бурдюк, и тонкая красная струйка брызнула в лицо Джона. Халдер запротестовал против подобной траты доброго напитка. Джон смахнул с лица капли вина. Тем временем Маткар и Джерин взобрались на Стену и принялись забрасывать всех снежками.

К тому времени, когда он вырвался на свободу со снегом в волосах и пятнами вина на куртке, Сэмвел Тарли уже исчез.

В тот вечер ради праздника Трехпалый Хоб приготовил ребятам особый обед. Когда Джон появился в общем зале, лорд-стюард провел его к скамье возле очага. Старшие хлопали его по руке. Восьмерка будущих братьев пировала сегодня над седлом ягненка, запеченного с чесноком и травами, посыпанного мятой и обложенного плавающей в масле мягкой желтой репкой.

– С собственного стола лорда-командующего, – объяснил Боуэн Марш.

Еще был салат из шпината, цыплячьего гороха и зеленой турнепки и чаша замороженной черники со сладкими сливками.

– Как вы думаете, оставят нас вместе? – принялся гадать Пип, когда они блаженствовали от сытости. Жаба скривился:

– Надеюсь, что нет. Меня уже тошнит от вида твоих ушей.

– Ого, – проговорил Пип. – Послушайте, ворона обзывает ворона черным! Ты, конечно же, будешь разведчиком, Жаба. Тебя выставят из замка подальше – как только возможно, – и когда явится Манс-налетчик, тебе останется просто поднять забрало; увидев твою рожу, одичалые в страхе убегут.

Расхохотались все, кроме Гренна:

– Надеюсь, что я уже стал разведчиком!

– И ты, и все остальные, – сказал Маткар. Всякий, кто носил черное, поднимался на Стену; всякий обязан был взять сталь, обороняя ее, однако разведчики были истинным сердцем Ночного Дозора. Это они осмелились выезжать за Стену, прочесывать Зачарованный лес и ледяные горные высоты к западу от Сумеречной башни, выискивая одичалых, гигантов и чудовищных снежных медведей.

– Не все, – сказал Халдер. – Я хочу в строители. Что будут делать разведчики, если Стена обрушится?

Орден строителей поставлял каменщиков и плотников, занимавшихся починкой крепостей и башен, горняков, копавших тоннели и бивших

камень для дорог и троп, лесничих, срубавших новую поросль там, где лес слишком близко подступал к Стене. Прежде они, как говорили, вырубали огромные ледяные блоки из замерзших озер в недрах Зачарованного леса и волокли их на санках на юг к Стене, чтобы сделать ее выше. Но те дни закончились не один век назад; теперь Черные Братья могли только проехать по Стене от Восточного Дозора до Сумеречной башни, выискивая трещины и проталины и при необходимости ремонтируя их.

– Старый медведь не дурак, – рассудил Дарион. – Ты, конечно, будешь строителем, а Джон разведчиком. Он среди нас лучший фехтовальщик и наездник, а дядя его был первым разведчиком, прежде чем… – Голос его неловко умолк, когда он понял, что собирался сказать.

– Бенджен Старк по-прежнему остается первым разведчиком, – ответил ему Джон Сноу, поигрывая чашей черники. Все прочие пусть отказываются от надежд на возвращение его дяди, но он подождет. Джон отодвинул ягоды, почти не прикоснувшись к ним, и поднялся со скамьи.

– Ты что, не хочешь их есть? – спросил Жаба.

– Они твои. – Джон едва попробовал парадные блюда Хоба. – Ничего в глотку не лезет! – Взяв плащ с крюка возле стены, он направился наружу.

Пип увязался за ним.

– Джон, что случилось?

– Сэм, – признался тот. – Его не было сегодня за столом.

– Да, он не из тех, кто пропускает еду, – сказал Пип задумчиво. – Ты думаешь, он заболел?

– Он испугался, ведь мы оставляем его. – Джон вспомнил день, когда оставил Винтерфелл, горькую сладость прощания, изувеченного Брана в постели, Робба с припорошенными снегом волосами, Арью, получившую в подарок Иглу и осыпавшую его поцелуями. – Когда мы произнесем слова, у каждого из нас появятся обязанности. Кого-то из нас могут отослать в Восточный Дозор, кого-то в Сумеречную башню. Сэм останется учиться в обществе Раста, Куджера и новых ребят, которые едут по Королевскому тракту. Одни лишь боги знают, что они собой представляют, но можно не сомневаться: сир Аллисер выставит их против Сэма при первой же возможности.

Пип скривился.

– Ты сделал все, что мог.

– Все, что мог, но этого мало, – сказал Джон. Глубокое беспокойство охватило его, когда он возвращался в башню Хардина за Призраком. Лютоволк направился вместе с ним в конюшню. Когда они вошли, кони попугливее начали брыкаться в стойлах и закладывать уши. Джон заседлал

свою кобылу, поднялся в седло и выехал из Черного замка на юг – в лунную ночь. Призрак несся впереди него, он словно летел над землей и исчез в мановение ока. Джон отпустил его: волку нужно охотиться.

У него не было никаких особых намерений. Он просто хотел проехаться. Некоторое время Джон следовал вдоль ручья, прислушиваясь к ледяному треньканью воды на камнях, потом взял через поля к Королевскому тракту. Дорога простиралась перед ним – узкая, каменистая, заросшая высокой травой – и ничего, собственно, не сулила, однако вид ее наполнил душу Джона Сноу странным волнением. На другом конце дороги лежал Винтерфелл, а за ним Ривердан, Королевская Гавань, Орлиное Гнездо и другие края: Бобровый утес. Остров Ликов, Красные горы Дорна, сотня островов Браавос посреди моря и курящиеся руины древней Валирии. И ничего этого Джон никогда не увидит. Мир остался на одном конце ночной дороги, а он стоял в другом ее конце.

Как только он принесет присягу, Стена навсегда сделается его домом – пока он не состарится, не сделается таким, как мейстер Эйемон.

– Я еще не присягнул, – пробормотал Джон. Он не был разбойником, обязанным принять черное в качестве расплаты за свои преступления. Он пришел сюда по собственному желанию и пока может по своему же желанию и уехать… Роковые слова еще не произнесены. Достаточно было только поехать вперед, и он мог оставить Стену. Когда луна вновь обретет полноту, он уже окажется в Винтерфелле, около своих братьев.

Около своих сводных братьев, напомнил ему внутренний голос. И рядом с леди Старк, которая вовсе не будет рада ему. Для него нет места в Винтерфелле, как нет места и в Королевской Гавани. Даже собственная мать не нашла для него места в своей жизни. Мысль о ней повергла его в скорбь. Он попытался представить, кем она могла быть, на кого похожа и почему отец оставил ее. Наверное, потому, что она была шлюхой или осквернительницей семейного ложа, дурак! Существом темным и бесчестным, иначе почему лорд Эддард стыдился упоминать ее имя?

Джон Сноу отвернулся от Королевского тракта и поглядел назад. Огни Черного замка скрывала горка, но Стена оставалась на месте – бледная под луной, огромная и холодная, протянувшаяся от горизонта до горизонта.

Он развернул коня и направился домой.

Призрак вернулся, как только Джон поднялся на гребень и заметил свет ламп в башне лорда-командующего. С влажной от крови мордой лютоволк пристроился возле его коня. Возвращаясь назад, Джон вновь подумал о Сэмвеле Тарли. И въезжая в конюшню, уже знал, что надо делать.

Комнаты мейстера Эйемона располагались в крепком деревянном доме

при грачевнике. Достаточно старый и дряхлый мейстер делил свои покои с двумя молодыми слугами, которые помогали ему при исполнении обязанностей. Братья пошучивали, что мейстеру подсунули двух самых больших уродов во всем Ночном Дозоре, поскольку по слепоте он не мог видеть их лиц. Лысый коротышка Клидас был начисто лишен подбородка, маленькие розовые глазки напоминали кротовьи. У Четта на шее выросла шишка величиной с голубиное яйцо, лицо побагровело от свищей и нарывов. Наверное, поэтому он всегда казался сердитым.

На стук открыл Четт.

– Мне нужно переговорить с мейстером Эйемоном, – заявил Джон.

– Мейстер уже в постели, и тебе тоже следует спать. Приходи завтра, быть может, он примет тебя. – Четт начал закрывать дверь.

Джон вставил в щель ногу.

– Мне нужно переговорить с ним немедленно. Утром будет слишком поздно.

Четт нахмурился.

– Мейстер не привык, чтобы его будили посреди ночи. Ты знаешь, какой он старый?

– Он достаточно стар, чтобы обращаться с гостями более любезно, чем ты, – сказал Джон. – Передай ему мои извинения. Я не стал бы прерывать его отдых, если бы дело не было спешным.

– А если я откажусь?

Нога Джона надежно перекрывала дверь.

– Я буду стоять здесь всю ночь, если придется.

Черный Брат с раздраженным бурчанием открыл дверь, впуская его.

– Ступай в библиотеку, там есть дрова. Растопи очаг. Я не хочу, чтобы мейстер простудился из-за тебя!

Когда Четт ввел мейстера Эйемона, Джон уже развел в очаге трескучий огонь. Старик был в ночной одежде, но горло его перехватывала цепь ордена. Мейстер не снимал ее даже на ночь.

– Кресло возле огня – дело приятное, – сказал он, ощущая теплоту на лице. Когда мейстер уселся поудобнее, Четт прикрыл ноги старика мехом и отошел к двери.

– Мне очень жаль, что пришлось разбудить вас, мейстер, – сказал Джон Сноу.

– Ты не разбудил меня, – ответил мейстер Эйемон. – С возрастом я все меньше нуждаюсь во сне, а я достаточно стар. Нередко мои ночи заполняют собой призраки людей, ушедших пятьдесят лет назад, и я встречаю их, как будто мы и не расставались. Таинственный полуночный

гость для меня приятное развлечение. Итак, говори мне, Джон Сноу, почему ты пришел ко мне в столь неподходящий час?

– Попросить, чтобы Сэмвела Тарли освободили от учебы и посвятили в братья Ночного Дозора.

– Это решает не мейстер Эйемон, – выскочил вперед Четт.

– Наш лорд-командующий предоставил право обучать рекрутов сиру Аллисеру Торне, – ответил негромко мейстер. – Только он может сказать, когда парень будет готов к присяге, как ты, конечно, и сам знаешь. Почему же тогда ты обращаешься ко мне?

– Лорд-командующий прислушивается к вашим советам, – улыбнулся ему Джон. – А раненые и больные Ночного Дозора находятся в вашем распоряжении.

– Разве Сэмвел Тарли ранен или болен?

– Будет, – пообещал Джон, – если вы не поможете.

Он рассказал ему все, даже то, как спустил Призрака на Раста. Мейстер Эйемон слушал безмолвно, слепые глаза были обращены к огню, но лицо Четта темнело с каждым словом.

– Мы теперь не сможем помогать ему, и у Сэма не будет даже шанса, – закончил Джон. – С мечом он безнадежен. Моя сестра Арья смогла бы разрубить его на части, а ей еще нет и десяти. Если сир Аллисер заставит его драться, Сэмвел скоро превратится в калеку или погибнет.

Четт не мог более терпеть.

– Я видел этого жирного мальчишку в общем зале, – сказал он. – Это свинья и безнадежный трус, если правда все то, что ты говоришь!

– Быть может, ты и прав, – сказал мейстер Эйемон. – А скажи мне, Четт, как бы ты поступил с таким мальчишкой?

– Предоставил бы его самому себе, – ответил прислужник. – Стена не место для слабых. Пусть учится, пока не будет готов, сколько бы лет на это ни потребовалось. Сир Аллисер или сделает из него мужчину, или убьет – если так захотят боги.

– Это глупо, – сказал Джон. Он глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. – Помню, как однажды я спрашивал у мейстера Лювина, почему он носит цепь вокруг шеи…

Мейстер Эйемон легко прикоснулся к собственной цепи, костлявый морщинистый палец погладил тяжелые металлические кольца.

– Продолжай!

– Лювин сказал мне, что оплечье мейстера делается в виде цепи, чтобы он не забывал о том, что дал присягу служить, – сказал Джон вспоминая. – Потом я спросил, почему все кольца делаются из разных металлов. Ведь

серебряная цепь лучше смотрится с серым одеянием. Мейстер Лювин расхохотался. Мейстер кует свою цепь занятиями, – объяснил он мне. Различные металлы олицетворяют разные науки. Золото – знак знания денег и расчета, серебро – умения исцелять, железо – военного дела. Он сказал, что есть и другие истолкования. Наплечье должно напоминать мейстеру о стране, которой он служит, так ведь? Лорды – это золото, рыцари – сталь, но из двух звеньев цепь не скуешь, нужны серебро и железо, свинец и олово, медь и бронза и все остальные – то есть фермеры, кузнецы, торговцы и прочие люди. В цепи должны быть разные металлы, потому что стране нужны разные люди.

Мейстер Эйемон улыбнулся:

– И что же?

– Ночному Дозору также нужны всякие люди. Зачем существуют разведчики, стюарды и строители? Лорд Рендилл не смог сделать из Сэма воина, и сир Аллисер тоже ничего не добьется. Из олова не выкуешь железный меч, сколько ни стучи молотом, но это не значит, что олово бесполезно. Почему бы Сэму не стать стюардом?

Четт не выдержал и опять влез в разговор:

– Я стюард. Неужели ты думаешь, что это легкое дело, подходящее для толстяков? Орден стюардов поддерживает жизнь Дозора. Мы охотимся, возделываем землю, ухаживаем за конями, доим коров, возим и колем дрова, готовим еду. Как ты думаешь, кто делает одежду? Кто привозит припасы с юга? Стюарды!

Мейстер Эйемон ответил мягче:

– Твой друг охотник?

– Он ненавидит охоту, – пришлось признать Джону.

– Умеет ли он возделывать поле? – спросил мейстер. – Сможет ли он править фургоном или плыть под парусом? Сумеет ли он забить корову?

– Нет.

Четт нахально захихикал:

– Видел я, что случается с изнеженными лорденышами, когда они берутся за дело! Поставь его сбивать масло, так кровавые мозоли набьет. Дай колун, чтобы колоть дрова, так ногу себе отрубит!

– Но я знаю, в чем Сэм не уступит никому другому.

– Говори, – приказал мейстер Эйемон. Джон с опаской глянул на побагровевшего Четта, стоявшего возле двери с сердитым лицом.

– Он может помочь лично вам, – сказал он. – Он умеет считать, читать и писать. Я знаю, что Четт не умеет читать, а у Клидаса слабые глаза. Сэм прочел каждую книгу в библиотеке своего отца. Он ладит с воронами,

животные любят его. Призрак сразу привязался к нему. Он умеет многое, если не считать военного дела. Ночному Дозору нужен каждый человек. Зачем же бесцельно убивать его, когда лучше приставить к делу!

Мейстер Эйемон закрыл глаза. На короткое мгновение Джон было решил, что он уснул. Но наконец старик произнес:

– Мейстер Лювин хорошо выучил тебя, Джон Сноу. Твой ум, похоже, столь же ловок, как твой клинок.

– Значит ли это…

– Это значит, что я обдумаю твои слова, – твердо сказал ему мейстер. – А теперь, похоже, я сумею уснуть. Четт, проводи нашего юного брата до двери!

Тирион

Они укрылись в осиновой роще, неподалеку от высокогорной дороги. Тирион собирал хворост, пока кони пили из горного ручья. Он нагнулся, чтобы подобрать обломанную ветвь, и критически осмотрел ее.

– А эта подойдет? Я не умею разводить огонь. Костром всегда занимался Моррек.

– Костром? – спросил Бронн сплевывая. – Неужели ты настолько проголодался, чтобы хотеть себе смерти, карлик? Или здравый смысл распрощался с твоей головой? Дым костра немедленно привлечет сюда горцев со всей округи. А я, Ланнистер, намереваюсь пережить это путешествие.

– И как ты надеешься сделать это? – спросил Тирион. Подхватив сухую ветвь рукой, он искал другие среди редкого подлеска. Натруженная в пути спина его ныла; выехали они с рассветом, когда сир Лин Корбрей с каменным лицом выставил их за Кровавые ворота и велел никогда не возвращаться в Долину.

– У нас нет и шанса с боем пробиться назад, – сказал Брони. – Но двое проедут дальше, чем десятеро, и привлекут к себе меньше внимания. Чем меньше дней мы проведем в этих горах, тем более вероятно, что мы сумеем добраться до приречья. Скакать придется быстро и усердно. Будем путешествовать ночью, прятаться днем, избегать дороги, где только можно. Еще придется не шуметь и не зажигать костров.

Тирион Ланнистер вздохнул:

– Великолепный план, Брони. Делай как хочешь… однако прости, если я не стану задерживаться, чтобы похоронить тебя.

– Ты решил пережить меня, карлик? – Наемник ухмыльнулся. Улыбка его зияла дырой там, где сир Вардис Иген краем щита выбил ему зуб.

Тирион пожал плечами:

– Если скакать усердно и быстро ночами, можно без особых хлопот свалиться с горы и разбить себе череп. Я лично предпочитаю передвигаться без спешки и ненужных усилий. Я знаю, как тебе нравится конина, Брони, но если наши лошади падут на этот раз, седлать придется уже сумеречных котов. Потом, горцы все равно заметят нас – что бы мы ни делали. Их глаза и сейчас смотрят в нашу сторону. – Тирион указал одетой в перчатку рукой в сторону высоких, продутых ветром утесов.

Брони скривился:

– Раз так, мы уже мертвецы, Ланнистер.

– И в таком случае я предпочитаю хотя бы умереть в уюте, – ответил Тирион. – Нам нужен костер. Ночи здесь холодны, и горячая пища согреет наши животы и поднимет дух. Как, по-твоему, может здесь найтись какая-нибудь дичь? Леди Лиза по доброте своей в изобилии снабдила нас соленой говядиной, твердым сыром и черствым хлебом, однако мне не хотелось бы сломать себе зуб в такой дали от ближайшего мейстера.

– Я найду мясо. – Темные глаза Бронна с подозрением глянули на Тириона из-под водопада черных волос. – Я могу бросить тебя здесь, у этого дурацкого костра. И забрать твоего коня, чтобы у меня был запасной. Что ты будешь делать тогда, карлик?

– Умру скорее всего. – Тирион нагнулся, чтобы подобрать еще одну палку.

– И ты не считаешь, что так я и поступлю?

– Ты бы сделал это прямо сейчас, если бы знал, что таким образом сохранишь себе жизнь. Вспомни, как ты поторопился избавить от жизни своего друга Чигтена, когда тот получил стрелу в живот. – Запрокинув голову Чигтена назад, Бронн вогнал ему острие кинжала прямо под ухо, а потом объяснил Кейтилин Старк, что спутник его умер от раны.

– Он был уже все равно что мертв, – отвечал Брони. – А стоны его могли бы навести на нас горцев. Чигтен сделал бы то же самое со мной… И он не был мне другом, просто нам случилось ехать рядом в одну сторону. Не ошибись, карлик. Я бился за тебя, но не испытываю к тебе любви.

– Мне нужен был твой клинок, – ответил Тирион, бросая хворост на землю, – а не любовь.

Бронн ухмыльнулся:

– Ты отважен, как наш брат наемник, даю слово. А как ты узнал, что я стану на твою сторону?

– Узнал? – Тирион неловко опустился на коротких ногах, чтобы развести костер. – Я бросил кости. Там, в гостинице, вы с Чигтеном помогли захватить меня. Почему? Остальные считали, что обязаны совершить подобный поступок, этого требовала честь лордов, которым они служили, но что заставило вас присоединиться к ним? Ведь у вас не было лорда и обязанностей, вы не должны были угождать какой-то там чести. Зачем же связываться?

Достав нож, Тирион принялся сострогивать тонкие полоски коры с одной из ветвей, чтобы использовать в качестве растопки.

– Зачем вообще наемники что-нибудь делают? Ради Золота. Вы думали, что леди Кейтилин наградит вас за помощь, быть может, даже возьмет на

службу. Этого хватит, надеюсь. У тебя есть кремень?

Бронн запустил два пальца в кисет на поясе и достал кремень. Тирион поймал его в воздухе.

– Благодарю, – сказал он. – Дело в том, что ты не был знаком со Старками. Лорд Эддард – человек гордый, достопочтенный и честный, а его леди-жена еще хуже. О, вне сомнения, она в конце концов отыскала бы для тебя монету-другую и вложила бы ее тебе в руку – вместе с вежливым словом и презрительным взглядом, но вы надеялись не на это. Старки желают видеть отвагу, верность и честь в тех людях, которых берут на службу. Ну а вы с Чиггеном, откровенно говоря, низменные подонки. – Тирион ударил кремнем о кинжал, пытаясь высечь огонь, но безуспешно.

Брони фыркнул:

– У тебя смелый язык, человечек. Однажды кто-нибудь захочет отрезать его и затолкать тебе в глотку.

– Это мне все пророчат. – Тирион поглядел на наемника. – Разве я обидел тебя? Прошу прощения… Но ты же подонок, Брони, ошибки быть не может. Долг, честь, дружба… Что говорят тебе эти слова? Только не затрудняй себя, мы оба знаем ответ. И тем не менее ты не глуп. Когда мы добрались до Долины, леди Старк более не нуждалась в тебе… в отличие от меня… А Ланнистеры никогда не испытывали недостатка в золоте. Когда настал момент бросать кости, я рассчитывал на то, что у тебя хватит ума, чтобы понять, где лежит твоя выгода. К моему счастью, ты это понял. – Он вновь ударил камнем о сталь и снова без результата.

– Дай-ка, – сказал Бронн, присаживаясь на корточки. – Я сделаю. – Он забрал кремень из рук Тириона и высек искру с первого удара. Кусок коры задымился.

– Отличная работа, – сказал Тирион. – Пусть ты и негодяй, однако человек необычайно полезный, а с мечом в руке почти не уступаешь моему брату Джейме. Чего ты хочешь, Брони? Золота? Земли? Женщин? Сохрани мою жизнь и ты получишь все это.

Брони осторожно раздувал огонек, язычки пламени сразу вспрыгнули повыше.

– А если ты погибнешь?

– Ну, тогда меня хотя бы один человек оплачет от всего сердца, – ухмыльнулся Тирион. – Золото-то кончится вместе со мной!

Костер запылал. Брони поднялся, опуская кремень в кисет, и бросил Тириону кинжал.

– Честная сделка, – сказал он. – Мой меч принадлежит тебе… Только не рассчитывай, что я буду преклонять колено и называть тебя милордом

всякий раз, когда ты присаживаешься посрать. Я не умею быть чьим-либо прихвостнем.

– И другое тоже, – отвечал Тирион. – Я ничуть не сомневаюсь, что ты предашь и меня, словно леди Старк, если усмотришь свою выгоду. Но если настанет день, когда ты почувствуешь желание продать меня, запомни, Брони: я могу дать столько же, сколько тебе предложат, даже больше. Мне нравится жить. А теперь, как ты думаешь, нельзя ли нам сообразить насчет ужина?

– Позаботься о лошадях, – сказал Брони, извлекая длинный кинжал, который носил на бедре. И направился в лес.

Через час кони были вычищены и накормлены, огонь весело потрескивал, и нога молодого козленка висела над костром, капая на уголья шипящим жиром.

– Нам не хватает теперь только хорошего вина, чтобы залить нашего козленка, – проговорил Тирион.

– А к вину бабы и дюжины спутников, – согласился Брони.

Он сидел, скрестив ноги, возле костра, шлифуя край своего длинного меча точильным камнем. Шелестящий звук вселял в душу Тириона странную уверенность.

– Скоро совсем стемнеет, – сказал наемник. – Я подежурю первую стражу… не знаю только, к добру это или нет. Может, будет лучше, если нас прирежут во сне.

– Что ты! По-моему, они окажутся здесь задолго до того, как дойдет до сна. – Запах жареного мяса наполнил рот Тириона слюной.

Бронн посмотрел на него через костер.

– У тебя есть план, – сказал он ровным голосом, сквозь скрип камня по стали.

– Назовем его надеждой, – сказал Тирион. – И еще раз бросим кости.

– Поставив свои жизни в качестве заклада?

Тирион пожал плечами:

– А что еще у нас осталось?

Склонившись над очагом, он отрезал себе тоненький ломтик мяса.

– Ах, – вздохнул он, блаженно жуя. Жир побежал по его подбородку. – Мясо, пожалуй, жестковато, не помешали бы и какие-нибудь приправы, однако мне жаловаться не пристало: если бы мы остались в Орлином Гнезде, я бы плясал на краю обрыва, пытаясь выслужить вареный боб.

– И все же ты дал тюремщику кошелек с золотом, – проговорил Бронн.

– Ланнистеры всегда платят свои долги…

Морд едва поверил своим глазам, когда Тирион бросил ему кожаную

мошну. Глаза тюремщика округлились, как вареные яйца, когда, потянув за веревочку, он увидел внутри блеск золота.

– Я приберег его для себя, – сказал Тирион с кривой улыбкой, – но тебе было обещано золото, вот оно.

Денег было много больше, чем человек, подобный Морду, мог бы заработать, тираня узников целую жизнь.

– Помни мои слова, я дал тебе только попробовать! Если тебе когда-нибудь надоест служить леди Аррен, приезжай на Бобровый утес, и я выплачу тебе остаток долга.

Рассыпая золотые драконы, Морд упал на колени и пообещал, что поступит именно так.

Брони извлек свой кинжал и снял мясо с очага. Он принялся срезать с кости толстые обугленные ломти, а тем временем Тирион смастерил из двух горбушек черствого хлеба нечто вроде тарелок.

– А что ты сделаешь, если мы доберемся до реки? – спросил наемник, не отрываясь от дела.

– О, начну со шлюхи, перины и бутылки вина. – Тирион протянул свою миску, и Брони наполнил ее мясом. – А потом отправлюсь на Бобровый утес или в Королевскую Гавань. У меня есть некоторые настоятельные вопросы в отношении некоего кинжала, на которые я бы хотел услышать ответ…

Наемник пожевал и глотнул.

– Значит, ты утверждаешь, что прав и нож не был твоим?

Тирион тонко улыбнулся.

– Разве я похож на лжеца?

К тому времени, когда животы их наполнились, на небе высыпали звезды и полумесяц уже поднялся над горами. Тирион расстелил на земле шкуру сумеречного кота и растянулся, подложив под голову седло.

– Наши друзья не спешат.

– На их месте я бы опасался засады, – сказал Брони. – Зачем нам вести себя столь открыто, как не заманивать их в ловушку?

Тирион кивнул:

– Тогда можно и спеть, может, в ужасе разбегутся! – Он начал насвистывать.

– Ты обезумел, карлик, – сказал Бронн, вычищая жир кинжалом из-под ногтей.

– Где твоя любовь к музыке, Бронн?

– Если тебе нужна музыка, заставил бы певца защищать тебя.

Тирион ухмыльнулся:

– Вот бы был видок! Хорошо бы посмотреть, как он отмахивался своей арфой от сира Вардиса!

Тирион вновь засвистел.

– Знаешь эту песню?

– То и дело слышу в кабаках и борделях.

– Мирийская. «Время моей любви». Сладкая и печальная, если понимаешь слова. Ее все пела девушка, с которой я в первый раз в своей жизни лег в постель, и я так и не смог забыть мелодию. – Тирион поглядел на небо. В чистой ночной прохладе над горами горели звезды, ясные и не знающие жалости, словно сама правда.

– Я познакомился с ней похожей ночью, – неожиданно для себя начал рассказывать Тирион. – Мы с Джейме возвращались из Ланниспорта, когда услышали крик: она выбежала на дорогу, а двое мужчин преследовали ее по пятам и выкрикивали угрозы. Мой брат извлек меч и отправился следом за ними. А я остался защищать девицу. Она оказалась молоденькой, не больше чем на год старше меня, темноволосой, тонкой, с личиком, от которого растаяло бы и твое сердце, что уж говорить обо мне. Из простонародья, полуголодная, немытая… но очаровательная. Мужчины эти успели сорвать с нее почти все лохмотья, и пока Джейме гонял их по лесу, я накинул на нее плащ. Когда брат вернулся назад, я уже узнал ее имя и историю. Дочь мелкого землевладельца, она осиротела, когда отец умер от лихорадки по дороге в… да, в общем, в никуда.

Джейме лез из шкуры, чтобы догнать этих мужчин. Разбойники нечасто осмеливаются нападать на путников возле Бобрового утеса, и он усмотрел в этом оскорбление. Девушка пережила слишком большой испуг и боялась идти одна, поэтому я предложил отвезти ее на ближайший постоялый двор, накормить и напоить. Брат тем временем отправился на Бобровый утес за помощью.

Она оказалась настолько голодной, что я даже не поверил своим глазам. Мы съели двух цыплят, начали третьего и выпили за разговором целую бутылку вина. Мне было тогда только тринадцать, и, увы, вино ударило мне в голову. Дальше я помню только, как разделял с ней ложе. Не знаю, кто был застенчивей, я или она. Не знаю, где я отыскал тогда отвагу. Когда я лишил ее девственности, она заплакала, а потом поцеловала меня и спела эту песенку. И к утру я уже влюбился.

– Ты? – В голосе Бронна звучало удивление.

– Невероятно, правда ли? – Тирион снова начал насвистывать. – Более того, я женился на ней, – наконец признался он.

– Ланнистер с Бобрового утеса взял в жены дочь мелкого

землевладельца? – спросил Брони. – И как тебе это удалось?

– О, ты даже не знаешь, что может соорудить мальчишка с помощью лжи, пятидесяти сребреников и пьяного септона. Я не смел привести свою невесту домой на Бобровый утес и поэтому устроил ее в собственном домике, и две недели мы с ней играли в мужа и жену. Потом септон протрезвел и признался во всем моему лорду-отцу.

Тирион удивился той грусти, которую он все еще ощущал даже по прошествии стольких лет. Наверное, он очень устал.

– Тут и пришел конец моему браку. – Тирион сел и, моргая, уставился в огонь умирающего костра.

– Он прогнал девчонку?

– Отец поступил лучше, – отвечал Тирион. – Сперва он заставил моего брата сказать мне правду: видишь ли, девица была шлюхой. Джейме подстроил все приключение, дорогу, нападение разбойников и все прочее. Он решил, что мне пора познать женщину. Он заплатил девушке двойную плату, зная, что она будет у меня первой.

– Потом, когда Джейме признался, лорд Тайвин, чтобы закрепить урок, приказал привести мою жену и отдал ее гвардейцам. Они расплатились с ней достаточно честно: по серебряку с человека, – много ли шлюх может потребовать такую плату? А меня заставил сесть в уголке казармы и смотреть; наконец она набрала столько серебряков, что монеты уже сыпались сквозь пальцы и катились по полу… – Дым ел глаза, и, откашлявшись, Тирион отвернулся от огня. – Лорд Тайвин заставил меня пойти последним, – сказал он спокойным голосом. – И дал мне золотую монету, потому что, как Ланнистер, я стоил большего.

Некоторое время спустя он вновь услышал привычный шелест стали о камень: Бронн снова взялся за меч.

– В тринадцать, или в тридцать, даже в три года я бы убил того человека, который обошелся бы со мной подобным образом.

Тирион повернулся к нему лицом.

– Однажды тебе, быть может, представится такая возможность. Запомни, что я сказал тебе: Ланнистеры всегда платят долги! Я попытаюсь уснуть. Разбуди меня, если смерть придет к нам. – Тирион зевнул.

Он завернулся в шкуру и закрыл глаза. Каменистая почва была неудобным и холодным ложем, однако спустя некоторое время карлик уснул. Ему снилась небесная камера, только на этот раз тюремщиком был он сам и, встав во весь внушительный, как это иногда бывало у него во сне, рост, ремнем бил отца, подталкивая его к пропасти…

– Тирион. – Зов Бронна прозвучал негромко и настоятельно.

Тирион вскочил в мгновение ока. Костер уже прогорел до углей, и отовсюду на них наползали тени. Бронн припал на колено с мечом в одной руке и кинжалом в другой. Тирион тихо проговорил:

– Подходите к очагу, ночь холодна. Увы, у нас нет вина, чтобы предложить вам, но мы будем рады поделиться козлятиной.

Движения прекратились. Тирион заметил, как блеснул лунный свет на металле.

– Наши горы, – отозвался голос из деревьев, гулкий, жесткий и недружелюбный. – Наша коза.

– Ваша коза, – согласился Тирион. – Кто вы?

– Когда вы встретитесь со своими богами, – проговорил другой голос, – скажите им, что это Гунтер, сын Гурна, из рода Каменных Ворон отослал вас к ним. – Треснула ветка, и на свет выскочил худой мужчина в рогатом шлеме, вооруженный длинным ножом.

– И Шагга, сын Дольфа, – послышался первый голос, глубокий и полный смертельной угрозы. Слева шевельнулся валун, встал и превратился в человека. Могучим, неторопливым и крепким казался он во всех своих шкурах, с дубиной в правой руке и топором в левой. Грохнув ими друг о друга, он шагнул вперед.

Остальные голоса выкрикивали свои имена: Конн, Тор-рек, и Джаггот… Тирион забывал их, едва услышав; нападавших было по крайней мере десятеро. Некоторые держали мечи и ножи, другие были вооружены вилами, косами, деревянными копьями. Дождавшись, когда все назовутся, Тирион дал ответ:

– А я Тирион, сын Тайвина, из клана Ланнистеров с Бобрового утеса. Мы охотно заплатим вам за козла, которого съели.

– Что ты отдашь нам, Тирион, сын Тайвина? – спросил человек, назвавшийся Гунтером. Он казался их вожаком.

– В моем кошельке найдется серебро, – ответил Тирион. – Эта кольчуга велика мне, но она будет впору Конну, и мой боевой топор более подобает для могучей длани Шагги, чем тот топор дровосека, который он сейчас держит.

– Полумуж хочет заплатить нам нашей собственной монетой, – сказал Конн.

– Конн говорит правду, – сказал Гунтер. – Твое серебро принадлежит нам, твои кони тоже. Твоя кольчуга, твой боевой топор и нож на твоем поясе тоже наши. У вас нет ничего, кроме жизней. Как ты хочешь умереть, Тирион, сын Тайвина?

– Лежа в постели, напившись вина, ощущая на моей шишке рот

девушки, и в возрасте восьмидесяти лет, – отвечал он.

Громадный Шагга расхохотался первым и громче всех. Остальным было не так весело.

– Конн, бери их коней, – приказал Гунтер. – Убей второго и забери коротышку. Пусть доит коз и смешит матерей.

Брони вскочил на ноги:

– Кто хочет умереть первым?

– Нет! – резко сказал Тирион. – Гунтер, сын Гурна, выслушай меня. Мой дом богат и могуществен. И если Каменные Вороны проводят нас через горы, мой лорд-отец осыплет вас золотом.

– Золото лорда с Низких земель ничего не стоит, как и обещания коротышки, – отвечал Гунтер.

– Быть может, я и не дорос до мужчины, – сказал Тирион, – однако у меня хватает отваги встречаться лицом к лицу с моими врагами. А что делают Каменные Вороны, когда рыцари выезжают из Долины? Прячутся за скалами и дрожат от страха!

Шагга гневно взревел и ударил дубиной о топор. Джаггот ткнул едва ли не в лицо Тириона обожженным в костре концом деревянного копья. Ланнистер постарался не вздрогнуть.

– Неужели вы не в состоянии украсть оружие получше? – спросил он. – Этим можно разве что бить овец… и то, если овца не будет сопротивляться. Кузнецы моего отца умеют делать самую лучшую сталь.

– Вот что, маленький человечишка, – взревел Шагга. – Можешь вволю смеяться над моим топором, когда я отрублю тебе мужские признаки и скормлю их козлу.

Но Гунтер поднял руку:

– А я выслушаю его слова. Матери голодают, а сталь может насытить больше ртов, чем золото. Что ты отдашь нам за ваши жизни, Тирион, сын Тайвина! Мечи? Пики? Кольчуги?

– Все это и даже больше, Гунтер, сын Гурна, – отвечал Тирион Ланнистер с улыбкой. – Я отдам вам Долину Аррен.

Эддард

Лучи рассвета лились сквозь узкие высокие окна колоссального тронного зала Красного замка, подчеркивая темно-бордовые полосы на стенах, оставшиеся там, где прежде висели головы драконов. Теперь камень прикрывали гобелены со сценами охоты, яркие в своей зелени, синеве и охре. Тем не менее Неду Старку казалось, что в зале властвует единственный цвет алой крови.

Он сидел на высоком и огромном древнем престоле Эйегона-завоевателя, чудовищном и причудливом сооружении из железных шипов и зубастых ребер невероятно скомканного металла. Седалище – как говорил Роберт – адски неудобное, и тем более теперь, когда боль в его раздробленной ноге пульсировала все сильнее с каждой новой минутой. Металл под ним с каждым часом становился все тверже, а зубастая сталь за спиной мешала откинуться назад. Король не должен чувствовать себя легко на престоле, утверждал Эйегон-завоеватель, повелев своим мастерам выковать трон из мечей, сложенных его врагами. Боги, прокляните Эйегона за его надменность, угрюмо думал Нед, а заодно и Роберта с его охотой!

– Вы совершенно уверены, что это не просто разбойники? – негромко спросил Варис из-за стола совета, поставленного у подножия трона. Великий мейстер Пицель неловко шевельнулся возле него, Мизинец тем временем играл с пером. Остальные советники отсутствовали. В лесу заметили белого оленя, и лорд Ренли с сиром Барристаном присоединились к ставке, составив компанию вместе с принцем Джоффри, Сандором Клиганом, Белоном Свонном и половиной двора. Поэтому и пришлось ему, Неду, замещать короля на Железном троне.

Впрочем, он мог хотя бы сидеть. Присутствующие же, за исключением членов совета, обязаны были стоять – склонившись на коленях. Просители, собравшиеся возле высоких дверей, рыцари, высокие лорды, дамы у гобеленов, мелкий люд в галерее, стражи в кольчугах, золотых или серых плащах, – все стояли.

Деревенские были на коленях; мужчины, женщины и дети, окровавленные и потрепанные, на лицах написан страх. Их охраняли трое рыцарей, которые доставили селян в качестве свидетелей.

– Разбойники, лорд Варис? – Голос сира Реймена Дарри сочился презрением. – Конечно, это были разбойники, вне всяких сомнений – ланнистерские разбойники.

Нед ощущал напряженность в зале, высокие лорды и слуги замерли с равным вниманием. Чему удивляться? Запад готов взорваться как порох, после того как Кейтилин схватила Тириона Ланнистера. Ривeрран и Бобровый утес созвали знамена, войска собрались в проходе под Золотым Зубом. Кровь потечет – дело только во времени. Обсуждать можно было одно: как лучше прижечь рану.

Сир Карил Вене, вполне способный сойти за красавца, если бы не багровое, цвета вина, родимое пятно, пометившее его лицо, скорбно поглядел в сторону склонившихся селян.

– Это все, что осталось от острога Шеррир, лорд Эддард. Остальные погибли вместе с жителями Вендского городка и Кукольникова брода.

– Встаньте, – приказал Нед селянам. Он никогда не доверял словам, произнесенным с колен. – Все встаньте.

Обитатели острога по одному, по двое начали подниматься на ноги. Одной древней старухе пришлось помочь, а молодая девушка в окровавленной одежде все стояла на коленях, глядя невидящими глазами на сира Ариса Скхарта, застывшего у подножия трона в белой броне гвардейца, готового защитить и оборонить короля. И королевскую десницу, усмехнувшись, подумал Нед.

– Джосс, – сир Реймен Дарри обратился к пухлому лысеющему человеку в фартуке пивовара, – расскажите деснице, что произошло в Шеррире.

Джосс кивнул:

– Если это угодно светлейшему…

– Светлейший государь охотится за Черноводной, – сказал Нед, удивляясь тому, что человек может провести всю свою жизнь в нескольких днях езды от Красного замка и не иметь представления о внешности короля. Нед был облачен в белый полотняный дублет с вышитым на груди лютоволком Старков. Черный шерстяной плащ скрепляла на горле серебряная застежка в форме руки. Черный, белый и серый – все краски истины. – Я лорд Эддард Старк, десница короля. Скажи мне, кто ты такой и что тебе известно об этих налетчиках.

– Я содержу… содержал… милорд, я содержал в Шеррире пивную возле Каменного моста. Лучшее пиво к югу от Перешейка, все говорили так, прошу прощения, милорд. Но теперь мое заведение погибло вместе со всем остальным, милорд. Они явились и сперва выпили все, что могли, а потом вылили остальное и подожгли мою пивную! И пролили бы мою кровь, если бы сумели поймать меня, милорд.

– Нас сожгли, – проговорил фермер, стоявший возле пивовара. – Они

приехали ночью с юга, запалили поля и дома, убили тех, кто попытался остановить их. Это были не налетчики, милорд. Они не стали красть наше добро, мою молочную корову просто убили и оставили на съедение мухам и воронам.

– А моего ученика зарубили, – продолжил приземистый мужчина с мышцами кузнеца и перевязанной головой. Он явился ко двору в самом лучшем кафтане, но штаны его были залатаны, а дорога оставила на плаще пыль и пятна. – Гоняли его по полям, сидя на лошадях, и с хохотом тыкали в него копьями, словно в дичь. Мальчишка спотыкался и кричал, наконец рослый проткнул его пикой насквозь!

Девушка, оставшаяся на коленях, подняла голову к Неду, сидевшему над ней на высоком престоле:

– Они убили и мою мать, светлейший. Еще они… они… – Голос угас, словно бы она забыла приготовленные слова, девушка зарыдала.

Сир Реймен Дарри возобновил повествование:

– В Вендском городке жители укрылись в остроге за деревянными стенами. Налетчики обложили соломой дерево и сожгли всех живьем. Когда люди открыли ворота, чтобы бежать от огня, их перестреляли из луков, всех – даже женщин с грудными младенцами.

– Как ужасно, – пробормотал Варис. – На какие жестокости способны люди!

– То же самое сделали бы и с нами, но крепость Шеррира сложена из камня, – объяснил Джосс. – Они хотели нас выкурить, но рослый сказал, что вверх по течению есть более сочный плод, и они отправились к Кукольникову броду.

Склоняясь вперед, Нед ощутил холодное прикосновение стали к своим пальцам. Между ними торчали клинки; кривые острия мечей словно когти выступали из подлокотников престола. Миновало уже три столетия, однако о некоторые еще можно было обрезаться. Железный трон был полон ловушек для неосторожного. Песни утверждали, что на него пошла тысяча мечей, раскаленных добела яростным дыханием Балериона, Черного и Ужасного. Пятьдесят девять дней из острых лезвий, шипов и полос металла ковали седалище, способное убить человека и – если можно было верить легендам – пользовавшееся этой возможностью.

Эддард Старк не мог понять, что делает в этом зале, но все же сидел надо всеми, и люди ожидали от него справедливости.

– Какие есть доказательства тому, что все это совершили Ланнистеры? – спросил он, пытаясь удержать гнев под контролем. – Эти люди приехали в алых плащах или под львиным стягом?

– Даже Ланнистеры не способны на такую слепую тупость, – отрезал сир Марк Пайпер, пылкий молодой петушок, слишком уж молодой и слишком горячий, на взгляд Неда, однако преданный друг брата Кейтилин Эдмара Талли.

– Все налетчики были на конях и в броне, милорд, – отвечал невозмутимый сир Карил. – Со стальными пиками, длинными мечами и боевыми топорами для бойни. – Он показал в сторону одного из потрепанных беженцев. – Ты! Да, ты… никто не намеревается бить тебя. Расскажи деснице, что ты говорил мне.

Старик качнул головой.

– Я об их лошадях, – начал он, – это были боевые кони. Я много лет работал на конюшне у старого сира Виллема и знаю разницу. Этих животных никогда не впрягали в соху, и пусть боги будут свидетелями моих слов.

– Итак, разбойники приехали на хороших конях – заметил Мизинец. – Что, если они украли коней в каком-нибудь из разоренных селений?

– А сколько людей было в этом отряде? – спросил Нед.

– По крайней мере сотня, – ответил Джосс, одновременно с ним перевязанный кузнец произнес «пятьдесят», к ним присоединилась стоявшая позади бабушка:

– Сотни, милорд, целая армия.

– Ты более чем права, добрая женщина, – сказал ей лорд Эддард. – Значит, вы говорите, что они не подняли знамен. Ну а что вы скажете об их панцирях? Вы заметили какие-нибудь украшения, девизы на щитах или шлемах?

Пивовар Джосс покачал головой:

– Увы, милорд, но мы видели лишь простую броню, разве что… разве что предводитель их, он был одет, как все остальные, но… все дело в его росте, милорд. Люди, которые говорят, что гиганты мертвы, никогда не видели этого человека. Клянусь, он ростом с быка, а от голоса камни лопаются!

– Гора! – громко проговорил сир Марк. – В этом не может быть сомнения. Итак, дело рук Григора Клигана…

Под окнами и в дальнем конце зала забормотали, даже на галерее послышались нервные шепотки. И знатному лорду, и простолюдину было точно известно, что означала бы правота сира Марка. Сир Григор Клиган являлся одним из знаменосцев лорда Тайвина Ланнистера.

Нед внимательно посмотрел на испуганные лица селян. Нечего удивляться, что они держались с такой опаской. Они ведь полагали, что их

доставили сюда для того, чтобы назвать лорда Тайвина мясником и убийцей перед королем, его собственным зятем. Едва ли рыцари спрашивали их согласия. Великий мейстер Пицель внушительно поднялся над столом совета, позвякивая цепочкой.

– Сир Марк, при всем уважении к вам вынужден заметить: вы не можете утверждать, что этот разбойник являлся именно сиром Григором. Рослых людей в королевстве много.

– Это таких, как Скачущая Гора? – спросил сир Карил. – Я никогда не встречал подобных ему.

– Как и все здесь! – с жаром воскликнул сир Реймен. – Даже собственный брат рядом с ним щенок. Милорды, откройте ваши глаза. Разве вы не узнаете его руку по количеству трупов? Это Григор.

– Зачем же сиру Григору разбойничать? – спросил Пицель. – По милости своего сюзерена он держит крепкий замок, владеет собственными землями. Он прошел посвящение в рыцари.

– Он ложный рыцарь, – произнес сир Марк. – Безумный пес лорда Тайвина!

– Милорд десница, – объявил Пицель жестким голосом, – я требую, чтобы вы напомнили этому доброму рыцарю, что лорд Тайвин Ланнистер является отцом нашей милостивой королевы.

– Благодарю вас, великий мейстер Пицель, – произнес Нед. – Боюсь, что мы могли бы забыть об этом, если бы не ваше напоминание!

С высоты трона он видел людей, выскальзывающих из дверей в дальнем конце зала. Зайцы разбегаются по кустам, решил он… а может быть, и крысы спешат к сыру королевы. Заметив на галерее септу Мордейн и возле нее Сансу, он ощутил вспышку гнева: это не место для девушки. Но септа не могла заранее знать, что сегодняшний суд являет собой событие чрезвычайное, отличающееся от нудного потока прошений, споров между повздорившими соседями и разногласий относительно положения пограничных камней.

Внизу за столом совета Петир Бейлиш потерял интерес к своему перу и наклонился вперед:

– Сир Марк, сир Карил, сир Реймен… нельзя ли задать вам вопрос? Эти крепости находились под вашей защитой. Где вы находились, когда началось смертоубийство и пожары?

Сир Карил Вене поклонился:

– Я служил моему лорду-отцу в ущелье под Золотым Зубом, совместно с сиром Марком. Когда известие о погроме достигло сира Эдмара Талли, он приказал нам взять небольшой отряд, найти уцелевших и доставить их к

королю.

Вперед выступил сир Реймен Дарри:

– Сир Эдмар призвал меня в Ривердан со всей моей силой. Дожидаясь его приказа, я стоял за рекой, напротив стен замка, когда слово достигло меня. И когда я смог вернуться в свои собственные земли, Клиган и его мерзавцы уже переправились за Красный Зубец и ушли в холмы Ланнистера.

Мизинец задумчиво погладил остроконечную бородку.

– Ну а если они вернутся снова, сир?

– Если они придут снова, мы зальем их кровью сожженные ими поля, – с жаром ответил сир Марк Пайпер.

– Сир Эдмар выслал людей в каждый поселок или острог, что лежат в дне езды от рубежа, – объявил сир Карил. – Следующему налетчику придется труднее.

Именно этого и добивается лорд Тайвин, подумал про себя Нед. Ланнистер стремится по капле выпустить силу из Риверрана, заставить мальчишку расточить свои мечи. Брат его жены молод, не столь умен, как отважен. Он попытается удержать свою землю до последнего дюйма, защитить всякого – мужчину, женщину и ребенка, – кто зовет его лордом, а Тайвин Ланнистер достаточно проницателен, чтобы понимать это.

– Если ваши поля и крепости находятся в безопасности, – проговорил лорд Петир, – что же вы просите у трона?

– Лорды Трезубца поддерживают королевский мир, – произнес сир Реймен Дарри. – Ланнистеры нарушили его. Мы просим разрешения расплатиться с ними сталью за сталь. Мы требуем правосудия для простых людей Шеррира, Вендского городка и Кукольникова брода.

– Эдмар согласен с тем, что мы должны отплатить Григору Клигану его кровавой монетой, – объявил сир Марк. – Но старый лорд Хостер приказал нам явиться сюда и потребовать королевского разрешения на ответный удар.

Слава богам за совет старого лорда Хостера. Тайвин Ланнистер соединял в себе лиса и льва. Если он действительно послал сира Григора грабить и жечь, – а Нед в этом не сомневался, – то позаботился и о том, чтобы тот совершил свои злодеяния под покровом ночи и без знамен, как обычный разбойник. И если Ривердан ответит ударом, Серсея и ее отец будут настаивать на том, что королевский мир нарушили Талли, а не Ланнистеры. Только боги знают, кому тогда поверит Роберт.

Великий мейстер Пицель вновь поднялся на ноги.

– Милорд десница, если эти добрые люди полагают, что сир Григор

нарушил свои священные обеты ради грабежа и насилия, пусть они тогда отправятся к его сюзерену и принесут свои жалобы. Преступления эти не касаются престола. Пусть они обратятся к правосудию лорда Тайвина.

– В этой стране творится королевское правосудие, – ответил Нед, – на севере, юге, востоке и западе все, что мы делаем, совершается именем Роберта.

– Правосудием короля, – добавил великий мейстер Пицель. – Именно так, и поэтому мы должны оставить этот вопрос до возвращения светлейшего государя.

– Король охотится за рекой и скорее всего не вернется еще несколько дней, – проговорил лорд Эддард. – Роберт обязал меня занимать его место, слушать его ушами, отвечать его голосом. Так я и поступлю… Однако я согласен, королю следует сообщить об этом. – Нед заметил знакомое лицо возле гобеленов. – Сир Робар!

Сир Робар Ройс шагнул вперед и поклонился.

– Милорд!

– Ваш отец охотится с королем, – сказал Нед. – Можете ли вы доставить ему весть о том, что было сегодня сказано и сделано здесь?

– Немедленно, милорд.

– Значит ли это, что мы получили разрешение отомстить сиру Григору? – спросил Марк Пайпер, обращаясь к трону.

– Отомстить? – переспросил Нед. – Помнится, мы разговаривали о правосудии. Если вы сожжете поля Клигана и убьете его людей, королевский мир не восстановится, вы только принесете исцеление своей раненой гордости.

Он отвернулся, прежде чем молодой рыцарь успел произнести гневный протест, и обратился к селянам:

– Люди Шеррира, я не могу вернуть вам дома и урожай, как не могу и вернуть жизнь вашим убитым. Но тем не менее именем короля Роберта я вправе явить вам толику правосудия.

Все глаза в тронном зале смотрели на него, ожидая. Оторвав себя от трона напряжением рук, Нед медленно поднялся на ноги, раздробленная кость в лубке стонала от боли. Он постарался преодолеть боль; не время обнаруживать слабость.

– Первые Люди считали, что судья, назначивший смертный приговор, сам должен и исполнять его своим мечом. И на севере мы до сих пор придерживаемся этого правила. Не люблю заставлять других делать мое собственное дело… однако, похоже, у меня нет выхода. – Он указал на свою разбитую ногу.

– Лорд Эддард! – Голос донесся с западной стороны Зала, вперед отважно шагнул совсем юный и стройный мальчишка. Без доспехов сир Лорас Тирелл казался даже моложе своих шестнадцати лет. Бледно-голубой шелк его одеяния перепоясывала цепь из золотых роз, знак его дома. – Окажите мне честь, разрешите заменить вас. Поручите мне это дело, милорд, и клянусь, я вас не подведу!

Мизинец хихикнул:

– Сир Лорас, если мы пошлем лишь вас одного, сир Григор пришлет назад только вашу голову, вставив сливу в ваш милый рот. Гора не из тех, кто склонит свою шею перед чьим-либо правосудием.

– Я не боюсь Григора Клигана, – надменно бросил сир Лорас.

Нед медленно опустился на жесткое железное сиденье уродливого трона Эйегона. Глаза его обежали лица, расположившиеся у стены.

– Лорд Берне, – позвал он. – Торос из Мира, сир Глэдден, лорд Лотар.

Поименованные мужи по одному шагнули вперед.

– Каждый из вас должен взять с собой по двадцать человек и доставить мое слово к крепости Григора. Вместе с вами направятся двадцать моих собственных гвардейцев. Лорд Берис Дондаррион, вы будете командовать, как подобает вашему чину.

Молодой золотоволосый лорд поклонился:

– Как вам угодно приказать, лорд Эддард!

Нед возвысил голос так, чтобы его услышали в дальнем конце тронного зала:

– Именем Роберта из дома Баратеона, первого носителя сего имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, владыки Семи Королевств и хранителя государства, по слову Эддарда из дома Старков, королевской десницы, приказываю вам ехать на запад со всей поспешностью, под знаменем короля, пересечь Красный Зубец и явить королевское правосудие лживому рыцарю Григору Клигану и всем, кто соучаствовал в его преступлениях. Я обвиняю его и осуждаю. Лишаю его всех чинов и титулов, всех земель, доходов и владений и приговариваю его к смерти. Пусть боги будут милосердны к душе его.

Когда голос десницы умолк, рыцарь Цветов в смущении спросил:

– Лорд Эддард, а что делать мне?

Нед посмотрел на него. Сверху лорд Тирелл казался почти таким же юным, как Робб.

– Никто не сомневается в вашей доблести, сир Лорас, но мы совершаем правосудие, а вы ищете мести. – Он поглядел на лорда Бериса. – Выезжайте с первым светом. Такие вещи следует делать быстро.

Нед поднял руку:

– Престол сегодня не желает выслушивать новые жалобы.

Элин и Портер поднялись по крутым железным ступеням, чтобы помочь ему. Спускаясь, Нед заметил угрюмый взгляд Лораса Тирелла, однако мальчишка ушел прежде, чем Нед оказался на полу тронного зала.

У подножия Железного трона Варис собирал бумаги со стола совета. Мизинец и великий мейстер Пицель уже откланялись.

– А вы куда более отважный человек, чем я, милорд. – Проговорил евнух негромко.

– Как так, лорд Варис? – отрывисто спросил Нед. Нога пульсировала, и он не чувствовал охоты играть словами.

– На вашем месте я бы послал сира Лораса. Он так хотел это сделать… Кроме того, человек, враждующий с Ланнистерами, должен постараться сделать Тиреллов своими друзьями.

– Сир Лорас молод, – проговорил Нед. – Смею сказать, он переживет свое разочарование.

– Ну а сир Илин? – Евнух погладил пухлую припудренную щеку. – Он – именно он в конечном счете – выполняет королевское правосудие. Посылать других людей совершать его дело… Некоторые могут усмотреть в подобной поступке серьезное оскорбление!

– Я не намеревался обидеть его. – На деле Нед не доверял немому рыцарю, хотя, быть может, всего лишь потому, что не любил палачей. – Напомню вам, что Пейны – знаменосцы дома Ланнистеров. Я предпочел воспользоваться услугами людей, не присягавших лорду Тайвину.

– Очень предусмотрительно, вне сомнения, – проговорил Варис. – Тем не менее я случайно заметил в задней части зала сира Илина, и в его бледных глазах не было заметно особой радости, хотя трудно сказать что-то определенное о нашем молчаливом рыцаре. Надеюсь, он тоже переживет свое разочарование. Ведь сир Илин так любит свою работу…

Санса

– А он не захотел послать сира Лораса, – в тот же вечер Санса рассказывала Джейни Пуль, ужиная с нею на скорую руку при свете лампы. – Наверное, это из-за его ноги.

Лорд Эддард ужинал у себя в спальне вместе с Элином, Харвином и Вейоном Пулем, чтобы не тревожить сломанную ногу, а септа Мордейн пожаловалась на то, что перетрудила ноги, простояв целый день в галерее. Предполагалось, что к ним присоединится Арья, но та запаздывала со своего урока танцев.

– Его нога? – неуверенно спросила Джейни, девушка хорошенькая и темноволосая, почти ровесница Сансе. – Неужели сир Лорас повредил ногу?

– Речь идет не о ноге сира Лораса, – отвечала Санса, деликатно обгладывая цыплячью ножку. – А о ноге отца, глупая. Ему так больно, что он становится раздражительным. Иначе, я не сомневаюсь, отец послал бы сира Лораса.

Решение отца до сих пор смущало ее. Когда рыцарь Цветов сказал свое слово, Санса уже решила, что на ее глазах воплотится в жизнь одна из сказок старухи Нэн. Сир Григор, конечно, чудовище, и сир Лорас, как положено истинному герою, должен убить его. Он и похож был на истинного героя, стройный красавец с золотыми розами вокруг тонкой талии и густыми каштановыми волосами, непослушной челкой спускавшимися на глаза. И отец отказал ему! Санса расстроилась так, что просто ничего не могла сказать. Она объяснила это септе Мордейн, когда они шли по лестнице с галереи, но септа ответила, что не дело дочери сомневаться в решениях лорда-отца.

И тут в разговор вступил лорд Бейлиш:

– Ох, не знаю, септа. Некоторые из решений ее лорда-отца нуждаются в доле сомнения, а молодая леди столь же мудра, как и очаровательна. – Он низко поклонился Сансе, и она даже не вполне поняла, слышит ли комплимент или насмешку.

Септа Мордейн была очень огорчена тем, что лорд Бейлищ подслушал их разговор.

– Это просто слова, милорд, – проговорила она. – Девичья болтовня. Она ничего не хотела этим сказать!

Лорд Бейлиш погладил свою крохотную остроконечную бородку и

улыбнулся:

– Ничего? Скажи мне, дитя, а почему ты послала бы сира Лораса?

Тут Сансе просто пришлось рассказать ему и о героях, и о чудовищах. Советник короля улыбнулся.

– Ну что ж, я бы руководствовался другими причинами, однако… – Он прикоснулся к ее щеке, прочертив на ней короткую линию большим пальцем. – Жизнь это не песня, моя милая. Однажды, к скорби своей, ты это узнаешь.

Сансе не хотелось рассказывать все это Джейни; ей не хотелось даже вспоминать.

– Королевское правосудие исполняет сир Илин, а не сир Лорас, – сказала Джейни. – Лорду Эддарду следовало послать его.

Санса поежилась. Ей было не по себе всякий раз, когда она глядела на сира Илина Пейна. При виде его Сансе казалось, что какая-то мертвечина прикасается к ее голой коже.

– Сир Илин похож на чудовище. Я рада, что отец не выбрал его.

– Лорд Берис такой же герой, как и сир Лорас, такой же отважный и доблестный.

– Наверное, – согласилась Санса не без некоторого сомнения. Берис Дондаррион, конечно, красив, но он почти что старик; скоро ему двадцать два; рыцарь Цветов гораздо лучше подходит на эту роль. Конечно, Джейни сразу влюбилась в лорда Бериса, когда впервые увидела его на поле. Санса считала это глупостью. Ведь Джейни всего лишь дочь стюарда, и как бы она ни сходила с ума, лорд Берис никогда не обратит своего внимания на девушку, настолько уступающую ему в положении, даже если она в два раза младше его.

Однако жестоко так говорить, поэтому Санса прихлебнула молока и переменила тему разговора.

– Мне приснилось, что именно Джоффри добудет белого оленя, – сказала она. Точнее говоря, это было ее желанием, но лучше было назвать его сном. Все знали, что сны бывают пророческими. Белых оленей считали существами редкими и волшебными, и в сердце своем она решила, что ее галантный принц более достоин подобной добычи, чем его пьяница-отец.

– Тебе приснилось? В самом деле? Значит, принц Джоффри просто подошел к оленю и прикоснулся к нему рукой, не причинив вреда?

– Нет, – отвечала Санса. – Он застрелил его золотой стрелой и привез мне. – В песнях благородные рыцари никогда не убивали волшебных зверей – только подходили и гладили, – но она знала, что Джоффри любит охотиться, в особенности убивать… лишь зверей, конечно. Санса не

сомневалась, что ее принц не принимал участия в убийстве Джори и всех остальных бедняг, во всем виноват был его злобный дядя; одно слово – Цареубийца. Она знала, что отец ее до сих пор из-за этого в гневе, однако нечестно обвинять Джоффа. Это все равно как обвинять ее в том, что натворила Арья.

– Сегодня вечером я видела твою сестру, – выпалила Джейни, словно прочитав мысли Сансы. – Она ходила на руках по конюшне. Зачем, по-твоему, ей это понадобилось?

– Я уверена лишь в том, что вообще не понимаю, зачем Арья что-либо делает. – Санса ненавидела конюшни, всю эту вонь, докучливых мух и конский помет. Отправляясь на прогулку верхом, она всегда предпочитала, чтобы конюх подал ей заседланную лошадь к крыльцу. – Ты хочешь еще услышать, что было при дворе?

– Конечно, – обрадовалась Джейни.

– Туда приехал Черный Брат, старый такой и вонючий, – продолжила рассказ Санса, – он просил людей для Стены. – Это ей не понравилось вовсе. Сансе всегда представлялось, что Ночной Дозор состоит из мужей, подобных дяде Бенджену. Таких в песнях звали Черными Рыцарями Стены. Но посланец Ночного Дозора был горбат и уродлив, и к тому же одежда его явно кишела блохами. Неужели Ночной Дозор на самом деле выглядит иначе? Она почувствовала жалость к своему сводному брату Джону. – Отец спросил, не найдется ли в зале рыцарей, которые готовы оказать честь своим домам, уйдя в чернецы, однако никто не шагнул вперед, поэтому он отдал этому Иорену тех, кого извлек из королевских темниц, и отослал его обратно. А потом к нему приехали эти два брата, свободные всадники из Дорнской Марни, и присягнули мечами на службу королю. Отец принял их клятву…

Джейни зевнула.

– А лимонные пирожки есть?

Санса не любила, когда ее прерывали, однако приходилось согласиться с тем, что лимонный пирог представлял собой более интересную тему, чем происходившее в тронном зале.

– Посмотрим, – сказала она.

На кухне лимонных пирожков не обнаружилось, однако обнаружилась половинка холодного пирога с клубникой, что было ничуть не хуже. Девицы съели его на ступеньках башни, хихикая, сплетничая и делясь секретами; словом, в ту ночь Санса отправилась в постель, ощущая себя такой же врединой, как и Арья.

На следующее утро она проснулась еще до рассвета и сонная

подобралась к окошку, чтобы поглядеть, как лорд Берис выстраивает своих людей. Они выехали с первыми лучами солнца, перед отрядом полоскались три стяга: коронованный олень короля летел за высоким древком, лютоволк Старков и двойная молния лорда Бериса – за более короткими. Все было так красиво, как в ожившей песне: звякали мечи, мерцали факелы, на ветру плясали знамена, ржали и фыркали кони, золотые лучи пронзили насквозь решетку, когда она поползла вверх. Люди Винтерфелла казались особенными красавцами в своих серебристых панцирях и длинных серых плащах.

Элин держал в руке знамя Старков. Увидев, как он подъехал к лорду Берису, чтобы обменяться с ним словами, Санса ощутила неподдельную гордость. Элин был красивее Джори; когда-нибудь и он станет рыцарем.

Башня Десницы, казалось, опустела после их отъезда, и, спустившись вниз, Санса обрадовалась даже обществу Арьи.

– А куда все подевались? – поинтересовалась сестра, обдирая шкурку с ярко-красного апельсина. – Отец отослал их ловить Джейме Ланнистера?

Санса вздохнула:

– Они уехали вместе с лордом Борисом, чтобы обезглавить сира Григора Клигана. – Она повернулась к септе Мордейн, черпавшей деревянной ложкой овсянку. – Септа, а лорд Берис выставит голову сира Григора наверху собственных ворот или привезет ее сюда, чтобы это сделал король? – Они с Джейни Пуль поспорили об этом вчера вечером.

Септа была потрясена:

– Леди не подобает говорить о подобных вещах за овсянкой! Где твое воспитание, Санса? Клянусь, последнее время ты ведешь себя ничем не лучше сестры.

– А что натворил Григор? – спросила Арья.

– Он сжег острог и убил кучу людей, женщин и детей тоже.

Арья скривилась:

– Джейме Ланнистер убил Джори, Хьюарда и Уила, а Пес зарубил Мику. Их тоже следовало бы обезглавить.

– Это совсем не одно и то же, – сказала Санса. – Пес присягнул Джоффри, а твой мальчишка, да еще сын мясника, набросился на принца.

– Ты лжешь, – бросила Арья. Руки ее стиснули кровавый апельсин так, что красный сок закапал между пальцев.

– Ладно, давай, обзывайся как хочешь, – непринужденно сказала Санса. – Ты не осмелишься так поступать, когда я выйду замуж за Джоффри. Тебе придется кланяться мне и называть светлейшей государыней!

Она взвизгнула, увидев, что Арья бросила апельсин. Влажно хлюпнув,

он угодил Сансе прямо в лоб и шлепнулся на юбку.

– Светлейшая государыня, вы испачкали личико соком, – заметила Арья.

Сок тек вдоль носа, ел глаза. Санса стерла его салфеткой. Но заметив ущерб, причиненный упавшим на подол плодом ее прекрасному шелковому платью цвета слоновой кости, она закричала снова.

– Ты ужасна, – завопила она Арье. – Лучше было бы, если бы убили тебя, а не Леди!

Септа Мордейн неловко вскочила на ноги.

– Об этом узнает ваш лорд-отец! Ступайте по своим палатам, немедленно. Немедленно!

– Я тоже? – Слезы наполняли глаза Сансы. – Это нечестно!

– Никаких обсуждений. Ступайте!

Санса отправилась прочь, подняв голову. Она будет королевой, а королевы не плачут. По крайней мере, когда это видят люди. Вернувшись к себе в опочивальню, она заложила дверь щеколдой и сняла платье. Кровавый апельсин оставил на шелке расплывчатое красное пятно.

– Ненавижу ее! – закричала Санса. Скомкав платье, она швырнула его в холодный очаг на пепел, оставшийся после вчерашнего вечера. Обнаружив, что красная жидкость просочилась и на нижнюю юбку, она не сдержалась и зарыдала. Сорвав всю остальную одежду, Санса бросилась в постель и плакала до тех пор, пока не заснула.

Септа Мордейн постучала в ее дверь уже около полудня.

– Санса! Лорд-отец хочет видеть тебя.

Девочка села и прошептала:

– Леди! – На мгновение ей показалось, что волчица вернулась и сидит у постели, глядит на нее золотыми скорбными и всезнающими глазами. Ей снился сон, поняла Санса.

Леди вернулась к ней, они бегали вместе и… и… Пытаться вспомнить было все равно как ловить первый снег ладонями. Сон померк, и Леди вновь оказалась мертва.

– Санса! – Стук прозвучал резче. – Ты слышишь меня?

– Да, септа. Не позволите ли вы мне сперва одеться? Я быстро. – Глаза ее покраснели от слез, однако Санса постаралась привести себя в порядок.

Лорд Эддард горбился над огромным, переплетенным в кожу томом, когда септа Мордейн ввела Сансу в солярий; его нога, укрытая лубком, скрывалась под столом.

– Подойди сюда, Санса, – сказал он не столь уж и строго, когда септа отправилась за сестрой. – Сядь возле меня. – Он закрыл книгу.

Септа Мордейн вернулась с Арьей, все еще пытавшейся вырваться из ее рук. Санса надела очаровательную бледно-зеленую дамаскиновую мантилью и изобразила раскаяние, но на сестре ее оставалась та же самая крысиная кожа и домотканое платье, в которых она была за завтраком.

– А вот и вторая, – объявила септа.

– Благодарю вас, септа Мордейн. Я хочу переговорить с моими дочерьми с глазу на глаз, прошу прощения. – Откланявшись, септа ушла.

– Все начала Арья, – торопливо затараторила Санса, стремясь заполучить первое слово. – Она обозвала меня лгуньей и бросила в меня апельсин, испортила мое платье, шелковое, цвета слоновой кости, которое мне подарила королева Серсея, когда мы обручились с принцем Джоффри. Арье завидно, что я выйду замуж за принца. Она пытается все испортить, она ведь терпеть не может красоты, добра и великолепия.

– Довольно, Санса! – В голосе лорда Эддарда слышалось резкое нетерпение. Арья подняла глаза:

– Прости, отец. Я была не права и прошу прощения у моей милой сестры.

Санса настолько удивилась, что на мгновение лишилась дара речи. Наконец она обрела голос:

– А как насчет моего платья?

– Быть может, я сумею отстирать его, – предположила Арья с сомнением в голосе.

– Стирка не поможет, – ответила Санса, – даже если ты будешь тереть весь день и ночь. Шелк погиб.

– Тогда я… сошью тебе новое, – сказала Арья. Санса презрительно закинула голову:

– Ты? В сшитом тобой платье можно лишь чистить свинарник!

Отец вздохнул:

– Я позвал вас сюда не для того, чтобы вы ссорились из-за одежды. Я отсылаю вас обеих домой в Винтерфелл.

Во второй раз Санса лишилась дара речи и ощутила, как глаза ее вновь наполнились влагой.

– Ты не можешь так поступить, – сказала Арья.

– Пожалуйста, отец, – наконец выдавила Санса. – Пожалуйста, не надо.

Лорд Старк почтил дочерей усталой улыбкой:

– Наконец-то вы сошлись хоть на чем-то.

– Я не сделала ничего плохого, – принялась умолять Санса. – Я не хочу возвращаться.

Ей нравилось в Королевской Гавани пышное великолепие двора, лорды

и леди в шелке, бархате и драгоценных камнях, огромный город, полный людей. Турнир оказался самым волшебным событием во всей ее жизни. А сколько она еще не видела: пиршества в честь урожая, бала-маскарада, представления кукольников. Она просто не могла представить себе, что лишится всего этого.

– Отошли Арью. Она начала ссору, отец. Клянусь тебе, я буду хорошей. Разреши мне остаться, и я обещаю стать изящной, благородной и любезной, как королева.

Рот отца странно дернулся.

– Санса, я отсылаю вас не из-за ваших ссор, хотя боги ведают, как я устал от них. Я хочу, чтобы вы вернулись в Винтерфелл ради вашей же собственной безопасности. Трех моих людей зарезали как собак не далее чем в лиге от места, где мы сейчас сидим, и что делает Роберт? Он уезжает на охоту!

Арья как всегда по-дурацки закусила губу.

– А можно ли взять с нами Сирио?

– Кому нужен твой дурацкий учитель танцев? – вспыхнула Санса. – Папа, я только сейчас вспомнила, я ведь не могу уехать, потому что должна выйти замуж за принца Джоффри. – Собравшись с духом, она улыбнулась. – Я люблю его, папа, я на самом деле люблю его – как королева Нейерис любила принца Эйемона, Рыцаря-дракона, как Джонквиль любила сира Флориана. Я хочу стать его королевой и рожать ему детей…

– Милая моя, – проговорил отец мягко. – Послушай меня. Когда ты подрастешь, я подыщу тебе суженого среди знатных лордов, человека, достойного тебя, отважного, благородного и сильного. А твое обручение с Джоффри было ужасной ошибкой. Этот мальчишка – не принц Эеймон, поверь мне.

– Это не так, – принялась настаивать Санса. – Я не хочу никаких отважных и благородных, я хочу только его! Мы будем такими счастливыми, как поют в песнях, ты увидишь. У меня родится сын с золотыми волосами, и однажды он станет королем всей страны, самым величайшим, отважным как волк, гордым как лев.

Арья скривилась:

– Только если его отцом не будет Джоффри, он – трусливый лжец, и к тому же он олень, а не лев.

Санса ощутила, как слезы подступили к ее глазам.

– Это не так! Он совсем не похож на старого пьяницу короля, – закричала она на сестру, забывшись в своем горе. Отец странными глазами поглядел на дочерей.

– Боги, – воскликнул он негромко, – устами младенца… – и позвал септу Мордейн, а девочкам сказал:

– Я найму быструю торговую галею, которая доставит вас домой. В эти дни море безопаснее Королевского тракта. Вы отправитесь домой, как только я отыщу нужный корабль, вместе с септой Мордейн и подобающей вам охраной… и – ладно – вместе с Сирио Форелем, если он согласится поступить на мою службу. Но никому не говорите об этом! Лучше, чтобы никто не знал о наших планах. Мы поговорим обо всем завтра.

Санса рыдала, спускаясь следом за септой Мордейн по ступенькам. Всего ее лишили: и турниров, и двора, и принца. Они вернутся назад, в серые стены Винтерфелла, которые вновь замкнут ее. Жизнь ее закончилась, еще не начавшись.

– Прекрати плакать, дитя, – сурово сказала септа Мордейн. – Я не сомневаюсь, что твой лорд-отец прекрасно знает, что для тебя лучше.

– Вообще-то не так уж и плохо, – сказала Арья. – Мы поплывем на галее. Новое приключение, а потом мы вернемся к Брану и Роббу, старой Нэн, Ходору и всем остальным. – Она прикоснулась к руке сестры.

– К Ходору! – завопила Санса. – Тебе надо жениться на Ходоре, ты такая же глупая, волосатая и уродливая! – Вырвав руку, она бросилась в свою опочивальню и закрыла за собой дверь.

Эддард

– Боль – это благой дар богов, лорд Эддард, – вещал великий мейстер Пицель. – Она означает, что кость восстанавливается, плоть сама исцеляет себя. Радуйтесь.

– Я поблагодарю богов, когда нога моя перестанет болеть.

Пицель поставил закупоренный флакон на столик у кровати.

– Вот маковое молоко, выпейте, если боль сделается слишком сильной.

– Я и без того сплю слишком много.

– Сон – великий целитель.

– А я надеялся на ваши услуги.

Пицель рассеянно улыбнулся:

– Приятно видеть вас в таком едком настроении, милорд. – Он пригнулся поближе и понизил голос:

– Сегодня утром ворон принес письмо королеве от ее лорда-отца. Я подумал, что вам следует знать об этом.

– Черные крылья, черные слова, – мрачно отозвался Нед. – И что же пишет Ланнистер?

– Лорд Тайвин находится в великом гневе на людей, которых вы послали за сиром Григором Клиганом, – признался мейстер. – Как я и опасался. Помните, я говорил это вам на совете.

– Пусть себе гневается, – сказал Нед. Каждый раз, когда ногу его пронзала боль, он вспоминал улыбку Джейме Ланнистера и мертвого Джори на его руках. – Пусть напишет королеве любое количество писем. Лорд Берис едет под знаменем самого короля. Если лорд Тайвин попытается помешать свершению королевского правосудия, ему придется ответить Роберту. Наш светлейший государь любит охотиться, но еще больше он любит усмирять непокорных лордов.

Пицель откинулся назад, звякнула его мейстерская цепь.

– Как вам угодно! Я зайду к вам утром. – Старик поспешно собрал свои вещи и откланялся. Нед ничуть не сомневался в том, что путь Пицеля лежит прямо в королевские апартаменты, чтобы передать их разговор королеве. – Я подумал, что вам следует знать об этом… – Словно бы это не Серсея велела мейстеру передать угрозы ее отца. Нед надеялся, что его ответ заставит ее хоть немного дрогнуть. Лорд Старк не испытывал большой уверенности в Роберте, однако Серсее об этом знать незачем.

Когда Пицель отправился восвояси, Нед приказал подать чашу

подслащенного медом вина. Ум его чуть затуманился – но только чуть. Нужно было как следует подумать. Тысячу раз он спрашивал себя о том, как поступил бы Джон Аррен, если бы ему суждено было перейти к действиям после того, что он узнал. Впрочем, быть может, именно действия и погубили его.

Странно получается: иногда невинные глаза ребенка способны заметить вещи, скрытые от взрослых людей. Потом, когда Санса вырастет, надо будет рассказать ей, как она расставила все по местам. Он совершенно не похож на старого пьяницу короля, объявила она в гневе неведения, и простая истина пронзила его смертным холодом. Этот меч и убил Джона Аррена, подумал тогда Нед. Убьет он и Роберта, смертью медленной, но несомненной. Раздробленная нога со временем исцелится, но измена может отравить и убить душу.

Через час после визита великого мейстера явился Мизинец, в сливового цвета дублете с пересмешником, черной нитью вышитым на груди, и в полосатом черно-белом плаще.

– Я не могу задерживаться у вас долго, милорд, – объявил он. – Леди Танда рассчитывает, что я отобедаю с ней. Вне сомнения, она зажарит мне упитанного тельца.

Но если он окажется столь же упитанным, как ее дочка, я лопну и умру. Ну, как ваша нога?

– Горит, болит и дергает, так что я буквально схожу с ума.

Мизинец поднял бровь.

– В будущем постарайтесь не попадать под упавшую лошадь. Только я посоветовал бы вам выздоравливать побыстрей. В стране неспокойно. До Вариса с запада доносятся зловещие слухи. Свободные всадники и наемники съезжаются на Бобровый утес, конечно же, не для того, чтобы развлечься беседой с лордом Тайвином.

– А что говорит король? – потребовал ответа Нед. – Как долго еще намеревается Роберт пребывать на охоте?

– Учитывая его характер, я бы сказал, что светлейший предпочел бы остаться в лесу, пока вы с королевой не скончаетесь от старости, – ответил лорд Петир, чуть заметно улыбнувшись. – Однако, поскольку это невозможно, я надеюсь, что король вернется, как только убьет какого-нибудь зверя. Белого оленя они отыскали… точнее, то, что осталось от него. Волки первыми встретились с ним и оставили светлейшему государю только ножки да рожки. Роберт был в ярости! Теперь до него дошли слухи о каком-то чудовищном вепре, обитающем в чаще леса. А посему он отправился за ним. Принц Джоффри вернулся сегодня утром вместе с

Ройсами, сиром Белоном Свонном и еще двадцатью участниками охоты. Остальные сопровождают короля.

– А Пес? – спросил Нед хмурясь. Теперь, когда сир Джейме бежал из города, чтобы присоединиться к отцу, среди людей Ланнистеров более всех его тревожил Сандор Клиган.

– О, Пес вернулся вместе с Джоффри и направился прямо к королеве. – Мизинец улыбнулся. – Я охотно расстался бы с сотней серебряных оленей, чтобы спрятаться дроздом в тростниках, когда он узнает о том, что мы отправили лорда Бериса обезглавить его брата.

– Даже слепец способен видеть, что Пес ненавидит своего брата.

– Это так, но ненависть к Григору – его личное дело, и у вас нет прав убивать его. Как только Дондаррион смахнет маковку с Горы, земли Клиганов и доходы перейдут к Сандору. Но я не стану дожидаться его благодарности. Ну а теперь извините! Леди Танда ожидает меня со своими упитанными тельцами.

Направляясь к двери, лорд Петир заметил увесистый труд великого мейстера Маллеона на столе и в праздном любопытстве перевернул обложку.

– Происхождение и история великих домов Семи Королевств с жизнеописаниями многих высоких лордов и благородных дам и их детей, – прочел он. – По-моему, нет более скучного чтива. Снотворное средство, милорд?

В какое-то мгновение Неду захотелось рассказать ему все, но шутки Мизинца чем-то раздражали его. Лорд Петир был слишком умен, и насмешливая улыбка не сходила с его губ.

– Джон Аррен изучал этот том перед последней болезнью, – осторожно проговорил Нед, проверяя реакцию. И Мизинец ответил как всегда – шуткой:

– В таком случае смерть может явиться благословенным облегчением! – Лорд Петир Бейлиш поклонился и отправился прочь.

Эддард Старк позволил себе выругаться. Если не считать его собственных людей, в этом городе не было ни одного человека, которому он мог доверять. Мизинец прятал Кейтилин и помог Неду в его расследовании, однако быстрота, с которой он направился спасать свою шкуру, когда Джейме вместе со своими людьми вырос из пелены дождя, все еще не изгладилась из его памяти. Варис был еще хуже. При всех своих изъявлениях верности, евнух знал слишком много, но делал чересчур мало. Великий мейстер Пицель с каждым днем все более и более казался Неду человеком Серсеи, а сир Барристан явно окостенел от возраста. Он просто

посоветовал бы Неду заниматься своими делами.

Времени оставалось прискорбно мало. Скоро король вернется с охоты, и по долгу чести Нед должен был отправиться к нему со всеми своими находками. Вейон Пуль устроил, чтобы Санса и Арья через три дня отплыли на «Владычице ветра», только что пришедшей из Браавоса. Они вернутся в Винтерфелл перед сбором урожая. Нед более не мог медлить. Слишком велика была опасность.

И все же прошлой ночью ему приснились дети Рейегара. Лорд Тайвин бросил их тела к подножию Железного трона, обернув в алые плащи его домашней гвардии. Умный поступок: кровь не так заметна на красной ткани. Крохотная принцесса, босая, в ночной рубашонке, а мальчик… мальчик…

Нед не мог позволить, чтобы это снова случилось. Государство не выдержит еще одного безумного короля, отдавшегося припадку кровожадности и мести. Нужно спасти детей.

Роберт умел проявлять милосердие. Он простил не только сира Барристана. Великий мейстер Пицель, Варис-паук, лорд Беелон Грейджой прежде считались врагами Роберта, и король взял их в друзья, возвратив честь и должность за присягу в верности. Если человек был отважным и честным, Роберт относился к нему со всем почтением, положенным мужественному врагу.

Но здесь было нечто совсем другое: яд в ночи, нож, пронзающий душу. Такого он не простит, как не простил он Рейегара. Он убьет их всех, понял Нед. И все же он знал, что не сумеет смолчать. Это долг его – перед Робертом, перед государством, перед тенью Джона Аррена… и перед Браном, который, вне сомнения, случайно узнал какую-то часть всей истины. Иначе зачем они попытались убить его?

Попозже, днем, он призвал к себе Томарда, объемистого гвардейца с имбирного цвета усами, которого дети звали Толстым Томом. После смерти Джори и отъезда Элина Толстый Том принял команду над гвардией. Мысль эта вселила в Неда смутное беспокойство. Томард был человеком солидным: надежным, верным, не знавшим усталости, способным – в определенных рамках; однако ему было под пятьдесят, и даже в молодые годы он никогда не проявлял особой прыти. Наверное, Нед поторопился расстаться с половиной своей гвардии, в том числе со всеми лучшими людьми.

– Мне потребуется твоя помощь, – сказал Нед, когда Томард появился с выражением некой задумчивости на лице, которое всегда ложилось на черты гвардейца, когда его призывали пред очи господина. – Отведи меня в

богорощу.

– Это разумно, лорд Эддард? При вашей ноге и всем прочем?

– Быть может, и нет, но это необходимо.

Томард призвал Варли. Опершись руками о плечи обоих, Нед умудрился спуститься по крутым ступенькам башни и переправиться через двор.

– Я хочу, чтобы стражу удвоили, – сказал он Толстому Тому. – Пусть никто не входит и не выходит из башни Десницы без моего разрешения.

Том моргнул.

– Милорд, сейчас, когда Элина и остальных нет, нас и так не хватает!

– Это ненадолго. Удлини караулы.

– Как вам угодно, милорд, – поклонился Том. – Можно ли спросить почему…

– Лучше не спрашивай, – ответил Нед отрывисто. В богороще никого не было, как всегда в этом городе, в этой цитадели южных богов. Ногу Неда пронзила молния боли, когда его опустили на траву возле сердце-дерева.

– Благодарю вас. – Он извлек из рукава бумагу, запечатанную знаком его дома. – Будьте любезны, передайте немедленно!

Томард поглядел на имя, которое Нед написал на бумаге, и тревожно облизнул губы.

– Милорд…

– Делай то, что я приказал тебе, Том, – сказал Нед.

Как долго пришлось ему ожидать в тишине богорощи, Нед не мог бы сказать. Среди деревьев властвовал покой. Толстые стены гасили шум, как всегда стоявший над замком. Нед слышал пение птиц, стрекот сверчков, шелест листьев под мягким ветром. Сердце-деревом был здесь дуб, безликий и бурый, но Нед Старк тем не менее ощущал присутствие богов. Здесь и нога его почти успокоилась.

…Она явилась к нему на закате, когда облака над стенами и башнями побагровели. Она пришла одна, как он и просил ее.

На этот раз она была одета просто: кожаные ботинки и охотничий зеленый костюм. Когда она откинула назад капюшон бурого плаща, Нед увидел синяк на ее лице, оставленный рукой короля. Сливовый тон успел поблекнуть и пожелтеть, и опухоль спала, однако синяк есть синяк.

– Почему именно здесь? – спросила Серсея Ланнистер, останавливаясь над ним.

– Чтобы видели боги.

Она опустилась возле него на траву. Все движения королевы были изящны. Светлые кудри трепал ветерок, а глаза отливали зеленой летней

листвой. Нед давно уже не замечал ее красоты, но на этот раз не мог не обратить на нее внимания.

– Я знаю, почему умер Джон Аррен, – сказал он.

– В самом деле? – Королева глядела ему в лицо, настороженная словно кошка. – И поэтому призвали меня сюда, лорд Старк?… Чтобы загадать мне загадку? Или вы намереваетесь захватить меня? Как ваша жена – моего брата?

– Если бы вы действительно верили в это, то не пришли бы. – Нед мягко прикоснулся к ее щеке. – Это уже не впервые, так?

– Случалось раз или два. – Королева отодвинулась от его руки. – Но не по лицу. Тогда Джейме убил бы его даже ценой собственной жизни. – Она возмущенно поглядела на Неда. – Мой брат стоит сотни таких, как ваш друг.

– Ваш брат или ваш любовник? – спросил Нед.

– И то и другое сразу. – Королева не стала скрывать истину. – Мы провели детство вместе. А почему бы и нет? Чтобы сохранить чистоту крови, Таргариены выдавали брата за сестру три сотни лет. А мы с Джейме не просто брат и сестра. Мы – одна личность в двух телах. Мы делили одно чрево, и он вышел в этот мир, держа меня за ногу, так говорил наш старый мейстер. Когда он во мне, я ощущаю себя… целой. – Призрачная улыбка мелькнула на ее губах.

– А мой сын Бран…

К чести ее, Серсея не отвернулась.

– Он видел нас. Вы любите своих детей, правда?

В утро перед общей схваткой Роберт задавал ему тот же самый вопрос. И Нед ответил точно так же:

– Всем сердцем.

– Ну и я своих люблю не меньше.

Нед подумал, что если ему потребуется заплатить жизнью какого-то неизвестного ребенка за жизнь Робба, Сансы, Арьи, Брана и Рикона, что он сделает? Боги, как поступит Кейтилин, если нужно будет отдать жизнь Джона ради ее детей? Он не знал ответа и помолился, чтобы никогда его не узнать.

– Все трое от Джейме, – проговорил он. Это был не вопрос.

– Благодарение богам…

Семя крепко, взывал Джон Аррен со своего смертного одра, и так оно и было. Все бастарды короля черноволосы как ночь. Великий мейстер Маллеон писал, что последний брак между оленем и львом состоялся девяносто лет назад, когда Тия Ланнистер вышла за Гоуэна Баратеона,

третьего сына правящего лорда. Их единственный отпрыск, названный в томе Маллеона рослым, крепким и черноволосым мальчишкой, умер в младенчестве. За тридцать лет до того мужчина из рода Ланнистеров взял в жены девицу из Баратеонов. Она родила ему трех дочерей и сына, и все были черноволосы. И сколько бы ни искал Нед на хрупких пожелтевших страницах, всегда оказывалось, что золото уступало углю.

– Прошла дюжина лет, – сказал Нед. – Как случилось, что у вас нет детей от короля? Она надменно подняла голову.

– Твой Роберт однажды наградил меня ребенком, – сказала она голосом, полным презрения. – Мой брат отыскал женщину, чтобы она очистила меня, король так и не узнал об этом. Откровенно говоря, я едва переношу его прикосновения и уже много лет не пускала его в себя… Я знаю другие способы удовлетворить его, когда он, бросив своих шлюх, бредет ко мне на нетвердых ногах. Что бы мы ни делали, король обычно бывает настолько пьян, что, побывав у меня, к утру обо всем забывает.

Как могли они все быть такими слепыми? Правда все время стояла перед ними, написанная на лицах детей. Нед ощутил дурноту.

– Я помню Роберта в тот день, когда он вступил на престол, он был королем каждым дюймом своего тела, – сказал Нед негромко. – Тысяча других женщин любила бы его всем сердцем. Что он сделал такого, что вы возненавидели его?

Глаза ее вспыхнули в сумерках зеленым огнем, как у львицы на ее гербе.

– В нашу брачную ночь, когда мы впервые разделили постель, он называл меня именем твоей сестры. Он был на мне, во мне… от него разило вином, и он шептал – Лианна!

Нед вспомнил бледно-голубые розы, и ему на мгновение захотелось плакать.

– Не знаю, кого из вас мне жалеть…

Королева явно удивилась.

– Приберегите свою жалость для себя, лорд Старк. Мне она не нужна.

– Вы знаете, что я обязан сделать?

– Обязан? – Королева опустила руку на его здоровую ногу, как раз над коленом. – Истинный мужчина делает то, что он хочет, а не то, что он обязан. – Пальцы ее прикоснулись к бедру легчайшим из обещаний. – Государство нуждается в сильной деснице. Джофф еще далек от зрелости. Никто не хочет новой войны, и меньше всех ее хочу я. – Рука ее прикоснулась к его лицу, его волосам. – Если друзья могут стать врагами, то и враги способны превратиться в друзей. Ваша жена в тысяче лиг

отсюда, а брат мой бежал. Будьте добры ко мне, Нед. Клянусь, вы никогда не пожалеете об этом.

– То же самое вы предлагали и Джону Аррену?

Она ударила его.

– Отпечаток вашей ладони для меня знак чести, – сухо заметил Нед.

– Чести! – плюнула она. – Как вы смеете становиться передо мной в позу благородного лорда? За кого вы меня принимаете? У вас есть собственный бастард, я видела его. Кем же была его мать, интересно? Какой-нибудь дорнийской крестьянкой, которую вы изнасиловали возле горящего дома? Шлюхой? Или это скорбная сестра, леди Эшара? Я слыхала, что она утопилась. Из-за чего вдруг? Из-за брата, которого вы убили, или из-за ребенка, которого вы выкрали? Скажите же, мой достопочтенный лорд Эддард, чем же вы лучше меня, Роберта или Джейме?

– Начнем с того, – проговорил Нед, – что я не убиваю детей. Слушайте меня хорошенько, миледи. Эту историю я расскажу только один раз, и, когда король возвратится с охоты, я выложу ему всю правду. К этому времени вы должны уехать, вместе с детьми, втроем, но только не на Бобровый утес. На вашем месте я бы отплыл на корабле в Вольные Города, или подальше – на Летние острова, или в Порт-Иббен. Куда унесет ветер.

– Изгнание – горькая чаша, – заметила королева.

– Более сладкая, чем та, из которой ваш отец напоил детей Рейегара, – ответил Нед. – И более добрая, чем вы заслуживаете. Неплохо бы взять с собой и отца вместе с братьями. Золото лорда Тайвина купит всем комфорт и поможет нанять мечи. Вам они потребуются. Обещаю, что куда бы вы ни бежали, гнев Роберта повсюду последует за вами – если потребуется, и на край земли.

Королева встала.

– А как насчет моего гнева, лорд Старк? – спросила она негромко, ее глаза впились в лицо Неда. – Вы могли взять власть в свои руки. Это было нетрудно сделать. Джейме рассказал мне, как вы обнаружили его на Железном троне в тот день, когда пала Королевская Гавань, и заставили спуститься с него. Это и был ваш момент. Вам осталось лишь подняться по этим ступенькам и сесть. Какая прискорбная ошибка!

– Я наделал куда больше ошибок, чем вы можете представить, – улыбнулся Нед. – Но не числю среди них этого поступка.

– О нет. Вы ошибаетесь, милорд, – настаивала Серсея. – Тот, кто играет в престолы, либо погибает, либо побеждает. Середины не бывает!

Накинув капюшон, чтобы скрыть опухшее лицо, она оставила его во

тьме под дубом в тишине богорощи – под иссиня-черным небом, на котором начали высыпать звезды.

Дейенерис

Сердце дымилось на вечернем холодке, когда кхал Дрого подал ей кровавую плоть обагренными до локтя руками. Позади кхала стояли кровные всадники – на песке, на коленях возле туши дикого жеребца, с каменными ножами в руках. Кровь жеребца казалась черной в неровном оранжевом свете факелов, на высоких меловых стенах ямы.

Дени прикоснулась к своему мягкому округлившемуся животу. Капли пота выступили на ее коже, стекали по лбу. Она ощущала на себе взгляд старух дош кхалина, кремни глаз темнели на морщинистых лицах. «Ты не должна дрогнуть или убояться, ты дочь дракона», – сказала она себе и обеими руками поднесла сердце жеребца ко рту и впилась зубами в жесткое упругое мясо.

Теплая кровь наполнила рот Дени, побежала по подбородку. От вкуса ее замутило, однако она заставила себя прожевать и проглотить первый кусок. Дотракийцы полагали, что сердце жеребца сделает ее сына сильным, быстрым и бесстрашным, но только если она сумеет съесть его целиком. Если женщина давилась кровью или исторгала мясо, предзнаменование считалось неблагоприятным; дитя могло оказаться мертворожденным, слабым или уродливым. Или даже родиться девочкой…

Служанки помогли Дени подготовиться к церемонии, невзирая на слабость желудка, преследовавшую ее последние два месяца. Дени пообедала чашей полусвернувшейся крови, чтобы привыкнуть к вкусу, а Ирри заставила ее жевать нарезанную полосами вяленую конину, пока челюсти ее не заболели. Перед обрядом она ничего не ела целый день и ночь, чтобы голод помог ее телу удержать в себе сырое мясо.

Сердце дикого жеребца состояло из одних только мышц, и Дени приходилось отрывать зубами и долго жевать каждый кусок. Сталь не могла блеснуть внутри священных пределов Вейес Дотрак, под сенью Матери гор, и ей приходилось рвать мясо зубами и ногтями. Желудок ее бурлил и волновался, но Дени ела, испачкав лицо в крови, иногда выплескивавшейся на губы.

Она ела, кхал Дрого возвышался над ней с лицом твердым, словно бронзовый щит. Длинная черная коса кхала блестела, умащенная маслом. На усах играли золотые кольца, коса пела золотыми колокольчиками, тяжелый пояс литого золота перехватывал середину его тела, но грудь оставалась нагой. Когда силы оставляли ее, Дени глядела на Дрого, просто

глядела и снова жевала и глотала, жевала и глотала, жевала и глотала. Под конец Дени показалось, что она заметила свирепую гордость в его темных миндалевидных глазах, но уверенной она быть не могла: лицо кхала нечасто выдавало его мысли.

Наконец все было закончено. Липкими пальцами она поднесла к губам последний кусок и заставила себя проглотить его. И только тогда Дени обернулась к старухам, каргам дош кхалина.

– Кхалака дотрайя мранха! – произнесла она, стараясь точно произносить дотракийские слова. – Принц едет во мне!

Фразу эту она заучивала несколько дней с помощью своей служанки Чхику, чтобы не ошибиться в произношении.

Самая древняя из старух, согбенная и иссохшая, превратившаяся в палку, возвела к небу единственный черный глаз и руки.

– Кхалака дотрайя! – вскричала она. – Принц едет!

– Он едет! – вступили другие женщины. – Ракх! Ракх! Ракх хадж! Мальчик, мальчик, сильный мальчик…

Бронзовыми птицами запели колокола, зычно рявкнул хриплый боевой рог. Женщины завели распев. Под раскрашенными кожаными жилетами тряслись иссохшие мешки, поблескивавшие от масла и пота. Евнухи, прислуживавшие старухам, бросали пучки сушеной травы на огромную бронзовую жаровню, и облака благоуханного дыма поднимались к звездам. Дотракийцы видели в звездах сотворенных из огня небесных коней, неисчислимый табун этот каждой ночью проносится по небосклону.

Дым поднимался, песнь умолкла, и древняя старуха закрыла единственный глаз, чтобы лучше разглядеть будущее. Вокруг воцарилось полнейшее молчание. Дени слышала только далекий зов ночных птиц, шипение и треск факелов, мягкий блеск воды в озере. Ночные глаза дотракийки не отрывались от нее.

Кхал Дрого положил ладонь на руку Дени. Она почувствовала напряженность в его пальцах. Даже такой могущественный кхал, как Дрого, испытывал страх, пока дош кхалин искал в дыму черты грядущего. За спиной Дени трепетали ее служанки.

Наконец старуха открыла глаз и подняла руки.

– Я видела его лицо и слышала грохот его копыт, – провозгласила она тонким дрожащим голосом.

– Грохот его копыт! – хором подтвердили остальные.

– Скачет он, быстрый как ветер, а за конем его кхаласар покрывает землю; мужам сим нет числа, и ракхи блестят в их ладонях, подобно лезвиям меч-травы. Свирепый как буря будет этот принц. Враги его будут

трепетать перед ним, и жены их возрыдают кровавыми слезами и в скорби раздерут свою плоть. Колокольчики в его волосах будут петь о его приближении, и молочные люди в своих каменных шатрах будут страшиться одного только его имени. – Старуха затрепетала и поглядела на Дени словно бы в испуге. – Принц едет, и он будет тем жеребцом, который покроет весь мир.

– Жеребцом, который покроет весь мир! – хором отозвались свидетельницы, и ночь ответила звону их голосов. Одноглазая старуха поглядела на Дени.

– А как же будет он зваться, жеребец, который покроет весь мир?

Дени встала, чтобы ответить.

– Его будут звать Рейего, – проговорила она слова, которым научила ее Чхику. Руки ее невольно легли на живот, защищая ребенка, когда дотракийцы взревели:

– Рейего, Рейего, Рейего, Рейего!

Имя сына еще звенело в ушах Дени, когда кхал Дрого повел ее прочь из ямы. Кровные всадники следовали за ними. Во главе процессии они вышли на Божий путь, широкую, заросшую травой дорогу, протянувшуюся сквозь самое сердце Вейес Дотрак, от Конских ворот к Матери гор. Первыми, вместе с евнухами и слугами, шли старухи из дош кхалина, некоторые опирались на высокие резные посохи, с трудом передвигая древние трясущиеся ноги по дороге, другие же шествовали горделиво, как любой из владык табунщиков. Некогда каждая из старух была кхалиси. Жену присылали сюда править великим дотракийским народом после смерти благородного мужа, когда новый кхал со своей кхалиси занимал его место перед всадниками. Даже могущественнейшие из кхалов преклонялись перед мудростью и властью дош кхалина. И все же Дени было как-то не по себе от мысли, что однажды и ей суждено будет оказаться среди них, захочет она того или нет.

Позади мудрых старух шли остальные: кхал Ого и его сын, кхалакка Фого, кхал Джомо и его жены, главные из приближенных Дрого, служанки Дени, слуги и рабы кхала и так далее. Колокола и барабаны задавали величественный ритм движению процессии, торжественно шествовавшей по Божьему пути. Украденные герои и боги мертвых народов размышляли во тьме. Вдоль шествия торопливо бежали рабы с факелами в руках, и мерцающие эти огни заставляли великие монументы казаться почти живыми.

– А что значит имя Рейего? – спросил ее Дрого на обычном языке Семи Королевств – при возможности Дени старалась научить его нескольким

словам. Дрого учился быстро, когда хотел этого, однако акцент его оставался таким невозможным, что ни сир Джорах, ни Визерис не понимали ни слова из того, что говорил кхал.

– Мой старший брат Рейегар был свирепым воином, мое солнце и звезды, – отвечала она мужу. – Он умер до моего рождения. Сир Джорах говорит, что он был последним из драконов.

Кхал Дрого поглядел на нее сверху вниз. Лицо его казалось медной маской, но ей показалось, что под длинными черными усами, поникшими под весом золотых колец, промелькнула тень улыбки.

– Это хорошее имя, Дан Арес, жена, луна моей жизни, – проговорил он.

Они приехали к озеру, которое дотракийцы именовали Чревом Мира; окруженные зарослями тростников воды его всегда оставались чистыми и спокойными. Тысячу лет назад, как сказала ей Чхику, первый мужчина выехал из его глубин верхом на первом коне.

Процессия остановилась на травянистом берегу, тем временем Дени разделась и сбросила свою грязную одежду на землю. Нагая, она осторожно ступила в воду. Ирри утверждала, что у озера этого нет дна, однако Дени ощущала, как мягкая грязь просачивается между ее пальцами, пока она шла, раздвигая высокий тростник. Луна плавала на спокойных черных водах, разбиваясь на осколки и складываясь вновь, когда волны от ее ног накладывались на отражение. Мурашки пробежали по ее нежной коже, когда холодок поднялся вверх по ее бедрам, поцеловал нижние губы. Кровь жеребца засохла на ее руках и около рта. Зачерпнув обеими ладонями, Дени подняла священную воду над головой, очищая себя и дитя, находящееся внутри ее чрева; кхал и все остальные глядели на нее. Она слышала, как бормотали старухи дош кхалина, и гадала, что они говорят.

Когда мокрая и дрожащая Дени выбралась из озера, служанка ее Дореа заторопилась к ней с одеянием из крашеного шелка, но кхал Дрого отослал ее прочь движением руки. Он с одобрением глядел на вздувшееся чрево и налившиеся груди жены, и Дени заметила, как напряглась его мужественность под штанами из конской шкуры, закрытыми под тяжелыми золотыми медальонами пояса.

Она подошла к нему и помогла распустить шнурок. Могучий кхал взял ее за бедра и поднял в воздух, словно ребенка. Колокольчики в волосах его запели.

Обхватив мужа руками за плечи, Дени спрятала лицо у него на груди. Три быстрых движения – и все было кончено.

– Жеребец, который покроет весь мир, – шепнул Дрого. Руки его пахли конской кровью. В миг высшего наслаждения он прикусил кожу на ее шее,

а потом снял с себя, и семя его потекло по бедрам Дени. Только потом он позволил ей одеться в надушенный шелк. Ирри надела мягкие шлепанцы на ее ноги.

Клал Дрого завязал штаны, отдал приказ, и на берег вывели коней. Кохолло была предоставлена честь помочь кхалиси подняться на свою Серебрянку. Дрого пришпорил своего жеребца и направился прочь по Божьему пути, под луной и звездами. Дени легко догнала его.

Шелковый тент, покрывавший сверху приемный зал кхала Дрого, сегодня был свернут, и луна последовала за ними внутрь дворца. Четырехфутовые языки пламени плясали на трех огромных каменных очагах. В воздухе пахло жареным мясом и перебродившим кобыльим молоком. Полный зал гудел – здесь на подушках сидели те, чей сан и имя не давали права присутствовать при церемонии. Дени въехала в арку, проехала дальше по проходу между сидящими; все глядели на нее. Дотракийцы перекрикивались, превознося ее чрево и грудь, возвеличивая жизнь, растущую внутри нее. Дени не понимала всего, что они говорили, но одна фраза заглушала все остальные.

– Жеребец, который покроет весь мир, – звучал тысячеголосый хор.

Рокот барабанов и стоны труб разносились в ночи. Полуодетые женщины кружили и плясали на низких столах, среди блюд и подносов с мясом, сливами, финиками и гранатами. Многие мужчины уже перепились перебродившего молока, но Дени знала: сегодня аракхам не звенеть друг о друга; здесь, в священном городе, запрещалось обнажать мечи и лить кровь.

Кхал Дрого спешился и занял свое место на высокой скамье. Кхал Джоммо и кхал Ого, уже находившиеся в Вейес Дотрак со своими кхаласарами, были удостоены самых почетных мест – справа и слева от Дрого. Позади троих кхалов сидели кровные всадники, ниже располагались три жены кхала Джоммо.

Дени спустилась со своей Серебрянки и отдала поводья рабу. Когда Дореа и Ирри устроили для нее подушки, она поискала взглядом своего брата. Визериса можно было бы заметить даже в противоположном конце людного зала, но ни серебряной головы брата, ни бледного лица, ни городских лохмотьев нигде не было видно. Она обратила взгляд к людным столам возле стен, где мужчины, чьи косы были даже короче их мужского признака, сидели на бахромчатых ковриках и плоских подушках у невысоких столов, но все лица были черноглазы и меднокожи. Она отыскала сира Джораха Мормонта в середине зала возле главного очага. Место это считалось почетным и даже весьма: дотракийцы ценили

искусство рыцаря во владении мечом. Дени послала Чхику привести его к своему столу. Мормонт явился немедленно и опустился перед ней на одно колено.

– Кхалиси, – проговорил он, – приказывайте, повинуюсь.

Она хлопнула по набитой подушке из конской шкуры возле себя.

– Садись и поговори со мной.

– Вы оказываете мне честь. – Рыцарь уселся на подушку, скрестив ноги. Раб склонился перед ним, предлагая деревянное блюдо, полное спелых фиг. Сир Джорах взял одну и откусил половину.

– А где мой брат? – спросила Дени. – Он должен был прийти на пир.

– Я видел светлейшего государя этим утром, – сказал ей Мормонт. – Он говорил, что собирается на западный рынок, чтобы найти вина.

– Вина? – с явным недовольством в голосе повторила Дени. Визерис не мог переносить вкуса перебродившего молока, которое пили дотракийцы, она знала это; в эти дни брат частенько посещал базары, выпивая с торговцами, приводившими великие караваны с запада и востока. Похоже, он находил их общество более приятным.

– Вина, – подтвердил сир Джорах. – Потом он захотел нанять в свое войско кого-нибудь из наемников, охраняющих караваны.

Служанка положила перед ним пирог с кровью, и рыцарь обеими руками взял его.

– А это разумно? – спросила она. – У него нет золота, чтобы заплатить солдатам. Что, если они предадут его? – Провожатые караванов редко тревожили себя мыслями о чести, узурпатор, засевший в Королевской Гавани, хорошо заплатил бы им за голову брата. – Вам следовало бы пойти с ним, чтобы приглядеть за его безопасностью. Вы же присягнули ему!

– Мы находимся в Вейес Дотрак, – напомнил ей рыцарь. – Здесь никто не вправе обнажить клинок и пролить кровь.

– Но люди тем не менее умирают, – сказала она. – Так сказал мне Чхого. Некоторые из торговцев привозят с собой рослых евнухов, которые удавливают воров шелковой лентой. При этом кровь не проливается, и боги спокойны.

– Тогда будем надеяться, что ваш брат проявит достаточно мудрости и не будет ничего красть. – Сир Джорах стер жир со рта тыльной стороной ладони и пригнулся над столом. – Он намеревался забрать у вас драконьи яйца, но я предупредил, что отсеку ему руку, если он посмеет даже прикоснуться к ним.

На мгновение Дени почувствовала такое потрясение, что у нее даже не хватило слов.

– Мои яйца… но они же мои… их мне подарил магистр Иллирио, это подарок к свадьбе, но зачем они Визерису… это всего лишь только камни…

– Этим же словом можно назвать и рубины, алмазы и огненные опалы, принцесса… но драконьи яйца встречаются куда реже. Торговцы, с которыми он пьет, позволят отрезать свою мужественность даже за один из этих камней, ну а за три Визерис сможет нанять столько наемников, сколько ему потребуется.

Дени не знала, даже не подозревала об этом.

– Тогда он должен получить их. Ему незачем их красть. Ему нужно только попросить! Он мой брат… и мой истинный король.

– Да, он ваш брат, – согласился сир Джорах.

– Вы не понимаете, сир, – сказала она. – Мать моя умерла, давая мне жизнь, а отец и мой брат Рейегар погибли еще до того. Я не знала бы даже их имен, если бы их не назвал мне Визерис. Он у меня один. Единственный. Кроме Него, у меня никого нет.

– Так было прежде, – сказал сир Джорах, – но теперь это не так, кхалиси. Вы теперь стали дотракийкой. В чреве вашем едет жеребец, который покроет весь мир. – Он поднял чашу, и раб наполнил ее перебродившим кобыльим молоком, кислым и полным комков.

Дени отмахнулась. Даже от запаха ее затошнило, и она не хотела рисковать, не хотела расставаться с кусками конского сердца, которое с таким трудом заставила себя съесть.

– Что это значит? – спросила она. – Что это за жеребец? Все кричат мне эти слова, но я не понимаю их смысла.

– Жеребец – это кхал кхалов, предсказанный в древнем пророчестве, дитя. Он объединит дотракийцев в единый кхаласар и приведет их к концам земли, так было обещано. Все люди мира покорятся ему.

– Ой, – сказала Дени тоненьким голосом. Рука ее погладила платье над раздувшимся животом. – А я назвала Его Рейего…

– От этого имени кровь в жилах узурпатора застынет.

Вдруг Дореа потянула ее за локоть.

– Госпожа моя, – настоятельно шепнула служанка, – ваш брат…

Дени поглядела в дальний конец длинного, лишенного крыши зала и заметила брата, который направлялся к ней. Судя по неуверенной походке, нетрудно было понять, что Визерис отыскал свое вино… а с ним и долю того, что он выдавал за отвагу.

На Визерисе были алые шелка, грязные и запачканные в дороге. Плащ и перчатки из черного бархата выцвели на солнце. Пересохшие сапоги его скрипели, серебристые волосы спутались, на поясе в кожаных ножнах

висел длинный меч. Дотракийцы заметили оружие, когда он проходил, и Дени услышала их проклятия и угрозы, гневный ропот приливом охватывал ее. Умолкла и музыка, и притих нервный, оступающийся рокот барабанов.

Жуткое предчувствие охватило ее сердце.

– Ступайте к нему, – приказала она сиру Джораху. – Остановите его. Приведите сюда. Скажите ему, что он может получить свои драконьи яйца, если это все, в чем он нуждается.

Рыцарь быстро вскочил на ноги.

– Где моя сестра? – крикнул Визерис голосом, полным вина. – Я пришел пировать. Как ты смела сесть за трапезу без меня? Никто не смеет приступать к еде прежде, чем начнет есть король. Где она? Эта шлюха не может укрыться от дракона!

Он остановился возле самого большого из трех очагов, вглядываясь в лица дотракийцев. В зале собралось тысяч пять человек, но лишь горстка из них знала общий язык. Но даже если слова его оставались непонятными, одного взгляда на Визериса было достаточно, чтобы все понять.

Сир Джорах торопливо подошел к нему, что-то шепнул на ухо и взял за руку, но Визерис вырвался.

– Убери свои руки! Никто не смеет прикасаться к дракону без его разрешения!

Дени тревожно посмотрела вверх на высокую скамью. Кхал Дрого что-то говорил кхалам, сидевшим возле него. Кхал Джоммо ухмылялся, а кхал Ого уже громко хохотал.

Смех заставил Визериса поднять глаза.

– Кхал Дрого, – сказал он заносчиво, – я прибыл на пир! – Он отшатнулся от сира Джораха, пытаясь подняться к трем кхалам на высокой скамье.

Кхал Дрого поднялся, выплюнул дюжину слов на дотракийском быстрее, чем Дени могла понять его, и указал пальцем.

– Кхал Дрого говорит, что место твое не на высокой скамье, – перевел сир Джорах ее брату. – Кхал Дрого говорит, что место твое там.

Визерис поглядел в сторону, в которую указал кхал. В дальней части длинного зала, в уголке у стены, прячась в тени так, чтобы лучшие люди не видели их, сидели нижайшие из нижайших. Юные, еще не побывавшие в стычках юноши, старики с затуманившимися глазами и одеревеневшими суставами. Слабоумные и раненые. Вдали от мяса и еще дальше от чести.

– Это не место для короля, – объявил ее брат.

– Место это, – отвечал кхал Дрого на общем языке, которому научила

его Дени, – как раз и подобает королю, стершему ноги. – Он хлопнул в ладоши. – Телегу! Подайте телегу кхалу Рхаггату…

Пять тысяч дотракийцев разразились смехом и воплями. Сир Джорах стоял возле Визериса и кричал ему на ухо, но в зале поднялся столь громогласный рев, что Дени не слышала его слов. Брат ее отвечал криком, и они схватились; наконец Мормонт бросил Визериса на пол.

Брат ее извлек меч.

Нагая сталь мелькнула жутким багрянцем, отражая свет очагов.

– Убирайся от меня! – прошипел Визерис. Сир Джорах отступил на шаг, и брат ее неуверенно поднялся на ноги. Он махнул над головой чужим клинком, который магистр Иллирио дал Визерису, чтобы тот приобрел более царственный вид. Дотракийцы со всех сторон призывали проклятия на его голову.

Дени испустила безмолвный крик ужаса. Она-то знала, что ждет обнажившего меч в Вейес Дотрак, хотя брат не представлял этого.

Визерис повернул голову на ее голос и наконец заметил сестру.

– А, вот и она! – сказал он с улыбкой. И направился к ней, рассекая воздух, словно освобождая дорогу в стане врагов, хотя никто не пытался остановить его.

– Клинок… убери меч, – попросила она его. – Пожалуйста, Визерис. Это запрещено. Опусти меч и садись на подушки. Пей, ешь. Тебе нужны драконьи яйца? Возьми их, только брось меч.

– Делай, как она говорит тебе, дурак, – закричал сир Джорах. – Иначе они убьют всех нас.

Визерис расхохотался.

– Они не посмеют убить нас. Это им запрещено проливать кровь в священном городе… а не мне. – Он приложил острие меча к груди Дейенерис и провел им по ее животу. – Я хочу получить то, зачем прибыл сюда, – сказал он сестре. – Я хочу корону, и он обещал мне ее. Он купил тебя, но не заплатил. Скажи ему, что я хочу получить то, что мне причитается, или я заберу тебя назад… Тебя и драконьи яйца. А он может взять своего паршивого жеребенка. Я вырежу подлеца и подарю ему.

Меч пронзил шелка и кольнул пупок. Визерис плакал, Дейенерис видела это, он плакал и хохотал одновременно, этот человек, который прежде был ее братом. Вдали, словно где-то в другом мире, Дени слышала рыдания Чхику; она не смела переводить, в страхе перед кхалом, который мог привязать ее к собственному коню и протащить до самой Матери гор. Дени положила руки на плечи девушки и сказала:

– Не бойся, я сама скажу ему.

Дени не знала, хватит ли у нее слов, но когда она договорила, кхал Дрого произнес несколько отрывистых предложений на дотракийском, и она увидела, что он понял ее.

Солнце ее жизни спустился вниз с высокой скамьи.

– Что он сказал? – спросил человек, который был ее братом.

В зале стало так тихо, что она слышала колокольчики в волосах кхала Дрого, мягко певшие при каждом его шаге. Кровные всадники следовали за ним, как три медные тени. Дейенерис похолодела.

– Он говорит, что ты получишь великолепную золотую корону, от которой затрепещет любой человек…

Визерис улыбнулся и опустил свой меч. Это было печальнее всего, эта его улыбка так мучила ее потом.

– Только этого я и хотел, он сам обещал мне!

Когда муж, солнце ее жизни, подошел к ней, Дени обняла его за плечи. Кхал произнес слово, и кровные всадники бросились вперед. Квота схватил человека, который был ее братом за руки, Хагго раздробил ему руку резким поворотом огромных ладоней. Кохолло вырвал меч из обмякших пальцев. Но даже теперь Визерис еще ничего не понял.

– Нет, – закричал он, – вы не смеете прикасаться ко мне, я – дракон, я – дракон, и я получу корону!

Кхал Дрого расстегнул пояс, медальоны его были отлиты из чистого золота, массивного и украшенного, каждый был величиной в руку человека. Кхал выкрикнул приказ. Рабы потянули с очага тяжелый кухонный котел, вылили отвар на землю и вернули горшок в огонь. Дрого бросил в него пояс и принялся невозмутимо смотреть на медальоны, покрасневшие и начавшие оплывать. Дени видела, как пламя пляшет в ониксе его глаз. Раб подал кхалу пару толстых перчаток из конского волоса, он натянул их на руки, даже не поглядев на невольника.

Визерис завопил отчаянным тонким голосом труса, увидевшего свою смерть. Он брыкался и вырывался, скулил как пес и рыдал как дитя, но дотракийцы крепко держали его. Сир Джорах пробился к боку Дени, положил руку на ее плечо.

– Отвернитесь, моя принцесса, умоляю вас.

– Нет. – Она сложила свои руки на вздувшемся животе, защищая дитя.

Наконец Визерис поглядел на нее.

– Сестра, прошу… Дени, скажи им… пусть они… милая сестрица…

Когда золото наполовину расплавилось и начало растекаться, Дрого потянулся к пламени и выхватил горшок.

– А вот и корона! – взревел он. – Вот и корона для тележного короля! –

Кхал перевернул горшок над головой человека, который был ее братом.

Вопль, который издал Визерис Таргариен, когда жуткий железный шлем прикрыл его лицо, ничуть не напоминал человеческий. Ноги его выбили отчаянную дробь по утоптанной земле, движения их замедлились, остановились. Капли расплавленного золота стекали на его грудь, воспламеняя алый шелк… но ни капли крови не было пролито.

Он не был драконом, подумала Дени, ощутив неожиданное спокойствие. Огонь не может убить дракона.

Эддард

Он шел через крипту под Винтерфеллом, как ходил тысячу раз до этого. Короли зимы следили за ним ледяными глазами, а лютоволки у их ног поворачивали огромные каменные головы и рычали. Он подошел к последней гробнице, где спал отец его, возле Брандона и Лианны.

– Обещай мне, – шепнуло изваяние Лианны. На нем была гирлянда из бледно-голубых роз, глаза сестры плакали кровью.

Эддард Старк вздрогнул, сердце его колотилось, простыни перепутались. В комнате было темно как в яме, кто-то барабанил в двери.

– Лорд Эддард, – позвал громкий голос.

– Мгновение. – Ничего не соображавший, нагой, он прохромал через темную палату. Когда он открыл дверь, то обнаружил там Томарда с занесенным кулаком и Кейна с тоненькой свечой в руке. Между ними стоял личный стюард короля.

Лицо его могло быть высеченным из камня, настолько мало оно показывало.

– Милорд десница, – проговорил стюард, – светлейший король требует вашего немедленного присутствия.

Итак, Роберт вернулся с охоты. Время закончилось.

– Мне потребуется несколько мгновений, чтобы привести себя в порядок. – Нед оставил человека ожидать снаружи.

Кейн помог ему одеться. Белая льняная рубаха и серый плащ, брюки, разрезанные вдоль заключенной в лубок ноги, знак должности и в последнюю очередь – пояс из тяжелых серебряных звеньев. Он спрятал валирийский кинжал на груди.

Кейн и Томард повели его через внутренний двор. В Красном замке было темно и тихо, луна невысоко висела над стенами – еще не созревшая, но стремящаяся к полноте. На стене расхаживал стражник в золотом плаще.

Королевские покои находились в твердыне Мейегора, массивной квадратной крепости, истинном сердце Красного замка, обнесенной стенами двенадцати футов толщиной и окруженной сухим рвом, усаженным железными шипами. Это был замок внутри замка. Сир Борос Блаунт охранял дальний конец моста, белая стальная броня казалась призрачной в лунном свете. Оказавшись внутри, Нед миновал еще двоих рыцарей Королевской гвардии. Сир Престон Гринфилд стоял у подножия ступеней, а сир Барристан Селми ожидал у дверей королевской

опочивальни. Трое людей в белых плащах, подумал он, вспоминая, и странный холодок пробежал по его спине. Лицо сира Барристана было бледнее брони. Неду хватило лишь одного взгляда на него, чтобы понять, что случилось нечто ужасное. Королевский стюард отворил дверь.

– Лорд Эддард Старк, – объявил он.

– Введите его сюда, – проговорил странный глухой голос.

Пламя горело в двух очагах в каждом конце опочивальни, наполняя комнату мрачным кровавым огнем. Жара внутри удушала. Роберт лежал под пологом на постели. Около ложа его возвышался великий мейстер Пицель, лорд Ренли беспокойно расхаживал перед закрытыми окнами. Слуги сновали взад и вперед, подкладывая поленья в очаг, и кипятили вино. Серсея Ланнистер сидела на краю постели возле своего мужа. Волосы ее были взлохмачены, словно со сна, но в глазах королевы дремоты не было. Она следила за Недом, которому Томард и Кейн помогали пересечь комнату. Ему казалось, что он двигался очень медленно, словно бы во сне.

Король лежал в сапогах. Нед видел засохшую грязь и травинки, прилипшие к коже сапог, носками торчащих из-под прикрывавшего его одеяла. Зеленый дублет остался на полу, распоротый и брошенный, ткань покрывали засохшие кровавые пятна. В комнате пахло дымом, кровью и смертью.

– Нед, – шепнул король, увидев его. Лицо Роберта было белее молока. – Подойди… ближе.

Люди помогли Неду приблизиться. Он оперся рукой на столб балдахина. Одного только взгляда на Роберта было довольно, чтобы понять, как плохо королю.

– Что?… – спросил он, и горло его перехватило.

– Вепрь. – Лорд Ренли оставался в охотничьем зеленом костюме, плащ его был запачкан кровью.

– Дьявол, – хрипел король. – Я сам виноват. Перебрал вина, проклятие, промахнулся!

– А где были все вы? – потребовал Нед ответа у лорда Ренли. – Где был сир Барристан и Королевская гвардия?

Рот лорда Ренли дернулся.

– Брат приказал нам отступить в сторону и не мешать ему брать вепря.

Эддард приподнял одеяло. Они сделали все, что могли, чтобы зашить рану, но этого было мало. Зверь был наверняка матерым. Он распорол живот короля снизу до груди своими клыками. Пропитанные вином повязки, которые накладывал великий мейстер Пицель, уже почернели от крови, от раны жутко разило. Желудок Неда перевернулся, он опустил

одеяло.

– Воняет, – сказал Роберт, – смертью воняет, или ты думаешь, что я не понимаю этого? Ловко обошелся со мной это сукин сын! Но я… я расплатился с ним, Нед. – Улыбка короля была столь же жуткой, как его рана; зубы были в крови. – Я вогнал ему нож прямо в глаз. Спроси их, если не веришь!

– Истинно так, – пробормотал лорд Ренли, – мы привезли тушу с собой, как приказал мой брат.

– Для пира, – прошептал Роберт. – А теперь оставьте нас, все оставьте. Я должен поговорить с Недом.

– Роберт, милый мой господин… – начала Серсея.

– Я сказал, все уйдите, – бросил Роберт с тенью прежней свирепости. – Что в моих словах непонятного, женщина?

Серсея подобрала свои юбки и достоинство и направилась к двери, за ней последовали лорд Ренли и все остальные. Великий мейстер Пицель помедлил, трясущимися руками предлагая королю чашу густого белого настоя.

– Маковое молоко, светлейший государь. Выпейте, чтобы уменьшить боль.

Роберт отмахнулся тыльной стороной руки.

– Убери чашу. Скоро я отосплюсь, старый дурак. Убирайся.

С ужасом посмотрев на Неда, великий мейстер Пицель побрел вон из комнаты.

– Проклятие, Роберт, – проговорил Нед, когда они остались одни. Нога его пульсировала так, что он почти ослеп от боли. Или, быть может, это горе туманило его глаза. Он нагнулся к постели, к лицу друга. – Ну почему ты всегда был таким упрямым?

– Ах, мать-перемать, Нед, – проговорил хриплым голосом король. – Я убил его, и все тут. – Прядь спутанных волос прикрыла его глаза, он смахнул ее и поглядел на Неда. – Надо было бы и тебя тоже. Ну не можете дать человеку поохотиться в мире. Сир Робар отыскал меня… Снять голову с Григора? Ну и идея. Я не сказал Псу, пусть Серсея сама удивит его.

Смех короля превратился в ворчание, когда боль пронзила его.

– Боги милосердные, – пробормотал король в муке. – Девочка, Дейенерис, она всего лишь только ребенок… Вот поэтому… боги послали вепря… чтобы наказать меня… – Король закашлялся, отплевываясь кровью. – Я был не прав, я был не прав… она всего только девочка. Мизинец… Варис, Мизинец, даже мой брат… все они… но никто не воспротивился мне, кроме тебя, Нед. Только ты… – Он с усилием поднял

руку. – Перо и бумага здесь, на столе. Пиши, что я приказываю.

Нед разгладил бумагу на колене, взял перо.

– Повинуюсь, светлейший государь.

– По слову и воле Роберта из дома Баратеонов, первого носителя этого имени, короля андалов и так далее… вставишь проклятые титулы, ты знаешь, как они звучат… Повелеваю Эддарду из дома Старков, лорду Винтерфелла и деснице короля, принять обязанности лорда-регента и протектора королевства после моей… после моей смерти… и править моим именем… до тех пор, пока сын мой Джоффри не достигнет нужного возраста.

«Роберт… Джоффри не твой сын», – хотел сказать Нед, но слова эти не шли. Лицо Роберта искажала слишком сильная мука. Он не мог ранить его еще сильнее. И, нагнув голову, лорд Старк принялся писать, но там, где король сказал «мой сын Джоффри», он написал «мой наследник». Ложь эта оставила на душе его грязный отпечаток. «Чего только не приходится совершать, да простят меня боги».

– Что еще я должен сказать?

– Скажи… все что нужно. Хранить и оборонять старых богов и новых, ты знаешь слова. Пиши все. Я подпишу. Передашь совету после моей смерти.

– Роберт, – проговорил Нед голосом, полным горя, – ты не должен умирать. Ну постарайся. Страна нуждается в тебе.

Роберт стиснул его руку.

– Ты… неумелый лжец, Нед Старк, – промолвил он, одолевая боль, – страна… страна знает… каким паршивым королем я был. Хуже Эйериса, да простят меня боги.

– Нет, – сказал Нед своему умирающему другу. – Зачем так говорить, светлейший государь! Тебя с Эйерисом даже сравнить нельзя!

Роберт умудрился улыбнуться.

– Ну теперь люди хотя бы скажут… что в последней воле… я не ошибся. Ты ведь не подведешь меня! Теперь править тебе. Ты ведь любишь это занятие еще меньше, чем я, но ты справишься, Нед. Написал?

– Да, светлейший государь. – Нед подал Роберту бумагу.

Король вслепую поставил подпись, оставив на бумаге кровавое пятно.

– Приложишь печать. А вепря съешьте на поминках, – скрежетнул Роберт, – с яблоком во рту и поджарьте до хруста. Съешьте ублюдка. Сделай так, Нед, хотя тебе-то кусок в глотку не полезет. Обещай мне, Нед!

– Обещаю. – И в памяти отозвался голос Лианны, те же слова: «Обещай мне, Нед!» – Девочка, – сказал король. – Дейенерис. Пусть живет. Если ты

можешь, если это… не слишком поздно… переговори с ними… с Варисом, Мизинцем, пусть они не убивают ее. Помоги моему сыну, Нед, сделай его… лучшим королем, чем был я. – Он дернулся. – Да смилуются боги над нами.

– Смилуются, мой друг, – обещал Нед. – Обязательно.

Король закрыл глаза и как будто расслабился.

– Был убит свиньей, – пробормотал он. – Можно бы и посмеяться, но слишком уж больно.

Неду не хотелось смеяться.

– Позвать всех назад?

Роберт слабо кивнул:

– Как хочешь. Боги, почему здесь так холодно? Слуги торопливо вошли и принялись подкладывать дрова в огонь. Королева ушла, принеся этим какое-то облегчение. Если у нее остались хоть крохи ума, Серсея заберет детей и убежит с ними еще до рассвета, подумал Нед. Она и так задержалась здесь слишком долго.

Король Роберт определенно не горевал без жены. Он попросил своего брата Ренли и великого мейстера Пицеля стать свидетелями и приложил печать к горячему желтому воску, которым Нед капнул на грамоту.

– А теперь дайте мне что-нибудь от боли и позвольте умереть.

Великий мейстер Пицель поспешно смешал ему новую чашу макового молока. На этот раз король выпил все без остатка. Густую бороду усеяли белые капли, когда Роберт отбросил пустую чашу в сторону.

– Я усну?

Нед склонился над ним:

– Да, милорд.

– Отлично, – улыбнулся король. – Я передам Лианне твою любовь, Нед. Позаботься о моих детях.

Слова эти повернулись в животе Неда ударом ножа. На мгновение он потерялся. Он не мог заставить себя солгать. А затем вспомнил его бастардов… маленькую Барру у груди матери, Мию, оставшуюся в Долине, Джендри у наковальни и остальных.

– Я буду охранять твоих детей, как своих собственных, – медленно проговорил он.

Роберт кивнул и закрыл глаза. На глазах Неда старый друг осел на подушки, и маковое молоко смыло боль с его лица. Король погрузился в сон.

Тяжелые цепи негромко звякнули, когда великий мейстер Пицель подошел к Неду.

– Я сделал все, что было в моих силах, милорд, однако рана успела загнить. На дорогу ушло два дня, и я увидел его уже слишком поздно. Я могу лишь уменьшить страдания светлейшего государя, но одни только боги могут теперь исцелить его.

– Сколько ему осталось? – спросил Нед.

– По всем правилам он должен был уже скончаться. Я еще не видел, чтобы человек так яростно держался за жизнь.

– Мой брат всегда был могуч, – заметил лорд Ренли, – хотя, может быть, и не слишком мудр.

В обжигающей жаре опочивальни чело его увлажнил пот. Он мог показаться призраком Роберта – молодой и темноволосый красавец.

– Он убил вепря! Внутренности уже вываливались из его живота, но тем не менее он убил вепря. – В голосе его слышалось удивление.

– Роберт был не из тех, кто оставляет поле боя, пока враг стоит на ногах, – кивнул Нед.

Снаружи за дверью сир Барристан по-прежнему охранял вход в башню.

– Мейстер Пицель дал королю маковое молоко. Приглядите, чтобы никто не потревожил его без моего разрешения, – распорядился Нед.

– Как прикажете, милорд. – Сир Барристан, казалось, постарел еще более. – Я не сумел исполнить свою священную клятву.

– И самый верный рыцарь не смог бы защитить короля от него самого, – проговорил Нед. – Роберт любил охотиться на вепрей. При мне он взял их, наверное, тысячу.

Король не знал трепета, упирался в землю ногами, с огромным копьем в руке, притом нередко ругая зверя, бросавшегося на него, и ожидал – до самого последнего мгновения. И когда вепрь оказывался рядом, убивал несущегося зверя одним коротким и уверенным движением.

– Никто не знал, что именно этот вепрь принесет ему смерть.

– Вы добры ко мне, лорд Эддард.

– То же самое сказал и король. Он обвинил вино.

Седоволосый рыцарь устало кивнул.

– Когда мы выгнали вепря из логова, светлейший государь едва не сползал из седла, однако он приказал нам отступить.

– Интересно, сир Барристан, – негромко спросил Варис, – а кто дал королю это вино?

Нед не заметил приближения евнуха, но, обернувшись, увидел его. Черное бархатное одеяние Вариса мело по земле, лицо покрывал слой свежей пудры.

– Вино было из собственного бурдюка короля, – проговорил сир

Барристан.

– Единственного бурдюка? Охота пробуждает жажду.

– Я не считал, сколько их было. Сквайр всегда приносил новый мех по требованию короля.

– Такой услужливый мальчик, – сказал Варис. – Старался, чтобы светлейший не ощущал жажды.

Во рту Неда сделалось горько. Он вспомнил двух светловолосых юнцов, которых Роберт посылал искать кузнеца, чтобы растянуть нагрудник. В тот вечер на пиру король всем рассказывал эту повесть и всякий раз трясся от хохота.

– Который из них?

– Старший, – ответил сир Барристан. – Лансель.

– Я отлично знаю юношу, – сказал Варис. – Преданный молодой человек. Сын сира Кивана Ланнистера, племянник лорда Тайвина и кузен королевы. Надеюсь, милый мальчик ни в чем не обвиняет себя. Дети в своей юной невинности настолько ранимы! Я это прекрасно помню…

Безусловно, Варис некогда был молодым. Впрочем, Нед сомневался, что он вообще когда-либо был невинным.

– Вы упомянули о детях. Роберт изменил свои намерения в отношении Дейенерис Таргариен. Какие бы распоряжения вы ни отдали, я хочу, чтобы их отменили. Немедленно.

– Увы, – отвечал Варис, – даже если я сделаю это немедленно, и то будет уже поздно. Птички, увы, уже улетели. Но я выполню все, что могу, милорд. Прошу вашего прощения. – Он поклонился и скользнул вниз по ступеням, негромко ступая по камням своими мягкими туфлями.

Кейн и Томард помогали Неду перейти мост, когда лорд Ренли выбежал из крепости Мейегора.

– Лорд Эддард, – окликнул он Неда. – Подождите мгновение, будьте любезны.

Нед остановился.

– Как вам угодно.

Ренли подошел к нему.

– Отошлите ваших людей.

Они остановились на середине моста, над сухим рвом. Лунный свет серебрил острия пик, усаживающих его дно.

Нед махнул. Томард и Кейн склонили головы и почтительно отступили. Сир Ренли с опаской поглядел на сира Престона, замершего в дальнем конце моста, и на сира Барристана в дверях позади них.

– Это письмо. – Он наклонился поближе. – Речь шла о регентстве? Мой

брат назначил вас протектором?

Ренли не дожидался ответа.

– Милорд, в моей собственной гвардии тридцать человек, есть друзья среди рыцарей и лордов. Предоставьте мне час, и я отдам в ваши руки сотню мечей.

– И что я сделаю с сотней мечей, милорд?

– Вы нанесете удар! Немедленно, пока замок спит. – Ренли поглядел на сира Бороса и вновь понизил свой голос до настоятельного шепота. – Надо отделить Джоффри от матери и взять его. Протектор или нет, но человек, который владеет юным королем, владеет властью. Надо захватить Мирцеллу и Томмена. Если дети будут у нас, Серсея не посмеет сопротивляться. Совет подтвердит вашу власть лорда-протектора и отдаст Джоффри в вашу опеку.

Нед холодно поглядел на него.

– Роберт еще не умер, и боги могут пощадить его. А если нет, я передам совету его последние слова, и мы обдумаем вопрос о наследовании престола, однако я не буду бесчестить его последние часы на земле, проливая кровь в его палатах, извлекая испуганных детей из постелей.

Лорд Ренли отступил назад, напряженный как тетива.

– С каждым мгновением промедления Серсея получает лишнее время на подготовку. И когда Роберт умрет, его может не хватить… нам.

– Тогда следует молиться, чтобы Роберт не умер.

– На это шансы невелики, – отвечал Ренли.

– Иногда боги бывают милосердны.

– Боги, но не Ланнистеры. – Лорд Ренли повернулся и направился назад через ров к башне, где лежал его умирающий брат.

Вернувшись к себе в палаты, Нед ощутил усталость и боль в сердце, но о том, чтобы уснуть, не было даже речи. Тот, кто играет в престолы, либо побеждает, либо погибает, сказала ему Серсея Ланнистер в богороще. Нед подумал, не ошибся ли он, отказав предложению лорда Ренли. Он не любил подобных интриг, к тому же бесчестно угрожать детям, и все же… если Серсея решила сопротивляться, а не бежать, ему не хватит даже тех мечей, которые предложил Ренли.

– Мне нужен Мизинец, – сказал он Кейну. – Если он сейчас не у себя, возьмите столько людей, сколько потребуется, и обыщите все винные погребки и бордели в Королевской Гавани, но найдите его и доставьте ко мне до рассвета.

Кейн поклонился и направился прочь.

Нед обратился к Томарду:

– «Владычица ветра» отправляется с вечерним приливом. Ты выбрал свиту?

– Десять человек, старшим – Портер.

– Двадцать, старшим поедешь ты, – сказал Нед. Портер человек отважный, но недалекий. Девочек он мог доверить лишь человеку более надежному и разумному.

– Как вам угодно, милорд, – поклонился Том. – Не могу сказать, что мне будет жаль расстаться с этим местом. Я соскучился по жене.

– Вы пройдете мимо Драконьего Камня, когда повернете на север. Я хочу, чтобы вы передали письмо.

Том удивился.

– На Драконий Камень, милорд? – Островная крепость дома Таргариенов пользовалась мрачной репутацией.

– Велите капитану Кроссу поднять мой стяг, как только он завидит остров: там могут опасаться незваных гостей. Если капитан проявит нерешительность, предложите ему все, что он захочет. Я дам тебе письмо, передашь его в собственные руки лорда Станниса Баратеона. И никому более: ни управляющему, ни капитану его гвардии, ни его леди-жене, только самому лорду Станнису.

– Как вам угодно, милорд.

Когда Том оставил его, лорд Эддард Старк сел, не отводя глаз от огонька свечи, горевшей перед ним на столе, на мгновение позволив себе расслабиться. Ему захотелось спуститься в богорощу, преклонить колено перед сердце-деревом и помолиться за жизнь Роберта Баратеона, который был ему более чем братом. Пусть люди шепчут потом, что Эддард Старк предал своего короля, что лишил наследства его сыновей; ему осталось только надеяться, что боги не допустят этого и что Роберт все равно узнает правду в стране, что начинается по ту сторону могилы.

Нед вынул последнее письмо короля, свиток хрустящего белого пергамента, запечатанный золотым воском… несколько коротких слов и пятно крови. Сколь же невелика разница между победой и поражением, между жизнью и смертью!

Он извлек свежий листок бумаги и обмакнул перо в чернильницу. «К его светлости Станнису из дома Баратеонов. Когда вы получите это письмо, ваш брат Роберт, король, правивший нами последние пятнадцать лет, будет мертв. Он был убит вепрем на охоте в Королевском лесу…» Буквы, казалось, змеились и дергались на бумаге, и рука Неда остановилась. Лорд Тайвин и сир Джейме не из тех, кто принимает несчастья с кротостью, эти не побегут, они будут сопротивляться. Лорд Станнис вел себя осторожно

после смерти Джона Аррена, но дело требовало, чтобы он немедленно явился в Королевскую Гавань со всей своей силой, прежде чем Ланнистеры выступят.

Нед старательно выбирал слова. Закончив, он подписал письмо – «Лорд Эддард Старк, властитель Винтерфелла, десница короля и протектор государства». Промокнув бумагу, он дважды сложил ее и расплавил над свечой воск для печати.

Его регентство будет коротким, думал Нед, глядя на плавящийся воск. Новый король выберет собственного десницу. Он сможет вернуться домой. Мысль о Винтерфелле заставила его улыбнуться. Ему хотелось снова услышать смех Брана, отправиться на соколиную охоту вместе с Роббом, посмотреть на игры Рикона. Он хотел заснуть в своей собственной постели, обнимая леди Кейтилин.

Кейн вернулся, когда Нед оттиснул на воске лютоволка Старков. Вместе с Десмондом он привел Мизинца. Поблагодарив своих гвардейцев, Нед отослал их.

Лорд Петир был облачен в синюю тунику с пышными рукавами, серебристый плащ его был расшит пересмешниками.

– Предполагаю, я должен принести поздравления, – сказал он усаживаясь. Нед нахмурился.

– Король лежит раненый, он близок к смерти.

– Я знаю, – отвечал Мизинец. – Но мне известно, что он назначил вас протектором государства.

Глаза Неда метнулись к письму короля, лежавшему на столе; печать была цела.

– А откуда вам это известно, милорд?

– Намекнул Варис, – сказал Мизинец, – да и вы только что подтвердили.

Рот Неда гневно дернулся.

– Проклятие Варису и его маленьким пташкам! – Кейтилин была права: человеку этому известно какое-то черное искусство. – Я не доверяю ему.

– Великолепно. Вы учитесь. – Мизинец наклонился вперед. – И все же бьюсь об заклад, что вы позвали меня ночью не для того, чтобы обсуждать порядочность евнуха.

– Нет, – согласился Нед. – Я знаю секрет, который погубил Джона Аррена. Роберт не оставит после себя истинного наследника. Джоффри и Томмен – бастарды Джейме Ланнистера, рожденные в инцесте с королевой.

Мизинец приподнял бровь.

– Потрясающая вещь, – проговорил он голосом абсолютно равнодушным. – И девочка тоже? Вне сомнения. Итак, когда король

умрет…

– Трон должен по праву перейти к лорду Станнису, старшему из двух братьев Роберта.

Лорд Петир погладил свою остроконечную бородку, обдумывая вопрос.

– Похоже на то, если только…

– Что если только, милорд? Неопределенности быть не может. Станнис является настоящим наследником, и ничто не может отменить этого.

– Станнис не сумеет занять престол без вашей помощи. Ну а если вы наделены мудростью, то постараетесь, чтобы престол наследовал Джоффри.

Нед ответил ему каменным взглядом.

– Неужели у вас нет и лоскутка чести?

– О, лоскуток, конечно, найдется, – непринужденно улыбнулся Мизинец. – Выслушайте меня. Станнис не друг ни вам, ни мне. Даже братья едва способны переваривать его. Этот человек выкован из железа, жесткого и неподатливого. Он назначит нового десницу и новый совет, это уж вне сомнения. Уверен, что он только поблагодарит вас за то, что вы передали ему корону, но не станет испытывать к вам любви. К тому же его восшествие на престол означает войну. Станнис не сможет спокойно пребывать на троне, пока не погибнет Серсея со своими бастардами. Или вы думаете, лорд Тайвин будет невозмутимо смотреть, как насаживают на пику голову его собственной дочери? Бобровый утес поднимется, и не один. Роберт простил людей, служивших королю Эйерису, при условии, что они покорятся ему. Станнис не столь доверчив. Он не забыл осаду Штормового Предела! Все, кто воевал под знаменем дракона или поднялся с Беелоном Грейджоем, получат основания для страха. Усадите Станниса на Железный трон, и клянусь, страна немедленно обагрится кровью.

А теперь посмотрим на другую сторону монеты. Джоффри всего двенадцать, и Роберт передал регентство вам, милорд. Вы – десница короля и протектор государства. Власть принадлежит вам, лорд Старк. Вам нужно лишь протянуть руку и взять ее. Помиритесь с Ланнистерами, освободите Беса, обвенчайте Джоффри с вашей Сансой. Обвенчайте вашу младшую девочку с принцем Томменом, наследника – с Мирцеллой. Джоффри достигнет зрелости лишь через четыре года. К тому времени он будет видеть в вас второго отца, ну а если же нет… четыре года – это долгий срок, милорд. Достаточно долгий, чтобы управиться с лордом Станнисом, ну а потом, если Джоффри будет вызывать беспокойство, мы сможем открыть его маленький секрет и возвести на престол лорда Ренли.

– Мы? – спросил Нед. Мизинец пожал плечами:

– Бремя власти лучше разделить с кем-нибудь еще. Уверяю вас, цена моя будет самой умеренной.

– Ваша цена велика, лорд Бейлиш, – ответил Нед ледяным голосом. – Вы предлагаете мне измену!

– Только если мы проиграем.

– Вы забыли кое о чем, – заметил Нед. – О Джоне Аррене… о Джори Касселе и об этом… – Он выложил кинжал на стол между ними. Драконья кость и валирийская сталь, грань между жизнью и смертью, между правдой и кривдой. – Они подослали человека, чтобы перерезать горло моему сыну, лорд Бейлиш.

Мизинец вздохнул:

– Увы, я забыл об этом. Прошу простить меня. На какое-то мгновение я забыл, что разговариваю со Старком. – Рот его дернулся. – Значит, будет Станнис и война?

– Выбора нет, наследник – Станнис.

– Не мне обсуждать решения лорда-протектора. Зачем я тогда потребовался вам? Безусловно, не ради мудрого совета.

– Я постараюсь по возможности забыть ваш… мудрый совет, – проговорил Нед с отвращением. – Я позвал вас, чтобы попросить о помощи, которую вы обещали Кейтилин. Настал опасный час для всех нас! Роберт назвал меня протектором, однако в глазах света Джоффри остается его сыном и наследником. У королевы есть дюжина рыцарей и сотня вооруженных людей, которые сделают то, что она прикажет… Их достаточно, чтобы справиться с остатками моей гвардии. Насколько я знаю, ее брат Джейме, возможно, уже скачет в Королевскую Гавань во главе войска Ланнистеров.

– А у вас нет армии. – Мизинец принялся играть с кинжалом на столе, медленно крутя его пальцем. – Лорд Ренли и Ланнистеры не испытывают особой любви друг к другу. Бронзовый Джон Ройс, сир Белой Свонн, сир Лорас, леди Танда, близнецы Редвины… у всех них есть свита рыцарей и наемные мечи при дворе.

– У Ренли тридцать человек в его личной гвардии, у остальных еще меньше. Этого недостаточно, даже если бы я мог быть уверен в их верности. Я должен рассчитывать на поддержку золотых плащей. Две тысячи мечей городской стражи способны защитить замок, город и королевский мир.

– Да, но что будет, если королева объявит одного короля, а десница другого, чей мир будет тогда защищать стража?

Лорд Петир резко крутнул кинжал пальцем. Оружие кружилось и

кружилось, дергалось при каждом обороте. И когда наконец кинжал замер, острие его указывало на Мизинца.

– Ну что ж, вот и ответ, – сказал он улыбаясь. – Они пойдут за тем, кто заплатит больше. – Он откинулся назад и поглядел Неду прямо в лицо, в зеленых глазах светилась насмешка. – Старк, вы закованы в свою честь, словно в панцирь. Вы думаете, что она способна сохранить вам жизнь, но она только отягощает вас, мешает шевелиться. Поглядите на себя! Вы знаете, почему призвали меня сюда. Вы знаете, о чем хотите попросить меня. Вы знаете, что это нужно сделать… но это нечестно, и поэтому слова застревают в вашей гортани.

Шея Неда напряглась от напряжения. На миг он настолько разгневался, что заставил себя молчать.

Мизинец расхохотался.

– Мне бы следовало попросить вас произнести все вслух, однако это чрезмерно жестоко, поэтому не опасайтесь, мой добрый лорд. Ради той любви, которую я испытываю к Кейтилин, я отправлюсь к Яносу Слинту прямо сейчас и удостоверюсь, что городская стража поддержит вас. Хватит шести тысяч золотых: треть командиру, треть офицерам, треть людям. Мы могли бы купить их и за половину этой суммы, однако я не хочу рисковать. – С улыбкой он взял со стола кинжал и подал его Неду рукоятью вперед.

Джон

Джон завтракал яблочным пирогом и кровяной сосиской, когда Сэмвел Тарли плюхнулся возле него на скамью.

– Меня вызвали в септу, – проговорил Сэм взволнованным шепотом. – Меня снимают с обучения. Я стану братом вместе со всеми вами. Можешь ли ты в это поверить?

– Неужели?

– В самом деле. Я буду помогать мейстеру Эйемону в библиотеке и с птицами. Ему нужен человек, умеющий писать и читать.

– Ты превосходно справишься с этим делом, – улыбнулся Джон.

Сэм тревожно огляделся вокруг.

– Не пора ли идти? Я не хочу опоздать, а то вдруг передумают… – Он чуть ли не подпрыгивал, когда они пересекали заросший травой двор. День выдался теплый и солнечный. Ручейки воды стекали вниз по стене, лед сверкал и искрился.

Внутри септы огромный кристалл ловил утренний свет, струившийся в обращенное на юг окно, и радугой разливал его над алтарем. Заметив Сэма, Пип невольно открыл рот, и Жаба ткнул Гренна в ребра, но никто не посмел сказать даже слова. Септон Селладар, размахивая кадильницей, наполнял воздух благоуханием, напоминавшим Джону о крошечной септе леди Старк в Винтерфелле. На этот раз септон, похоже, был трезв.

Вместе вошли высшие офицеры: мейстер Эйемон, опирающийся на Клидаса, сир Аллисер, мрачно блеснувший холодным взором, лорд-командующий Мормонт во всем великолепии черного шерстяного дублета с посеребренными застежками из медвежьих когтей. За ними следовали старшины трех орденов: краснолицый Боуэн Марш, лорд-стюард, первый строитель Отелл Ярвик и сир Джареми Риккер, командовавший разведчиками в отсутствие Бенджена Старка.

Мормонт стал перед алтарем, радуга сверкала над его широким лысым лбом.

– Вы пришли к нам, не зная закона, – начал он. – Браконьерами, насильниками, должниками, убийцами и ворами. Вы пришли к нам детьми. Каждый из вас пришел к нам в одиночестве и цепях, не имея ни друга, ни чести. Вы пришли к нам бедными и богатыми. Некоторые из вас носят гордые имена, у других имена бастардов или нет имени вообще. Теперь это безразлично. Все ушло в прошлое. Здесь, на Стене, мы одна семья.

Вечером, когда солнце опустится и мы обратимся лицом к собирающейся ночи, вы примете свой обет. И тогда навсегда станете братьями, присягнувшими на верность Ночному Дозору. Преступления ваши будут смыты, долги прощены. Поэтому вы должны отречься от прежних привязанностей, забыть про былую вражду, прошлые обиды и симпатии. И все для вас начинается заново.

Ночной Дозор живет ради своей страны… не ради короля, не ради лорда, не ради чести своего дома, не ради золота, не ради славы, не ради женской любви. Он служит всей земле и людям ее. Дозорный не берет жены и не родит сыновей. Наша жена – долг, наша любовница – честь, а вы – единственные сыновья, которые будут у нас.

Вы заучили слова обета. Подумайте же прежде, чем произнести их. Потому что тот, кто принял черное, не может снять его. Наказание за дезертирство – смерть. – Старый Медведь помедлил мгновение и добавил:

– Есть ли среди вас такие, которые хотят оставить наше общество? Если так, уходите немедленно, и никто не подумает о вас худо.

Никто не шевельнулся.

– Отлично! – проговорил Мормонт. – Вы можете принять ваши обеты вечером, перед септом Селладаром и главой вашего ордена. Есть ли среди вас поклонники старых богов?

Джон встал:

– Я, милорд.

– Я рассчитываю, что ты принесешь свой обет перед сердце-деревом, как сделал твой дядя.

– Да, милорд, – ответил Джон. Боги септы не имели к нему отношения. Кровь Первых Людей текла в жилах Старков.

Он услыхал позади себя шепот Гренна:

– Но здесь же нет богорощи, или не так? Я никогда не видел ее…

– Ты не заметишь даже стада зубров, пока их копыта не втопчут тебя в снег, – шепнул Пип.

– Да ну, что ты, – возразил Гренн. – Зубров-то я бы увидел издалека.

Мормонт сам рассеял сомнения Гренна:

– Черный замок не нуждается в богороще. За Стеной стоит Зачарованный лес, как стоял он в Рассветные Века, задолго до того, как андалы принесли Семерых из-за Узкого моря. Ты найдешь рощу чардрев в половине лиги от этого места, а в ней, быть может, и своих богов.

– Милорд. – Голос заставил Джона с удивлением оглянуться. Сэмвел Тарли поднялся на ноги. Толстяк вытирал свои потные ладони о тунику. – А можно… можно я тоже пойду? Чтобы произнести свои слова перед этим

сердце-деревом.

– Разве дом Тарли хранит верность старым богам? – спросил Мормонт.

– Нет, милорд, – ответил Сэм тонким взволнованным голосом. Старшие офицеры пугали, его – Джон знал об этом, – и Старый Медведь больше всех. – Я получил имя в совете Семерых в септе на Роговом Холме, как и мой отец, и как его отец, и как все Тарли за последнюю тысячу лет.

– Зачем же тогда ты хочешь отречься от богов своего отца и своего дома? – удивился сир Джареми Риккер.

– Теперь мой дом – Ночной Дозор, – сказал Сэм. – Семеро не ответили на мои молитвы. Быть может, это сделают старые боги.

– Как хочешь, мальчик, – ответил Мормонт. Сэм опустился на свое место, Джон тоже. – Мы назначили каждого из вас в орден, как того требует наша нужда и как позволяют ваши сила и умение.

Боуэн Марш шагнул вперед и вручил ему листок. Лорд-командующий развернул его и начал читать.

– Халдер, к строителям, – начал он. Халдер коротко и одобрительно кивнул. – Гренн в разведчики. Албетт к строителям. Пипар в разведчики, – Пип поглядел на Джона и шевельнул ухом. – Сэмвел в стюарды. – Сэм вздохнул с облегчением и промокнул лоб шелковым платком. – Маттхар, в разведчики. Дарион, в стюарды. Тоддар, в разведчики. Джон в стюарды.

– В стюарды? – Мгновение Джон не мог поверить тому, что услышал. Должно быть, Мормонт ошибся. Он уже начал подниматься и приоткрыл свой рот, чтобы сказать, что произошла ошибка… но тут он увидел Аллисера, изучавшего его лицо глазами, блестящими, как два кусочка обсидиана, и все понял.

Старый Медведь свернул бумагу.

– Главы орденов наставят вас в ваших обязанностях. Да сохранят вас боги, братья. – Лорд-командующий почтил их полупоклоном и откланялся. Сир Аллисер направился к ним с тонкой улыбкой на лице. Джон никогда не видел еще мастера над оружием столь счастливым.

– Разведчики, ко мне, – сказал сир Джареми Риккер, когда они ушли. Поглядев на Джона, Пип медленно поднялся. Уши его побагровели. Гренн широко ухмыльнулся, он как будто не понимал, что все сложилось не так. Мэтт и Жаба подошли к нему и последовали за сиром Джареми из септы.

– Строители, – объявил Отелл Ярвик, человек с квадратной челюстью. Халдер и Албетт последовали за ним.

Джон оглянулся с болезненным недоверием. Слепые глаза мейстера Эйемона были обращены к свету, которого он не мог видеть. Септон поправлял кристаллы на алтаре. Лишь Сэм и Дарион оставались на скамье;

толстяк, певец… и он сам.

Лорд-стюард Боуэн Марш потер свои пухлые руки.

– Сэмвел, ты будешь помогать мейстеру Эйемону с птицами и в библиотеке. Четт отправится на псарню заниматься собаками. Ты займешь его келью, чтобы не разлучаться с мейстером ни ночью, ни днем. Я рассчитываю, что ты как следует позаботишься о нем. Мейстер очень стар и весьма дорог нам.

Дарион, мне говорили, что ты много раз пел за столами высоких лордов и ел их мясо и мед. Мы посылаем тебя в Восточный Дозор. Там ты будешь помогать Коттеру Пайку, когда придут купеческие галеи. Дозор явно переплачивает за солонину и соленую рыбу, а качество оливкового масла, которое мы получаем оттуда, сделалось невозможным. Представься Боркасу, когда прибудешь. Он займет тебя между прибытием кораблей.

Марш обернулся с улыбкой к Джону:

– Лорд-командующий Мормонт потребовал, чтобы ты прислуживал ему лично, Джон. Ты будешь спать в келье под его палатами, в башне лорда-командующего.

– И какими же будут мои обязанности? – резко спросил Джон. – Буду ли я прислуживать лорду-командующему за трапезой, помогать ему застегивать одежду, приносить горячую воду для ванны?

– Безусловно. – Марш нахмурился, услышав тон Джона. – И ты будешь бегать с его приказами, поддерживать огонь в его палатах, ежедневно менять простыни и одеяла и делать все нужное, что потребует от тебя лорд-командующий.

– Вы принимаете меня за слугу?

– Нет, – возразил мейстер Эйемон, с помощью Клидоса поднявшийся на ноги за его спиной. – Мы принимаем тебя за Ночного Дозорного, но, быть может, ошибаемся в этом.

Джон сделал все возможное, чтобы сдержаться. Неужели он будет сбивать масло и чинить дублеты весь остаток своих дней, подобно какой-то служанке?

– Можно выйти? – спросил он напряженным голосом.

– Как угодно, – отвечал Боуэн Марш. Дарион и Сэм вышли вместе с ним. Молча они спустились во двор. Снаружи Джон посмотрел на блестевшую Стену, на тающий лед, сползающий по ее поверхности сотнями тонких пальцев, и его разобрала такая ярость, что он готов был разнести эту Стену в одно мгновение и с нею весь мир.

– Джон, – проговорил взволнованный Сэмвел Тарли. – Погоди. Разве ты не понял их замысел?

Джон обернулся к нему в ярости:

– Я вижу в этом руку проклятого сира Аллисера. Вот что! Он решил опозорить меня и добился этого!

Дарион поглядел на него:

– Исполнять обязанности стюарда подобает лишь таким, как мы с тобой, Сэм, но только не лорду Сноу!

– Я же лучший фехтовальщик и наездник, – вспыхнул Джон. – Это несправедливо!

– Справедливо? – фыркнул Дарион. – Моя девица дожидалась меня голой, как мать родила. Она сама втянула меня в окно, и ты говоришь мне – несправедливо! – Он отправился прочь.

– В должности стюарда нет позора, – проговорил Сэм.

– И ты думаешь, что я хочу провести весь остаток моей жизни, стирая белье старика?

– Этот старик – лорд-командующий Ночного Дозора, – напомнил ему Сэм. – И ты будешь с ним день и ночь. Да, ты будешь наливать ему вино и приглядывать за тем, чтобы постель его была свежей, но ты будешь читать его грамоты, прислуживать ему на собраниях, помогать в бою. Ты будешь его тенью. И будешь знать все, во всем принимать участие… Лорд-стюард сказал, что Мормонт сам попросил тебя.

Когда я был маленьким, отец мой настаивал, чтобы я присутствовал в приемном зале, когда он собирал двор. Когда он уезжал в Вышесад, чтобы преклонить колено перед лордом Тиреллом, то брал меня с собой. А потом начал брать Дикона, а меня оставил. И когда в зале находился Дикон, отца более не волновало, присутствую я или нет. Он хотел, чтобы наследник его был рядом, или ты не понял этого? Чтобы наблюдать, слушать и учиться. Клянусь тебе, лорд Мормонт именно поэтому потребовал тебя, Джон, зачем же еще? Он хочет научить тебя править!

Джон недоумевал. Действительно, лорд Эддард часто заставлял Робба присутствовать на его советах в Винтерфелле. Неужели Сэм прав? Даже бастард способен высоко взлететь в Ночном Дозоре. Так все говорили.

– Но я никогда не просил этого, – возразил он упрямо.

– Мы здесь не для того, чтобы просить, – напомнил ему Сэм.

И Джон Сноу устыдился.

Трус или нет, но Сэмвел Тарли нашел в себе отвагу принять свою судьбу, как подобает мужчине. На Стене каждый получает то, чего он заслуживает, говорил ему Бенджен Старк, когда Джон в последний раз видел его живым.

– Ты еще не разведчик, Джон. Ты пока еще зеленый мальчишка… от

которого пахнет летом.

Джон слыхал, что бастарды, мол, растут быстрее обычных детей, но на Стене человек или рос, или умирал.

Джон глубоко вздохнул:

– Ты прав. Я веду себя как мальчишка.

– Значит, ты останешься и произнесешь свои слова вместе со мной?

– Старые боги будут ожидать нас. – Джон заставил себя улыбнуться.

В тот вечер они выехали поздно. В Стене не было ворот как таковых. Не было их и в Черном замке на протяжении трехсот миль от гор и до моря. Дозорные вели своих коней по узкому тоннелю, прорезанному во льду, холодные темные стены смыкались, ход поворачивал и кружил. Три раза путь преграждали железные прутья, им приходилось останавливаться и ждать, пока Боуэн Марш находил нужный ключ и отпирал массивные цепи, скреплявшие их. Ожидая позади лорда-стюарда, Джон ощущал тяжесть, давящую на него. Стоячий воздух здесь был холоднее, чем в могиле. Джон почувствовал странное облегчение, когда они вновь выехали на вечерний свет по северную сторону Стены.

Сэм поморгал на солнце и задумчиво огляделся.

– А одичалые… они не могут… а они не посмеют приблизиться к Стене? А?

– Они никогда не подходили так близко. – Джон сел на коня. Когда Боуэн Марш и разведчики поднялись в седла, Джон вложил в рот два пальца и свистнул. Призрак прыжками вынесся из тоннеля.

Дорожный конек лорда-стюарда дернулся и попятился от лютоволка.

– Ты хочешь прихватить с собой зверя?

– Да, милорд, – коротко ответил Джон. Призрак поднял голову, он словно бы опробовал воздух на вкус. И в мгновение ока пересек широкую просеку и исчез за деревьями.

Едва въехав в лес, они оказались совершенно в другом мире. Джон часто охотился с отцом, Джори и братом Роббом и знал Волчий лес вокруг Винтерфелла, как положено знать мужчине. Зачарованный лес был похож на него, но при этом в нем было еще нечто необычное.

Быть может, вся разница и заключалась в том, что они были за краем света; этот факт менял все, здесь каждая тень казалась темнее, в каждом звуке слышалось что-то зловещее. Деревья теснились друг к другу, поглощая лучи заходящего солнца. Тонкая корочка льда хрустела под копытами коней, словно ломающиеся кости. Когда ветер зашелестел в листьях, по хребту Джона словно прошелся какой-то холодный палец. Стена осталась позади них, и одни только боги ведали, что лежит впереди.

Солнце уже опускалось за деревья, когда они достигли места – небольшой поляны в глубине леса, образованной кружком из девяти чардрев. Джон затаил дыхание. Он заметил, как напрягся Сэм Тарли. Даже в Волчьем лесу нельзя было увидеть рядом больше двух-трех белых деревьев, а о целой роще из девяти никто и не слыхивал. Опавшие кровавые листья покрывали черную гниль. Толстые стволы отливали слоновой костью, с них смотрели на поляну девять ликов. Сок, застывший в глазах, блестел твердым багрянцем рубина. Боуэн Марш велел всем оставить коней за пределами круга.

– Здесь священное место, и его нельзя осквернять!

Когда они вошли в рощу, Сэмвел Тарли медленно повернулся, оглядев по очереди все лики. Среди них не было и двух одинаковых.

– Они следят за нами, – шепнул он. – Это старые боги.

– Да. – Джон преклонил колено, и Сэмвел опустился на землю рядом с ним.

Они вместе произнесли слова присяги, когда последние лучи света поблекли на западе и серый вечер превратился в черную ночь.

– Слушайте мою клятву и будьте свидетелями моего обета, – говорили они, наполняя голосами молчаливую сумеречную рощу. – Ночь собирается, и начинается мой дозор. Он не окончится до самой моей смерти. Я не возьму себе ни жены, ни земель, не буду отцом детям. Я не надену корону и не буду добиваться славы. Я буду жить и умру на своем посту. Я – меч во тьме; я – Дозорный на Стене; я – огонь, который разгоняет холод; я – свет, который приносит рассвет; Я – рог, который будит спящих; я – щит, который охраняет царство людей. Я отдаю свою жизнь и честь Ночному Дозору среди этой ночи и всех, которые грядут после нее.

Лес молчал.

– Вы преклонили колена мальчишками, – торжественно провозгласил Боуэн Марш. – Встаньте же теперь, мужи Ночного Дозора!

Джон протянул руку, чтобы помочь Сэму подняться на ноги. Разведчики собрались вокруг, улыбаясь и поздравляя, все, за исключением корявого старого лесовика Дайвина.

– Лучше бы нам повернуть назад, милорд, – сказал он Боуэну Маршу. – Наступает тьма, я чувствую в ночи весьма неприятный запах.

И вдруг возвратился Призрак, бесшумно скользнув между двумя чардревами. «Белый мех и красные глаза, – с тревогой отметил Джон. – Как деревья».

Волк держал в зубах нечто черное.

– Что там у него? – спросил Боуэн Марш хмурясь.

– Ко мне, Призрак. – Джон пригнулся. – Дай сюда. Лютоволк направился к нему, и Джон услышал, как Сэм Тарли резко вздохнул.

– Боги милосердные, – пробормотал Дайвин. – Это рука.

Эддард

Серый рассвет уже сочился в его окно, когда грохот копыт пробудил Эддарда Старка от короткого тревожного сна. Он оторвал голову от стола, чтобы поглядеть во двор. Внизу люди в панцирях, коже и алых плащах приступили к утренним упражнениям. Звенели мечи, падали набитые соломой чучела воинов. Сандор Клиган, проскакав по избитой копытами земле, пробил железным острием голову чучела. Холст распоролся, солома вывалилась наружу… Гвардейцы Ланнистеров перешучивались и ругались.

«Неужели этот доблестный спектакль предназначен для меня? – подумал он. – Если так, то Серсея большая дура, чем можно было подумать. Проклятая баба, почему она не бежала? Я ведь давал ей шанс за шансом!» Утро выдалось мрачным и облачным. Нед позавтракал с дочерьми и септой Мордейн. Санса, все еще безутешная, мрачно глядела на пищу и отказывалась есть, однако Арья переправляла в живот все, что ставили перед ней.

– Сирио говорит, что у нас будет еще один последний урок, прежде чем мы сегодня вечером сядем на корабль, – сказала она. – Можно я пойду, папа? Все мои вещи собраны.

– Короткий урок: постарайся не забыть умыться и переодеться. Я хочу, чтобы вы отплыли днем, понятно?

– В середине дня, – повторила Арья. Санса оторвалась от еды.

– Если ей можно заниматься танцами, почему мне нельзя проститься с принцем Джоффри?

– Я охотно пойду с ней, лорд Эддард, – предложила септа Мордейн. – Так она не опоздает на корабль.

– Будет неразумно, если ты посетишь Джоффри именно сейчас, Санса. Прости.

Глаза Сансы наполнились слезами.

– Но почему?

– Санса, твоему лорду-отцу причины известны куда лучше, чем тебе, – проговорила септа Мордейн. – Ты не должна оспаривать его решений.

– Но это несправедливо! – Санса выскочила из-за стола, уронила стул и в слезах выбежала из солярия.

Септа Мордейн поднялась, но Нед жестом велел ей оставаться на месте.

– Пусть идет, септа, я попытаюсь все объяснить ей, когда мы окажемся в безопасности в Винтерфелле. – Септа склонила голову и села, чтобы

докончить свой завтрак.

Примерно через час великий мейстер Пицель посетил лорда Эддарда Старка в его солярии. Плечи старика согнулись, словно бы тяжесть великой мейстерской цепи вокруг шеи вдруг сделалась непосильной.

– Милорд, – проговорил он, – король Роберт скончался. Боги даровали ему покой.

– Нет, – отвечал лорд Эддард. – Король ненавидел покой, и боги послали ему любовь и смех, радость праведной битвы. – Странно, какая пустота вдруг обрушилась на него. Он ждал этого визита, но тем не менее с этими словами что-то скончалось внутри него. Нед отдал бы все свои титулы за возможность оплакать друга, но он оставался десницей Роберта, и час, которого он опасался, настал.

– Будьте добры, призовите членов совета в мой солярий, – сказал Нед Пицелю. Башню Десницы они с Томардом сделали по возможности безопасной, он не мог сказать того же самого о зале совета.

– Милорд? – заморгал Пицель. – Дела королевства, конечно же, подождут до завтрашнего утра, когда наше горе остынет.

Нед отвечал тихо, но твердо:

– Увы, мы должны собраться немедленно.

Пицель поклонился:

– Как приказывает десница, – и крикнув своим слугам, отослал их бегом, а потом с достоинством принял предложенное Недом кресло и чашу сладкого пива.

Первым на призыв откликнулся сир Барристан Селми, безупречный в белом плаще и эмалевом панцире.

– Милорды, – сказал он. – Мое место сейчас возле юного короля. Прошу вас, разрешите мне находиться возле него.

– Ваше место здесь, сир Барристан, – возразил ему Нед.

Следующим явился Мизинец, все еще облаченный в синий бархат и капюшон с серебряным пересмешником, которые были на нем предыдущей ночью, однако сапоги его запылились от верховой езды.

– Милорды, – сказал он, улыбнувшись всем и никому, а потом повернулся к Неду:

– Ваше маленькое распоряжение исполнено, лорд Эддард.

Вошел Варис, окутанный запахом лаванды, зарозовевшийся после ванны, пухлое лицо его было вымыто и припудрено, мягкие шлепанцы ступали бесшумно.

– Мои пташки сегодня напели грустную песню, – сказал он усаживаясь.

– Государство скорбит. Начнем?

– Когда прибудет лорд Ренли? – осведомился Нед. Варис скорбно поглядел на него.

– Увы, лорд Ренли, похоже, оставил город.

– Оставил город? – Нед рассчитывал на поддержку Ренли.

– Он отбыл через задние ворота за час до рассвета в компании сира Лораса Тирелла и пятидесяти человек свиты, – доложил Варис. – Судя по всему, они направились галопом на юг, вне сомнения, в Штормовой Предел или в Вышесад.

Итак, нет ни Ренли, ни его сотни мечей. Неду это не понравилось, однако что-либо сделать было нельзя. Он извлек последнюю грамоту Роберта.

– Король вызвал меня к себе прошлой ночью и приказал записать его последние слова. Роберт запечатал грамоту в присутствии лорда Ренли и великого мейстера Пицеля, чтобы совет вскрыл завещание после смерти короля. Сир Барристан, не окажете ли любезность?

Лорд-командующий Королевской гвардии обследовал бумагу.

– Печать короля Роберта не взломана.

Развернув грамоту, он начал читать:

– Лорд Эддард Старк назначается протектором государства и будет править как регент до тех пор, пока наследник престола не войдет в возраст.

А если придется, и когда наследник достигнет возраста, подумал Нед, не став, однако, ничего говорить вслух. Он не доверял ни Пицелю, ни Варису, а сира Барристана честь обязывает защищать и охранять мальчишку, которого он считал своим новым королем.

Старый рыцарь не оставит Джоффри. Горько было оттого, что придется солгать, однако Нед знал, что здесь ему придется ступать осторожно, он должен прибегать к их совету и играть в их игры, пока его положение как регента не укрепится. Потом найдется время заняться вопросами наследования престола – когда Арья и Санса окажутся в безопасности в Винтерфелле, а лорд Станнис возвратится в Королевскую Гавань со всей своей свитой.

– Я хотел бы попросить совет утвердить меня в качестве лорда-протектора, в соответствии с желанием покойного короля Роберта, – проговорил Нед, разглядывая их лица и пытаясь понять, какие мысли могут прятаться за полуприкрытыми глазами Пицеля, за ленивой полуулыбкой Мизинца и нервным трепетанием пальцев Вариса.

Дверь открылась. В солярий вступил Толстый Том.

– Простите, милорды, но стюард короля настаивает…

Королевский управляющий вошел и поклонился.

– Достопочтенные лорды, король требует, чтобы Малый совет немедленно собрался в тронном зале.

Нед ожидал, что Серсея не станет медлить с ударом, и вызов не явился неожиданным.

– Король умер, – проговорил он, – но тем не менее мы пойдем. Том, соберите свиту, будьте любезны.

Мизинец предоставил Неду руку и помог ему спуститься по ступеням. Варис, Пицель и сир Барристан следовали за ними. Два ряда людей в кольчугах и стальных шлемах ожидали Неда снаружи, северян было восьмеро. Серые плащи трепетали на ветру, пока гвардейцы провожали их через двор. Алых плащей Ланнистеров не было видно, и Нед несколько приободрился, заметив золотые плащи на бастионах и у ворот.

Янос Слинт встретил их у дверей в тронный зал – вооруженный, в причудливом черно-золотом панцире, он держал под рукой шлем с высоким султаном.

Командующий городской стражей чопорно поклонился, и люди его распахнули перед пришедшими окованные бронзой широкие дубовые двери в двадцать футов высотой.

Королевский стюард ввел их внутрь.

– Приветствуйте его величество Джоффри из дома Баратеонов и Ланнистеров, первого носителя этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, лорда Семи Королевств и протектора государства, – пропел он.

До того конца зала, где Джоффри ожидал их, сидя на Железном троне, еще надо было дойти. Опираясь на Мизинца, Нед Старк медленно хромал, приближаясь к мальчишке, который назвал себя королем. Остальные последовали за ним. В первый раз этот путь он проделал верхом, с мечом в руке, и драконы Таргариенов следили за ним со стен… тогда он заставил Джейме Ланнистера оставить трон. Нед не знал, удастся ли ему столь же легко справиться с Джоффри.

Пятеро рыцарей королевской гвардии – все, кроме сира Джейме и сира Барристана, – полумесяцем охватили подножие трона. Они были в полном вооружении, и эмалированная сталь прикрывала их от шлема до пяток, с плеч свисали длинные белые плащи, ослепительно белые щиты прикрывали левые руки. Серсея Ланнистер и двое ее младших детей стояли позади сира Бороса и сира Меррина. На королеве было шелковое платье цвета морской волны, отороченное миришскими кружевами, бледными, словно пена. Палец ее украшало золотое кольцо с изумрудом величиной с

голубиное яйцо, голову покрывала подобающая тиара.

Над ними среди колючек и шипов восседал принц Джоффри, в золотом дублете и красном атласном плаще. Сандор Клиган стоял у подножия узких ступеней, ведущих к трону. На нем была кольчуга, пепельно-серый панцирь и шлем в виде огрызавшейся собачьей морды.

Позади трона замерли двенадцать гвардейцев Ланнистеров, длинные мечи на поясе, алые плащи на плечах, стальные львы рычат со шлемов. Но Мизинец сдержал обещание: вдоль стен перед гобеленами Роберта со сценами охот и битв стояли золотые плащи городской стражи, каждый сжимал древко восьмифутового копья с наконечником из черного железа. Их было больше, чем Ланнистеров: пятеро на одного.

Нога Неда уже пылала от боли, когда он остановился. Опираясь на плечо Мизинца, он переложил на него свой вес.

Джофри встал. Его алый атласный плащ был расшит золотой нитью, с одной стороны пятьдесят львов, с другой стороны пятьдесят оленей.

– Повелеваю совету предпринять все необходимые меры для моей коронации, – объявил мальчик. – Я хочу быть коронованным через две недели. Сегодня я принимаю присягу на верность от моих лояльных советников.

Нед достал письмо Роберта.

– Лорд Варис, будьте любезны, покажите эту бумагу моей госпоже Ланнистер.

Евнух поднес письмо Серсее. Королева поглядела на слова.

– Протектор государства, – прочитала она. – И вы надеетесь защитить себя бумажкой, милорд? – Она разорвала грамоту пополам, потом еще раз и бросила обрывки на пол.

– Но такова была воля короля, – проговорил потрясенный сир Барристан.

– Сейчас у нас новый король, – сказала Серсея Ланнистер. – Помните, лорд Эддард, во время нашего последнего разговора вы дали мне один совет, позвольте же мне ответить любезностью на любезность. Преклоните колено, милорд, преклоните колено и поклянитесь в верности моему сыну, и мы позволим вам сегодня уйти отсюда десницей, а потом скончать свои дни в той серой пустыне, которую вы зовете домом.

– Если бы я только мог, – мрачно ответил Нед. Раз она решила поднять этот вопрос сейчас, выхода не остается. – У вашего сына нет прав на престол, на котором он сидит. Истинный наследник Роберта – лорд Станнис.

– Лжец! – завопил Джоффри, побагровев лицом.

– Мама, а что он хочет сказать? – жалобно спросила у королевы принцесса Мирцелла. – Разве Джофф теперь не король?

– Вы сами осудили себя собственным ртом, лорд Старк, – сказала Серсея Ланнистер. – Сир Барристан, схватите предателя.

Лорд-командующий королевской гвардии медлил. В мгновение ока он был окружен гвардейцами Старка, сталь блестела в их кольчужных перчатках.

– Так, значит, изменник перешел от слов к делу, – сказала Серсея.

– Неужели вы считаете, что сир Барристан останется в одиночестве, милорд? – Зловеще скрежетнув сталью о металл. Пес извлек свой длинный меч. Рыцари Королевской гвардии и двенадцать ланнистерских гвардейцев в алых плащах шагнули навстречу.

– Убейте его! – завизжал мальчишка-король с Железного трона. – Убейте их всех, я приказываю!

– Вы не оставляете мне выхода, – сказал Нед Серсее Ланнистер. Он окликнул Яноса Слинта. – Командующий, возьмите королеву и ее детей, не делайте им дурного, просто проводите в королевские апартаменты и держите их там под охраной.

– Стража! – завопил Слинт, нахлобучив шлем. Сотня золотых плащей опустила копья и сомкнулась.

– Я не хочу кровопролития, – сказал Нед королеве. – Пусть ваши люди сложат мечи, и никто не…

Удар, нанесенный одним из золотых плащей, пронзил спину Томарда. Клинок Толстого Тома вывалился из ослабевших пальцев, а влажное кровавое острие выставилось между ребер, пробив кожу и панцирь. Он умер еще до того, как меч его ударился о пол.

Предупреждающий крик Неда опоздал. Янос Слинт сам раскроил открытое горло Варли. Кейн повернулся, замелькала сталь, поток ударов заставил отступить ближайших копейщиков. На мгновение казалось, что он сумеет вырваться на свободу. Но Пес достиг его, и первым же ударом Сандор Клиган отсек запястье Кейна. Второй удар бросил северянина на колени, раскроив от плеча до груди.

Люди его умирали вокруг, а Мизинец извлек кинжал Неда из его ножен и ткнул под подбородок. На лице его появилась извиняющаяся улыбка.

– Я же предупреждал, чтобы вы не доверяли мне.

Арья

– Вверх, – выкрикнул Сирио Форель, целя в голову. Палочные мечи стукнули, и Арья отбила удар. – Налево, – закричал он, свистнул его клинок.

Ее меч метнулся навстречу. Стук заставил его прищелкнуть зубами.

– Вправо, – сказал он. А потом снова – вниз и налево, и снова налево, Сирио быстрее и быстрее продвигался вперед. Арья отступала, отбивая каждый удар.

– Выпад, – предупредил Сирио, и когда он шагнул вперед, она отступила в сторону, отвела от себя клинок и рубанула по плечу Фореля. То есть едва не прикоснулась к нему… Едва. Но близко было уже настолько, что Арья ухмыльнулась. Перед ее глазами прыгала влажная от пота прядь. Арья отбросила ее в сторону тыльной стороной ладони.

– Налево, – пропел Сирио. – Вниз. – Меч его метался, и в маленьком зале эхо отзывалось «стук, стук, стук». – Влево. Влево. Вверх. Влево. Вправо. Влево. Вниз. Влево!

Деревянный клинок кольнул ее прямо в грудь, внезапный удар потряс ее тем более, что явился не с той стороны.

– Ох! – воскликнула она. Значит, появится свежий синяк, к тому времени, когда она заснет где-нибудь на корабле. «Синяк – это урок, – сказала себе Арья, – а каждый урок делает нас лучше».

Сирио отступил назад.

– Ты уже мертва.

Арья скорчила рожу.

– Ты сплутовал, – сказала она с жаром. – Ты сказал налево, а ударил справа.

– Так. Но ты теперь – мертвая девочка.

– Но ты же солгал!

– Это слова мои лгали. Но глаза и рука кричали тебе правду, а ты не заметила ее.

– Нет, – возразила Арья. – Я следила за тобой каждую секунду.

– Следить, девочка, это не значит видеть. Водяной плясун видит. Теперь клади меч, настало время слушать.

Она последовала за учителем к стене, он опустился на скамейку.

– Сирио Форель был первым мечом морского лорда Браавоса. И знаешь ли ты, как это случилось?

– Ты был самым сильным фехтовальщиком города?

– Именно так, но почему? Ведь другие были сильнее и моложе, но почему же Сирио Форель оказался лучшим? Теперь я скажу тебе. – Он прикоснулся кончиком своего мизинца к глазам. – Я обладаю зрением, истинным зрением, в нем самая суть.

Слушай меня, корабли Браавоса плавают повсюду, где дует ветер, к разным землям, удивительным странам, а когда они возвращаются, капитаны доставляют в зверинец морского лорда странных животных. Таких ты никогда не видала; полосатых лошадей, огромных пятнистых зверей с шеями длинными, как ходули, волосатых свиномышей, ростом с корову, жалящих мантикоров, тигров, которые вынашивают своих щенков в сумке, жутких двуногих ящеров с косами вместо когтей. Сирио Форель видел их.

В тот день, о котором я говорю, Браавос погиб первым, и морской владыка послал за мной. Многие являлись к нему, и всех он отсылал, но никто не мог понять почему. Когда я явился пред его очи, владыка сидел, а на коленях его лежал жирный желтый кот. Он сказал мне, что один из его капитанов привез ему этого зверя с островов, лежащих у солнечного восхода. «Видел ли ты когда-нибудь подобных ему?» – спросил он.

И я ответил: каждую ночь переулки Браавоса кишат тысячами подобных ему. Морской владыка расхохотался, и в тот же день я был назначен первым мечом.

Арья скривилась.

– Я не поняла.

Сирио прищелкнул зубами.

– Кошка была обыкновенной и не более того. Остальные же хотели увидеть сказочного зверя, поэтому-то и видели его. Они говорили, какой он крупный. А кот был не больше любого другого, просто разжирел от безделья, потому что морской владыка кормил его с собственного стола. Какие забавные маленькие уши, они говорили, а уши были откушены в драках. К тому же это был явный кот, хотя морской владыка назвал его кошкой. И именно кошку видели все остальные. Ты слушаешь меня?

Арья подумала.

– А ты увидел, какой он на самом деле!

– Именно так. Нужно только открыть глаза. Сердце может солгать, голова одурачит тебя, но глаза видят верно. Гляди своими глазами, слушай своими ушами. Пробуй своим ртом. Нюхай своим носом. Ощущай своей кожей. Потом придут мысли… потом. Только так можно узнать правду.

– Именно так, – сказала Арья ухмыляясь. Сирио Форель позволил себе

улыбку.

– Но я думаю, что, когда мы доберемся в этот ваш Винтерфелл, настанет время вложить Иглу в твою руку.

Позади них огромные деревянные двери Малого зала с грохотом распахнулись. Арья крутнулась на месте. Под аркой двери появился рыцарь из Королевской гвардии в компании пяти ланнистерских гвардейцев. Он был в полной броне, но забрало было поднято. Арья помнила эти сонные глаза и ржавые усы по Винтерфеллу, рыцарь этот приехал вместе с королем, звали его сир Меррин Трант. Красные плащи были в кольчугах на вареной коже и в стальных шлемах с львиными гербами.

– Арья Старк, – сказал рыцарь, – пойдем с нами, дитя.

Арья неуверенно закусила губу.

– Чего вы хотите?

– Твой отец хочет видеть тебя.

Арья шагнула вперед, но Сирио Форель удержал ее за руку.

– Хотелось бы знать, почему лорд Эддард послал вместо своих людей Ланнистеров?

– Знай свое место, учитель танцев, – сказал сир Меррин. – Не твое дело.

– Мой отец не посылал вас, – сказала Арья, хватая свой деревянный меч. Ланнистеры расхохотались.

– Положи палку, девочка, – сказал ей сир Меррин. – Я из Белых Мечей, брат Королевской гвардии.

– Каким был и Цареубийца, когда убивал старого короля, – сказала Арья. – Я не пойду с вами против желания.

У сира Меррина Транта кончилось терпение.

– Возьмите ее, – сказал он своим людям, надвигая забрало на шлем.

Трое из них шагнули вперед, кольчуги мягко позвякивали на каждом шагу. Арья вдруг испугалась. «Страх режет глубже меча», – сказала она себе, чтоб замедлить биение сердца. Но Сирио Форель шагнул между ними, легонько похлопывая деревянным мечом по сапогу.

– Остановитесь. Я вижу людей или псов, способных напасть на ребенка?

– С дороги, старик, – проговорил один из красных плащей.

Палка Сирио, просвистев, обрушилась на его шлем.

– Я – Сирио Форель, и впредь ты будешь разговаривать со мной с большим уважением.

– Лысый сукин сын. – Человек извлек свой длинный меч. Палка дернулась с невероятной быстротой. Послышался громкий хруст, и меч звякнул о каменный пол. – Ох, рука! – закричал гвардеец, хватаясь за

перебитые пальцы.

– Ты слишком быстр для учителя танцев, – сказал сир Меррин.

– А ты для рыцаря слишком нетороплив, – отвечал Сирио.

– Убейте браавосийца и приведите ко мне девчонку, – приказал рыцарь в броне.

Четверо Ланнистеров обнажили мечи. Пятый, с перебитыми пальцами, сплюнув, вытащил кинжал левой рукой.

Сирио Форель цокнул зубами, занимая позу водяного плясуна, обратившись лишь одной стороной к врагу.

– Арья, детка, – окликнул он, не отрывая глаз от Ланнистеров, – на сегодня с танцами покончено. Тебе лучше идти. Беги к отцу.

Арья не хотела оставлять его, но он всегда учил ее выполнять его приказы.

– Быстрая, как олень, – прошептала она.

– Именно так, – ответил Сирио Форель, пока Ланнистеры окружали его.

Арья отступила, крепко сжимая в руках деревянный меч. Глядя на Сирио, она успела понять, что он только играл с нею во время поединков. Красные плащи наступали на него с трех сторон, со сталью в руках. Их руки и грудь прикрывали кольчуги, штаны – стальные пластины, одной только кожей были защищены лишь ноги. Все они были без перчаток, в шлемах со стрелками, но без забрала.

Сирио не стал ждать, пока они схватят его, и сразу ушел влево. Арья еще не видела, чтобы человек двигался так быстро. Один меч он остановил своей палкой и уклонился от второго. Лишившись равновесия, оба противника столкнулись друг с другом. Сирио пнул сапогом в спину второго, и красные плащи повалились вместе на браавосийца, налетел третий, метя мечом в голову. Сирио поднырнул под его клинок и ударил вверх. Человек Ланнистеров с воплем упал, кровь хлынула из кровавой дыры, оставшейся на месте левого глаза. Упавшие поднимались, Сирио ударил одного из них в лицо и прихватил стальной шлем с головы другого. Человек с кинжалом замахнулся. Сирио остановил руку шлемом и разбил палкой колено лежавшего. Последний из красных плащей с ругательством нанес удар, обеими руками взявшись за меч. Сирио откатился направо, и жестокий удар мясника угодил прямо между плечом и шлемом вставшего на колени гвардейца, того, что лишился шлема. Длинный меч рассек и панцирь, и кожу, и плоть. Прежде чем убийца успел высвободить свой кинжал, Сирио ударил его в адамово яблоко. С воем гвардеец отшатнулся назад, вцепившись пальцами в шею, лицо его почернело.

Когда Арья достигла задней двери, выходящей к кухне, пятеро латников

уже лежали на полу – мертвые или умирающие. Она услышала проклятия сира Меррина Транта.

– Проклятые олухи, – ругнулся он, извлекая свой длинный меч из ножен.

Сирио Форель занял свою позу и прицокнул зубами.

– Иди отсюда, детка, – приказал он ей, не глядя. – Уходи.

Смотри своими глазами, сказал он. И она видела: рыцаря, облаченного в белую броню, его ноги, голову, горло и руки, окованные металлом, глаза, упрятанные под высокий белый шлем, и в ладонях его жестокую сталь. А против него Сирио в кожаном жилете с деревянным мечом в руке.

– Сирио, беги, – закричала она.

– Первый меч Браавоса не из тех, кто бежит, – пропел он, когда сир Меррин ударил. Сирио уклонился от меча, палка его буквально растворилась в воздухе, в одно сердцебиение он нанес удары в висок, по локтю и горлу рыцаря, дерево звякнуло о металлический шлем, нагрудник и воротник.

Арья застыла на месте, сир Меррин приближался, Сирио отступал. Он отбил следующий удар, увернулся от второго, отразил третий.

Четвертый разрубил его палку пополам – и дерево, и свинцовую сердцевину.

Взрыдав, Арья побежала. Она бросилась через кухню и буфетные, в слепом ужасе находя извилистый путь между кухарками и кухонными мальчишками. Перед ней вдруг вырос помощник пекаря с деревянным подносом. Арья повалила его, разбросав благоуханные буханки свежевыпеченного хлеба по полу. Крики, поднявшиеся позади, она услыхала, уже обегая объемистого раздельщика, уставившегося на нее с ножом в руках. Руки его были по локоть в крови.

Все, чему учил ее Сирио Форель, вспыхнуло в голове девочки. Быстрая, как олень. Тихая, словно тень. Страх режет глубже меча. Гибкая, как змея. Тихая, как вода. Страх режет глубже меча. Сильная, как медведь. Свирепая, как росомаха. Страх режет глубже меча. Человек, который боится, уже погиб. Страх режет глубже меча. Страх режет глубже меча. Страх режет глубже меча. Рукоятка деревянного меча уже была влажной от пота, и Арья пыхтела, добравшись до лестницы в башню. На мгновение она замерла. Вверх или вниз? Путь вверх приведет ее к крытому мостику, нависшему над небольшим двориком, отделявшим ее от башни Десницы, куда она и должна была направиться по их распоряжению. Никогда не делай того, что от тебя ожидают, сказал ей однажды Сирио. Арья направилась вниз – вокруг центрального столба, перепрыгивая сразу через две-три узкие

каменные ступеньки. Она оказалась в огромном сводчатом погребе, полном бочек с пивом, сложенных штабелями в двадцать футов высотой. Свет проникал сюда лишь сквозь узкие наклонные окна, пробитые высоко в стене.

Тупик. Из этого погреба она могла выйти лишь тем путем, которым пришла. Арья боялась подниматься по этим ступенькам, но она и не могла оставаться здесь. Она должна была отыскать отца и рассказать ему о случившемся. Отец защитит ее.

Арья заткнула деревянный меч за пояс и полезла. Перепрыгивая с бочонка на бочонок, она добралась до окна и, ухватившись за камень обеими руками, подтянулась. Стена была здесь трех футов толщиной, и окно косым лазом уходило вверх и наружу. Арья повернулась к дневному свету. Когда голова ее оказалась на уровне земли, она поглядела через двор на башню Десницы. Крепкая деревянная дверь была разбита топорами. На ступенях лицом вниз лежал мертвый. Кольчуга на спине его окрасилась алым. Охваченная ужасом, она заметила под убитым скомкавшийся серый плащ с белой атласной подкладкой. Только кто это, она не видела.

– Нет, – прошептала Арья. Что происходит? Где отец? Почему за ней пришли красные плащи? Она вспомнила, что сказал человек с желтой бородой в тот самый день, когда она побывала в подземелье чудовищ: раз может погибнуть один десница, то почему не может умереть и второй…

Арья ощутила слезы в глазах, задержав дыхание, она прислушалась. Звуки схватки, крики, стоны, звон стали о сталь доносились из башни Десницы.

Она не могла вернуться. Ее отец…

Арья закрыла глаза. На мгновение она слишком испугалась, чтобы шевелиться. Они убили Джори, Уилла, Хьюарда и того гвардейца, что сейчас лежал на ступеньках. Возможно, они убили уже и отца; убьют и ее, если захватят.

– Страх режет глубже меча, – сказала Арья громко. Однако зачем изображать из себя водяную плясунью? Это Сирио был водяным плясуном, но белый рыцарь наверняка уже убил его, а она всего лишь маленькая девочка с деревянной палкой в руках, одинокая и испуганная.

Арья вылезла во двор, настороженно оглянулась и поднялась на ноги. Замок казался опустевшим. В Красном замке всегда было людно. А теперь все, должно быть, попрятались внутри, заложив двери. Арья с тоской поглядела на свою опочивальню, а потом направилась прочь от башни Десницы, стараясь держаться возле стены, перебегая из тени в тень, как тогда, давно, когда она ловила кошек. Но сейчас она была кошкой и знала,

что если ее поймают, то убьют.

Стараясь держаться между зданиями и стеной, прижимаясь к камню, так, чтобы никто не мог застать ее врасплох, Арья почти без приключений добралась до конюшен. Мимо нее в кольчугах и панцирях пробежали золотые плащи, однако не зная, на чьей они стороне, Арья спряталась, чтобы ее не заметили.

Халлен, сколько помнила себя Арья, служивший в Винтерфелле мастером над конями, лежал на земле возле двери в конюшню. Его буквально истыкали кинжалами, казалось, что тунику его расшили алыми цветами. Арья не сомневалась, что он мертв, но когда она подобралась ближе, глаза конюшего открылись.

– Арья, – шепнул он. – Ты должна… предупредить своего… своего лорда-отца… – Кровавая пена запузырилась на его губах, мастер над конями закрыл глаза и более не говорил ничего.

Внутри лежали тела: конюх, который часто играл с ней, и трое гвардейцев отца. Фургон, загруженный сундуками и ящиками, остался забытым возле двери конюшни. Убитые, должно быть, как раз готовились отправиться на пристань, когда на них напали. Арья подобралась ближе. Среди покойников был Десмонд, показывавший ей свой длинный меч и обещавший защитить ее отца. Он лежал на спине, слепо уставившись в потолок, а мухи ползали по его глазам. Возле него остался убитый в красном плаще и в львином шлеме Ланнистеров, всего только один, заметила она. А ведь каждый северянин стоит десяти этих южан, говорил ей Десмонд.

– Ах ты, лжец! – буркнула она, с внезапной яростью пнув его тело.

Животные волновались в своих стойлах, фыркали и ржали от запаха крови. Арье оставалось одно – заседлать лошадь и бежать подальше от города и замка. Нужно было только держаться Королевского тракта, он сам и приведет ее назад в Винтерфелл. Арья взяла со стены уздечку и упряжь.

Проходя мимо фургона, она заметила упавший сундук. Должно быть, его столкнули во время схватки или уронили, когда грузили фургон. Дерево раскололось, из-под крышки вывалилось содержимое. Арья узнала шелк, бархат и атлас, которых она не носила. На Королевском тракте ей понадобится теплая одежда… и к тому же…

Арья встала на колени на землю, посреди разбросанных платьев. Она нашла тяжелый шерстяной плащ, бархатную юбку, шелковую рубашку и несколько нижних, платье, которое мать вышила для нее, серебряный детский браслет, который можно было продать. Отбросив в сторону разбитую крышку, она запустила руку в сундук в поисках Иглы. Свой меч

она все время прятала на дне, подо всеми вещами, но теперь они были разбросаны вокруг, и на миг Арья уже испугалась, что клинок нашли и украли. Но пальцы ее ощутили твердый металл под атласным плащом.

– Вот она, – прошипел сзади нее голос. Арья в испуге обернулась. Позади нее стоял конюшенный мальчишка с выражением блаженства на лице; запачканная белая нижняя рубашка торчала из-под грязной куртки. Сапоги его были вымазаны конским пометом, в руках он держал вилы.

– Кто ты? – спросила она.

– Она не знает меня, – проговорил он. – Но я-то ее знаю! О да. Ты – волчья девочка.

– Помоги мне заседлать коня, – попросила Арья, потянувшись назад в сундук за Иглой. – Мой отец – десница короля, он наградит тебя!

– Твой отец умер, – сказал мальчишка и направился к ней. – Это королева наградит меня. Иди сюда, девочка.

– Держись подальше! – Пальцы ее сомкнулись на рукояти Иглы.

– А я говорю, иди сюда. – Он крепко ухватил ее за руку.

Все, чему учил ее Сирио Форель, исчезло в биении сердца. И в короткий момент внезапного ужаса Арья сумела вспомнить лишь тот, самый первый урок, который преподал ей Джон Сноу.

Она ударила его острым концом, направив кинжал вверх, с дикой истерической силой.

Игла пронзила кожаную куртку и белую плоть на его животе и вынырнула между лопаток. Мальчишка выронил вилы и не то вздохнул, не то негромко ойкнул. Руки его сомкнулись на клинке.

– О боги, – простонал он, когда его нижняя рубаха начала багроветь. – Вынь его.

Когда она сделала это, он умер.

Кони визжали, Арья стояла над телом в тихом испуге перед лицом смерти. Кровь хлынула изо рта мальчишки, когда он рухнул, еще больше алой жидкости вытекло из раны в животе, скопившись лужицей под телом. Он порезал руки, которыми ухватился за клинок. Арья медленно попятилась. Игла багровела в руке. Надо уходить отсюда подальше, куда-нибудь в безопасное место, где не было видно его обвиняющих глаз.

Она вновь схватила седло и уздечку и подбежала к своей кобыле. Но, закинув седло на спину лошади, Арья вдруг с болезненным ужасом поняла, что ворота замка будут скорее всего охраняться. Возможно, стражники не узнают ее, если примут за мальчика, возможно, ее пропустят… впрочем, скорее всего они получили приказ не выпускать никого – знакомого и незнакомого.

Но из замка можно было выйти другим путем.

Седло выскочило из пальцев Арьи и упало на пыльную землю, подняв целое облако. Сумеет ли она вновь найти комнату с чудовищами? Она не была уверена в этом, но знала, что придется попытаться.

Арья взяла выбранную ею одежду, набросила плащ, спрятав под ним Иглу. Остальные вещи она завязала в узелок и, зажав его под рукой, направилась в глубь конюшни, отперла заднюю дверь и осторожно выглянула. Вдали раздавался звон мечей, отчаянным голосом вопил от боли мужчина. Ей придется спуститься по змейке ступенек, мимо небольшой кухни и свинарника, так она шла, выслеживая черного кота… но этот путь приведет ее к казарме золотых плащей. Арья не могла идти туда и попыталась отыскать другую дорогу. Если только ей удастся перейти на противоположную сторону замка, она сможет тогда пробраться вдоль речной стены и через крохотную богорощу, но для этого нужно пересечь двор на виду у стражников, стоявших на стене.

Арья никогда не видела на стенах такого количества людей. Золотые плащи в основном были вооружены копьями. Некоторые из них знают ее в лицо. Что они сделают, если заметят бегущую через двор девочку? Сверху она будет казаться такой маленькой… Сумеют ли они оттуда узнать ее? Заинтересуются ли они ею?

Надо немедленно уходить, велела она себе, но когда пришло выбранное ею мгновение, Арья ощутила слишком большой испуг, чтобы шевельнуться.

Спокойная, как вода, шепнул голос ей на ухо. Арья так испугалась, что едва не выронила сверток. Она оглянулась вокруг, но в конюшне, кроме нее, находились только лошади и убитые.

Тихая, словно тень, услыхала она продолжение. Сама ли она говорила или Сирио? Она не знала этого, однако страхи ее тем не менее улеглись.

Арья вышла из конюшни.

Этот поступок потребовал от нее большей отваги, чем все, что приходилось ей делать прежде. Ей хотелось побежать, спрятаться, но Арья заставила себя неторопливо перейти через двор, ступая так, словно бы ей принадлежало все время в мире и у нее нет причин кого-нибудь бояться. Ей казалось, что она ощущает на себе взгляды стражников – словно букашек, ползавших по ее коже.

Арья не поднимала глаз. Если она увидит, что за ней наблюдают, вся отвага немедленно оставит ее, и она бросит свой сверток с одеждой и побежит, заливаясь младенческими слезами, и тогда уж ее точно поймают. Так что Арья смотрела в землю. Добравшись до тени королевской септы на

противоположной стороне двора, Арья взмокла, но никто не поднял тревоги и крика.

Открытая септа была пуста. Внутри ее в благоуханном молчании горело с полсотни молитвенных свечей. Арья решила, что боги не хватятся двух из них. Она запихнула свечи в рукав и оставила септу через заднее окно. Прокрасться к проулку, где она застигла одноухого кота, было нетрудно. Но потом она заблудилась. Арья влезала и вылезала из окон, вспрыгивала на стены, искала путь в темных погребах – спокойная, словно тень.

Однажды она услышала женский плач. Ей потребовалось около часа, чтобы найти то узкое окно, через которое можно было спуститься в подземелье, где обитали чудовища.

Арья бросила внутрь свой сверток и согнулась, чтобы зажечь свечу. Это было рискованно; костер, который она заметила, прогорел до угольев, и, раздувая их, она услышала голоса. Обхватив пальцами трепещущий огонек, она нырнула в окно, пока люди входили в дверь, даже не посмотрев, кто это был.

На этот раз чудовища не испугали ее. Они казались почти что старинными друзьями. Арья подняла свечу над головой. С каждым ее шагом тени двигались по стене, они словно бы поворачивались, наблюдая за нею.

– Драконы, – шепнула она, извлекая Иглу из-под плаща. Тонкий клинок казался таким крохотным, а драконы, наоборот, огромными, однако Арья почему-то почувствовала себя уверенной, ощутив прикосновение стали к рукам.

Длинный, лишенный окон зал за дверью остался таким же мрачным, каким она запомнила его. Иглу она держала в левой руке, как привыкла, а свечу в правом кулаке. Горячий воск капал на пальцы. Вход в колодец находился слева, поэтому Арья направилась вправо. Ей отчаянно хотелось бежать, однако она опасалась погасить свечу. Арья слышала тонкий писк и заметила пару крошечных горящих крысиных глаз, но крысы ее не пугали… ее волновало другое. В коридоре было легко притаиться, ведь она и сама пряталась здесь от колдуна и человека с раздвоенной бородой. Она почти видела конюшенного мальчишку, сжавшегося у стены; руки его были стиснуты, и кровь стекала из глубоких порезов, оставленных Иглой. Что, если он захочет схватить ее, когда она окажется рядом? Он заранее увидит свечу. Возможно, ей лучше идти без света…

Страх режет глубже меча, прошептал спокойный голос внутри нее. И вдруг Арья вспомнила крипты Винтерфелла. В них было куда страшнее, чем здесь, сказала она себе. Арья впервые спустилась туда еще совсем

маленькой. Братец Робб отвел их вниз – ее, Сансу и маленького Брана, который был тогда не старше, чем теперь Рикон. У них была с собой только одна свеча, и глаза Брана превращались в блюдечки, когда он глядел на каменные лики Королей Зимы, на волков у их ног и железные мечи на коленях.

Робб провел младших до самого конца – мимо деда, Брандона и Лианны, чтобы показать им их собственные гробницы. А Санса все глядела тогда на огарок свечи, опасаясь того, что она погаснет. Старая Нэн утверждала, что внизу водятся огромные пауки и крысы ростом с собаку. Робб улыбнулся, когда она это сказала.

– Здесь водятся худшие создания, чем пауки и крысы, – прошептал он. – Здесь ходят мертвецы. – Тогда-то они и услышали внизу этот негромкий глубокий звук, от которого по коже побежали мурашки, и младенец Бран вцепился в руку Арьи.

Когда привидение восстало из открытой гробницы, белое и алчущее крови, Санса с визгом метнулась к лестнице, а Бран прижался к ногам Робба, рыдая. Арья же, оставшись на месте, дала духу пинка. Это оказался всего лишь Джон, осыпавший себя мукой.

– Дурак, – сказала она ему. – Ты испугал младенца. – Но Джон и Робб только хохотали и хохотали. Скоро и Бран с Арьей тоже развеселились.

Воспоминание заставило девочку улыбнуться, и тьма перестала пугать ее. Мальчишка был мертв, она убила его, и если бы он вновь набросился на нее, то убила бы его снова. Теперь надо попасть домой… все исправится, когда она окажется дома, в безопасности, за седыми гранитными стенами Винтерфелла.

Шаги ее распространяли негромкое эхо, Арья углубилась во тьму.

Санса

За Сансой они пришли на третий день. Она выбрала простое платье из темно-серой шерсти с богатой вышивкой на воротнике и рукавах. Пальцы ее, вдруг сделавшиеся толстыми и неловкими, пытались справиться с серебряными застежками без помощи служанок. Джейни Пуль оставалась вместе с ней, но на ее помощь рассчитывать было нечего. Лицо Джейни опухло от слез, она безутешно оплакивала отца.

– А я уверена, что с твоим отцом все в порядке, – сказала ей Санса, сумев наконец застегнуть платье. – Я попрошу королеву, чтобы она тебе разрешила встретиться с ним. – Санса думала, что добротой сумеет подбодрить Джейни, но та, подняв на нее красные опухшие глаза, лишь сильней залилась слезами. Какое она еще дитя!

Санса тоже поплакала в первый день. Трудно было не испугаться, когда началось побоище, даже здесь, в крепких стенах крепости Мейегора, за запертой и заложенной дверью. Звон стали во дворе давно сделался привычным для ее уха, едва ли один день жизни Сансы проходил без того, чтобы она не слыхала лязга мечей, однако на этот раз сражение было взаправдашним, что совершенно меняло дело. Она вслушивалась как никогда в своей жизни; постепенно к звону стали начали примешиваться другие звуки: стоны, гневные проклятия, призывы о помощи, стенания раненых и умирающих людей. В песнях рыцари никогда не кричали от боли и не молили о пощаде…

И она плакала, умоляя, чтобы те – за дверью – объяснили ей, что происходит, звала отца, септу Мордейн, короля и своего галантного принца. Если люди, охранявшие дверь, и слышали ее, они не отвечали. Только раз, поздно ночью, дверь отворилась, и внутрь втолкнули Джейни Пуль, побитую и трясущуюся.

– Они убивают всех, – взвизгнула дочь стюарда. Она говорила и говорила: Пес разбил ее дверь боевым молотом. На лестнице башни Десницы лежали тела, ступеньки стали скользкими от пролитой крови. Санса высушила собственные слезы и попыталась утешить подругу. Они заснули в одной постели, прижавшись друг к другу как сестры.

На второй день стало еще хуже. Комната, в которую заточили Сансу, находилась наверху самой высокой башни крепости Мейегора. Из окна она могла видеть, что тяжелая железная решетка надвратной башни опущена, а подъемный мост поднят над глубоким сухим рвом, отделявшим

внутреннюю крепость от остального замка. Гвардейцы Ланнистеров расхаживали на стенах с копьями и арбалетами в руках. Сражение закончилось, могильное молчание легло на Красный замок, если не считать бесконечных рыданий и всхлипываний Джейни Пуль.

Их покормили – на завтрак дали жесткого сыра, свежевыпеченного хлеба и молока, в полдень жареных цыплят с зеленью, завершил все ужин из говядины и ячменного супа, но приносившие еду слуги не отвечали на вопросы Сансы. Вечером пришли женщины с одеждой из башни Десницы, прихватив и какие-то вещи Джейни, однако они казались почти столь же испуганными, как ее подруга, и когда Санса попыталась поговорить с ними, они бросились прочь, словно бы она была больна серой заразой. Гвардейцы, караулившие дверь снаружи, отказывались выпустить их из комнаты.

– Пожалуйста, мне нужно еще раз поговорить с королевой, – сказала им Санса, как говорила она всем в этот день. – Она захочет переговорить со мной, я знаю это. Передайте королеве, что я хочу видеть ее. Если королева занята, тогда попросите принца Джоффри. Будьте добры, мы ведь должны пожениться, когда станем старше.

На закате второго дня зазвонил огромный колокол. Голос его был глубок и звучен, низкие тягучие удары наполнили Сансу ужасом. Звон не смолкал, и спустя некоторое время ему ответили другие колокола – с башен Великой септы Бейелора, с холма Висеньи. Колокольный звон громом прокатывался над городом, предвещая грядущую грозу.

– Что это? – спросила Джейни, зажимая уши. – Почему звонят в колокола?

– Король умер. – Санса не могла сказать, как она это узнала, но сомнений она не испытывала: низкий, бесконечный звон наполнял комнату, скорбный, как погребальный напев. Неужели какой-то враг взял штурмом замок и убил короля Роберта? Неужели им пришлось быть свидетелями этого сражения?

Она отправилась спать в недоумении: беспокойная и испуганная. Неужели ее прекрасный Джоффри стал теперь королем? Или враги убили и его? Она боялась за него и за своего отца. Если бы только ей сказали, что случилось…

В эту ночь Сансе приснился Джоффри на троне; она сидела возле него в сотканной из золота мантии. На голове ее была корона, и все, кого она знала, кланялись ей, преклоняли колена и говорили любезные слова.

На следующее утро – утро третьего дня – сир Борос Блаунт из Королевской гвардии явился, чтобы проводить ее к королеве.

Сир Борос – человек уродливый, широкогрудый, с короткими кривыми ногами, плосконосый, щеки мешочками, волосы серые и колючие – сегодня был выряжен в белый бархат, а его снежный плащ был застегнут львиной брошью. Фигурка отливала ярким золотом, вместо глаз у нее были вставлены крошечные рубины.

– Сегодня вы весьма симпатичны и великолепны, сир Борос, – сказала ему Санса. Истинная леди всегда вежлива, а она решила быть настоящей дамой вне зависимости от любых обстоятельств.

– Как и вы, миледи, – отвечал сир Борос ровным голосом. – Светлейшая государыня ждет. Пойдемте со мной.

Перед дверями Серсеи стояла стража: воины Ланнистеров в пурпурных плащах и шлемах с львиными гривами. Проходя мимо, Санса заставила себя улыбнуться и пожелать им доброго утра. Она впервые оставила свою каморку, после того как сир Арис Окхарт привел ее в башню два утра назад.

– Ради твоей же безопасности, моя милая, – сказала ей тогда королева Серсея. – Джоффри никогда не простит мне, если что-нибудь случится с его драгоценной Сансой.

Санса ожидала, что сир Борос проводит ее в королевские апартаменты, но вместо этого он повел ее из крепости Мейегора. Мост был снова опущен. Какие-то работники спускали внутрь сухого рва человека на веревках. Посмотрев вниз, Санса заметила тело, повисшее на одном из огромных железных шипов. Она торопливо отвернулась, боясь спрашивать, опасаясь приглядываться, чтобы не узнать знакомого.

Королеву Серсею они нашли в палатах совета – во главе длинного стола, заваленного бумагами, свечами и брусками печатного воска. Комната была прекрасна, Санса еще не видела таких. Она с восхищением поглядела на резную деревянную ширму и пару одинаковых сфинксов, восседавших возле двери.

– Светлейшая государыня, – проговорил сир Борос, когда их впустил внутрь королевский гвардеец, сир Мендон, обладатель на удивление мертвого лица. – Я привел девушку.

Санса надеялась увидеть Джоффри, однако ее принца не было здесь, в отличие от трех советников короля. Лорд Петир Бейлиш сидел по левую сторону королевы, великий мейстер Пицель – в конце стола, распространявший цветочный аромат лорд Варис возвышался над ними. Все они были в черном, подметила Санса с ужасом. Знак траура.

На королеве было черное шелковое платье с высоким воротником, от шеи до пояса расшитое темными рубинами. Камни были огранены как

слезинки, словно бы королева плакала кровью. Серсея улыбнулась вошедшей, и Санса подумала, что более сладкой и печальной улыбки она еще не видела.

– Санса, мое милое дитя, – сказала королева, – я знаю, что ты хотела видеть меня. Прости, что я не могла послать за тобой раньше. Дела еще не устроились, у меня не было даже свободной минутки. Надеюсь, мои люди хорошо позаботились о тебе?

– Все было мило и прекрасно, светлейшая государыня, благодарю вас за беспокойство, – ответила Санса вежливо. – Только никто не захотел объяснить нам, что случилось…

– Нам? – удивилась Серсея.

– Мы поместили к ней дочь стюарда, – пояснил сир Борос. – Мы не знали, что делать с ней.

Королева нахмурилась.

– В следующий раз спрашивайте, – сказала она резким голосом. – Лишь одни боги знают, какими россказнями она успела наполнить головку Сансы!

– Джейни испугана, – продолжила Санса. – Она плачет без остановки. Я обещала попросить, чтобы ей разрешили повидаться с отцом.

Старый великий мейстер Пицель потупил глаза.

– С ее отцом все в порядке, разве не так? – тревожно спросила Санса. Она знала, что произошло сражение, но какое отношение мог иметь к нему стюард? Вейон Пуль даже не носил меча…

Королева Серсея оглядела по очереди всех своих советников.

– Не надо попусту волновать Сансу. Ну, что будем делать с этой ее подружкой, милорды?

Лорд Петир наклонился вперед.

– Я отыщу для нее место.

– Только не в городе, – сказала королева.

– Вы принимаете меня за дурака?

Королева игнорировала вопрос.

– Сир Борос, проводите эту девушку в апартаменты лорда Петира и прикажите его людям охранять ее, пока он сам не придет за ней. Скажите, что Мизинец придет, чтобы отвести ее к отцу, тогда она успокоится. Я хочу, чтобы ее забрали прежде, чем Санса вернется к себе.

– Как прикажете, светлейшая, – ответил сир Борос. Отвесив низкий поклон, он развернулся на пятках и отбыл, шевельнув воздух длинным белым плащом.

Санса была в смятении.

– Не понимаю. Где отец Джейни? Почему сир Борос не может прямо отвести ее, зачем поручать это лорду Петиру?

Она обещала себе, что будет вести себя, как истинная леди, будет благородной, как королева, и сильной, как ее мать, леди Кейтилин, но теперь Сансу вновь охватил испуг. Она даже испугалась, что вот-вот зарыдает.

– Куда вы посылаете Джейни? Она не сделала ничего плохого, она – хорошая девочка.

– Она расстроила тебя, – мягко проговорила королева, – а этого нельзя допускать. И более ни слова об этом. Лорд Бейлиш приглядит за Джейни, обещаю тебе. – Она похлопала по стулу возле себя. – Садись, Санса, я хочу поговорить с тобой.

Санса уселась возле королевы. Серсея опять улыбнулась, однако тревога девочки от этого не уменьшилась. Варис тер мягкие ладони друг о друга, великий мейстер Пицель сонными глазами рассматривал бумаги, лежавшие перед ним, она ощущала на себе пристальный взгляд Мизинца, в котором было нечто такое, от чего Сансе показалось, что на ней вовсе нет одежды. На коже ее выступили мурашки.

– Милая Санса, – проговорила королева Серсея, положив легкую ладонь на ее руку, – прекрасное дитя. Надеюсь, ты понимаешь, как мы с Джоффри любим тебя.

– В самом деле? – спросила Санса, затаив дыхание. Она сразу забыла про Мизинца. Принц ее любит, все прочее ничего не значит!

Королева улыбнулась.

– Я вижу в тебе едва ли не собственную дочь. И я знаю ту любовь, которую ты питаешь к Джоффри. – Она устало качнула головой. – Увы, у нас есть неприятные вести о твоем лорде-отце. Соберись с мужеством, дитя.

Спокойные слова эти вселили в Сансу трепет.

– Что случилось?

– Твой отец – изменник, моя дорогая, – проговорил лорд Варис.

Великий мейстер Пицель поднял древнюю голову.

– Своими собственными ушами я слышал, как лорд Эддард клялся нашему возлюбленному королю Роберту охранять молодых принцев, как своих собственных детей. Но не успел король умереть, как он созвал Малый совет, чтобы лишить принца Джоффри законного трона.

– Нет, – выпалила Санса. – Он не мог этого сделать, не мог!

Королева подала грамоту. Бумага была порвана, на ней засохла кровь, но сломанная печать принадлежала отцу – лютоволк, оттиснутый на

бледном воске.

– Мы нашли письмо на капитане твоей домашней стражи, Санса. Твой отец написал лорду Станнису, брату моего покойного мужа, предлагая ему корону.

– Пожалуйста, светлейшая государыня, здесь какая-то ошибка. – От внезапного отчаяния голова ее закружилась. – Пожалуйста, пошлите за моим отцом, пусть все расскажет. Он не мог написать такого письма, король был его другом!

– Роберт тоже так полагал, – сказала королева. – И эта измена разбила бы его сердце. Но боги смилостивились, и он не дожил до этого дня. – Она вздохнула. – Санса, милая, теперь ты видишь, в каком ужасном положении мы очутились. Ты ни в чем не виновата, мы все это знаем, и все же ты – дочь предателя. Как я могу позволить тебе выйти замуж за моего сына?

– Но я же люблю его, – простонала Санса в смятении и испуге. Что они хотят сделать с ней? Что они сделали с отцом? Такого просто не должно было случиться. Ей предстоит выйти замуж за Джоффри, они же обручены, и он, ее суженый, даже снился ей. Нечестно разлучать их, что бы ни натворил ее отец!

– Я прекрасно знаю это, дитя, – проговорила Серсея голосом сладким и ласковым. – Итак, зачем же ты пришла ко мне и рассказала, что отец хочет отослать вас, если не по любви?

– По любви, – заторопилась Санса. – Отец даже не разрешил мне попрощаться. – Девочка добрая и послушная, в то утро она чувствовала себя такой же вредной, как Арья, и ускользнула из-под опеки септы Мордейн, не послушавшись лорда-отца. Она никогда не позволяла себе подобных причуд и не позволила бы, если бы так не любила Джоффри.

– Он собирался отвезти нас в Винтерфелл и выдать меня за какого-нибудь засечного рыцаря, хотя я люблю Джоффри. Я сказала ему, но он не пожелал слушать.

Король был ее последней надеждой. Король мог приказать отцу оставить ее в Королевской Гавани и выдать за принца Джоффри. Санса знала это, но король всегда пугал ее. Громкоголосый, грубый, нередко пьяный, он, возможно, отослал бы ее к лорду Эддарду, даже если бы ее допустили к нему. Поэтому она направилась к королеве и излила свое сердце.

Серсея выслушала и ласково поблагодарила ее… только потом сир Арис проводил ее в высокую палату крепости Мейегора и поставил охрану, а через несколько часов началась схватка.

– Прошу вас, – закончила она, – позвольте Джоффри жениться на мне. Я

буду ему хорошей женой, вы увидите. А когда я стану королевой, то буду во всем подражать вам, обещаю.

Королева Серсея оглядела собравшихся.

– Милорды-советники, что вы ответите на эту просьбу?

– Бедное дитя, – пробормотал Варис. – Любящее, верное и невинное, светлейшая государыня, этого нельзя отрицать… и все же, что нам остается делать? Отец ее обречен. – Его мягкие ладони терли друг друга в беспомощной растерянности.

– Дитя, рожденное от семени предателя, непременно обнаружит в себе природную склонность к предательству, – заметил великий мейстер Пицель. – Сейчас она милая девочка, но кто может сказать, какой она сделается через десять лет?

– Нет, – забормотала Санса с ужасом. – Нет, я никогда… я не предам Джоффри, я люблю его… Клянусь, я не сделаю ничего подобного!

– Посмотрите, какая уверенность, – буркнул Варис. – Тем не менее истинно говорят, что кровь сильнее любых клятв…

– Она напоминает мне мать, а не отца, – проговорил негромко лорд Петир Бейлиш. – Поглядите на нее: волосы, глаза! Вылитая мать в этом возрасте.

Королева с беспокойством поглядела на нее, однако Сансе виделась доброта в чистых зеленых глазах.

– Дитя, – сказала она. – Если бы я действительно могла поверить, что ты не подобна отцу, ничто не обрадовало бы меня больше, чем твоя свадьба с моим Джоффри. Я знаю, что он любит тебя всем сердцем. – Она вздохнула. – И все же я опасаюсь, что лорд Варис и великий мейстер правы.

Все решает кровь. Мне остается лишь вспомнить, как твоя сестра напустила волка на моего сына.

– Я не такая, как Арья, – выпалила Санса. – Это в ней кровь предателя, а не во мне! Я хорошая, спросите септу Мордейн, она вам скажет. Я только хочу быть верной и преданной женой вашему Джоффри!

Санса ощутила на себе тяжесть взгляда Серсеи, королева пристально вглядывалась в ее лицо.

– Я верю в твою искренность, дитя. – Она обернулась к остальным. – Милорды, мне кажется, что если остальные ее родственники проявят верность в это ужасное время, мы сможем забыть наши страхи.

Великий мейстер Пицель погладил огромную мягкую бороду, широкое чело его наморщилось в задумчивости.

– У лорда Эддарда трое сыновей.

– Мальчишки, – пожал плечами лорд Петир. – Меня более волнуют леди Кейтилин и Талли. Королева взяла руки Сансы в свои.

– Дитя, ты знаешь грамоту?

Санса нервно кивнула. Она умела читать и писать лучше, чем ее братья, хотя безнадежно отставала от них в сложении.

– Рада слышать это. Быть может, вы с Джоффри еще можете надеяться.

– Что я должна сделать?

– Просто напиши своей леди-матери и своему брату, старшему… как его зовут?

– Робб, – ответила Санса.

– Известие о предательстве твоего лорда-отца, вне сомнения, скоро достигнет их. Лучше, если оно будет исходить из твоих уст. Поведай им, как лорд Эддард предал своего короля.

Санса отчаянно хотела добиться Джоффри, однако она не думала, что у нее хватит отваги исполнить просьбу королевы.

– Но он никогда… я не могу… светлейшая государыня, я не знаю, что написать…

Королева похлопала ее по руке.

– Мы подскажем тебе все необходимое. Важно, чтобы ты попросила леди Кейтилин и своего брата сохранять королевский мир.

– В противном случае им придется трудно, – добавил великий мейстер Пицель. – Ради той любви, которую ты испытываешь к ним, попроси своих родных ступить на тропу мудрости.

– Твоя леди-мать, вне сомнения, ужасно боится за тебя, – проговорила королева. – Напиши ей, что тебе хорошо с нами, что мы обращаемся с тобой мягко и выполняем каждое твое желание. Попроси их явиться в Королевскую Гавань и принести присягу Джоффри, когда он займет престол. Если они сделают это… тогда мы будем знать, что в твоей крови нет предательства. А когда ты войдешь в цвет женственности, то обвенчаешься с королем в Великой септе Бейелора, перед глазами богов и людей.

…обвенчаешься с королем… – слова эти заставили участиться ее дыхание, и все же Санса медлила.

– Быть может… если бы я могла повидаться с отцом, переговорить с ним о…

– Предательстве? – подсказал лорд Варис.

– Ты разочаровываешь меня, Санса, – проговорила королева, глаза ее сделались жесткими, словно камни. – Мы уже рассказали тебе о преступлениях твоего отца. Если ты действительно нам верна, как

утверждаешь, почему же ты хочешь повидаться с ним?

– Я… я только хотела… – Санса ощутила, как глаза ее наполняются слезами. – Он не… он не был… ранен или… или…

– Лорд Эддард невредим, – ответила королева.

– Но что… что будет с ним?

– Это решит король, – многозначительно пояснил великий мейстер Пицель.

Король! Санса проглотила слезы. Теперь Джоффри сделался королем, подумала она. Ее галантный принц никогда не причинит вреда ее отцу, что бы тот ни сделал. И если она придет к нему и попросит милосердия, Джоффри прислушается… непременно прислушается, потому что он любит ее, ведь королева сказала так. Джофф захочет наказать отца, ведь лорды будут ожидать этого; быть может, он просто отошлет отца в Винтерфелл или сошлет в один из Вольных Городов за Узким морем. Ссылка продлится лишь несколько лет, к этому времени они с Джоффри поженятся, а став королевой, она убедит Джоффри вернуть отца назад и даровать ему прощение.

Но только… если мать и Робб не усугубят измену, не созовут знамена и не откажутся присягнуть Джоффри на верность, иначе все пойдет прахом. Ее Джоффри добр и ласков, она сердцем знала это, однако король обязан проявлять жестокость к мятежникам. Она должна убедить их. Ей придется это сделать!

– Я… я напишу, – сказала им Санса. С улыбкой теплой, словно рассвет, Серсея Ланнистер наклонилась поближе и ласково поцеловала ее в щеку.

– Я знала это. Джоффри будет горд, когда я расскажу ему о той отваге и здравом смысле, которые ты продемонстрировала сейчас.

В конце концов Санса написала четыре письма. Своей матери, леди Кейтилин Старк, и братьям в Винтерфелл, потом тетке и деду: леди Лизе Аррен в Орлиное Гнездо и лорду Хостеру Талли в Ривердан. Когда Санса завершила дело, пальцы ее онемели и перепачкались чернилами. Лорд Варис держал печать отца. Она согрела белый пчелиный воск над свечой, капнула четыре раза на бумагу и посмотрела, как евнух запечатал каждое письмо лютоволком дома Старков.

Джейни Пуль и все ее вещи исчезли, когда сир Мендон Мур проводил Сансу назад в башню крепости Мейегора. Теперь никаких слез, подумала она с благодарностью. И все же после исчезновения Джейни в палате стало как-то холоднее, хотя Санса и развела огонь. Она пододвинула кресло к очагу, взяла одну из своих любимых книг и погрузилась в повествование о Флориане и Джонквиль, леди Шилле и Радужном рыцаре, о доблестном

принце Эйемоне и его несчастной любви к королеве, жене его брата.

Лишь глубокой ночью, отходя ко сну, Санса поняла, что забыла спросить о сестре.

Джон

– Отор, – объявил сир Джареми Риккер, – вне сомнения. А этот был Яфером Флауэрсом. – Он повернул труп ногой, мертвое бледное лицо уставилось в сумеречное небо синими-синими глазами. Оба убитых были людьми Бена Старка.

«Спутники моего дяди, – молча подумал Джон. Он вспомнил, как просил, чтобы дядя взял его. – Боги, каким я был зеленым мальчишкой! Если бы он взял меня, я мог бы лежать здесь…» Правое запястье Яфера заканчивалось изорванной плотью и раздробленной костью – остальное было отнято челюстями Призрака. Сама же правая кисть плавала сейчас в кувшине с уксусом в башне мейстера Эйемона. Левая рука, находившаяся там, где положено, чернотой не уступала плащу.

– Милосердные боги, – пробормотал Старый Медведь и, соскочив со своего дорожного конька, передал поводья Джону. Утро выдалось непривычно теплым, капельки пота выступили на широком лбу лорда-командующего, словно роса на дыне. Лошадь его волновалась и, закатывая глаза, пятилась от мертвецов, насколько позволяли поводья. Джон отвел кобылу на несколько шагов, стараясь удержать ее на месте. Лошадям это место не нравилось. «И мне тоже», – решил Джон.

Но менее всех были довольны собаки. Отряд привел сюда Призрак, и вся свора собак оказалась бесполезной. Когда, Басс-псарь попытался заставить их взять след по отгрызенной руке, они словно взбесились: завыли и залаяли, пытаясь сорваться. Даже теперь они то скалили зубы, то скулили, натягивая поводки, и Четт вовсю костерил их.

Это всего лишь лес, сказал себе Джон, а это только мертвецы. Ему уже приводилось видеть убитых…

Прошлой ночью ему вновь приснился Винтерфелл. Джон бродил по пустому замку, искал отца, спускался в крипту. На этот раз он зашел еще глубже и во тьме услышал скрежет камня о камень; повернувшись, он увидел, как один за другим открываются гробы. Мертвые короли вставали из своих холодных черных могил. Джон проснулся в угольной тьме, сердце его колотилось. Даже когда Призрак вскочил на постель, чтобы облизать его лицо, он не сумел прогнать ощущение глубокого ужаса. Джон просто не смел вновь уснуть. А потому поднялся на Стену и ходил наверху, не зная покоя, пока наконец не увидел свет зари на востоке. Это всего только сон.

– Я – брат Ночного Дозора, а не испуганный мальчишка!

Сэм Тарли крючился под деревьями, стараясь держаться за лошадями. Его округлая физиономия приобрела цвет простокваши… Пока еще он не бегал в сторону, чтобы поблевать, но тем не менее лишь мельком глянул на мертвецов.

– Я не могу этого сделать, – прошептал он жалким голосом.

– Придется, – заверил Джон самым тихим шепотом, так, чтобы не слышали остальные. – Мейстер Эйемон послал тебя, чтобы ты был его глазами. Разве не так? А что могут увидеть закрытые глаза?

– Да, но… я ведь такой трус, Джон.

Джон положил ладонь на плечо Сэма.

– С нами дюжина разведчиков и псы, а еще Призрак. Никто не причинит тебе вреда, Сэм. Подойди и погляди. Сделать это в первый раз сложнее всего.

Сэм нервно качнул головой, с заметным усилием стараясь собрать всю свою храбрость, и медленно повернул голову… глаза его округлились. Джон держал Сэма за руку, так, чтобы он не мог отвернуться.

– Сир Джареми, – проворчал Старый Медведь, – Бен Старк взял с собой шестерых. Где остальные?

Сир Джареми покачал головой:

– Если бы я знал!

Мормонт явно не был удовлетворен ответом.

– Двое наших братьев погибли почти возле Стены, и разведчики ничего не слышали и не видели. Во что же превратился Ночной Дозор? Мы еще прочесываем эти леса?

– Да, милорд, но…

– Мы еще выставляем дозорных?

– Да, но…

– У этого человека охотничий рог, – указал Мормонт на Отора. – Должен ли я полагать, что он умер, так и не протрубив? Или же все ваши разведчики оглохли и ослепли?

Сир Джареми ощетинился, и лицо его напряглось от гнева.

– Рог этот здесь не трубил, милорд, иначе мои разведчики услыхали бы его. Мне не хватает людей, чтобы выставлять столько патрулей, сколько хотелось бы… тем более что после исчезновения Бенджена мы держались ближе к Стене, чем прежде, – по вашему собственному распоряжению.

Старый Медведь буркнул:

– Да. Ладно. Вполне возможно. – Он нетерпеливо махнул. – А теперь скажите мне, как они умерли.

Сев на корточки возле убитого, которого он назвал Яфером Флауэрсом,

сир Джареми взял его голову за волосы, вдруг обломившиеся соломинками под его пальцами.

Рыцарь выругался и повернул лицо тыльной стороной руки. В шее трупа открылся огромный разрез, покрытый засохшей кровью. Лишь несколько ниток бледных сухожилий все еще привязывали шею к голове.

– Это было сделано топором.

– Ага, – согласился Дайвин, старый лесовик. – Причем именно тем, который был при Оторе…

Джон чувствовал, как завтрак шевелится в его животе, но тем не менее стиснул губы и заставил себя поглядеть на второго покойника. Отор был человек рослый и уродливый, так что из него получился только рослый уродливый труп. Никакого топора рядом не было. Джон вспомнил Отора. Уезжая из Черного замка, он горланил непристойную песню. Теперь отпелся. Плоть Отора побелела, как молука, повсюду, кроме ладоней, сделавшихся черными, как у Яфера. Лепестки твердой засохшей крови покрывали смертельные раны, осыпавшие грудь, ноги, живот, горло. И все же глаза его оставались открыты, они глядели в небо синими сапфирами. Сир Джареми распрямился.

– У одичалых есть и топоры.

Мормонт повернулся к нему:

– Итак, ты полагаешь, что это работа Манса-налетчика? Так близко к Стене?

– Чья же еще?

Джон мог бы сказать чья. Это знал и он сам, и все они, но никто не сумел произнести эти слова. Иные – это ведь только сказка, придуманная, чтобы пугать детей. Если они и существовали, то исчезли восемь тысячелетий назад. Одна мысль эта заставила ощутить его свою глупость; он теперь стал взрослым, Черным Братом Ночного Дозора… он более не мальчишка, который сидел некогда у ног старой Нэн рядом с Браном, Роббом и Арьей.

И все же лорд Мормонт фыркнул:

– Если бы Бенджен Старк попал в засаду одичалых в полудне езды от Черного замка, то прислал бы гонца за помощью, потом нашел бы убийц даже в седьмом пекле и доставил мне их головы.

– Если только его не убили вместе со всеми остальными, – настаивал сир Джареми.

Слова эти ранили Джона даже теперь. Это произошло настолько давно, глупо даже надеяться на то, что Бен Старк еще жив, однако Джон Сноу был упрям.

– Прошло уже почти полгода с тех пор, как Бенджен оставил нас, милорд, – продолжил сир Джареми. – Лес огромен. Одичалые могли напасть на него где угодно. Бьюсь об заклад: перед нами двое уцелевших из его отряда, они возвращались… Но враг перехватил их прежде, чем они сумели достичь безопасности за Стеной. Трупы до сих пор свежие; эти люди убиты не более дня назад…

– Нет, – пискнул Сэмвел Тарли. Джон удивился. Нервный высокий голос Сэма он рассчитывал услышать здесь в последнюю очередь. Толстяк до сих пор боялся офицеров, а сир Джареми не был известен своим терпением.

– Я не спрашиваю, что ты думаешь, парень, – холодно сказал Риккер.

– Пусть говорит, сир, – предложил Джон.

Глаза Мормонта заметались от Сэма к Джону и обратно.

– Если у парня есть что сказать, я выслушаю его. Подойди сюда, мальчик. Ты совсем спрятался за лошадьми.

Взмокший от волнения Сэм бочком скользнул между Джоном и конями.

– Милорд, это… не день или… поглядите… кровь…

– Да? – буркнул нетерпеливо Мормонт. – Кровь, и что же?

– Он того гляди испачкает штанишки при виде крови, – крикнул Четт, и разведчики расхохотались. Сэм промокнул пот на лбу.

– Вы… вы видите там, где Призрак… лютоволк Джона… вы видите там, где он оторвал руку этого человека… обрубок не кровоточил, посмотрите. – Сэм махнул рукой. – Мой отец… лорд Рендилл заставлял меня смотреть, как он разделывает животных, когда он… ну словом, после… – Тряхнув подбородком, Сэм закачал головой из стороны в сторону. Сейчас он не отворачивался от трупов. – Сразу после смерти кровь еще течет, милорды. Потом… она свертывается, подобно… густому желе… и… – На мгновение показалось, что Сэма вот-вот стошнит. – Поглядите на руку этого человека, она… сухая… как…

Джон сразу понял, что имеет в виду Сэм. Разорванные вены железными червями извивались в бледной плоти запястья мертвеца. Кровь превратилась в черную пыль. И все же Джареми Риккер не был убежден.

– Если они пролежали мертвыми больше дня, то сейчас уже созрели бы, парень, но они даже не воняют.

Коренастый лесовик Дайвин, любивший прихвастнуть, что он может заранее по запаху предсказать снегопад, приблизился к трупам и нюхнул.

– Ну конечно, это не маргаритки, но… милорд говорит правду. Мертвечиной не пахнет.

– Они… они не гниют, – указал Сэм, и жирный его палец чуть дернулся.

– Поглядите в телах… здесь нет червей или… другой гадости, ничего… они лежали в лесу, но их… не объели животные… лишь Призрак… но во всем остальном они… они…

– Остались как были, – сказал Джон негромко. – Призрак – дело другое… Псы и лошади не хотят подходить к ним.

Разведчики обменялись взглядами. Все они видели это. Мормонт перевел хмурый взгляд с трупов на собак.

– Четт, подведи своих псов поближе.

Четт, ругнувшись, потянул за поводки, пнул одно животное сапогом. Собаки визжали, упирались. Он попытался подтащить поближе одну из сук. Та сопротивлялась, ворчала и пыталась вырваться из ошейника, но, не сумев, бросилась на Четта. От неожиданности он выронил поводок и повалился назад. Собака перепрыгнула через него и исчезла за деревьями.

– Это… все это… скверно, – открыто сказал Сэм Тарли. – Кровь… пятна видны на их одежде, но… их плоть сухая и жесткая, и крови нет на земле или… где-нибудь рядом. А из таких… таких… таких… – Сэм заставил себя проглотить и глубоко вздохнул. – Таких ран… жутких ран… должно было вытечь много крови. Разве не так?

Дайвин присвистнул.

– Может, они умерли и не здесь. Может, кто-то доставил их сюда и подложил нам. В качестве предостережения. – Старый лесовик подозрительно поглядел вниз. – Не считайте меня дураком, только я не припомню, чтобы у Отора были голубые глаза.

Сир Джареми удивился.

– И у Флауэрса тоже, – выпалил он, нагибаясь к убитому.

Молчание легло на лес. Какое-то мгновение было слышно лишь тяжелое дыхание Сэма да влажное причмокивание Дайвина. Джон уселся на корточки возле Призрака.

– Сожгите их, – прошептал один из разведчиков. Джон не видел, кто именно.

– Да, сожгите их, – посоветовал и второй голос.

Старый Медведь упрямо качнул головой:

– Рано. Я хочу, чтобы их посмотрел мейстер Эйемон. Повезем их на Стену.

Иное распоряжение легче отдать, чем выполнить. Мертвецов завернули в плащи, но когда Хаке и Дайвин попытались привязать одного из них к лошади, животное словно взбесилось. Конь с визгом вставал на дыбы и бил копытами, он даже укусил Кеттера, подбежавшего, чтобы помочь. Не более повезло разведчикам и с другими лошадьми: даже самые спокойные не

хотели иметь ничего общего с этой ношей. В конце концов пришлось нарубить ветвей и соорудить грубые носилки, чтобы самим отнести трупы.

Когда они повернули назад, время уже далеко перевалило за полдень.

– Я приказываю обыскать эти леса, – распорядился Мормонт, обращаясь к сиру Джареми, когда они выступили. – Каждое дерево, каждую скалу, каждый куст, каждый фут грязной земли на расстоянии десяти лиг от этого места. Возьмите своих людей, и если их не хватит, пусть помогут охотники и лесники из стюардов. Если Бен и все остальные находятся рядом живыми или мертвыми, я хочу, чтобы их нашли. Если в этом лесу кто-то прячется, я буду знать об этом. Вы должны выследить их и взять живыми, если возможно. Понятно?

– Понятно, милорд, – проговорил сир Джареми. – Будет сделано.

После этого сир Мормонт углубился в задумчивое молчание. Джон следовал за ним как стюард лорда-командующего, теперь это было его место. День выдался влажный и сумеречный, в такую погоду сердце просит дождя. Ветер не шевелил ветвей, влажный тяжелый воздух словно окаменел, и одежда Джона липла к телу. Было тепло, слишком тепло. Стена покрылась слезами, она рыдала уже не один день, и Джону иногда даже казалось, что она уменьшается.

Старики звали такую погоду духовым летом и говорили, что это знак того, что лето наконец приказывает долго жить. После духова лета приходит холод, предупреждали они, а длинное лето всегда предвещает долгую зиму. Нынешнее лето продлилось десять лет. Джон был еще дитя, когда оно началось.

Призрак сперва бежал возле них, а потом исчез среди деревьев. Без лютоволка Джон казался себе почти нагим. С неловкостью он заметил, что вглядывается в каждую тень. Непрошеными вернулись воспоминания о сказках, услышанных в детстве от старой Нэн в Винтерфелле. Он буквально слышал ее голос и стук – цок, цок, цок – спиц. «И в этой тьме явились на конях Иные, – говорила она, приглушая голос тише и тише. – Холодными и мертвыми были они, им были ненавистны железо, огонь, прикосновение солнца и все живые создания с горячей кровью в жилах. Крепости, города и королевства людей не могли устоять пред ними, и во главе воинства мертвецов они скакали на юг на бледных мертвых лошадях. Иные кормили своих мертвых слуг плотью детей человеческих…» Вновь заметив Стену над вершиной древнего корявого дуба, Джон ощутил огромное облегчение. Мормонт внезапно осадил коня и повернулся в седле.

– Тарли, – рявкнул он, – сюда.

Джон увидел, как проступил испуг на лице Сэма, направившегося

вперед на своей кобыле; вне сомнения, толстяк решил, что его ждут неприятности.

– Жир не мешает тебе соображать, парень, – сказал Старый Медведь ворчливо. – Ты хорошо справился с делом. И ты, Сноу.

Сэм зарделся румянцем и, осекаясь, попытался ответить любезностью. Джону пришлось улыбнуться.

Когда они выехали из-под деревьев, Мормонт послал своего крепкого конька рысцой. Навстречу кавалькаде из леса вылетел Призрак, облизывавший морду, побагровевшую от крови. Там, над головой, люди на Стене заметили приближающуюся колонну. Джон услышал глубокий гортанный зов огромного рога в руках дозорного; разносившийся на мили и мили долгий звук – ууу! – парил над деревьями, отражаясь ото льда и медленно затихая.

Один зов означал, что разведчики возвращаются, и Джон подумал, что сегодня по крайней мере провел день разведчиком. Что бы ни случилось потом, память эта останется навсегда.

Боуэн Марш ожидал их у первых ворот, когда они ввели своих лошадей в ледяной тоннель. Лорд-стюард побагровел и казался взволнованным.

– Милорд, – выпалил он, обращаясь к Мормонту, распахивая железную решетку. – Прилетела птица, и вы нужны немедленно.

– Что случилось? – спросил Мормонт недовольным голосом.

Как ни странно, Марш с любопытством поглядел на Джона и только потом ответил:

– Мейстер Эйемон получил письмо. Он ожидает вас в солярии.

– Очень хорошо. Джон, позаботься о моем коне и скажи, чтобы сир Джареми оставил мертвых в леднике, пока мейстер соберется посетить их. – Пробурчав еще что-то, Мормонт отъехал прочь.

Когда они повели лошадей в конюшню, Джон с неуютным чувством ощутил, что люди глядят на него. Сир Аллисер Торне занимался с мальчишками во дворе, однако, прервав занятие, поглядел на Джона с едва заметной улыбкой на губах. Однорукий Донал Нойе стоял в дверях арсенала.

– Да помогут тебе боги, Сноу, – выкрикнул он. Случилось что-то плохое, понял Джон. Что-то очень плохое.

Мертвецов перенесли в хранилище у подножия Стены, в холодную темную каморку, устроенную во льду, где держали мясо, зерно, а иногда даже пиво. Джон приглядел, чтобы коня Мормонта напоили, накормили и расчесали, потом позаботился о своем собственном и отправился разыскивать друзей. Гренн и Жаба были на дежурстве, но он нашел Пипа в

общем зале.

– Что случилось? – спросил он. Пип понизил голос:

– Король умер.

Джон был ошеломлен. Роберт Баратеон показался ему в Винтерфелле жирным и старым, но тем не менее бодрым и крепким, на взгляд не обнаруживающим никаких признаков болезни.

– Откуда ты знаешь?

– Один из стражников слышал, как Клидас читал письмо мейстеру Эйемону. – Пип наклонился поближе. – Джон, мне очень жаль. Он был другом твоего отца, разве не так?

– Они были близки как братья. – Джон подумал, оставит ли Джофф его отца десницей. Едва ли. Это означало, что лорд Эддард вернется в Винтерфелл, а вместе с ним и сестры. Ему даже могут позволить посетить их с разрешения лорда Мормонта. Как хорошо будет вновь увидеть улыбку Арьи, поговорить с отцом. «Я спрошу его о матери, – решил Джон. – Теперь я мужчина, и ему давно следовало сказать мне все, даже если она была шлюхой. Мне все равно, я должен знать!» – Я слыхал, как Хаке говорил, что мертвецы были из тех, кто ушел с твоим дядей, – сказал Пип.

– Да, – подтвердил Джон. – Двое из тех шестерых, которых он взял с собой. Они были убиты давно… только тела странные.

– Странные? – Пип превратился в само любопытство. – Чем же?

– Сэм расскажет тебе. – Джону не хотелось говорить об этом. – Пойду посмотрю, не нужен ли я Старому Медведю.

Он повернул к башне лорда-командующего, ощущая какую-то непонятную неловкость. Братья-стражники встретили его скорбными взглядами.

– Старый Медведь в солярии, – объявил один из них. – Он спрашивал тебя.

Джон кивнул. Надо было направиться сюда прямо из конюшни. Он торопливо зашагал по ступеням башни. Мормонт потребует вина или велит растопить очаг, вот и все, сказал он себе.

Едва Джон вошел в солярий, ворон Мормонта повернулся к нему и закричал:

– Зерна! Зерна! Зерна!

– Не верь, я только что покормил его, – проворчал Старый Медведь. Он сидел у окна и читал письме. – Принеси мне чашу вина и налей себе.

– Мне, милорд?

Мормонт оторвал взгляд от письма и поглядел на Джона. В глазах его была жалость. Джон видел это.

– Ты слыхал меня.

Джон разливал вино подчеркнуто осторожно, едва осознавая себя. Ведь когда чаши наполнятся, ему придется встретить злую весть лицом к лицу. И все же – чересчур скоро – они наполнились.

– Садись, мальчик, – приказал ему Мормонт. – Выпей.

Джон остался стоять.

– Что-то случилось с отцом, так?

Старый Медведь постучал по письму пальцем.

– И с твоим отцом и с королем, – прогрохотал он. – Не буду лгать, новости скорбные. В моем-то возрасте я не надеялся дожить до нового короля, а Роберт был вполовину моложе меня и крепок как бык. – Мормонт глотнул вина. – Мне говорили, что король обожал охоту. Нас губит как раз то, что мы любим. Запомни это. Мой сын тоже любил свою молодую жену. Тщеславная женщина! Если бы не она, ему бы даже не пришло в голову продавать этих браконьеров.

Джон едва слышал, что говорит Мормонт.

– Милорд, я не понимаю вас. Что случилось с моим отцом?

– Я велел тебе сесть, – буркнул Мормонт.

– Сесть! – завопил ворон.

– Сесть и пить. Черт побери, это приказ, Джон Сноу.

Джон сел и отпил вина.

– Лорд Эддард заключен в темницу по обвинению в измене. Утверждают, что он вступил в сговор с братьями Роберта, чтобы помешать восшествию на престол принца Джоффри.

– Нет, – немедленно выпалил Джон. – Невозможно. Отец мой просто не мог предать короля!

– Пусть будет так, – отвечал Мормонт. – Не мне судить, и не тебе тоже.

– Но это ложь, – настаивал Джон. Как могли в Королевской Гавани подумать, что отец его изменник, неужели они все свихнулись? Лорд Эддард Старк никогда бы не обесчестил себя… или же?

Он родил бастарда, шепнул ему негромкий внутренний голос. А значит, способен был забыть и о чести. И твоя мать, что с ней? Он даже не назвал тебе ее имени…

– Милорд, что будет с ним? Его убьют?

– На это я ничего не могу сказать тебе, парень. Я пошлю письмо: в дни молодости мне приходилось знать некоторых из советников короля. Старого Пицеля, лорда Станниса, сира Барристана… что бы ни натворил твой отец, он останется великим лордом. Ему должны позволить уйти в чернецы и присоединиться к нам. Богам известно, насколько нам нужны

люди, обладающие способностями лорда Эддарда!

Джон знал, что раньше обвиняемым в измене предоставляли возможность искупить свою вину на Стене. Зачем же лишать этого права лорда Эддарда?

Отец приедет сюда. Какая странная мысль, какая неуютная. Немыслимо и несправедливо лишать его Винтерфелла, заставить облачиться в черное, однако если иначе нельзя будет сохранить его жизнь…

И позволит ли это Джоффри? Джон вспомнил принца в Винтерфелле – как тот издевался над Роббом и сиром Родриком во дворе. Джона он едва замечал; бастарды находились ниже его достоинства.

– Милорд, послушает ли вас король?

Старый Медведь пожал плечами:

– Король – мальчишка… скорее всего он послушает свою мать. Жаль, что с ними нет карлика. Он – дядя парня и видел нашу нужду, когда гостил здесь.

– Леди Старк не моя мать, – резко напомнил ему Джон. Тирион Ланнистер был другом ему. И если лорд Эддард погибнет, вина ляжет на нее – как и на королеву. – Милорд, а что слышно о моих сестрах? Арья и Санса были с отцом, не знаете ли вы…

– Пицель о них не упомянул, но, вне сомнения, с ними обходятся мягко. Я спрошу его в своем письме. – Мормонт покачал головой. – Подобные события не могли случиться в более неподходящее время. Страна как никогда нуждается в сильном короле… Впереди темные дни и холодные ночи, я чувствую это костями. – Он оделил Джона долгим проницательным взглядом. – Надеюсь, что ты не выкинешь никаких глупостей, мальчик?

Он мой отец, хотел ответить Джон, однако он знал, что Мормонту незачем говорить такие слова. Горло его пересохло. Джон заставил себя выпить вина.

– Долг велит тебе оставаться здесь, – напомнил ему лорд-командующий.

– Твоя прошлая жизнь закончилась, когда ты надел черный кафтан.

Птица зловещим голосом подтвердила:

– Черный!

Мормонт не обратил на нее внимания.

– Что бы они там ни делали в Королевской Гавани, это не наше дело.

Джон не ответил; старик допил вино и сказал:

– Можешь идти. Я более не нуждаюсь в тебе сегодня. Завтра ты поможешь мне написать ответ.

Джон не помнил, как встал и вышел из солярия. Он очнулся только на

ступенях лестницы с мыслью: это мой отец и мои сестры, как это может быть не мое дело?!

Снаружи один из стражников поглядел на него и сказал:

– Мужайся, парень. Боги жестоки.

Они все знают, понял Джон и ответил:

– Только мой отец не изменник.

Слова застряли в его горле, словно пытаясь удушить его. Ветер крепчал, во дворе, похоже, сделалось холоднее за то время, которое он провел в башне. Духовое лето приближалось к концу.

Остаток дня прошел словно во сне. Джон не знал, где ходит, что делает и с кем говорит. Призрак все время был рядом, это он помнил. Молчаливое присутствие лютоволка утешало Джона. «У девочек нет даже этого утешения», – подумал он. Волки могли бы охранять их, но Леди мертва, а Нимерия потерялась. Они одни.

На закате задул северный ветер. Под его вой над Стеной, над ледяным бастионом Джон отправился в общий зал ужинать. Хоб сварил похлебку из оленины – с ячменем, луком и морковкой. Повар налил Джону больше, чем было положено, и оставил возле его миски хрустящую горбушку. Итак, знает и он. Джон оглядел зал, лица отворачивались, пряча глаза. Все они знают!

К нему подошли друзья.

– Мы попросили септона поставить свечу за твоего отца, – сказал ему Матхар.

– Это ложь, все мы знаем, что это ложь, даже Гренн, – вставил Пип. Гренн кивнул, а Сэм пожал Джону руку.

– Раз ты мой брат, теперь он и мой отец, – сказал толстяк. – Если хочешь, давай съездим к чардревам помолиться старым богам, я буду с тобой!

Чардрева остались за Стеной, однако Джон знал, что Сэм сделает все. Они – мои братья, подумал он. Как Робб, Бран и Рикон.

И тут он услышал смех, острый и жестокий как кнут, голос сира Аллисера Торне.

– А он у нас не только бастард, но и бастард изменника, – бросил он тем, кто был возле него.

В мгновение ока Джон вскочил на стол с кинжалом в руке. Пип попытался остановить его, но, вырвав ногу, он метнулся вперед по столу и выбил чашу из рук сира Аллисера, забрызгав братьев похлебкой. Торне отскочил. Люди вокруг кричали, но Джон словно не слышал их. Он ударил кинжалом, метя в холодные ониксовые глаза сира Аллисера, но Сэм

бросился между ними, и прежде, чем Джон успел обежать толстяка, к его спине, словно обезьяна, прилип Пип, Гренн остановил его руку. Жаба принялся выкручивать нож из пальцев.

Потом, уже потом, когда Джона отправили в келью, где он ночевал, Мормонт явился проведать его с вороном на плече.

– Я же просил тебя не делать никаких глупостей, мальчик, – сказал Старый Медведь. «Мальчик», – отозвалась птица. Мормонт недовольно качнул головой. – Только подумать, какие надежды я испытывал в твоем отношении.

У Джона отобрали нож и меч и приказали, чтобы он оставался в своей каморке до тех пор, пока высшие офицеры не посоветуются и не решат, что с ним делать. Ну а пока, не рассчитывая на повиновение, за его дверью выставили охрану. Друзей к нему не пускали, однако Старый Медведь сжалился и разрешил ему взять к себе Призрака, так что Джон не был полностью в одиночестве.

– Мой отец не изменник, – сказал он лютоволку, когда все ушли. Призрак молча глядел на него. Джон привалился к стене, обхватил руками колени и принялся глядеть на свечу, оставшуюся на столике возле его узкой постели. Огонек мерцал и качался, тени метались вокруг, в комнате становилось темнее и холоднее. – Сегодня я не буду спать, – решил Джон.

И все же он, должно быть, уснул. А когда проснулся, ноги его онемели, по ним бегали мурашки. Свеча давно догорела. Призрак стоял на задних ногах и скребся в дверь. Джон удивился тому, каким высоким стал лютоволк.

– Призрак, что случилось? – спросил он негромко. Лютоволк повернул голову и поглядел на него, обнажая клыки в безмолвной угрозе. «Неужели он сошел с ума?» – удивился Джон. – Призрак, это же я, – пробормотал он, пытаясь не проявлять удивления. Джон понял, что трясется… когда же это стало так холодно?

Призрак отпрыгнул от двери, оставив глубокие царапины на дереве.

Джон следил за ним с возрастающим беспокойством.

– Там кто-то есть, – прошептал он. Пригнувшись, лютоволк отступал, белый мех поднимался дыбом на его затылке. «Стражник, – подумал Джон, – они оставили за моей дверью стражника. Призрак чует его сквозь дверь».

Джон медленно поднялся на ноги. Он не мог одолеть дрожь и жалел о том, что у него нет меча. Три быстрых шага привели его к двери. Джон схватил ручку, потянул ее внутрь. Скрип петель заставил его подпрыгнуть. Охранявший его человек простерся на узких ступенях лицом вверх, хотя тело его лежало на животе. Голову его перекрутили спереди назад.

«Этого не может быть, – сказал себе Джон. – Я в башне лорда-командующего, которая охраняется днем и ночью, такого просто не может случиться. Это сон. Мне снится кошмар!» Призрак скользнул мимо него из двери и бросился вверх по ступеням, остановился на мгновение, посмотрел на Джона.

Тут и он услышал мягкую поступь по камню, шум поворачивающейся рукоятки. Звуки доносились сверху – из покоев лорда-командующего.

Пусть это и кошмар, но не сон. Меч стражника так и остался в ножнах. Джон пригнулся и вынул оружие. Прикосновение стали к руке приободрило его. Джон направился вверх, Призрак бесшумно топал перед ним. Тени прятались в каждом углу лестницы, Джон осторожно крался вверх, проверяя острием меча каждый подозрительный уголок.

Тут он услышал крик ворона.

– Зерна, – завопила птица Мормонта. – Зерна, зерна, зерна, зерна, зерна, зерна.

Призрак метнулся вперед, Джон помчался следом. Дверь в солярий лорда Мормонта была распахнута. Лютоволк метнулся внутрь. Джон остановился в дверях с клинком в руке, давая своим глазам приспособиться. Тяжелые занавеси прикрыли окна, и в палате было темно, как в чернильнице.

– Кто здесь? – окликнул он.

И тут он заметил врага, тенью, прячущейся в тенях, скользнувшего к внутренней двери, ведущей к опочивальне Мормонта, черный силуэт человека в плаще и капюшоне. Но под капюшоном ледяной синевой горели глаза…

Призрак прыгнул вперед. Человек и волк столкнулись без звука и рычания, покатились, врезались в кресло, повалили заваленный бумагами стол. Ворон Мормонта летал с криком над его головой: «Зерна, зерна, зерна, зерна, зерна!» Джон казался себе столь же слепым, как мейстер Эйемон. Держась к стене спиной, он скользнул к окну и рассек занавеси. Лунный свет хлынул в солярии, осветив черные руки, погрузившиеся в белый мех. Раздувшиеся черные пальцы впивались в горло его любимого волка; зверь дергался и огрызался, бил ногами по воздуху, но не мог вырваться на свободу.

У Джона не было времени на испуг. Он бросился вперед и с криком обрушил на врага длинный меч, вложив в удар весь свой вес. Сталь рассекла рукав, кожу и кость, но тем не менее звук показался юноше каким-то не таким. Его немедленно окутала вонь, столь странная и холодная, что Джона едва не вырвало. Отсеченная рука упала на пол, черные пальцы

извивались в лужице лунного света. Призрак высвободился из другой руки и отпрыгнул в сторону, вывалив красный язык изо рта.

Облаченный в капюшон человек повернул освещенное бледной луной лицо, и Джон без колебаний нанес новый удар. Срезав половину носа, открывая глубокий порез от щеки до щеки под этими глазами, глазами, горевшими как синие звезды. Джон помнил это лицо. Отор, подумал он, отступая назад. «Боги, он же мертв, он мертв! Я же видел его мертвое тело…» Джон ощутил, как что-то цепляется за его лодыжку. Черные пальцы обхватили ногу. Рука поползла по его ноге, цепляясь за кожу, за ткань и плоть. Вскрикнув от отвращения, Джон оторвал пальцы от своей ноги и острием меча отбросил мерзкую штуковину прочь. Ладонь осталась лежать, извиваясь и дергаясь, стискивая и открывая пальцы.

Труп шагнул вперед, крови не было. Однорукий, с рассеченным лицом, он словно бы ничего не ощущал. Джон выставил перед собой длинный меч.

– Убирайся! – завопил он пронзительным голосом.

– Зерна, – вскрикнул ворон, – зерна, зерна, зерна! Отрубленная рука выползала из порванного рукава, белая змея с пятипалой черной головой. Призрак метнулся и схватил ее зубами, хрустнула кость. Джон рубанул по шее трупа, и ощутил, как сталь впилась глубоко и твердо.

Мертвый Отор повалился на него, сбив с ног. Дыхание оставило Джона, когда он угодил спиной на упавший стул.

Меч, где меч? Он потерял проклятый меч. Джон открыл рот, чтобы закричать, но труп тянулся своими черными мертвячьими пальцами к его рту; Джон с отвращением попытался отбросить руку, но мертвец был слишком тяжел. Пальцы лезли к горлу Джона, душа его ледяным холодом. Лицо мертвеца приближалось, закрывая мир, мороз покрыл глаза покойника искристой голубизной. Джон впился в холодную плоть ногтями, ударил ногами. Он пытался кусать, бить, дышать…

И вдруг вес трупа исчез, пальцы оторвались от его горла. Обессилевший Джон едва сумел перевалиться на живот, сотрясаясь и икая. Призрак вновь взялся за дело.

Лютоволк впился зубами в нутро мертвяка и начал рвать и терзать его. Джон лежал, почти не осознавая, что происходит, и не сразу сообразил, что пора поискать меч… Тут он увидел лорда Мормонта, голого и не до конца проснувшегося, появившегося в дверях с масляной лампой в руке. Изжеванная, лишенная пальцев рука билась о порог, пытаясь перебраться к нему.

Джон попытался вскрикнуть, но голос оставил его. Поднявшись на ноги, он отбросил отсеченную кисть и выхватил лампу из пальцев Старого

Медведя.

Пламя, затрепетав, едва не скончалось.

– Жги, – каркнул ворон. – Жги. Жги, жги! Повернувшись, Джон заметил шторы, которые сорвал с окна. Он бросил лампу на кучу обеими руками. Хрустнул металл, стекло разбилось, потекло масло, и шторы разом занялись пламенем. Прикосновение тепла к лицу было слаще любого поцелуя, который приводилось знать Джону.

– Призрак! – вскрикнул он.

Лютоволк отпрыгнул и приблизился к хозяину, мертвяк поднимался, темные змеи вываливались из огромной раны в его чреве. Джон запустил руки в огонь, схватил горящие занавески и бросил их в мертвеца.

– Боги, прошу вас, пусть он сгорит!

Бран

Холодным ветреным утром прибыли Карстарки во главе трех сотен всадников и почти двух сотен пеших из своего замка в Карлхолле. Колонна приближалась, поблескивая стальными остриями пик. Перед ней шел человек, выбивая гулкий неторопливый походный ритм на барабане, который был больше его самого. Бум, бум, бум.

Бран следил за их приближением со сторожевой башенки на внешней стене с помощью бронзовой подзорной трубы мейстера Лювина, сидя на плечах Ходора. Прибывших возглавлял сам лорд Рикард, сыновья его Харрион, Эддард и Торрхен ехали возле отца под черными как ночь знаменами с вышитой колючей звездой. Старуха Нэн утверждала, что в жилах рода текла кровь Старков, от которых ветвь эта отделилась несколько веков назад. Однако, на взгляд Брана, прибывшие не напоминали Старков: высокие могучие люди, густобородые, волосы до плеч. Плечи их покрывали медвежьи, тюленьи и волчьи шкуры.

Пришли последние, он знал это. Остальные лорды уже собрались в Винтерфелле со своими дружинами. Брану хотелось посмотреть, как наполняются зимние дома, на оживленную толпу, каждый день собиравшуюся по утрам на рыночной площади, увидеть улицы, изрытые колесами и копытами. Но Робб запретил ему оставлять замок.

– Мы не можем выделить людей, которые будут тебя охранять, – объяснил он брату.

– Я возьму Лето, – возразил Бран.

– Не принимай меня за ребенка, – сказал Робб. – Ты знаешь, в чем дело. Только два дня назад человек лорда Болтона зарезал человека лорда Сервина в «Курящемся бревне». Наша леди-мать сдерет с меня шкуру, если я позволю себе рисковать твоей жизнью, – окончил он голосом лорда Робба, и Бран понял, что возражений не может быть.

Так было из-за того, что произошло в Волчьем лесу, Бран знал это. Ему до сих пор снился тот день. Он оказался беспомощен как младенец, способный защитить себя не более, чем, скажем, Рикон. Даже менее… Рикон хотя бы стал отбиваться. Бран ощутил стыд. Он ведь всего лишь на несколько лет младше Робба, но если брат уже почти стал взрослым, значит, и он тоже. Он должен научиться защищать себя!

Год назад он бы убежал в Зимний городок, даже если бы для этого пришлось лезть вниз по стене. Тогда он мог бегать по лестнице, сам

поднимался и спускался со своего пони и научился владеть деревянным мечом достаточно хорошо, чтобы сбить принца Томмена с ног. А теперь ему оставалось лишь наблюдать за происходящим через трубку с линзами. Мейстер Лювин показал ему все знамена: кольчужный кулак Гловеров, серебряный на алом фоне; черного медведя леди Мормонт; жуткого, лишенного кожи человека Болтонов из Дредфорта; лося Хорнвудов, боевой топор Сервинов, три страж-дерева Толхартов и устрашающий герб дома Амберов – ревущего гиганта в разорванных цепях.

Вскоре он узнал и лица гостей, когда лорды с сыновьями и рыцарями начали съезжаться в Винтерфелл на пиры. Даже великий чертог не вмещал сразу всех, поэтому Робб принимал своих основных знаменосцев по очереди. Брану всегда предоставлялось почетное место по правую руку от брата. Некоторые из знаменосцев посматривали на него с жестким недоумением, словно бы удивляясь тому, что над ними восседает зеленый мальчишка и – более того – калека.

– Сколько же их собралось? – спросил Бран у мейстера Лювина, когда лорд Карстарк и его сыновья въехали в ворота.

– Двенадцать тысяч людей или около того.

– А сколько среди них рыцарей?

– Не слишком много, – ответил мейстер с легким нетерпением. – Чтобы стать рыцарем, нужно выстоять стражу в септе и принять помазание семью елеями, освящающее обет. На севере мало почитателей Семерых. Наши люди чтут старых богов и не вступают в рыцари… но эти лорды, их сыновья и дружинники обладают не меньшей доблестью, отвагой и честью. Человек не становится достойнее, когда к его имени приставляют словечко «сир». Я говорил это тебе уже сотню раз.

– И все же, – спросил Бран, – сколько среди них рыцарей?

Мейстер Лювин вздохнул:

– Три сотни, быть может, четыре… кроме того, у нас есть три тысячи тяжеловооруженных всадников, не являющихся рыцарями.

– Лорд Карстарк последний, – задумчиво заметил Бран. – Робб будет пировать с ним сегодня вечером.

– Вне сомнения.

– А сколько осталось… дней до начала похода?

– Робб должен выступить вскоре или же не выступать вовсе, – ответил мейстер Лювин. – Зимний городок набит до отказа, и это войско объест всю страну, если простоит здесь достаточно долго. Остальные – рыцари курганов, озерный люд, лорды Мандерли и Флинт – присоединятся к нему на Королевском тракте. В Приречье началась война, и брату твоему

придется пройти много лиг.

– Я знаю. – В голосе Брана прозвучало горе. Передавая бронзовую трубу мейстеру, он заметил, насколько редкими сделались волосы Ювина на макушке. Бран видел сквозь них розовую кожу; странно смотреть на мейстера сверху, когда всю свою жизнь ты глядел на него снизу вверх. Но тот, кто сидит на спине Ходора, глядит на всякого сверху вниз. – Я не хочу больше смотреть. Ходор, отнеси меня назад в замок.

– Ходор, – пробормотал Ходор. Мейстер Ювин убрал трубку в рукав.

– Бран, твой лорд-брат сегодня не сможет зайти к тебе. Он должен поприветствовать лорда Карстарка и его сыновей и выказать им свое расположение.

– Я не обеспокою Робба. Я хочу посетить богорощу. – Бран опустил свою руку на плечо Ходора.

– Ходор…

Высеченные в граните опоры для рук складывались в лестницу, расположенную во внутренней стене башни. Напевая что-то непонятное, Ходор спускался, перемещая руку за рукой. Бран раскачивался на его спине в плетеной корзине, которую соорудил для него мейстер Ювин, позаимствовав идею от женщин, которые в корзинах на спине переносили хворост; прорезать отверстия для ног и приспособить ремни, способные выдержать вес Брана, было не так уж трудно. В корзине он ощущал себя, как на спине Плясуньи, однако кобыла пройдет не всюду, и Бран не ощущал стыда, как бывало, когда Ходор переносил его на руках, подобно ребенку. Ходору, похоже, тоже было удобнее, однако трудно сказать, что ему нравится.

Сложности возникали только в дверях. Иногда Ходор забывал, что Бран сидит на его спине, и тогда проникновение в дверь оказывалось болезненным.

Почти две недели в замке было столько гостей, что Робб приказал держать открытыми обе решетки и не поднимать мост между ними даже глухой ночью. Когда Бран появился из башни, длинная колонна латников пересекала ров между стенами; это люди Карстарка следовали за своими лордами в замок. На них были черные железные шишаки и черные шерстяные плащи, украшенные белой звездой. Ходор шел возле них, улыбаясь чему-то своему, сапоги его стучали по доскам подъемного моста. Стражники странно поглядывали на них, и Бран даже услышал чей-то хохоток, но отказал себе в праве смутиться.

– Люди будут смотреть на тебя, – предупредил его мейстер Ювин, как только они впервые пристроили плетеную корзину к плечам Ходора. – Они

будут смотреть, они будут говорить, и некоторые даже будут смеяться.

Пусть смеются, решил Бран. В спальне над ним смеяться некому, но нельзя же всю жизнь провести в постели!

Когда они прошли под решетками башни, Бран вложил два пальца в рот и свистнул. Лето выскочил откуда-то с другой стороны двора. Внезапно копьеносцы Карстарка взялись за уздечки; кони заметались и заржали. Один жеребец с криком встал на дыбы, наездник, ругаясь, осаживал коня. Запах лютоволка всегда повергал лошадей в бешеный страх, если только они не были привычны к нему, но как только Лето исчезал, животные быстро успокаивались.

– В богорощу, – напомнил Бран Ходору.

Даже сам Винтерфелл был полон народу. Во дворе звенели мечи и топоры, грохотали фургоны, лаяли псы. Ворота арсенала были открыты, и Бран увидел Миккена у наковальни; молот звенел, и пот катился по голой груди. Стольких незнакомцев здесь не собиралось, даже когда к отцу приезжал король Роберт.

Он попытался не дернуться, когда Ходор нырнул в низкую дверь. Потом они шли длинным сумрачным коридором, Лето непринужденно топал возле них. Волк время от времени поднимал голову, и в глазах его светилось жидкое золото. Брану хотелось прикоснуться к нему, но он ехал слишком высоко и не мог дотянуться до зверя.

Богороща являла собой островок мира посреди моря хаоса, в который превратился Винтерфелл.

Ходор прошел через чистые заросли дуба, железоствола и стража, к спокойному пруду возле сердце-дерева, и остановился под корявыми ветвями чардрева, бормоча что-то себе под нос. Бран поднял руки над головой и выбрался из седла, выволакивая бессильные ноги сквозь дыры в плетеной корзине. Он повисел мгновение, темно-красные листья прикасались к его лицу, наконец Ходор опустил его на гладкий камень возле воды.

– Я хочу побыть один, – сказал Бран. – А ты можешь помокнуть, ступай к прудам.

– Ходор, – откликнулся Ходор и исчез в кустарнике. За богорощей, под окнами гостевого дома, подземный горячий источник питал три небольших пруда.

Пар клубами валил от воды день и ночь, и стена, поднимавшаяся над прудами, густо поросла мхом. Ходор ненавидел холодную воду и всякий раз сопротивлялся как дикий кот, когда ему принимались угрожать мылом. Но он с радостью погружался в самый горячий пруд из трех и сидел там

часами, громко булькая всякий раз, когда на поверхности лопались пузыри, поднявшиеся из зеленых мутных глубин.

Лето лакнул воды и уселся возле Брана. Мальчик почесал волку шею, и на мгновение оба они ощутили покой. Бран всегда любил богорощу – даже до того, – но в последнее время он обнаружил, что его все больше и больше влечет сюда. Даже сердце-дерево более не пугало его, как прежде. Глубокие красные очи, врезанные в белый ствол, все еще следили за ним, но их взгляд теперь почему-то приносил утешение. Боги глядят на него, сказал он себе, старые боги, боги Старков, Первых Людей и Детей Леса, боги его отца. Под их взглядом он ощущал себя в безопасности, а глубокое молчание деревьев помогало ему думать. Бран много размышлял после своего падения. Он думал и мечтал, разговаривал с богами.

– Пожалуйста, сделайте так, чтобы Робб не уехал, – негромко помолился он. И шлепнул рукой по холодной воде, от руки его разбежались круги. – Пусть он останется. А если ему придется уехать, пусть вернется домой невредимым вместе с матерью, отцом и девочками. И пусть все будет так… будет так, чтобы Рикон понял!

Узнав, что Робб уезжает на войну, самый младший из братьев взбесился как зимняя пурга. Рикон то плакал, то надувался. Он отказывался есть, ревел и кричал по ночам, даже поколотил старую Нэн, когда старуха попыталась колыбельными песнями успокоить его. На следующий день Рикон исчез. Робб самолично обегал ползамка, разыскивая брата; наконец его отыскали – в самой глубине крипт. Рикон замахнулся на людей ржавым мечом, который он забрал из рук одного из мертвых королей, и Лохматый Песик вылетел из тьмы зеленоглазым бесом. Волк взбесился почти как Рикон. Он укусил Гейджа в руку и вырвал кусок мяса из бедра Миккена. Только сам Робб и Серый Ветер сумели угомонить их обоих. Фарлен посадил черного волка на цепь в конуре, и Рикон залился еще горшими слезами, расставшись с другом.

Мейстер Лювин советовал Роббу оставаться в Винтерфелле, и Бран тоже – ради себя самого и ради Рикона, – но брат только упрямо качал головой и говорил:

– Поймите, я не хочу ехать, я должен!

Ложью это было только отчасти. Кому-то следовало занять Перешеек и помочь Талли против Ланнистеров, Бран понимал это. Но зачем это делать Роббу? Брат его мог отдать приказ Халу Моллену, Грейджою или одному из своих знаменосцев. Мейстер Лювин предлагал ему поступить именно так, но Робб не желал даже слышать об этом.

– Мой лорд-отец никогда бы не послал людей навстречу опасности,

трусливо спрятавшись за стенами Винтерфелла, – говорил он им.

Старший брат теперь казался Брану каким-то незнакомым, Робб преобразился в истинного лорда, еще не встретив шестнадцатых именин. Даже знаменосцы отца как будто бы поняли это. Многие пытались испытать его, каждый на собственный манер. Русе Болтон и Роберт Гловер требовали назначить их полководцами, первый ворчливо, второй с улыбкой и шуткой. Крепкая седоволосая Мейдж Мормонт, облаченная в кольчугу подобно мужчине, открыто заявила Роббу, что он годится ей во внуки и она не позволит командовать собой… однако закончила разговор тем, что у нее есть дочь, которую она рада будет отдать за него. Мягкоречивый лорд Сервин даже прихватил с собой свою дочь, пухленькую домашнюю девочку тринадцати лет, сидевшую у левой руки отца, не отрывая глаз от тарелки. Веселый лорд Хорнвуд дочерей не имел, но являлся с подарками, сегодня с конем, завтра с олениной, послезавтра с серебряным охотничьим рогом и ничего не просил… ничего, кроме некоего острога, отобранного у его деда, восстановления охотничьих прав Хорнвудов к северу от такого-то хребта… и чтоб ему разрешили перегородить плотиной Белый Нож, если это будет угодно его светлости.

Робб отвечал каждому холодной любезностью, как всегда поступал отец, и каким-то образом сумел подчинить всех себе.

Когда лорд Амбер, которого люди прозвали Большим Джоном, ибо он был ростом с Ходора и, наверное, раза в два шире в плечах, пригрозил увести свое войско домой, если Амберов поместят ниже Хорнвудов или Сервинов в походном порядке, Робб сказал, что будет рад этому.

– А когда мы покончим с Ланнистерами, – посулил он Большому Джону, почесывая за ухом своего лютоволка, – то направимся на север и, взяв ваш замок, милорд, повесим вас как клятвопреступника. – Тут Большой Джон с проклятиями бросил в огонь бутыль эля и объявил, что Робб еще настолько мал, что должен писать молоком.

Когда Халлис Моллен шагнул вперед, чтобы осадить его, великан одним ударом поверг его на пол, перевернул стол и извлек самый громадный и уродливый из всех великих мечей, которые Брану случалось видеть.

Сыновья его, братья и дружинники повскакали с мест, хватаясь за сталь.

Но Робб спокойно произнес одно лишь слово, раздался негромкий рык, и в мановение ока лорд Амбер оказался на спине; меч его отлетел фута на три, из руки его, там, где Серый Ветер откусил два пальца, хлынула кровь.

– Мой лорд-отец всегда говаривал, что поднявшего меч на сюзерена ждет смерть, – сказал Робб, – но вы, вне сомнения, просто захотели

нарезать мне мясо. – Внутренности Брана поднялись к горлу, когда Большой Джон встал на ноги, обсасывая оставшиеся от пальцев огрызки… но тут, к его удивлению, гигант расхохотался.

– Твое мясо, – взревел он, – малость жестковато.

И каким-то образом после этого Большой Джон сделался правой рукой Робба, его надежнейшим помощником, громко уверявшим всех и вся, что юный милорд – самый настоящий Старк и тем, кто не хочет, чтобы им откусили ногу, лучше преклонить колена.

Потом, ночью, брат явился в опочивальню Брана бледный и потрясенный – уже после того, как в Великом зале потушили огни.

– Я думал, что он убьет меня, – признался Робб. – Ты видел, как он бросил Хала? Прямо как Рикона! Боги, я так испугался. Но Большой Джон вовсе не самый худший из них, он только самый громкий. Лорд Русе никогда не говорит ни слова, он только глядит на меня, а мне все представляется та комната, где у себя в Дредфорте Болтоны вешают шкуры своих врагов.

– Но это же одна из сказок старухи Нэн, – сказал Бран. Нотка сомнения вкралась в его голос. – Разве не так?

– Не знаю. – Робб устало качнул головой. – Лорд Сервин хочет взять свою дочь на юг вместе с нами. Якобы чтобы она готовила ему. Но Теон уверяет, что я однажды обнаружу эту девушку в своей постели. Как мне хотелось бы… как мне хотелось бы, чтобы отец был с нами!

Тут уж согласие было полным: все – Бран, Рикон и Робб-лорд, все хотели, чтобы отец оказался здесь. Но лорд Эддард находился в тысяче миль отсюда и был узником далекой темницы, преследуемым беглецом, спасающим свою жизнь, а может быть, даже мертвецом. Никто не знал его участи наверняка, каждый путешественник рассказывал иную повесть, еще более ужасную, чем предыдущая. Головы дружинников отца гнили на стенах Красного замка, насаженные на пики. Король Роберт скончался от рук отца. Баратеоны осадили Королевскую Гавань. Лорд Эддард бежал на юг с братом короля злодеем Ренли. Пес убил Арью и Сансу. Мать убила Тириона-Беса. Лорд Тайвин Ланнистер выступил против Орлиного Гнезда, все сжигая и убивая всех на своем пути. Один пропитавшийся вином болтун даже объявил, что Рейегар Таргариен восстал из мертвых и шествует во главе огромного войска древних героев с Драконьего Камня, чтобы заявить свои права на престол отца.

А потом прилетел ворон с письмом, запечатанным собственной печатью отца и написанным рукой Сансы, и жестокая правда оказалась не менее невероятной. Бран так никогда и не смог забыть выражения на лице Робба,

читавшего слова сестры.

– Она утверждает, что отец вошел в заговор с братьями короля, – прочитал он. – Король Роберт умер, а нас с матерью призывают в Красный замок, чтобы присягнуть на верность Джоффри. Санса просит, чтобы мы изъявили верность, а когда она выйдет за Джоффри, то попросит его пощадить жизнь лорда-отца. – Пальцы Робба сжались в кулак, скомкав письмо Сансы. – А об Арье ничего, даже единого слова. Проклятие! Что случилось с девчонкой?

Бран покрылся холодным потом.

– Санса потеряла своего волка, – сказал он слабым голосом, вспоминая тот день, когда четверо гвардейцев отца доставили с юга останки Леди. Лето, Серый Ветер и Лохматый Песик завыли прежде, чем посланцы пересекли подъемный мост, и в голосах их слышались скорбь и отчаяние.

В тени Первой Твердыни прятался древний заросший могильный дворик, камни его поросли бледным лишайником; Там старые Короли Зимы клали на вечный покой своих слуг. Там и погребли останки Леди, тем временем братья ее сновали между могил беспокойными тенями. Она отправилась на юг, и только кости ее вернулись домой.

Так было и с их дедом, старым лордом Рикардом, и с его сыном Брандоном, братом отца, и с двумя сотнями его лучших людей. Никто из них не вернулся. А теперь еще и отец уехал на юг вместе с Арьей и Сансой, Джори, Халденом, Толстым Томом и всеми остальными. А потом за ними последовали мать и сир Родрик, и они тоже не вернулись. А теперь еще Робб собрался туда же. Не в Королевскую Гавань, чтобы присягнуть новому королю, но в Ривердан с мечом в руке. И если их лорд-отец действительно находится в заточении, поход этот, безусловно, грозил ему смертью. Это пугало Брана больше, чем он мог сказать.

– Если Робб должен будет уехать, идите за ним, – обратился Бран к старым богам, смотревшим на него с сердце-дерева красными глазами. – Приглядите за его людьми, Халом, Квентом и остальными, за лордом Амбером, леди Мормонт и прочими лордами. И за Теоном, конечно! Идите за ними, берегите их, если это угодно вам. Помогите им победить Ланнистеров, спасти отца и вернуться домой!

Слабое дыхание ветра пробежало по богороще, красные листья шевельнулись и зашептали. Лето обнажил зубы.

– Ты слышишь их, парень? – проговорил голос.

Бран поднял голову. На противоположной стороне пруда под древним дубом стояла Оша, листья скрывали ее лицо.

Даже в кандалах она двигалась с удивительной легкостью. Лето обежал

пруд, принюхался, высокая женщина дернулась.

– Лето, ко мне, – позвал Бран. Волк нюхнул напоследок, повернулся и направился обратно. Бран обнял его. – Что ты делаешь здесь? – Он не видел Ошу с тех пор, как она попала в плен в Волчьем лесу, но знал, что ее определили работать на кухню.

– Это и мои боги, – сказала Оша. – Там, за Стеной, других не знают. – Волосы ее отрастали, каштановые и лохматые. Она сделалась более женственной в простом платье из грубого домотканого материала, которое ей дали, сняв с нее кольчугу. – Гейдж время от времени отпускает меня помолиться, когда мне это очень нужно. А я позволяю ему делать все, что он хочет, под моей юбкой. Мне все равно. Мне даже нравится запах муки на его руках, и он ласковей Стива. – Она неловко поклонилась. – Ну, оставлю тебя. Мне нужно отмыть горшки.

– Нет, останься, – приказал ей Бран. – Ответь мне, почему ты сказала, что я слышу богов?

Оша поглядела на него.

– Ты просил, и они ответили. Открой уши, прислушайся, сам услышишь.

Бран прислушался.

– Но это же только ветер, – возразил он неуверенным голосом. – Шелестят листья…

– А кто, по-твоему, посылает ветер, если не боги? – Оша с негромким звоном уселась на другой стороне пруда. Миккен заковал ее ноги в железо, их соединяла тяжелая цепь, она могла ходить, нешироко расставляя ноги, но бежать или сесть в седло была не способна.

– Они видят тебя, парень, они слышат твою речь. А отвечают тебе этим шелестом.

– А что они говорят?

– Им грустно. Твой лорд-брат не получит от них помощи там, куда он направляется. Старые боги не имеют силы на юге. Богорощи там вырубили еще тысячу лет назад. Как они смогут проследить за твоим братом в краю, где у них

(пропуск – Consul)

Бран даже не думал об этом. И сразу испугался. Если даже боги не в силах помочь его брату, откуда же взять надежду? Быть может, Оша не расслышала их? Он пригнул голову и попытался прислушаться снова. Ему показалось, что теперь улавливает печаль, но не более.

Шелест становился громче. Бран услышал глухие шаги, негромкое бормотание, из-за деревьев появился Ходор, голый и улыбающийся.

– Ходор…

– Должно быть, он услышал наши голоса, – сказал Бран. – Ходор, ты забыл одеться.

– Ходор, – согласился Ходор. Тело его ниже шеи было мокрым, в холодном воздухе от него валил пар. Он весь зарос коричневым волосом, густым как шкура. Между ногами раскачивались длинные и тяжелые признаки мужества.

Оша поглядела на него с кислой улыбкой.

– Вот это мужчина, – сказала она. – Он от крови гигантов или я королева!

– Мейстер Лювин говорит, что гигантов больше нет, все они умерли, как Дети Леса. От них остались лишь огромные кости в земле, которые люди время от времени выворачивают плугами.

– Пусть твой мейстер Лювин проедет вдоль Стены, – сказала Оша. – Тогда он найдет гигантов или скорее они сами отыщут его. Мой брат убил одну из них. В ней было десять футов роста, а еще не взрослая… Бывает, что они достигают двенадцати и тринадцати футов. Они свирепые, одни зубы да волосы, а у жен их бороды, как у мужей, и различить их трудно. Их женщины берут к себе в любовники наших мужчин и потом рожают полукровок. Но если гиганты поймают женщину, той приходится хуже. Их мужчины так велики, что могут разорвать девушку, прежде чем наградят ее ребенком. – Она ухмыльнулась. – Но ты же ведь не понимаешь, о чем я говорю, а, мальчик?

– Понимаю, – возразил Бран. Ему было известно, что такое случка: он видел и как жеребец поднимается на кобылу, и собачьи свадьбы во дворе. Но разговаривать об этом было неприятно. Он поглядел на Ходора. – Ступай назад за одеждой, Ходор, – сказал он. – Поди оденься.

– Ходор, – пробурчал тот и отправился назад тем же путем, которым пришел, поднырнув под невысокую ветвь.

А у него действительно там очень много, подумал Бран, провожая Ходора взглядом.

– Значит, за Стеной действительно обитают гиганты? – спросил он у Оши неуверенным тоном.

– Не только гиганты, но и более страшные создания, маленький лорд. Я попыталась объяснить это твоему брату, когда он начинал задавать вопросы… ему, вашему мейстеру и этому мальчишке Грейджою. Подымаются холодные ветры, люди оставляют свои очаги и не возвращаются… а если и приходят назад, то уже не как люди, а мертвяками – с синими глазами и холодными черными руками. Почему, ты думаешь, я

побежала на юг вместе со Стивом, Хали и прочими дурнями? Манс считает, что он смог бы с ними сразиться, отважный, милый, упрямый мужик… Он думает, что Белые Ходоки – это все равно что разведчики Ночного Дозора. Как бы не так! Пусть он зовет себя Королем за Стеной, но, по правде говоря, он просто ворона, слетевшая с Сумеречной башни. Манс не видел зимы. А я родилась там, как моя мать… и бабка и прабабка. Я дочь свободного народа! Мы помним… – Оша встала, цепи ее загремели. – Я пыталась объяснить все это твоему лорду-брату. Только вчера, увидев его во дворе, я позвала его – «милорд Старк», с уважением, как подобает, но он поглядел мимо меня, а этот потный олух, Большой Джон Амбер оттолкнул меня прочь. Пусть будет так! Я буду носить железо и придерживать язык. Что может услышать человек, который не хочет слушать?

– Расскажи все мне. Робб ко мне прислушается, я знаю.

– Прислушается ли теперь? Посмотрим. Скажи ему так, милорд. Скажи своему брату, что он идет не в ту сторону. Ему следовало бы повернуть свои мечи на север. На север, а не на юг. Ты слышишь меня?

Бран кивнул:

– Я скажу ему.

Но в ту ночь, когда они пировали в Великом зале, Робба не было с ними. Он ужинал в своем солярии вместе с лордом Рикардом, Большим Джоном и прочими лордами-знаменосцами, уточняя планы предстоящего долгого похода. Брану пришлось занять место брата во главе стола и исполнять роль хозяина перед сыновьями и высокочтимыми друзьями лорда Карстарка. Все уже расселись по местам, когда Ходор на спине внес Брана в зал, и преклонили колена перед высоким престолом. Двое слуг помогли ему выбраться из корзины. Бран ощущал на себе взгляд каждого незнакомца в зале, все притихли.

– Милорды, – объявил Халлис Моллен. – Брандон Старк из Винтерфелла.

– Приветствую вас у нашего очага, – сказал напряженным голосом Бран.

– И предлагаю вам мясо и мед в честь нашей дружбы.

Харрион Карстарк, старший из сыновей лорда Рикарда, поклонился, следом за ним братья, и все же, когда они заняли места. Бран услыхал молодые негромкие голоса за стуком винных чаш.

– …я бы скорее умер, чем жил таким, – пробормотал один из них, тезка отца Эддард, а брат его Торрхен ответил, что мальчишка, наверное, сломлен внутри, как и снаружи, и слишком труслив, чтобы избавиться от жизни.

Сломлен, подумал Бран, сжимая нож. Так вот кем он стал теперь:

Браном Сломанным.

– Я не хочу быть сломанным! – в ярости прошептал он мейстеру Лювину, который сидел справа от него. – Я хочу быть рыцарем…

– Есть люди, которые называют братьев моего ордена рыцарями ума, – проговорил Лювин. – Ты, Бран, обнаруживаешь невероятные способности, когда берешься за учебу. Тебе еще не приходило в голову подумать о цепи мейстера? Нет пределов тому, что ты сможешь узнать.

– Я хочу научиться магии, – сказал ему Бран. – Ворона обещала, что я сумею летать.

Мейстер Лювин вздохнул.

– Я могу обучить тебя истории, знахарскому делу, травам. Еще – речи воронов и тому, как построить замок и как в море вести по звездам корабль. Я могу научить тебя измерять ночи и дни, научить определять времена года. А в Цитадели Старгорода тебя обучат в десять раз большему. Но, Бран, ни один человек не способен научить тебя магии.

– Дети могут, – сказал Бран. – Дети Леса. – Имя ушедшего народа напомнило ему об обещании, данном Оше в богороще, и он передал Лювину ее слова.

Мейстер выслушал вежливо.

– Твоя одичалая способна поучить басням старуху Нэн, – сказал он, когда Бран окончил. – Я могу поговорить с ней, если ты хочешь, но лучше, чтобы ты не смущал своего брата этими глупостями. У него хватает дел без всяких гигантов и мертвяков в лесу. Подумай, Бран, ведь это Ланнистеры захватили твоего лорда-отца, а не Дети Леса. – Он ласково положил руку на плечо мальчика. – А о моих словах подумай, дитя.

И через два дня, едва кровавый рассвет выполз на продутое ветром небо. Бран сидел на спине Плясуньи во дворе под надвратной башней и прощался со своим братом.

– Теперь ты – лорд Винтерфелла, – сказал ему Робб. Брат сидел на лохматом сером скакуне, на седле щит: дерево, окованное железом, чередующиеся белые и серые полосы, а на них – оскаленная пасть лютоволка. Робб был облачен в серую кольчугу поверх выбеленной кожи; меч и кинжал на поясе, подбитый мехом плащ на плечах. – Ты займешь мое место, как я занял место отца, пока мы не вернемся домой.

– Знаю, – ответил Бран несчастным голосом. Он никогда еще не чувствовал себя таким маленьким, одиноким, испуганным. Он не знал, как это – быть лордом.

– Слушайся советов мейстера Лювина и заботься о Риконе. Скажи ему, что я скоро вернусь – как только закончатся сражения.

Рикон отказался спуститься. Возмущенный, заплаканный, он засел в своей палате.

– Нет! – завопил он, когда Бран спросил, не хочет ли он попрощаться с Роббом. – Никакого прощания не будет!

– Я сказал ему, – объяснил Бран. – А он ответил, что никто никогда не возвращается.

– Рикон не может навсегда остаться младенцем. Он – Старк, и ему уже скоро четыре года. – Робб вздохнул. – Ладно, мать скоро вернется. А я возвращусь с отцом, обещаю тебе!

Брат развернул своего коня и пустил его рысью. Серый Ветер бежал возле коня, высокий и быстрый. Халлес Моллен выехал перед ними обоими из ворот с трепещущим белым знаменем дома Старков на высоком древке из серого клена. Теон Грейджой и Большой Джон заняли места по обе стороны Робба. Рыцари последовали за ними двойной цепочкой, увенчанные сталью копья поблескивали на солнце.

Несчастный Бран вспомнил слова Оши. «Робб направляется не в ту сторону…» Какое-то мгновение он хотел поскакать следом за братом и выкрикнуть вслед предупреждение, но Робб уже исчез под решеткой, и возможность исчезла.

За стенами замка множеством глоток взревела пехота, вместе с горожанами приветствовавшая выехавшего Робба. Бран знал это. Они встречали лорда Старка Винтерфеллского. Брат скакал на великом коне, и плащ его трепетал на ветру, а Серый Ветер несся рядом. «Меня никогда не будут так приветствовать», – понял Бран с тупой болью. Быть может, ему и суждено быть владыкой Винтерфелла в отсутствие отца и брата, но он навсегда останется Браном Сломанным. Он даже не в силах самостоятельно спуститься с коня.

Когда далекие крики постепенно стихли и двор наконец опустел, Винтерфелл показался Брану заброшенным и мертвым. Он поглядел на оставшихся с ним: женщин, детей, стариков… и Ходора. Огромный конюх озирался потерянно и испуганно.

– Ходор? – повторял он печально.

– Ходор, – согласился Бран, гадая, что это значит.

Дейенерис

Получив свое удовольствие, кхал Дрого поднялся с подстилки и башней встал над Дени. Кожа его светилась темной бронзой в неровном свете жаровни. Тонкие линии старых шрамов проступали на широкой груди. Расплетенные черные волосы рассыпались по плечам, спустившись по спине ниже поясницы. Влагой поблескивал признак его мужества. Рот кхала изогнулся под длинными вислыми усами:

– Жеребец, который покроет мир, не нуждается в железном кресле!

Дени оперлась на локоть и взглянула на него, такого высокого и великолепного. В особенности она любила его волосы. Дрого никогда не подстригал их: ведь он не знал поражений.

– Предсказано, что жеребец этот доскачет до самого края земли, – сказала она.

– Земля кончается у черного соленого моря, – немедленно ответил Дрого. Смочив лоскут ткани в тазу с теплой водой, он принялся стирать с кожи масло и пот. – Ни одна лошадь не сможет переплыть ядовитую воду.

– В Вольных Городах найдутся тысячи кораблей, – сказала ему Дени, как говорила прежде. – Эти деревянные кони с сотней ног перелетят через море под крыльями, полными ветра.

Кхал Дрого ничего не желал слушать.

– Мы больше не будем разговаривать о деревянных лошадях и железных креслах. – Он отбросил ткань и начал одеваться. – Сегодня я отправлюсь на траву охотиться, женщина и жена, – объявил он, надевая разрисованный жилет и застегивая пояс из тяжелых золотых, серебряных и бронзовых медальонов.

– Да, мое солнце и звезды, – поклонилась Дени. Дрого поедет вместе со своими кровными искать храккара, великого белого льва равнин. Если они вернутся с победой, то довольный муж, возможно, и захочет выслушать ее.

Дрого не боялся диких зверей, не страшился он и всякого человека, когда-либо ступавшего по земле, но с морем дело обстояло иначе. Для дотракийцев вода, которую не могли пить кони, была чем-то мерзким; зыбкий серо-зеленый простор океана наполнял их суеверным страхом. Дрого был храбрее, чем все остальные владыки табунщиков, она знала об этом, но тут… Если бы только ей удалось посадить его на корабль!

После того как кхал и его кровные, прихватив лук и копья, уехали, Дени призвала служанок. Тело ее сделалось рыхлым и неприятным, и теперь она

радовалась помощи их крепких рук и ловких ладоней, хотя прежде ей бывало неудобно, когда они хлопотали и порхали вокруг. Они вымыли Дени и облачили в песчаный шелк, свободный и текучий. Когда Дореа расчесала ее волосы, Дени послала Чхику разыскать сира Джораха Мормонта.

Рыцарь явился немедленно – в штанах из конского волоса и расписном жилете, как подобает наезднику. Его крепкая грудь и мускулистые руки заросли грубым черным волосом.

– Моя принцесса, чем я могу услужить вам?

– Вы должны поговорить с моим благородным мужем, – сказала Дени. – Дрого утверждает, что жеребец, который покроет весь мир, все равно будет править всеми землями и ему незачем пересекать отравленную воду. После рождения Рейего он хочет повести свой кхаласар разорять земли, лежащие вокруг Яшмового моря.

Рыцарь посмотрел на нее задумчивым взглядом и ответил:

– Кхал никогда не видел Семи Королевств. И название страны ничего не говорит ему. Должно быть, он считает, что это острова, маленькие городки, прижавшиеся к скале, вроде Лората или Лисса. Богатства востока более привлекают его.

– Но он должен повернуть на запад, – проговорила Дени с отчаянием. – Пожалуйста, помоги мне убедить его! – Как и Дрого, она тоже никогда не видела Семи Королевств, однако Дени казалось, что со слов брата она знает о них все. Визерис обещал ей тысячу раз, что однажды они вернутся домой, но теперь он умер, а с ним и его обещания.

– Дотракийцы совершают поступки, когда приходит время, руководствуясь собственными причинами, – ответил рыцарь. – Доверьтесь терпению, принцесса, не повторяйте ошибку вашего брата. Мы вернемся домой, я обещаю вам!

Домой? Слово это опечалило ее. У сира Джораха был его Медвежий остров, но где же ей отыскать свой дом? Несколько повествований, имена, звучащие с торжественностью молитвы, тускнеющие воспоминания о красной двери… Неужели Вейес Дотрак станет ее собственным домом? И в старухах из дош кхалина она видела собственное будущее?

Сир Джорах, должно быть, заметил печаль на ее лице.

– Сегодня ночью прибыл великий караван, кхалиси. Четыре сотни лошадей из Пентоса через Норвос и Квохор под началом капитана купцов, Баяна Вотириса. Иллирио мог прислать с ним письмо. Не хотели бы вы посетить западный рынок?

Дени пошевелилась.

– Да, – подумав, ответила она. – Это неплохо.

Базары оживали, когда приходил караван. Никогда нельзя было заранее сказать, какие сокровища привезут купцы. Потом было бы неплохо вновь услышать валирййскую речь, звучавшую в Вольных Городах.

– Ирри, пусть мне приготовят носилки.

– Я скажу вашему кхасу, – промолвил, отступая, сир Джорах.

Если бы кхал Дрого был с ней, Дени поехала бы на Серебрянке. Женщины дотракийцев не покидали коня до самых родов, и Дени не хотела обнаружить своей слабости перед мужем. Но кхал отправился на охоту, и ей было приятно, лежа на мягких подушках, ехать через Вейес Дотрак за красными шелковыми занавесками, укрывавшими от солнца. Сир Джорах заседлал коня и выехал с Дени, вместе с четырьмя молодыми людьми из ее кхаса и служанками.

День был безоблачный и теплый, небо сияло глубокой синевой. Когда задувал ветер, Дени ощущала пряный аромат травы и земли. Носилки двигались мимо украденных монументов, солнечный свет сменялся тенью. Разглядывая лица мертвых героев и забытых королей, она размышляла, способны ли боги сожженных городов ответить на молитву…

«Если бы я не была от крови дракона, – подумала Дени печально, – это место могло бы стать моим домом». Она здесь кхалиси, у нее есть крепкий мужчина и быстрый конь. Служанки, чтобы служить, воины, чтобы охранять. Ее ждет почетное место среди дош кхалина, когда она состарится… Кроме того, в чреве ее вырастал сын, который однажды покроет мир. Этого довольно для всякой женщины, но только не для дракона! Теперь, после смерти Визериса, Дейенерис осталась последней, единственной. Она рождена от семени королей и завоевателей, как и дитя внутри нее. Об этом нельзя забывать.

Западный рынок представлял собой огромный квадрат утоптанной почвы, окруженной хижинами из сырцового кирпича, загонами для животных, беленными помещениями для употребления горячительного питья. Из земли, подобно спинам огромных зверей, вырастали горбы, в них зияли черные пасти, ведущие к прохладе и объемистым хранилищам внизу. Сама площадь представляла собой лабиринт навесов и прилавков, затененных плетеными травами.

Когда они прибыли, сотни полторы купцов и торговцев разгружали свои товары и расставляли их на прилавки. Но невзирая на это, огромный базар казался тихим и пустым по сравнению с кипящими торжищами, которые Дени помнила по Пентосу и другим Вольным Городам. Караваны приводили в Вейес Дотрак с востока и запада не для того, чтобы торговать

с одними дотракийцами, главным их делом был торг между собой, объяснил ей сир Джорах. Табунщики пропускали их, не чиня препятствий, если гости соблюдали мир священного города, не оскверняли Матерь гор или Чрево мира и почитали старух дош кхалина традиционными дарами – солью, серебром и зерном. Дотракийцы не очень-то разбирались в вопросах купли и продажи.

Дени нравился и странный восточный базар со всеми его загадочными зрелищами, звуками и запахами. Она нередко проводила там целое утро, лакомясь древесными яйцами, пирогами с саранчой, зеленой вермишелью, прислушиваясь к высоким улюлюкающим голосам купцов, открывая рот перед мантикором в серебряной клетке, колоссальным серым слоном или полосатыми черно-белыми лошадьми из Джогос Нхай. Она любила разглядывать и людей: торжественных смуглокожих асшайцев, высоких бледных квартинов, ясноглазых мужчин из Ии Ти в шляпах с обезьяньими хвостами, воинственных дев из Байасабхада, Шамирианы и Кайкайнаи с железными кольцами в сосках и рубинами в щеках; даже жутких Призрачных Людей, покрывающих руки, ноги и грудь татуировкой и прятавших лица за масками. Восточный базар удивлял Дени, очаровывал ее.

Но западный напоминал о доме.

Когда Ирри и Чхику помогли Дени спуститься из носилок, она принюхалась, узнавая острые запахи чеснока и перца, сразу напомнившие о полузабытых днях, проведенных в переулках Тироша и Мира, и вернувшие улыбку на ее лицо. За кухонными ароматами угадывались сладкие благовония Лисса. Она увидела рабов с кипами вычурных мирийских кружев и тонкой шерстяной ткани дюжины ярких расцветок. Между прилавков ходили стражники, охранявшие пришедший караван, – в медных шлемах, длинных – до колена – туниках из желтой шерсти, пустые ножны болтались на поясах, сплетенных из кожаных полос. За одним прилавком расположился оружейник, выставивший стальные нагрудники, причудливо украшенные золотом и серебром, и шлемы, выкованные в виде сказочных зверей. Возле него устроилась молодая красавица с изделиями златокузнецов Ланниспорта: кольцами, брошами, гривнами, изысканными медальонами для поясов. Прилавок ее охранял рослый евнух; огромный и безволосый, одетый в пропотевший бархат, он сурово смотрел на всякого, кто подходил близко. На противоположном прилавке жирный торговец тканью из Ии Ти продавал пентошийцу какую-то зеленую краску, обезьяний хвост на его шляпе раскачивался взад и вперед, когда он тряс головой.

– В детстве я любила играть на базарах, – сказала Дени сиру Джораху, пока они шли по тенистому проходу между прилавками. – Там весело: все вокруг кричат или смеются; а сколько удивительных вещей, всегда найдется на что посмотреть! Только у нас редко хватало денег, чтобы что-нибудь купить, кроме сосиски или медовых пальчиков… А в Семи Королевствах пекут такие же медовые пальчики, как в Тироше?

– Это такие пирожки? Не могу вам сказать, принцесса. – Рыцарь поклонился. – Если вы отпустите меня ненадолго, я разыщу капитана и спрошу, есть ли у него для нас письма.

– Очень хорошо. Я сама помогу вам отыскать его.

– Вам нет нужды утруждать себя. – Сир Джорах с нетерпением отвернулся. – Наслаждайтесь товарами. А я присоединюсь к вам, закончив свои дела.

Любопытно, подумала Дени, глядя в спину рыцаря, широкими шагами удаляющегося в толпу. Она не поняла, почему он не захотел, чтобы она сопутствовала ему. Впрочем, возможно, сир Джорах собрался отыскать себе женщину, повстречавшись с капитаном каравана. Шлюхи часто сопутствовали торговцам, она знала это. А некоторые мужчины проявляли странную застенчивость в вопросах совокупления. Она пожала плечами и сказала всем остальным:

– Пойдемте!

– Ой, погляди, – чуть позже сказала она Дореа. – Это те самые сосиски! – Дени показала на прилавок, за которым морщинистая старуха жарила мясо и лук на горячем огненном камне. – Их делают с чесноком и жгучим перцем… – Восхищенная своим открытием, Дени настояла, чтобы и остальные съели с ней по сосиске. Служанки проглотили свои, хихикая и ухмыляясь, мужчины ее кхала подозрительно обнюхивали поджаренное мясо. – А вкус другой, я не помню такого! – сказала Дени после первых кусочков.

– В Пентосе я делаю их из свинины, – начала объяснять старуха. – Но все мои свиньи умерли на просторах дотракийского моря. Так что эти я приготовила из конины, кхалиси, но сдобрила теми же специями.

– Ох, – Дени почувствовала разочарование, но Куаро сосиска понравилась, и он решил съесть еще одну, а Ракхаро решил превзойти его и съел три, громко рыгнув. Дени хихикнула.

– Ты не смеялась с того дня, как Дрого даровал корону твоему брату, кхал рхагату, – заметила Ирри. – Это хорошо, кхалиси.

Дени застенчиво улыбнулась. Смеяться ведь так приятно. Она вновь почувствовала себя почти девчонкой.

Они бродили по базару половину дня. Дени увидела прекрасный, расшитый перьями плащ с Летних островов и взяла его в качестве дара. А взамен подарила купцу серебряный медальон с пояса – так принято среди дотракийцев. Торговец птицами научил зелено-красного попугая произносить ее имя, и Дени вновь рассмеялась, но не стала покупать птицу… что ей делать с разноцветным попугаем в кхаласаре? Еще она взяла дюжину бутылочек ароматного масла, запах которого помнила с детства: нужно было только закрыть глаза и понюхать, и перед ней сразу появлялся большой дом с красной дверью. Когда Дореа с вожделением посмотрела на дающий чадородие амулет, выставленный в киоске волшебника, Дени взяла его и подарила служанке, решив обязательно отыскать что-нибудь и для Ирри с Чхику.

Обойдя угол, они наткнулись на торговца вином, предлагавшим прохожим попробовать свой товар крохотными наперстками.

– Сладкое красное, – кричал он на беглом дотракийском. – У меня есть сладкое красное из Лисса, Валантиса и Бора, белое из Лисса, тирошийское грушевое бренди, огненное вино, перечное вино, бледно-зеленые нектары из Мира. Дымно-ягодное бурое и андалское кислое, у меня есть все – и это и то! – Невысокий, тонкий и симпатичный, льняные волосы завиты и надушены на лиссенийский манер. Когда Дени остановилась возле его киоска, торговец поклонился. – Не хочет ли кхалиси отведать, у меня есть красное сладкое из Дорна. Оно пахнет сливами, вишней и дубом. Бочонок, чашу, глоток? Только разок попробуйте и вы назовете своего ребенка в мою честь.

Дени улыбнулась.

– У моего сына уже есть имя. Но я попробую твое летнее вино, – ответила она на валирийском, поскольку на этом языке разговаривали в Вольных Городах. После столь длительного перерыва слова эти показались странными даже для ее собственного слуха. – Попробую, если ты не против.

Купец, видимо, принял ее за дотракийку – в этой одежде, при намасленных волосах и загорелой коже. Когда Дени заговорила, он открыл рот от удивления.

– Госпожа моя, вы… тирошийка? Как это могло случиться?

– Говорю я по-тирошийски, одета по-дотракийски, но происхожу из Вестероса, из Закатных королевств, – сказала ему Дени.

Дореа шагнула вперед:

– Ты имеешь честь разговаривать с Дейенерис из дома Таргариенов, перед тобой Дейенерис Бурерожденная, кхалиси наездников и принцесса

Семи Королевств!

Виноторговец упал на колени.

– Принцесса, – сказал он, наклоняя голову.

– Поднимись, я хочу попробовать то летнее вино, о котором ты говорил.

Торговец вскочил на ноги.

– Это? Дорнийские помои не стоят принцесс. У меня есть сухое красное из Бора, бодрящее и восхитительное. Прощу, позвольте мне подарить вам бочонок.

Кхал Дрого посещал Вольные Города, привык к хорошему вину, и Дени знала, что благородный напиток порадует его.

– Вы оказываете мне честь, – ответила она ласково.

– Это честь для меня. – Купец покопался в задней части своего киоска и извлек небольшой деревянный бочонок с выжженной виноградной гроздью. – Знак Редвинов, – сказал он. – Для Бора. Нет напитка лучше!

– Мы с кхалом Дрого выпьем вместе. Агго, отнеси вино в мои носилки, прошу тебя. – Виноторговец просиял, когда дотракиец поднял бочонок.

Она заметила, что сир Джорах вернулся, лишь когда услышала непривычно резкий голос рыцаря:

– Нет. Агго, поставь бочонок.

Агго поглядел на Дени. Она неуверенно кивнула:

– Сир Джорах, что в этом плохого?

– У меня жажда. Открой его, виноторговец.

Купец нахмурился:

– Вино предназначено для кхалиси, а не для таких, как вы, сир!

Сир Джорах шагнул поближе к киоску.

– Если ты не вскроешь бочонок, я разобью его о твою голову. – Здесь, в священном городе, при нем не было иного оружия, кроме рук. Но и его ладоней было довольно – громадных, жестких, опасных… костяшки пальцев заросли грубыми темными волосами.

Виноторговец помедлил мгновение, а затем взял молоток и выбил затычку.

– Наливай, – приказал сир Джорах. Четверо молодых воинов кхалиса Дени застыли позади него, они наблюдали за происходящим темными миндалевидными глазами.

– Преступно выпить такое богатое вино, не позволив ему подышать. – Виноторговец еще не опустил молоток. Чхого потянулся к кнуту, свернутому у пояса, но Дени остановила его легким прикосновением.

– Делай, как говорит сир Джорах, – приказала она. Люди остановились рядом, чтобы посмотреть на происходящее.

– Как прикажет принцесса. – Торговец оставил свой молот и, коротко и мрачно поглядев на нее, поднял бочонок. Две небольшие чаши на пробу он наполнил так ловко, что не пролил ни капли.

Сир Джорах взял чашу и принюхался.

– Сладкое? Правда? – проговорил виноторговец улыбаясь. – Вы чувствуете аромат плодов, сир? Пахнет Бором. Попробуйте, милорд, и вы сами скажете мне, что столь тонкое вино еще не касалось вашего языка.

Сир Джорах подал ему чашу.

– Первым попробуешь вино ты!

– Я? – расхохотался купец. – Я не стою такого товара, милорд. К тому же виноторговец, пьющий свой товар, разорится. – Улыбка купца оставалась дружелюбной, однако Дени заметила внезапно выступивший пот на его лбу.

– Ты выпьешь, – сказала Дени ледяным голосом. – Опустоши эту чашу, или я велю своим людям подержать тебя, пока сир Джорах вольет весь бочонок в твою глотку.

Виноторговец пожал плечами и потянулся к чаше, но вместо этого схватился за бочонок, метнув его обеими руками. Сир Джорах шагнул вперед, отталкивая Дени. Бочонок ударился о его плечо и разбился о землю. Дени споткнулась и пошатнулась.

– Нет, – вскричала она, выставляя руки, чтобы смягчить падение… но Дореа поймала ее за руку и потянула назад, так что упала Дени на ноги, а не на живот.

Торговец перепрыгнул через прилавок, бросившись между Агго и Ракхаро. Когда светловолосый купец оттолкнул Куаро в сторону, тот потянулся к араку, которого, естественно, на месте не оказалось. Дени услыхала треск кнута Чхого, кожаная полоска метнулась вперед и охватила ногу виноторговца, повалившегося лицом в грязь.

К ним бегом приближалась дюжина стражников каравана, а с ними и сам мастер, капитан купцов Баян Вотирис. Это был миниатюрный норвошиец, выдубленное непогодой лицо его украшали щетинистые усищи, загибавшиеся к ушам. Он, похоже, понял все без единого слова.

– Уведите его, пусть ждет теперь, чем решит порадовать себя кхал, – приказал он, махнув в сторону лежавшего человека. Стражи подняли виноторговца на ноги. – Все его товары я дарю вам, принцесса, – проговорил капитан купцов. – В качестве скромного извинения за то, что один из моих людей осмелился на такую вещь…

Дореа и Чхику помогли Дени подняться на ноги. Отравленное вино вытекало из разбитого бочонка в грязь.

– Как вы узнали? – содрогнувшись, спросила она сира Джораха. – Как?

– Не знаю, кхалиси. Я не был уверен до тех пор, пока он не отказался выпить. Просто я испугался, прочитав письмо магистра Иллирио. – Темные глаза Мормонта обежали лица незнакомцев. – Пойдемте отсюда, не стоит здесь говорить об этом.

Когда они возвращались, Дени чувствовала, что вот-вот разрыдается. Рот ее ощущал столь знакомый привкус страха. Многие годы она жила в ужасе перед Визерисом, опасаясь разбудить в нем дракона. Теперь было даже хуже. Она боялась уже не за себя – за ребенка. Дитя, должно быть, ощутило испуг матери и беспокойно задвигалось в ее животе. Дени погладила вздутое чрево, желая дотронуться до малыша, прикоснуться к нему, утешить.

– Ты от крови дракона, маленький. – Носилки, покачиваясь, двигались вперед. Задернув занавески, она шептала:

– Ты от крови дракона, а дракон ничего не боится!

В низкой землянке, служившей ей домом в Вейес Дотрак, Дени приказала всем оставить ее… всем, кроме сира Джораха.

– Скажите мне, – спросила она, опускаясь на подушку, – это сделал узурпатор?

– Да. – Рыцарь извлек сложенный пергамент. – Вот письмо Визерису от магистра Иллирио. Роберт Баратеон предложил владения и титул лорда тому, кто убьет вас и вашего брата.

– Моего брата? – Рыдание ее превратилось в смех. – Узурпатор еще не знает о случившемся, правда? Придется ему возвести Дрого в лорды! – На этот раз смех Дени мешался со слезами. Словно защищаясь, она обняла себя.

– И меня, вы сказали, меня?

– И вас, и ребенка, – ответил мрачно сир Джорах.

– Нет, он не получит моего сына! – Дейенерис решила, что не будет плакать и дрожать от страха. Узурпатор теперь разбудил дракона, сказала она себе… и глаза ее обратились к драконьим яйцам, покоившимся в гнезде из черного бархата. Трепещущий свет ламп плясал на каменистых чешуях, алые, золотые и яшмовые пылинки плавали в воздухе вокруг яиц, словно придворные вокруг короля.

Неужели ее охватило рожденное страхом безумие? Или же мудрость, присущая самой ее крови? Так и не сумев понять этого, Дени услыхала собственный голос:

– Сир Джорах, разожгите жаровню.

– Кхалиси? – Рыцарь поглядел на нее удивленно. – Здесь и так жарко,

вы уверены?

– Да. Я… я простудилась. Разожгите жаровню.

Он поклонился:

– Ну, как прикажете.

Когда угли воспламенились, Дени отослала сира Джораха, ей нужно было сделать все в одиночестве.

– Это безумие, – сказала она себе, снимая черно-алое яйцо с бархата. – Вся эта краска только треснет и обгорит. Сир Джорах обзовет меня дурой, если я погублю яйцо, и все же, все же…

Осторожно взяв яйцо обеими руками, она поднесла его к огню и положила на горячие угли. Черные чешуйки как будто бы засветились, впивая тепло. Пламя лизало камень злыми красными язычками. Потом Дени положила на огонь остальные два яйца. И отступила от жаровни, задыхаясь.

Она смотрела, пока угли не превратились в пепел. Искры взмывали вверх и исчезали в дымовой дыре. Жара плясала волнами вокруг драконьих яиц. Это все…

«Ваш брат Рейегар был последним драконом», – сказал ей сир Джорах. Дени скорбно поглядела на яйца. Чего она ожидала? Тысячу тысяч лет назад они были живыми, но теперь превратились в красивые камни. Из них никогда не вылупятся драконы. Ведь дракон – это воздух и пламя… живая плоть, а не мертвый камень.

Когда кхал Дрого вернулся, жаровня уже остыла. Кохолло вел за собой вьючного коня, туша огромного белого льва была переброшена через животного. На небе высыпали звезды. Спрыгнув с жеребца, кхал расхохотался и показал ей свежие царапины на ноге, где храккар разодрал его штаны.

– Я сделаю тебе плащ из его шкуры, луна моей жизни, – пообещал Дрого.

Дени рассказала ему о том, что случилось на рынке, и смех сразу умолк, кхал слушал ее весьма внимательно.

– Сегодняшний отравитель был первым, – предостерег его сир Джорах Мормонт, – ждите новых. Люди многим рискнут ради титула лорда!

Дрого примолк на мгновение. И наконец сказал:

– Этот продавец отравы бежал от луны моей жизни. Пусть теперь бегает за ней! Да будет так. Чхого и Джорахандал, обоим вам я говорю: выберете себе по коню из моих табунов и косяков, и он станет вашим. Любого коня, кроме моего рыжего и Серебрянки, которая была свадебным подарком луне моей жизни. Я не останусь перед вами в долгу за то, что вы

сделали для меня.

И Рейего, сына Дрого, жеребца, который покроет весь мир, я также оделю подарком. Ему я отдам Железный трон, на котором сидел отец его матери. Я подарю ему Семь Королевств. Я, Дрого-кхал, обещаю сделать это! – Голос его возвысился, и он поднял кулак к небу. – Я отведу свой кхаласар на запад, туда, где кончается мир, и переправлюсь на деревянных конях через черную соленую воду, чего не делал еще ни один кхал. Я перебью мужей, что носят железные одежды, и низвергну их каменные дома. А потом силой возьму их женщин, детей отдам в рабы, разбитых богов привезу в Вейес Дотрак, чтобы они склонились перед Матерью гор. Такой обет приношу я, Дрого, сын Бхарбо. Я клянусь в этом перед ликом Матери гор, и пусть звезды будут мне свидетелями!

Кхаласар оставил Вейес Дотрак через два дня, направившись по равнине на юго-запад. Кхал Дрого на огромном рыжем жеребце вел своих людей, Дейенерис сопутствовала ему на Серебрянке. Виноторговец торопился позади них – нагой и пеший, с оковами на руках и горле. Цепи его были прикреплены к упряжи лошади Дени. Она ехала, а он бежал, босой и спотыкающийся.

С ним не могло случиться ничего плохого… пока хватало сил угнаться за конем.

Кейтилин

Было слишком далеко, чтобы разглядеть знамена, но даже в плывущем тумане она различала на белых стягах темное пятно – конечно же, лютоволк Старков, несущийся по ледяному полю. Увидев это своими глазами, Кейтилин остановила коня и с благодарностью склонила голову. Боги были милосердны к ней. Она не опоздала.

– Они ожидают нашего прихода, миледи, – проговорил сир Вилис Мандерли, – как клятвенно утверждал мой лорд-отец.

– Да не задержим мы их еще дольше, сир! – Бринден Талли ударил шпорами коня и быстрой рысью направился к знаменам. Кейтилин ехала возле него.

Сир Вилис и его брат сир Вендел последовали за ними во главе своего войска: почти пятнадцать сотен людей, двадцать с чем-то рыцарей, столько же сквайров, две сотни конных латников, меченосцы, вольные всадники… Остальные – пешие, вооруженные копьями, пиками и трезубцами. Лорд Виман остался позади, чтобы приглядеть за обороной Белой гавани. В свои шестьдесят лет он набрал вес, не позволявший ему сидеть на коне.

– Если бы я мог предположить, что вновь увижу войну, то ограничил бы себя в количестве съеденных угрей, – сказал он Кейтилин, встречая ее корабль, хлопая по массивному брюху обеими руками… Пальцы его были толсты, как сосиски. – Мои парни доставят вас к вашему сыну невредимой, не сомневайтесь.

Оба «парня» были старше Кейтилин, и ей пришлось только пожалеть, что они пошли в своего отца. Сиру Вилису, пожалуй, оставалось съесть буквально нескольких угрей, чтобы никакая лошадь не сумела поднять его. Кейтилин и так было жаль бедное животное… Вилис держался спокойно и официально, хвастливо и многоречиво. Сир Вендел – тот, что помоложе, – оказался бы самым объемистым толстяком из всех, которых ей приводилось встречать, если забыть про его отца и брата. Лица братьев под младенчески нагими маковками украшали моржовые усы; у обоих, пожалуй, не нашлось бы кафтана без оставленных пищей пятен. И все же они понравились Кейтилин хотя бы тем, что доставили ее к Роббу, как поклялся их отец. А все остальное уже пустяки…

Она с радостью заметила, что сын разослал дозорных во все стороны, даже на восток, хотя Ланнистеры должны были прийти с юга. Это хорошо, что Робб держится осторожно. «Мой сын ведет войско на войну», –

подумала она, не веря самой себе. Кейтилин отчаянно боялась за него и за Винтерфелл и тем не менее не могла не ощутить некоторой гордости. Год назад Робб был еще мальчишкой. Насколько возмужал он теперь?

Дозорные заметили знамена Мандерли – белый водяной с трезубцем в руке, подымающийся из сине-зеленого моря, – и тепло приветствовали их. Мандерли провели к довольно высокому холму посреди стана. Сир Вилис приказал остановиться и остался среди своих людей приглядеть, чтобы огни были разожжены и кони накормлены, а брат его Вендел отправился дальше вместе с Кейтилин и ее дядей, чтобы передать отцовское приветствие.

Копыта коней проминали мягкую и влажную почву. Местность медленно поднималась, они ехали сквозь дым костров, мимо рядов лошадей и фургонов, груженных хлебом и солониной.

На каменистом выступе над равниной высился павильон лорда со стенками из тяжелой парусины. Кейтилин узнала знамя, с изображением лося Хорнвудов, бурым на оранжевом поле.

Как раз позади него, за туманами, она заметила стены и башни укрепления рва Кейлин, точнее то, что осталось от них. Невероятные блоки черного базальта, величиной с сельский домик, подобно детским кубикам, россыпью уходили в мягкую болотистую почву. Ничто более не напоминало о стене, некогда достигавшей высоты стен Винтерфелла. Деревянные дома исчезли полностью, они сгнили тысячу лет назад, даже щепки не было там, где они стояли. Вот и все, что осталось от великой твердыни Первых Людей… три башни – из двадцати, если верить сказителям.

Воротная башня оказалась достаточно прочной и могла даже похвастать несколькими футами стены по обе стороны от нее. Пьяная башня – там, где некогда сходились западная и южная стены, – клонилась, как пропойца, решивший поблевать в канаву. Высокая Детская башня, где, по словам легенды, Дети Леса некогда упросили своих безымянных богов обрушить молот на воды, потеряла половину своей верхушки… словно какой-то огромный зверь откусил часть зубцов и выплюнул щебень в болото. Все три башни обросли зеленым мхом. Между камнями на Воротной башне с северной стороны росло дерево, с его корявых корней свисали белые волокнистые полотнища «шкуры призрака».

– Боги милосердные, – воскликнул сир Бринден, когда они увидели развалины. – Значит, это и есть ров Кейлин? Но это же не более чем…

– Смертельно опасная ловушка, – закончила Кейтилин. – Я знаю, на что похожи укрепления; я сама подумала то же самое, когда впервые увидела

их. Однако Нед заверил меня, что эти древние руины более надежны, чем может показаться. Три эти башни возвышаются над дорогой, и любому врагу придется пройти между ними. Болото непроходимо, оно полно трясин и кишит змеями. Чтобы взять любую из башен, войско должно брести по грудь в черной грязи, перебраться через ров, кишащий львоящерами, а потом подняться на стены, скользкие от мха, под огнем лучников с соседних башен. – Она мрачно улыбнулась дяде. – А когда спускается ночь, здесь, если верить легендам, бродят призраки, холодные, мстительные духи северян, алчущих южной крови.

Бринден усмехнулся:

– Напомни, чтобы я не задерживался здесь. Что-то, помнится, есть во мне от южанина.

Над всеми тремя башнями трепетали штандарты; звезда Карстарков под лютоволком свисала с Пьяной башни, на Детской башне высился гигант Большой Джон в разорванных цепях, на Воротной башне знамя Старков осталось в единственном числе. Там расположился Робб, и Кейтилин направилась к нему с сиром Бринденом и сиром Венделом, все еще следовавшим за ней. Кони их медленно ступали по бревнам и доскам, проложенным над темно-зеленой трясиной.

Она обнаружила своего сына со знаменосцами в полном сквозняка зале; торфяной костер чадил в черном очаге. Робб сидел за массивным каменным столом, на котором была навалена груда карт и бумаг, и о чем-то оживленно разговаривал с Русе Болтоном и Большим Джоном. Сын не сразу заметил ее… это сделал волк. Огромный серый зверь, лежавший возле огня, поднял голову и, увидев вошедшую Кейтилин, встретил ее взгляд своими золотыми глазами. Лорды умолкали по одному, и в наступившей внезапно тишине Робб обернулся к ней.

– Мать? – проговорил он голосом, полным радости. Кейтилин хотелось подбежать к нему, поцеловать в милый лоб, обнять покрепче, защищая от всего, что могло бы повредить ему… но здесь, перед лордами, она не смела этого сделать. Робб теперь исполнял обязанности ее мужа и своего отца, и незачем было мешать ему. Поэтому Кейтилин сдержала себя и остановилась у дальнего конца базальтового блока, который здесь использовали в качестве стола. Лютоволк встал и направился через комнату к тому месту, где она остановилась. Зверь уже перерос обычного волка.

– Вижу, ты отращиваешь бороду, – сказала она Роббу. Серый Ветер незаметно ткнулся в ее руку. С внезапной неловкостью Робб почесал свою заросшую челюсть.

– Да. – Волосы на его бородке были рыжее, чем на голове.

– Мне нравится. – Кейтилин мягко погладила голову волка. – Ты похож на моего брата Эдмара. – Серый Ветер игриво лизнул ее пальцы и трусцой направился к своему месту возле огня.

Сир Хелман Толхарт первым последовал за лютоволком через комнату и, выказывая свое уважение, преклонил перед Кейтилин колено, припав к ее руке.

– Леди Кейтилин, – учтиво заметил он, – вы прекрасны как всегда, приятно видеть вас в наши тяжелые времена.

За ним последовали Гловеры, Галбарт и Роберт, Большой Джон Амбер и все остальные – один за другим. Теон Грейджой оказался последним.

– Я не ожидал увидеть вас здесь, миледи, – сказал он, преклоняя колено.

– И я не рассчитывала оказаться здесь, – ответила Кейтилин. – Но когда я высадилась в Белой гавани, лорд Виман доложил мне, что Робб созвал знамена. Вы знаете его сына, сира Вендела. – Вендел Мандерли шагнул вперед и поклонился – насколько позволяло ему чрево. – А вот и мой дядя, сир Бринден Талли, прибывший ко мне от сестры.

– Черная Рыба, – проговорил Робб. – Сир, благодарю вас за то, что вы присоединились к нам. Нам нужны люди с вашей отвагой. Сир Вендел, я рад видеть вас. А сир Родрик вместе с тобой, мать? Мне не хватало его.

– Сир Родрик повернул на север прямо от Белой гавани. Я назначила его кастеляном и приказала охранять Винтерфелл до нашего возвращения. Мейстер Лювин – советник мудрый, но не искусный в делах войны.

– Не беспокойтесь об этом, леди Старк, – прогрохотал Большой Джон. – Винтерфелл в безопасности. А мы сперва ковырнем мечом дырку в заду лорда Тайвина, прошу вашего прощения. И сразу в Красный замок – освобождать Неда.

– Миледи, могу я задать вам вопрос? – Русе Болтон, лорд Дредфорта, говорил негромко, но когда он открывал уста, притихали и более рослые мужи. Взгляд на удивление бледных, почти бесцветных его глаз откровенно пугал. – Говорят, что вы задержали карлика, сына лорда Тайвина. А вы привезли его сюда? Клянусь, мы могли бы самым лучшим образом использовать этого заложника.

– Тирион Ланнистер находился в моей власти, но теперь это не так, – вынуждена была признаться Кейтилин. Отозвавшийся суровый хор отнюдь не обрадовался этой вести. – Я столь же опечалена, как и вы, милорды. Боги решили освободить его, прибегнув к помощи моей дуры-сестрицы.

Кейтилин знала, что не следует так открыто проявлять презрение, однако расставание с Орлиным Гнездом сложилось самым неприятным образом. Она предложила Лизе взять на несколько лет к себе в Винтерфелл

лорда Роберта, утверждая, что общество мальчиков будет ему полезно. Ярость Лизы трудно было даже представить.

– Сестра ты мне или нет?! – закричала она. – Если ты попробуешь украсть моего сына, то вылетишь отсюда через Лунную дверь! – После этого говорить было не о чем.

Лордам хотелось узнать подробности, но Кейтилин подняла руку.

– Вне сомнения, позже мы найдем для этого время, но путешествие утомило меня, и я желала бы поговорить с моим сыном с глазу на глаз. Конечно же, милорды, вы простите меня. – Она не оставила им выбора. Возглавляемые всегда почтительным лордом Хорнвудом, знаменосцы поклонились и вышли. – И ты тоже, Теон, – сказала она, увидев, что Грейджой остался. Он улыбнулся и оставил их.

На столе стоял эль и сыр. Кейтилин наполнила рог, села, отхлебнула и посмотрела на сына. Теперь он казался выше, чем был, когда они расстались: первая бородка сделала его старше.

– Эдмару исполнилось шестнадцать, когда он отрастил усы.

– До шестнадцати осталось немного, – сказал Робб.

– А сейчас тебе пятнадцать. Пятнадцать! И ты ведешь войско на битву. Понимаешь ли ты, почему я боюсь, Робб?

Взгляд его сделался упрямым.

– У меня не было выбора.

– Не было? – спросила она. – Боже, а кого же я видела буквально мгновение назад? Русе Болтона, Рикарда Карстарка, Галбарта и Роберта Гловера, Большого Джона, Хелмана Толхарта… ты мог бы назначить командующим любого из них. Милосердные боги, ты мог даже доверить войско Теону, хотя я сама так бы не поступила.

– Они не Старки, – ответил сын.

– Робб, они – мужи, закаленные в битвах. А ты еще год назад фехтовал деревянным мечом.

Кейтилин заметила гнев в глазах сына – вспыхнувший и сразу погасший, – и Робб вдруг превратился в мальчишку.

– Понятно, – ответил он, смутившись. – Ты… ты отсылаешь меня в Винтерфелл?

Кейтилин вздохнула:

– Мне следовало бы это сделать. Тебе не надо было выступать. А теперь я уже не смею, по крайней мере в ближайшее время. Ты зашел чересчур далеко. Однажды эти лорды увидят в тебе своего сюзерена. И если я отправлю тебя сейчас домой – словно ребенка в постель без ужина, – они запомнят это и только посмеются за своими кубками. А потом придет день,

когда тебе потребуется, чтобы они уважали или даже боялись тебя. Но смех убивает страх. И я не сделаю этого, как бы ни хотела огородить тебя от опасности.

– Благодарю тебя, мать, – проговорил он, в официальном тоне слышалось явное облегчение.

Кейтилин нагнулась над столом и прикоснулась к его волосам.

– Робб, ты – мой первенец. Мне хватает одного взгляда, чтобы вспомнить тебя, красного и кричащего, едва появившегося на свет…

Сын поднялся, явно недовольный ее лаской, и направился к очагу. Серый Ветер потерся головой о его ногу.

– Ты слыхала… об отце?

– Да. – Весть о внезапной смерти Роберта и падении Неда безумно испугала Кейтилин – более, чем она смела признаться себе, – однако нельзя, чтобы сын видел ее испуг. – Лорд Мандерли сообщил мне об этом, когда я высадилась в Белой гавани. А тебе известно что-нибудь о сестрах?

– Пришли письма, – проговорил Робб, поглаживая лютоволка по загривку. – Одно было предназначено тебе, но его прислали вместе с моим в Винтерфелл. – Он направился к столу и, покопавшись среди карт и бумаг, возвратился с мятым пергаментом. – Прости, я не подумал прихватить твое. Вот что она написала мне.

Нечто в тоне Робба обеспокоило Кейтилин, и она принялась читать, разгладив листок. Озабоченность уступила место сперва недоверию, потом гневу, наконец страху.

– Это письмо написала Серсея, а не твоя сестра, – проговорила Кейтилин, дочитав до конца. – Главное здесь то, чего Санса не говорит. Все эти коварные любезности и ласки Ланнистеров… угрожают, как змеиное жало. Они взяли Сансу в заложницы и хотят удержать ее.

– Но здесь нет ни слова об Арье, – указал расстроенный Робб.

– Нет. – Кейтилин не хотела даже думать о том, что это могло означать, по крайней мере здесь и сейчас.

– Я надеялся… обменять Беса на них. – Робб взял письмо Сансы и смял его в кулаке; судя по всему, движение это он делал уже не впервые. – Что говорят в Гнезде? Я написал тете Лизе, попросил помощи. Созвала ли она знамена лорда Аррена? Ты не знаешь об этом? Выедут ли рыцари из Долины, чтобы присоединиться к нам?

– Только один – лучший из них, мой дядя… но Бринден Черная Рыба всегда оставался Талли. Сестра моя не собирается выходить за пределы Кровавых ворот.

Роберт явно расстроился.

– Мать, что нам делать? Я привел сюда целую армию, восемнадцать тысяч человек, но не знаю… то есть я не совсем уверен… – Он обратил к ней горячий ожидающий взгляд. Гордый молодой лорд в одно мгновение превратился в ребенка – в пятнадцатилетнего мальчишку, ожидающего советов матери.

Так не годится.

– Чего же ты испугался, Робб? – спросила она мягко.

– Я… – Робб отвернулся, чтобы спрятать первую слезу. – Если мы выступим… даже если мы победим… Ланнистеры захватили Сансу и отца. Они убьют их, правда?

– Они хотят, чтобы мы этого боялись.

– Ты думаешь, что они рассчитывают обмануть нас?

– Не знаю, Робб. Скажу одно: у тебя нет иного выхода. Если ты приедешь в Королевскую Гавань и принесешь присягу, тебе не позволят оставить город. Если ты подожмешь хвост и возвратишься в Винтерфелл, лорды потеряют все уважение к тебе. Некоторые даже переметнутся к Ланнистерам. Ну а королева, когда ей нечего будет бояться, сможет поступить со своими пленниками, как ей заблагорассудится. Наша единственная надежда заключается в том, что ты сумеешь победить врага на поле брани. Если тебе удастся взять в плен лорда Тайвина или Цареубийцу, обмен может и состояться, но главное не в этом. Пока у тебя есть достаточно сил и власти, чтобы Ланнистеры боялись тебя, отец и твоя сестра останутся в безопасности. Серсея достаточно мудра. Она понимает, что пленники могут пригодиться ей, чтобы заключить мир, если война сложится неудачно.

– Ну а если война сложится в ее пользу? – спросил Робб. – Что, если мы потерпим неудачу?

Кейтилин взяла его руку.

– Робб, не стану смягчать для тебя правду. Если ты потерпишь поражение, надежды для нас всех уже не останется. Недаром говорят, что сердце Бобрового утеса – это камень. Помни участь детей Рейегара!

Кейтилин заметила страх, промелькнувший в его глазах, но в них была и сила.

– Значит, я не проиграю, – пообещал он.

– Расскажи мне все, что тебе известно о военных действиях в Приречье, – велела она. Надо было узнать правду, готов ли сын по-настоящему к бою.

– Менее двух недель назад произошло сражение в горах под Золотым Зубом, – проговорил Робб. – Дядя Эдмар выслал лорда Венса и лорда Пайпера, чтобы удержать перевал, но Цареубийца напал на них и заставил

вступить с ними в бой. Лорд Вене был убит. С тех пор нам стало известно, что лорд Пайпер отступает, чтобы присоединиться к твоему брату и его знаменосцам у Риверрана, а Джейме Ланнистер преследует его по пятам. Но это не самое худшее. Пока они сражались, лорд Тайвин привел с юга второе войско Ланнистеров. Говорят, что оно даже больше, чем армия Джейме.

Отец, должно быть, знал об этом, потому что он выслал против них небольшой отряд под знаменем короля. Отец назначил командующим какого-то южного лорда… Эрика или Дерика – что-то в этом роде, но с ними был сир Реймен Дарри. В письме говорилось, что послали и других рыцарей вместе с гвардейцами короля. Но это была ловушка! Как только лорд Дерис переправился через Красный Зубец, Ланнистеры встретили их оружием, несмотря на знамя короля, а Григор Клиган напал на них с тыла, когда они попытались перебраться у Кукольникова брода. Этот лорд Дерик и еще несколько человек, похоже, бежали – точно этого никто не знает, – но сир Реймен погиб, как и почти все, кто был там из Винтерфелла. Лорд Тайвин, говорят, перерезал Королевский тракт и теперь идет на Харренхолл, сжигая все по пути.

Дела все хуже и хуже, подумала Кейтилин. Положение складывалось куда более скверное, чем она надеялась.

– Ты рассчитываешь встретить его здесь? – спросила она.

– Если он зайдет так далеко, но никто не рассчитывает на это, – сказал Робб. – Я послал слово в Сероводье Хоуленду Риду, старинному другу отца. Если Ланнистеры придут к Перешейку, озерный народ пустит им кровь. Однако Галбарт Гловер утверждает, что у лорда Тайвина хватит ума, чтобы не делать этого. Русе Болтон согласен с этим. Они считают, что он останется возле Трезубца, по одному занимая замки речных лордов, пока Риверран не останется в одиночестве. Нам нужно идти на юг, чтобы встретить лорда Тайвина.

Сама мысль об этом до костей проморозила Кейтилин. Какие шансы имеет пятнадцатилетний мальчишка против таких опытных полководцев, как Джейме и Тайвин Ланнистеры?

– Разве это разумно? Здесь ты занимаешь сильную позицию. Говорят, что прежде Короли Севера, встав у рва Кейлин, могли отбросить от своих стен войско, в десять раз превосходящее их собственное.

– Да, но припасы у нас оканчиваются, а здесь трудно найти пропитание. Мы ждали лорда Мандерли, но теперь, когда сыновья его присоединились к нам, пора выступать.

Так вот что советовали лорды-знаменосцы ее сыну, поняла Кейтилин.

Все эти годы она столько раз принимала их у себя в Винтерфелле, гостила вместе с Недом у их собственных очагов. Она знала каждого. Интересно, догадывается ли Робб, каковы они на самом деле?

И все же они давали разумный совет. Войско, которое привел сюда ее сын, не было регулярным, как в Вольных Городах, и состояло не только из наемников, которым платят монетой. В Винтерфелле собралось ополчение из арендаторов, работников, рыбаков, пастухов, сыновей владельцев постоялых дворов, торговцев, красильщиков, ну и, конечно, наемников и свободных всадников, алчных до добычи. Они откликнулись на зов своих лордов, но пришли не навечно.

– Отсюда надо уходить, это правильно, – сказала она сыну. – Но куда идти и с какой целью? Что ты намереваешься делать дальше?

Робб помедлил.

– Большой Джон считает, что мы должны захватить врасплох лорда Тайвина и навязать ему сражение, – ответил он. – Но Гловеры и Карстарки считают, что разумнее обойти его войско и вместе с дядей Эдмаром выступить против Цареубийцы. – Он с несчастным видом провел пальцами по своей лохматой гриве. – Хотя к тому времени, когда мы достигнем Риверрана… словом, не знаю…

– Будь уверен в себе, – сказала Кейтилин своему сыну. – Или возвращайся домой и бери в руки деревянный меч. Ты не можешь позволить себе нерешительности перед лицом людей, подобных Русе Болтону и Рикарду Карстарку. Не ошибись, Робб, – они твои знаменосцы, но не друзья. Ты сам назначил себя полководцем. Командуй!

Сын поглядел на нее с удивлением, словно не понимая.

– Спрашиваю тебя еще раз: что ты намереваешься делать?

Робб разложил на столе карту, истрепанный лист тонкой кожи, покрытый поблекшими от старости линиями. Один конец ее завернулся, он придавил край кинжалом.

– У обоих планов есть свои достоинства, но… Погляди, если мы попытаемся обойти войско лорда Тайвина, то рискуем попасть между ним и Цареубийцей, ну а если мы нападем на него… по всем сообщениям у него больше людей, чем у меня, и, самое главное, больше латной конницы. Большой Джон утверждает, что это ничего не значит, если мы поймаем его со спущенными штанами, но мне кажется, что лорда Тайвина, человека, участвовавшего в столь многих битвах, не так-то легко застать врасплох.

– Хорошо, – сказала Кейтилин. Она услышала интонации Неда в голосе сына, согнувшегося перед ней над картой. – Говори дальше.

– Я оставлю небольшой отряд охранять ров Кейлин, в основном

стрелков, а со всеми остальными направлюсь на гати, – сказал он. – Как только мы пройдем Перешеек, я разделю войско надвое. Пешие пойдут по Королевскому тракту, конница же переправится через Зеленый Зубец у Близнецов. – Он показал. – Узнав, что мы едем на юг, лорд Тайвин повернет на север, чтобы встретить наше главное войско, пропустив конницу по западному берегу к Риверрану. – Довольный собой, Робб откинулся назад, не смея еще улыбнуться.

Кейтилин нахмурилась, глядя на карту.

– Ты разделил рекой две части своей армии.

– Как и Джейме с лордом Тайвином, – сказал Робб горячо. На лице его наконец появилась улыбка. – Через Зеленый Зубец нет переправы выше Рубинового брода, где Роберт завоевал корону, – до самых Близнецов, а там мост держит лорд Фрей. А ведь он – знаменосец твоего отца, правда?

– Так, – согласилась она. – Но мой отец никогда не доверял ему. Тебе тоже не следует делать этого.

– Я не собираюсь, – обещал Робб. – Ну что ты думаешь?

Невзирая на все, она была довольна. Пусть Робб похож на Талли, подумала она, но он – сын своего отца, Нед хорошо учил его.

– Каким отрядом ты будешь командовать?

– Конницей, – ответил он немедленно. И опять как отец: Нед всегда брал на себя самое опасное дело.

– А кто возглавит другой?

– Большой Джон всегда утверждает, что мы легко разобьем лорда Тайвина. Я думал предоставить ему эту честь.

Вот и первая ошибка, но как показать это Роббу, не ранив его еще робкой уверенности в себе?

– Отец твой всегда говорил мне, что не встречал человека бесстрашнее Большого Джона.

Робб ухмыльнулся:

– Серый Ветер откусил ему два пальца, а он только расхохотался. Значит, ты согласна?

– Твой отец не бесстрашен, – указала Кейтилин. – Он отважен, а это две разные вещи.

Сын задумался на мгновение.

– Лишь восточное войско будет отделять лорда Тайвина от Винтерфелла, – сказал он задумчиво. – И те немногие лучники, которых я оставлю около рва. Итак, мне нужен здесь не бесстрашный человек, правда?

– Да, тебе нужна здесь холодная хитрость, а не отвага.

– Тогда это Русе Болтон, – сказал Робб торопливо. – Этот человек ошеломляет меня.

– Будем надеяться, что он ошеломит и Тайвина Ланнистера.

Робб кивнул и свернул карту.

– Я отдам команды и соберу свиту, чтобы тебя проводили до Винтерфелла.

Кейтилин постаралась собрать свои силы – ради Неда и ради их упрямого и отважного сына. Справившись с отчаянием и страхом, она отложила их в сторону – словно платье, которое решила было не надевать… но вдруг заметила, что все-таки натянула его.

– Я еду не в Винтерфелл, – услышала она собственный голос, удивляясь неожиданно прихлынувшим слезам, затуманившим ее взгляд. – Возможно, отец сейчас умирает за стенами Риверрана. Брат мой окружен врагами. Я должна ехать к ним.

Тирион

Чилла, дочь Чейка от Черноухих, направилась вперед на разведку и вернулась с вестью о войске, собравшемся на перекрестке дорог.

– Судя по кострам, думаю, что их там тысяч двадцать, – сказала она. – Красные знамена с золотым львом.

– Твой отец? – спросил Брони.

– Или мой брат Джейме, – ответил Тирион. – Скоро мы узнаем это.

Он обозрел своих оборванцев: почти три сотни Каменных Ворон, Лунных Братьев, Черноухих и Обгорелых. Всего лишь семя того войска, которое он надеялся вырастить. Гунтер, сын Гурна, поднимал теперь остальные кланы. Тирион подумал о том, как воспользуется лорд-отец этими облаченными в шкуры людьми, с их краденой сталью. Откровенно говоря, он и сам не знал, что делать с ними. Кто же он здесь – предводитель или пленник? Скорее всего и то, и другое.

– Быть может, лучше будет, если я один спущусь вниз? – предложил он.

– Лучше для Тириона, сына Тайвина, – заметил Улф, говоривший от Лунных Братьев.

Шагга бросил яростный взгляд, это было жуткое зрелище.

– Шагге, сыну Дольфа, это не нравится. Шагга пойдет со взрослым мальчишкой, и если взрослый мальчишка лжет, Шагга отрубит ему мужской признак…

– И скормит его козлу, – устало сказал Тирион. – Шагга, даю тебе слово Ланнистера, я вернусь.

– Почему я должен верить твоему слову? – Чиллу, невысокую и суровую, плоскую как мальчишка, нельзя было обмануть. – Лорды Нижних земель всегда обманывали горные кланы.

– Ты ранишь меня, Чилла, – ответил Тирион. – Я считал, что мы уже стали друзьями. Но как хотите. Ты поедешь со мной, и Шагга и Конн от Каменных Ворон, и Улф от Лунных Братьев, и Тиметт, сын Тиметта, от Обгорелых. – Горцы, когда он назвал их, обменялись настороженными взглядами. – Остальные будут ожидать здесь, пока я не пошлю за ними. Постарайтесь хотя бы не перерезать друг друга, пока меня нет.

Ударив пятками в бока коня, он отъехал, не оставив своим спутникам иного выхода, кроме как последовать за ним или же остаться на месте. Он был бы доволен и тем и другим – только бы горцы не задержали его, не уселись на землю и не занялись бесконечной – на целый день и ночь –

говорильней. В этом и крылась главная трудность общения с кланами: они исповедовали абсурдное убеждение в том, что на совете следует выслушать мнение каждого мужчины. Позволялось высказываться даже женщинам. Нечего удивляться тому, что прошли века с тех пор, когда они серьезно угрожали Долине, если не считать случайных набегов. Тирион намеревался исправить положение.

Брони ехал возле него. А позади пристроились после недолгого недовольства все пятеро горцев на невысоких мохнатых коньках, более похожих на пони и прыгающих по скалам, как козы.

Каменные Вороны ехали вместе, Чилла и Улф держались неподалеку друг от друга – Лунных Братьев и Черноухих связывают крепкие узы. Тиметт, сын Тиметта, ехал один. Все кланы, населявшие Лунные Горы, опасались Обгорелых, умерщвлявших плоть огнем, чтобы доказать свою храбрость, и – как утверждали другие – жаривших младенцев на своих пиршествах. Но даже сами Обгорелые боялись Тиметта, который, достигнув зрелости, лишил себя левого глаза добела раскаленным ножом. Тирион слыхал, что обычно мальчишка отжигал себе сосок, палец или же – будучи истинным храбрецом или безумцем – ухо. Поступок Тиметта произвел столь глубокое впечатление на Обгорелых, что они безотлагательно провозгласили его Красной Рукой – чем-то вроде походного вождя.

– Хотелось бы знать, что отжег себе их главарь, – обратился Тирион к Бронну, впервые услышав эту историю. Наемник, ухмыляясь, потянулся к собственному паху… однако даже Брони уважительно держался с Тиметтом. Если у человека хватает безумия, чтобы лишить себя глаза, с врагом он церемониться не будет.

Далекие дозорные наблюдали со сложенных из битого камня башен за всадниками, спускавшимися из предгорий. Тирион успел заметить, как взлетел ворон. Там, где горная дорога изгибалась между двумя скалистыми выступами, располагалось первое укрепление. Дорогу перекрывал невысокий земляной вал высотой фута в четыре, и дюжина арбалетчиков расположилась на высотке. Остановив своих спутников вдалеке, Тирион один подъехал к валу.

– Кто здесь главный? – крикнул он.

Капитан явился мгновенно и еще быстрее предоставил им свиту, узнав сына своего господина. Они отправились дальше – мимо сожженных полей и обгоревших острогов, к речным землям у Зеленого Зубца. Тирион еще не заметил трупов, однако в воздухе полно было воронов-падальщиков. Сражение состоялось здесь недавно.

В половине лиги от перекрестка поставили частокол из заостренных столбов, возле него караулили копейщики и лучники. Позади стены начинался лагерь. Дым тянул вверх тонкие пальцы от сотен костров, воины в кольчугах сидели под деревьями и точили клинки, знакомые Тириону знамена трепетали на древках, воткнутых в глинистую почву.

Заметив пришельцев, навстречу выехал конный отряд. Впереди скакал рыцарь в украшенном аметистами серебряном панцире и полосатом пурпурно-серебряном плаще. На щите его был изображен единорог, двухфутовый витой рог высился на его шлеме. Тирион повернул навстречу.

– Сир Флемент!

Сир Флемент Браке поднял забрало.

– Тирион, – проговорил он с удивлением. – Милорд, все мы боялись, что вы погибли, или… – Он неуверенно поглядел на горцев. – Они… сопровождают вас?…

– Мои сердечные друзья и верные последователи, – отрекомендовал спутников Тирион. – Где я могу отыскать своего лорда-отца?

– Он занял гостиницу на перекрестке дорог.

Тирион расхохотался.

– Гостиница на перекрестке дорог? Наверное, боги в конце концов справедливы. Я немедленно отправлюсь к отцу.

– Как вам угодно, милорд. – Сир Флемент развернул коня и выкрикнул приказ. Три ряда жердей извлекли из земли, проделав дыру в частоколе. Тирион провел свой отряд внутрь.

Лагерь лорда Тайвина раскинулся на несколько лиг. Чилла сказала, что лорд Тайвин привел двадцать тысяч человек, и не слишком ошиблась. Простонародье устроилось под открытым небом, но рыцари разбили палатки, а некоторые из знатных лордов возвели шатры величиной с целый дом. Тирион заметил красного быка Престеров, взнузданного вепря лорда Кракехолла, горящее дерево Марбранда, барсука Лидденов. Рыцари приветствовали Тириона, когда он проезжал мимо. Латники глядели на горцев с удивлением.

Шагга озирался с открытым ртом; ему, конечно же, не приходилось за всю свою жизнь видеть столько людей, коней и оружия. Остальные горные разбойники лучше следили за собой, однако Тирион не сомневался в произведенном впечатлении. К лучшему: чем более глубокое впечатление произведет на них мощь Ланнистеров, тем охотнее они будут повиноваться.

Гостиница и конюшня с виду не переменились. Однако на месте деревеньки остались лишь груды обожженных камней. Во дворе устроили виселицу, и тело, покачивавшееся в петле, облепили вороны. Испугавшись

Тириона, они взлетели, каркая и шумно хлопая черными крыльями. Спешившись, он поглядел на останки. Птицы уже выклевали губы, глаза и щеки; запятнанные краской зубы щерились в жутком оскале.

– Вот, а я просил только крова, еды и бутылку вина, – напомнил он с укоризненным вздохом.

Мальчишки-конюхи нерешительно вышли навстречу, чтобы позаботиться об их лошадях. Шагга не хотел расставаться с конем.

– Парень не украдет твою кобылу, – заверил его Тирион. – Он только накормит ее овсом, напоит и расчешет шкуру. – Шкура самого Шагги также нуждалась в хорошей щетке, но упоминать об этом было бы нетактично. – Даю тебе слово, коню не причинят вреда.

Опалив его яростным взором, Шагга выпустил поводья.

– Это конь Шагги, сына Дольфа, – рыкнул он на мальчишку.

– Если он не вернет кобылу, отруби ему мужской признак и скорми козлу, – предложил Тирион. – Если только найдешь его здесь.

Двое стражников в пурпурных плащах и увенчанных львами шлемах стояли под вывеской гостиницы по обе стороны двери. Тирион признал капитана гвардейцев.

– Мой отец?

– В гостиной, милорд.

– Мои люди хотят мяса и меда, – сказал ему Тирион. – Приглядите, чтобы они получили еду и питье. – Тирион вошел в гостиницу. Отец был там.

Тайвин Ланнистер, лорд Бобрового утеса и Хранитель Запада, давно разменял шестой десяток, не утратив тем не менее юношеской крепости. Даже сидя он казался высоким – длинные ноги, широкие плечи, плоский живот. Его тонкие руки оплетали крепкие мышцы. Когда прежде густые волосы начали отступать ото лба, лорд Тайвин приказал своему цирюльнику брить ему голову наголо: глава дома Ланнистеров не верил в полумеры. Еще он выбривал верхнюю губу и подбородок, но бакенбарды, две огромные чащобы, заросшие жестким золотым волосом, покрывали его щеки от уха до уха. В бледно-зеленых глазах его играли золотые искры. Один из шутов, более глупый, чем все остальные, сказанул однажды, что даже дерьмо лорда Тайвина усеяно золотом. Некоторые утверждали, что он еще жив – где-то в подземельях Бобрового утеса.

Сир Киван Ланнистер, единственный выживший брат отца, делил бутыль эля с лордом Тайвином. Дядя, человек объемистый и лысеющий, с коротко подстриженной желтой бородой, прилипшей к массивным челюстям, первым увидел его.

– Тирион, – проговорил сир Киван с удивлением.

– Дядя. – Тирион поклонился. – Милорд-отец. Как я рад видеть вас здесь!

Лорд Тайвин даже не пошевельнулся в кресле, но поглядел на своего карлика-сына долгим оценивающим взглядом.

– Вижу, что слухи о твоем заточении были необоснованны.

– Мне жаль разочаровывать вас, отец, – сказал Тирион. – Только не надо вставать и обнимать меня! Я не хочу вас утруждать…

Тирион направился через всю комнату к их столу, четко осознавая, что кривые короткие ноги заставляют его раскачиваться на каждом шагу. Когда глаза отца обращались к нему, Тирион сразу же самым острым образом ощущал все свои недостатки и уродства.

– Очень любезно с вашей стороны начать войну ради меня, – проговорил он, залезая в кресло и наливая себе чашу отцовского эля.

– На мой взгляд, это ты начал ее, – ответил лорд Тайвин. – Твой брат Джейме никогда не позволил бы себе попасть в руки женщины.

– Мы с Джейме кое в чем отличаемся… Он много выше меня ростом, как вы могли заметить.

Отец игнорировал выпад.

– Речь идет о чести нашего дома. Мне просто пришлось выехать. Никто не может пролить кровь Ланнистеров безнаказанно!

– Услышь мой рев, – произнес Тирион, ухмыльнувшись девизу Ланнистеров. – Откровенно говоря, крови я не проливал, хотя это могло случиться раз или два. Моррек и Джик убиты.

– Значит, тебе нужны новые слуги.

– Не беспокойся, отец. Я обзавелся своими. – Тирион отпил глоток эля, бурого и пенистого, и такого густого, что его почти можно было жевать. Действительно, отличный напиток. Жаль, что отец повесил содержательницу постоялого двора. – И как идут боевые действия?

Ответил его дядя:

– Пока достаточно хорошо. Сир Эдмар раздробил свое войско на малые отряды, чтобы остановить наши набеги, и мы с твоим лордом-отцом получили возможность нанести им тяжелый урон, прежде чем они сумели соединиться.

– Твой брат увенчал себя славой, – сказал отец. – Он разгромил лордов Венса и Пайпера у Золотого Зуба и встретился с основными силами Талли у стен Риверрана. Лорды Трезубца были вынуждены отступить. Сир Эдмар Талли взят в плен со многими своими рыцарями и знаменосцами. Лорд Блэквуд увел немногих уцелевших в Ривердан, и Джейме осадил замок.

Остальные разбежались по собственным крепостям.

– И мы с твоим отцом по очереди выступали против них. Без лорда Блэквуда Древорон сдался сразу, а леди Уэнт сдала Харренхолл из-за недостатка людей. Сир Григор сжег владения Пайперов и Бреккенов…

– Оставив вас без противника? – спросил Тирион.

– Не совсем, – ответил сир Киван. – Маллистеры до сих пор удерживают Сигард, а Уолдер Фрей собирает свои войска у Близнецов.

– Не серьезно, – заметил Тайвин. – Фрей выходит на поле брани, только почуяв запах победы, а сейчас пока пахнет смертью. А у Ясона Маллистера не хватит сил сопротивляться в одиночку. Как только Джейме возьмет Ривердан, они оба быстро преклонят колена. Войну можно считать выигранной, если только Старки и Аррены не выйдут против нас.

– На вашем месте я бы не стал тревожиться из-за Арренов. – сказал Тирион. – Старки – дело другое. Лорд Эддард…

– У нас в заложниках, – прервал его отец. – Он не может командовать войском из подземелья Красного замка.

– Не может, – согласился сир Киван, – но сын его созвал знамена и стал у рва Кейлин с сильным войском.

– Ни один меч нельзя назвать сильным, пока он не закален, – объявил лорд Тайвин. – Этот Старк еще мальчишка. Конечно, ему нравятся звуки походных труб и собственное знамя, трепещущее на ветру. Но всякий поход оканчивается бойней. Боюсь, что у него не хватит отваги на сражение.

События приняли интересный поворот за время его отсутствия, решил Тирион.

– Ну а что делает наш бесстрашный монарх, как смотрит он на эту бойню? – спросил он. – Неужели моя очаровательная и красноречивая сестра сумела уговорить Роберта примириться с заточением своего милого друга Неда?

– Роберт Баратеон погиб, – ответил ему отец. – В Королевской Гавани правит твой племянник. – Слова эти заставили Тириона растеряться. – Точнее говоря, моя сестра. – Лорд Тайвин отпил эля. – Королевство станет совсем иным, если Серсея будет править вместо своего мужа. И если ты хочешь принести какую-то пользу, я дам тебе приказ, – продолжил отец. – Марк Пайпер и Карил Вене болтаются в нашем тылу и совершают набеги на нашу землю из-за Красного Зубца.

Тирион прицокнул зубом.

– Прогнать их! Прежде я был бы рад наказать подобную невоспитанность, отец, но сейчас, поверьте, у меня есть настоятельные дела в другом месте.

– В самом деле? – Лорд Тайвин не был особенно удивлен. – Еще нам досаждает последняя идея Неда Старка, моим фуражирам мешает некий Берик Дондаррион, какой-то молодой лорденыш, наделенный ложным представлением о доблести. И с ним эта жирная пародия на священника – тот тип, который любит зажигать свой меч. Ну как, сумеешь расправиться с ними? Без особого шума?

Тирион вытер рот тыльной стороной ладони и улыбнулся.

– Отец, мое сердце греет мысль о том, что вы готовы доверить мне… двадцать человек? Или дадите мне даже пятьдесят? Неужели вы сумеете выделить мне такое огромное войско? Прекрасно! Если я натолкнусь на Тороса или лорда Берика, то сумею выпороть их обоих. – Он спустился с кресла и проковылял к буфету, на котором в окружении фруктов возлежал круг белого сыра с прожилками. – Сперва мне нужно уладить кое-какие дела, – сказал он, отхватив себе клин. – Мне необходимо три тысячи шлемов, столько же калберков и плюс мечи, пики, стальные наконечники копий, боевые булавы и топоры, стальные перчатки, воротники, поножи, нагрудники и фургоны, чтобы перевезти все это…

Дверь позади Тириона вдруг распахнулась с таким грохотом, что он едва не выронил сыр. Сир Киван вскочил, ругаясь, когда капитан гвардии пролетел через комнату и рухнул в очаг. Шлем его угодил прямо в холодный пепел, а Шагга, переломив меч гвардейца толщиной в древесный ствол о колено, отбросил обломки и вступил в гостиную, распространяя собственный запах, более крепкий, чем запах сыра.

– Маленькая красная шапочка, – рявкнул он. – Если ты еще раз посмеешь угрожать сталью Шагге, сыну Дольфа, я отрежу твое мужское естество и поджарю его на огне.

– Что? А как же козел? – спросил Тирион, откусывая сыр.

За Шаггой в комнату вошли другие горцы. Брони сопутствовал им. Наемник, извиняясь, пожал плечами, глянув на Тириона.

– И кто же это у нас такой гордый? – спросил лорд Тайвин голосом холодным как снег.

– Эти люди проводили меня домой, отец, – пояснил Тирион. – Могу ли я сохранить их при себе? Много они не съедят…

Никто не улыбнулся.

– По какому праву вы, дикари, врываетесь в зал нашего совета? – потребовал ответа сир Киван.

– Дикари, говоришь? – Конн мог бы показаться симпатичным, если бы его отмыли. – Мы – люди свободные, а свободные люди имеют право сидеть на любом военном совете!

– Кто из вас львиный лорд? – спросила Чилла.

– Это же старики, – объявил Тиметт, сын Тиметта, которому еще предстояло встретить свой двадцатый год.

Рука сира Кивана опустилась на рукоять меча, но брат прикосновением пальцев остановил его. Лорд Тайвин казался спокойным.

– Тирион, ты забыл о вежливости? Будь добр, познакомь нас с… почетными гостями.

Тирион облизнул пальцы.

– С удовольствием, – объявил он. – Эта прекрасная дева – Чилла, дочь Чейка, от Черноухих.

– Я не дева, – возразила Чилла. – Мои сыновья уже срезали пятьдесят ушей.

– Да срежут они еще пятьдесят. – Тирион отошел от нее. – Это Конн, сын Коратта. А вот Шагга, сын Дольфа, тот, что похож на Бобровый утес, обросший волосами. Они – Каменные Вороны. Это Улф, сын Умара, из Лунных Братьев, вот Тиметт, сын Тиметта, из Обгорелых. А это наемник Брони. Он сам по себе, не из чьих-то людей. За время нашего знакомства он успел дважды переменить стороны, и он должен получить награду, отец. – Обратившись к Бронну и горцам, он произнес:

– Позвольте мне представить моего лорда-отца, Тайвина, сына Титоса, из дома Ланнистеров, лорда Бобрового утеса. Хранителя Запада, Шит Ланниспорта, бывшего и будущего десницу короля.

Лорд Тайвин поднялся, являя достоинство и корректность.

– Даже на западе слыхали про доблесть воинственных обитателей гор Луны. Что доставило вас вниз из ваших твердынь, милорды?

– Кони, – ответил Шагга.

– Обещанные сталь и шелка, – добавил Тиметт, сын Тиметта.

Тирион уже собрался рассказать своему лорду-отцу о том, что обещал кланам превратить Долину Арренов в дымящуюся пустошь, но возможности не представилось. Дверь снова хлопнула и распахнулась. Вестник коротко и удивленно глянул на горцев Тириона, опускаясь на одно колено перед лордом Тайвином.

– Милорд, – проговорил он, – сир Аддам велел передать вам, что войско Старков движется по гати.

Лорд Тайвин не улыбнулся. Отец никогда не улыбался, но Тирион тем не менее умел читать на его лице.

– Итак, волчонок решился оставить свое логово, чтобы поиграть со львами, – проговорил он голосом, полным спокойного удовлетворения. – Великолепно. Возвратитесь к сиру Аддаму и велите ему отступать. Он не

должен вступать в сражение с северянами до нашего прибытия, но я хочу, чтобы он нападал на них с флангов и заманивал дальше на юг.

– Исполню все, как вы приказываете. – Всадник откланялся.

– Мы хорошо устроились здесь, – напомнил сир Киван. – Близко к переправе, вокруг ямы и частоколы. Пусть приходят, мы их остановим.

– Мальчишка может отступить или струсить, увидев такое войско, – заметил лорд Тайвин. – Чем быстрее мы сломаем Старков, тем скорее я освобожусь, чтобы расправиться со Станнисом Баратеоном. Вели барабанщикам бить сбор и пошли слово Джейме, что я выхожу против Робба Старка.

– Как хочешь, – проговорил сир Киван. Тирион с мрачным восхищением поглядел на отца, повернувшегося к полудиким горцам.

– Говорят, что люди горных кланов не знают страха.

– Воистину так, – ответил Конн от Каменных Ворон.

– И женщины тоже, – добавила Чилла.

– Выступайте со мной против моего врага, и вы получите все, что обещал мой сын, и даже более того, – сказал лорд Тайвин.

– Но заплатишь ли ты нам нашей собственной монетой? – спросил Улф, сын Умара. – И нужны ли нам обещания отца, когда нам обещал сын?

– Я не сказал, что они нужны, – возразил лорд Тайвин. – В словах моих звучала чистая любезность и ничего более. Вы не обязаны присоединяться к нам. Люди Зимних земель выкованы из льда и железа; даже отважнейшие среди моих рыцарей страшатся встретиться с ними лицом.

Изящный ход, отметил Тирион, криво улыбнувшись.

– Обгорелые люди ничего не страшатся. Тиметт, сын Тиметта, поедет со львами.

– Если Обгорелые куда приедут, там уже сидят Каменные Вороны, – с пылом объявил Конн. – Мы едем тоже.

– Шагга, сын Дольфа, отрубит им мужское естество и скормит его воронам.

– Мы поедем с тобой, львиный лорд, – согласилась Чилла, дочь Чейка, – но только если коротышка будет с нами. Он выкупил свое дыхание обещанием. Жизнь его принадлежит нам, пока мы не получим ту сталь, которую он обещал нам.

Лорд Тайвин обратил искрящиеся золотом глаза к своему сыну.

– Веселый разговор, – заметил Тирион с отрешенной улыбкой.

Санса

Снятые с обнажившихся стен тронного зала гобелены со сценами охоты, которые так нравились королю Роберту, лежали в углу неопрятной грудой.

Сир Мендон Мур отправился на свое место у подножия трона, возле двух других братьев из Королевской гвардии.

Санса осталась у дверей – наконец без охраны. В качестве награды за хорошее поведение королева позволила ей передвигаться по замку, но при этом ее все равно повсюду сопровождали.

– Почетный караул для моей будущей дочери, – объяснила королева, но Санса не почувствовала радости.

Разрешение означало, что Санса могла ходить по Красному замку куда угодно – только не за ворота. Обещание это Санса дала более чем охотно: она все равно не могла выйти за стены. За воротами день и ночь следили золотые плащи Яноса Слинта, и гвардия Ланнистеров всегда была неподалеку. К тому же куда ей идти, если она покинет замок? Так что она была рада, что может гулять во дворе, собирать цветы в садике Мирцеллы и посещать септу, чтобы молиться за своего отца. Иногда Санса молилась в богороще; ведь Старки хранят верность старым богам.

Джоффри впервые созвал свой двор, и Санса нервно огляделась. Цепочка гвардейцев Ланнистеров стояла под западными окнами, городские стражники в золотых плащах выстроились в линию под восточными. Людей простых и незнатных заметно не было, но под галереей беспокойно переминалось скопление лордов – великих и малых… не более двадцати человек. В былые времена целая сотня собиралась, ожидая выхода короля Роберта.

Санса скользнула между ними и, бормоча приветствия, принялась продвигаться вперед. Она узнала чернокожего Джалабхара Ксо, мрачного сира Арона Сантагара, близнецов Редвинов, Страшилу и Беббера… однако никто из них ее как бы не узнавал… ну а если и замечали, то отодвигались, как от больной серой хворью. Вечно простуженный лорд Джайли, увидев ее, прикрыл лицо платком и зашелся в притворном припадке кашля, а когда забавный пьяница сир Донтас уже собрался ответить ей, сир Белой Свонн что-то шепнул ему на ухо, и тот отвернулся.

Не хватало очень многих. «Куда же подевались все они?» – подумала Санса. Она тщетно искала приязни на лицах, но никто даже не хотел

поглядеть ей в глаза. Словно бы перед ними предстал живой призрак.

Великий мейстер Пицель в одиночестве сидел за столом совета; он как будто бы дремал, сложив руки поверх бороды. Санса заметила торопящегося лорда Вариса, поспешно вступившего в зал, не производя ни звука. Мгновение спустя в высокой задней двери появился улыбающийся лорд Бейлиш. Обменявшись дружескими репликами с сирами Белоном и Донтасом, он направился вперед. Желудок Сансы сжался в комок.

«Не надо бояться, – сказала она себе. – Мне нечего бояться. Все будет хорошо, Джофф любит меня, королева тоже, она сама так говорила…» Голос геральда провозгласил:

– Да здравствует его величество Джоффри из домов Баратеонов и Ланнистеров, первый носитель этого имени, король андалов, ройнаров и Первых Людей, владыка Семи Королевств! Да здравствует его леди-мать, Серсея из дома Ланнистеров, регентствующая королева. Свет Запада, Хранительница Областей!

Сир Барристан Селми, блистая великолепием белого панциря, вошел первым. Сир Арис Сукхар следовал за королевой, сир Борос Блаунт был возле Джоффри, и в тронном зале оказалось шестеро королевских гвардейцев, все Белые Мечи. Кроме одного лишь Джейме Ланнистера. Ее принц – нет, теперь ее король! – взбежал по ступеням Железного трона, перепрыгивая через две ступени. Королева-мать уселась в центре совета. На Джоффе был черный бархат с алыми прорезями, сверкающий парчовый плащ с высоким воротником, голову его венчала золотая корона, усыпанная рубинами и черными алмазами. Оглядев зал, Джоффри заметил Сансу. Он улыбнулся, уселся и проговорил:

– Король обязан наказать неверных и вознаградить тех, кто проявил преданность. Великий мейстер Пицель, я приказываю вам прочитать мои указы!

Пицель, облаченный в великолепное одеяние из темно-красного бархата, с горностаевым воротником и блестящими золотыми застежками, поднялся на ноги и извлек свиток из широкого рукава, украшенного тяжелым золотым шитьем. Развернув его, он приступил к чтению длинного списка лордов, которые должны были представиться королю и совету и присягнуть на верность Джоффри. В противном случае они объявлялись изменниками, и земли и титулы их должны были отойти к престолу.

Имена, которые он произносил, заставили затаить дыхание. Лорд Станнис Баратеон, его леди-жена и дочь. Лорд Ренли Баратеон, оба лорда Ройса и их сыновья. Сир Лорас Тирелл, лорд Мейс Тирелл, его братья, дяди и сыновья. Красный жрец Торос из Мира. Лорд Берик Дондаррион, леди

Лиза Аррен и ее сын, маленький лорд Роберт. Лорд Хостер Талли, брат его сир Бринден, сын его Эдмар. Лорд Ясон Маллистер, лорд Брайс Карон из Мирни. Лорд Титос Блэквуд. Лорд Уолдер Фрей и наследник его сир Стеврон. Лорд Карил Вене. Лорд Джонос Браккен. Леди Шелла Уэнт. Доран Мартелл, принц Дорнский и все его сыновья. Их так много, думала она, слушая голос Пицеля. Сколько же нужно птиц, чтобы разослать эти приказы!

В конце, едва ли не самыми последними, прозвучали имена, которые так боялась услышать Санса. Леди Кейтилин Старк. Робб Старк. Брандон Старк, Рикон Старк, Арья Старк. Санса подавила восклицание. Арья. Значит, они требуют, чтобы Арья явилась и принесла присягу… Это могло означать, что сестра ее бежала на галее и что теперь она пребывает в полной безопасности в Винтерфелле…

Великий мейстер Пицель свернул свой лист, засунул его в левый рукав и извлек из правого новый пергамент. Откашлявшись, он приступил к чтению:

– Вместо изменника Эддарда Старка велением светлейшего государя назначено, чтобы Тайвин Ланнистер, лорд Бобрового утеса. Хранитель Запада, принял сан десницы короля, имеющего право говорить голосом государя, вести его армию против врагов и выполнять его королевскую волю. Так повелел король.

Малый совет одобрил.

– Вместо изменника Станниса Баратеона велением светлейшего государя назначено, чтобы его государыня-мать, регентствующая королева Серсея Ланнистер, бывшая его самой надежной опорой, сидела в его Малом совете, дабы он мог править мудро и справедливо. Так повелел король.

Малый совет одобрил.

Санса услышала негромкий ропот среди окружающих ее лордов, но голоса сразу смолкли. Пицель продолжил:

– Волею светлейшего государя его верный слуга Янос Слинт, командующий городской стражей в Королевской Гавани, будет немедленно возведен в сан лорда. Еще он получит древний удел в Харренхолле со всеми окружающими замок землями и доходами, сыновья же и внуки его унаследуют эту честь после него до конца времен. Далее король приказывает, чтобы указанный лорд Слинт немедленно сел среди его Малого совета, дабы помогать ему в правлении государством. Так повелел король.

Малый совет одобрил.

Уголком глаза Санса заметила движение, когда вошел Янос Слинт. На этот раз ропот был громче и грознее. Гордые лорды, корни которых уходили в прошлое на тысячелетия, не имели желания расступаться перед лысеющим и пучеглазым, словно лягушка, простолюдином. Золотые чешуйки, нашитые на черный бархат дублета, негромко звенели при каждом шаге Слинта под плащом черно-золотого атласа. Двое уродливых мальчишек, сыновья новоявленного лорда, шли впереди, с трудом удерживая перед собой тяжелый металлический щит высотой в их собственный рост. В качестве герба Слинт выбрал окровавленное копье, золотое на черном фоне. Вид этого щита вселял трепет в душу Сансы, руки ее покрылись гусиной кожей.

Когда лорд Слинт занял свое место, великий мейстер Пицель приступил к делу:

– Наконец, во времена предательства и смуты, после столь недавней смерти нашего возлюбленного короля Роберта, по мнению совета, следует позаботиться о жизни и безопасности короля Джоффри… – Он поглядел на королеву.

Серсея встала:

– Сир Барристан Селми, выйдите вперед.

Сир Барристан, невозмутимым изваянием застывший у подножия Железного трона, преклонил колено и склонил Голову:

– Ваше величество, приказывайте, повинуюсь.

– Восстаньте, сир Барристан, – сказала Серсея Ланнистер. – Вы можете снять свой шлем.

– Миледи? – Старый рыцарь, вставая, снял с головы высокий белый шлем, явно не понимая, зачем он это делает.

– Вы служили стране долго и верно, добрый сир, и каждый обитатель Семи Королевств благодарен вам. Но ваша служба, увы, закончена. По воле короля и совета вы можете сложить свой тяжелый груз.

– Мой… груз? Боюсь, я… но я не…

Новоиспеченный лорд Янос Слинт проговорил голосом тяжелым и тупым:

– Ее величество хочет сказать вам, что вы освобождены от обязанностей лорда-командующего Королевской гвардией.

Высокий седовласый рыцарь словно бы сразу сделался ниже.

– Ваше величество, – едва выдохнул он наконец, – Королевская гвардия – это братство. Мы даем пожизненный обет. Только смерть может освободить лорда-командующего от его священного долга.

– Чья смерть, сир Барристан? – проговорила королева голосом мягким

как шелк, но слова ее были слышны всему залу. – Ваша или вашего короля?

– Вы позволили моему отцу умереть, – проговорил Джоффри обвиняющим тоном с вершины Железного трона. – Вы слишком стары, чтобы кого-нибудь защищать!

Санса заметила, как старый рыцарь посмотрел на своего нового короля. Она никогда не видела, чтобы сир Барристан казался старым, но теперь он выглядел на весь свой возраст.

– Светлейшая государыня, – сказал он. – Меня избрали в Белые Мечи на двадцать третьем году жизни. Это было все, о чем я мечтал с тех пор, как впервые взял меч в руки. Я отказался от всех претензий на наследственный удел. Девушка, с которой я был помолвлен, вышла замуж за моего двоюродного брата; у меня нет ни земли, ни сыновей – я не нуждался в них, потому что жизнь моя была отдана королю. Сир Герольд Хайтауэр сам принял мой обет… ограждать короля всей моей силой… отдать за него всю мою кровь… Я сражался рядом с Белым Быком и принцем Ливином Дорнйским, рядом с сиром Эртуром Деном, Мечом Зари. Прежде чем перейти на службу к вашему отцу, я был щитом короля Эйериса, а до того я служил его отцу Джейехерису… трем королям…

– И все они погибли, – сказал Мизинец.

– Ваше время закончилось, – объявила Серсея Ланнистер. – Джоффри должен быть окружен молодыми и крепкими людьми. Совет определил, чтобы сир Джейме Ланнистер занял ваше место в качестве лорда-командующего Братства Белых Мечей.

– Цареубийца, – жестко проговорил сир Барристан голосом, полным презрения. – Лживый рыцарь, осквернивший свой клинок кровью короля, которого поклялся защищать!

– Выбирайте слова, сир, – предостерегла старого рыцаря королева. – Вы говорите о нашем возлюбленном брате, Кровном родственнике нашего короля.

Тут заговорил лорд Варис – голосом более мягким:

– Мы не забыли о вашей службе, сир. Лорд Тайвин Ланнистер по своему благородству согласился выделить вам добрый участок земли возле моря к северу от Ланниспорта, дать золото и людей, чтобы вы могли воздвигнуть замок, и слуг, которые приглядят за каждой вашей нуждой.

Сир Барристан резко поглядел на него.

– Дом, где я умру, и людей, которые похоронят меня. Благодарю вас, милорды… но я плевать хотел на ваше сочувствие! – Подняв руки, он расстегнул застежки, удерживающие на месте его плащ. Тяжелое белое одеяние скользнуло с его плеч, ударилось о пол. Со звоном отлетел шлем. –

Я рыцарь, – объявил он всем присутствующим и, расстегнув серебряные застежки нагрудника, дал ему упасть. – И умру рыцарем.

– Нагим рыцарем, – вставил Мизинец. Все расхохотались; Джоффри на троне и лорды, стоящие перед королем, Янос Слинт и королева Серсея, Сандор Клиган, даже королевские гвардейцы, которые только что были его братьями. Наверное, именно это предательство ранило его глубже всего, подумала Санса. Сердце ее тянулось к доблестному старику, опозоренному, побагровевшему, чересчур разъяренному для речей. Наконец сир Барристан обнажил меч.

Санса услышала, как кто-то охнул. Сиры Борос и Меррин шагнули вперед, чтобы преградить ему путь, но сир Барристан буквально приморозил их к месту взглядом, полным презрения.

– Не опасайтесь, сиры, король ваш в безопасности… но не благодаря вам. Даже сейчас я сумею одолеть вас пятерых – так, как кинжал режет сыр. Если вы признаете главенство Цареубийцы, ни один из вас не достоин белых одежд. – Он бросил свой меч к подножию Железного трона. – Бери, парень, пусть переплавят и прилепят к твоему трону. Все равно будет больше пользы, чем от всех мечей в руках этой пятерки. Или пригодится лорду Станнису, когда он отберет у тебя престол!

Сир Барристан гулко ступал по полу, звонкое эхо отражалось от голых стен. Лорды и леди расступились перед ним. Лишь когда пажи закрыли за ним огромные, окованные бронзой дубовые двери, Санса вновь услышала смущенные голоса… неловкое шевеление, шорох бумаг на столе совета.

– Он назвал меня мальчишкой, – капризно проговорил Джоффри тоном, явно не подобающим его возрасту. – И мерзко говорил о моем дяде Станнисе!

– Праздные речи, – заметил Варис-евнух, – праздные и бессмысленные…

– Возможно, он вступил в заговор с моими дядьями. Я хочу, чтобы его схватили и допросили. – Никто не шевельнулся. Джоффри возвысил голос:

– Я же сказал, что хочу, чтобы его схватили.

Янос Слинт поднялся из-за стола совета:

– Мои золотые плащи сделают это, светлейший государь!

– Хорошо, – сказал король Джоффри. Лорд Янос направился к выходу из зала, уродливые сыновья его потянулись следом, увлекая тяжелый металлический щит с гербом дома Слинтов.

– Светлейший государь, – напомнил королю Мизинец, – кажется, мы можем продолжить, от семерых теперь осталось шестеро. Королевская гвардия нуждается в новом мече.

Джоффри улыбнулся:

– Скажи им, мать.

– Король и совет определили, что в Семи Королевствах нет человека, более достойного охранять и защищать светлейшего государя, чем присягнувший ему Сандор Клиган.

– Ну, доволен, Пес? – спросил король Джоффри. Выражение на лице Пса трудно было понять. Он ненадолго задумался.

– Почему бы и нет? У меня нет ни земель, ни жены, не от кого отказываться, это всем безразлично. – Обгорелая сторона его рта дернулась.

– Но я предупреждаю, что не принесу никаких рыцарских обетов!

– Братья Королевской гвардии всегда были рыцарями, – твердо сказал сир Борос.

– До нынешних времен, – проскрежетал Пес, и сир Борос умолк.

Когда герольд короля шагнул вперед, Санса поняла, что момент близок, и нервно разгладила юбку. На ней был траур – в знак уважения к покойному королю. Тем не менее она постаралась выглядеть как надо. Она выбрала то самое платье из шелка слоновой кости, которое подарила ей королева… то самое, которое погубила Арья. Санса велела выкрасить его в черный цвет, и пятен теперь не было заметно. Она несколько часов обдумывала, какие драгоценности ей следует надеть, и наконец решила остановиться на элегантной и простой серебряной цепочке. Голос герольда загрохотал:

– Если в этом зале кто-нибудь имеет вопросы к его величеству, пусть выступит вперед и встанет в молчании.

Санса дрогнула. «Сейчас, – сказала она себе. – Я должна это сделать сейчас. Боги, наделите меня отвагой». Она шагнула вперед, сделала второй шаг. Лорды и рыцари отступали в сторону, молчаливо пропуская ее, и спиной она ощутила на себе тяжесть их взглядов. «Я должна быть столь же сильной, как моя леди-мать!» – Светлейший государь, – проговорила она негромким, чуть дрогнувшим голосом.

С высоты Железного трона Джоффри было видно лучше, чем кому-либо в зале, и он первым заметил ее.

– Выходите вперед, миледи, – сказал он с улыбкой. Улыбка его приободрила Сансу и заставила вновь почувствовать себя прекрасной и сильной. «Он любит меня, да!» Санса подняла голову и направилась к королю – не слишком медленно и не слишком быстро. Она не должна позволить им заметить, как волнуется.

– Леди Санса из дома Старков, – провозгласил герольд.

Санса остановилась возле престола, перед белым плащом и шлемом сира Барристана.

– Есть ли у вас какой-нибудь вопрос к королю и совету, Санса? – спросила королева из-за стола совета.

– Да. – Она преклонила колено осторожно, чтобы не испачкать платье, и посмотрела на своего принца, сидевшего на жутком Железном троне. – Если это будет угодно светлейшему государю, я прошу прощения для моего отца, лорда Эддарда Старка, десницы покойного короля. – Она заучила эти слова наизусть, повторила их сотню раз.

Королева вздохнула:

– Санса, вы разочаровываете меня. Что я говорила о крови предателя?

– Отец ваш совершил серьезное преступление, миледи, – провозгласил великий мейстер Пицель.

– Бедная печальная девочка, – вздохнул Варис. – Она только ребенок, милорды, и не понимает, о чем просит!

Санса глядела только на Джоффри. «Он должен послушать меня, должен», – подумала она. Король пошевелился.

– Пусть говорит, – приказал он. – Я хочу слышать, что она скажет.

– Благодарю вас, светлейший государь. – Санса улыбнулась застенчивой тайной улыбкой, предназначенной только для него одного. Он выслушает ее. Она знала, что так и будет.

– Злые плевелы предательства, – объявил торжественно Пицель, – должны быть вырваны с корнем, стеблем и семенем, чтобы новые предатели не поднялись по обе стороны дороги.

– Вы отрицаете преступление своего отца? – спросил лорд Бейлиш.

– Нет, милорды. – Санса понимала, что этого делать не стоит. – Я знаю, что он виноват и должен принять наказание. Я прошу только милосердия. Я знаю, мой лорд-отец будет сожалеть о содеянном. Он был другом короля Роберта и любил его, все вы знаете об этом. Он никогда не хотел быть его десницей, пока король не попросил его. Должно быть, его обманули. Лорд Ренли, или лорд Станнис, или… кто-нибудь еще. Его наверняка обманули, иначе…

Король Джоффри нагнулся вперед, руки его впились в подлокотники трона. Острия сломанных мечей торчали вперед между его пальцев.

– Он сказал, что я не король. Почему он это сделал?

– У него перебита нога, – с готовностью ответила Санса. – Она очень болит. Мейстер Пицель давал ему маковое молоко, а говорят, что маковое молоко туманит голову. Иначе он никогда бы не сказал такого!

– Детская вера… какая милая невинность… и все же мудрость нередко говорит устами младенцев, – сказал Варис.

– Предательство есть предательство, – немедленно возразил Пицель.

Джоффри беспокойно качнулся на троне.

– Мать?

Серсея Ланнистер задумчиво посмотрела на Сансу.

– Если лорд Эддард также признает свое преступление, – сказала она наконец, – мы поймем, что он раскаивается в своем безрассудстве.

Джоффри поднялся на ноги. «Пожалуйста, – подумала Санса, – пожалуйста, будь истинным королем, – я знаю, что ты такой, – добрым и благородным! Ну, пожалуйста!»

– Хотите ли вы еще что-нибудь сказать? – спросил он.

– Только… если вы любите меня, будьте ко мне добры, мой принц, – сказала Санса.

Король Джоффри оглядел ее сверху вниз.

– Ваши ласковые слова тронули меня, – проговорил он, галантно кивая, словно бы желая показать, что все будет хорошо. – Я выполню вашу просьбу. Но ваш отец должен признать свою вину. Он должен признать и объявить, что я – король, иначе ему не будет пощады!

– Он признается, – сказала Санса с восторгом. – Я знаю, он сделает это!

Эддард

Солома на полу воняла мочой. Окна не было, постели тоже, даже ведра. Он запомнил стены из бледного камня, стены, разукрашенные пятнами селитры, четырехфутовую щербатую серую дверь, окованную железом, он успел разглядеть это, когда его бросили в камеру. А потом дверь захлопнулась и Нед более ничего не видел. Темнота здесь была абсолютной. Он словно ослеп. Или умер, похороненный вместе с его королем.

– Ах, Роберт, – пробормотал Нед, ощупывая рукой холодный камень. Нога его пульсировала от каждого движения. Он вспомнил шутку, над которой они с королем посмеялись в подземелье Винтерфелла под холодным каменным взглядом Королей Зимы. «Король ест, – проговорил Роберт, – а десница подтирает задницу». Как он хохотал! Но все это звучит по-другому: когда король умирает, подумал Нед Старк, хоронят и десницу.

Темница под Красным замком, в таких глубинах, которых он просто не мог представить. Нед вспомнил старую повесть о Мейегоре Жестоком, казнившем всех каменщиков, трудившихся в замке, чтобы они никогда не открыли его секретов.

Он проклял их всех: Мизинца, Яноса Слинта вместе с его золотыми плащами, королеву. Цареубийцу, Пицеля, Вариса, сира Барристана, даже лорда Ренли, родного брата Роберта, убежавшего именно тогда, когда он более всего был ему нужен. И все же – в конце концов – он обратился к себе.

– Дурак, – кричал Нед во тьму, – и трижды дурак, проклятый слепец!

Лицо Серсеи Ланнистер словно парило перед ним во тьме. Волосы ее лучились солнечным светом, но улыбка была насмешливой.

– Тот, кто берется играть в престолы, или погибает, или побеждает, – прошептала она.

Нед вступил в игру и проиграл, а люди его заплатили за проявленное им безрассудство своей жизнью. Думая о дочерях, он охотно зарыдал бы, но слезы не шли. Он все равно оставался Старком из Винтерфелла, горе и ярость заледенели в глубине его души.

Когда он не шевелился, нога не так уж болела, поэтому Нед старался лежать неподвижно. Сколько минуло времени, сказать он не мог. Ни луна, ни солнце не заглядывали сюда, чтобы он мог отметить на стене дни. Открывал Нед глаза или нет, разницы не было. Он спал, просыпался и

засыпал снова. Трудно сказать, что было мучительнее – спать или бодрствовать. Когда он засыпал, приходили сны – мрачные и тревожные, полные крови и вероломства. Ну а когда бодрствовал, то, не имея другого дела, покорялся думам, которые были еще хуже кошмаров. Воспоминания о Кет наполняли солому терновыми иглами. Интересно бы узнать, где она и что делает. Нед не надеялся, что еще раз увидит ее.

Часы превращались в дни, так по крайней мере ему казалось. Нед чувствовал тупую боль в раздробленной ноге, чесотку под гипсом. Прикасавшиеся к бедру пальцы ощущали горячую воспаленную плоть. Слыша лишь собственное дыхание, через некоторое время он начал говорить вслух, чтобы просто слышать хоть что-то еще. Надо было попытаться сохранить здравый рассудок, и Нед размышлял и мечтал. Конечно же, братья Роберта остались на свободе, они собрали войско на Драконьем Камне и Штормовом Пределе. Элин и Харвин возвратятся в Королевскую Гавань с остальными его гвардейцами, сразу, как только разделаются с сиром Григором. Узнав о случившемся с ним, Кейтилин поднимет Север, а лорды Реки и Долины присоединятся к ней. Нед понял, что все чаще и чаще вспоминает о Роберте. Покойный король вдруг предстал перед ним в цвете юности: высоким, красивым. В огромном рогатом шлеме на голове и с боевым молотом в руке, он на коне казался богом. Во тьме подземелья Нед услыхал его смех, увидел глаза – синие и чистые, как горные озера.

«Видишь, Нед, – сказал Роберт. – До чего мы дошли: ты попал в темницу, а я убит свиньей. А ведь мы вместе завоевали престол!» «Я подвел тебя, Роберт», – подумал Нед. Он не мог произнести эти слова: «Я солгал тебе, скрыл от тебя правду, я позволил им убить тебя». Король услыхал его.

«Жестоковыйный дурак, – пробормотал он. – Гордость мешает ему слушать. Насытит ли теперь тебя твоя гордость, Старк! А твоя драгоценная честь способна защитить твоих детей?» Раскрываясь, трещины побежали по его лицу, разрывая плоть. Король протянул руку и сорвал маску. Перед Недом оказался вовсе не Роберт, а Мизинец – с насмешливой ухмылкой на лице. Он открыл рот, чтобы заговорить, и лживые слова его превратились в бледно-серых мотыльков.

Нед придремывал, когда послышались шаги в коридоре, и сперва он решил, что они снятся ему. Слишком уж давно он не слышал что-нибудь, кроме звука собственного голоса. Неда лихорадило, нога тупо ныла, губы высохли и растрескались. Тяжелая, окованная металлом дверь, скрипя, отворилась, и внезапный свет больно ударил в его глаза.

Тюремщик подал кувшин. Запотевшая глина приятно холодила руку. Нед взял сосуд руками и припал к нему. Струйки стекали по бороде, Нед остановился, только когда понял, что больше вместить не может или его вывернет наизнанку. – Сколько прошло дней? – спросил он, оторвавшись от сосуда.

Тюремщик, ходячее пугало с крысиным лицом и редкой бороденкой, был облачен в кольчужную рубаху и короткий кожаный плащ с капюшоном.

– Никаких разговоров, – сказал он, отбирая кувшин.

– Пожалуйста, – проговорил Нед. – Мои дочери…

Дверь со стуком закрылась. Когда свет исчез, он заморгал, опустил голову на грудь и свернулся на соломе. Она более не пахла мочой и дерьмом. Теперь она не пахла совсем.

Нед не мог понять, спит он или бодрствует. Из тьмы выползали воспоминания – яркие, словно сон. Это было в год ложной весны; снова восемнадцатилетний, он приехал из Орлиного Гнезда на турнир в Харренхолле. Ему представилась сочная зелень травы, он вновь ощутил запах пыльцы, принесенной ветром. Теплые дни, прохладные ночи, сладкое вино. Нед вспомнил смех Брандона, отчаянную храбрость Роберта в общей схватке, хохот будущего короля, когда по обе стороны от него из седел вылетали люди. Вспомнился и Джейме Ланнистер, золотой юноша в чешуйчатой белой броне. Преклонив колено перед павильоном короля Эйериса, он приносил обет защищать и оборонять своего властелина. Потом сир Освел Уэнт помог Джейме подняться на ноги, и сам Белый Бык, лорд-командующий сир Герольд Хайтауэр, застегнул на его плечах снежно-белый плащ Королевской гвардии. Все шесть Белых Мечей собрались, чтобы приветствовать нового брата.

А потом начались поединки, и день принадлежал Рейегару Таргариену. На кронпринце был панцирь, в котором он встретит смерть: блестящая, черная пластинчатая броня с трехголовым драконом его дома, выложенным рубинами на груди. Плюмаж из алого шелка развевался над его головой, и ни одно копье не могло прикоснуться к нему. Ему уступили и Брандон, и Бронзовый Джон Ройс, и даже великолепный сир Эртур Дейн, Меч Зари.

Роберт обменивался шутками с Джоном и старым лордом Хантером, когда принц объезжал поле, выбив из седла сира Барристана в последней схватке за венец победителя. Нед запомнил мгновения, погасившие все улыбки, когда принц Рейегар Таргариен проехал мимо собственной жены, Дорнийской принцессы Элии Мартелл, чтобы возложить венок королевы красоты на колени Лианны. Нед буквально видел этот венец из зимних роз, синих, словно иней.

Он протянул руку, чтобы прикоснуться к цветам, но под бледно-синими лепестками укрывались шипы. Острые и жестокие, они впились в его кожу, струйки крови неторопливо побежали между пальцев.

«Обещай мне, Нед», – прошептала сестра со своего Кровавого ложа. Она любила запах зимних роз.

– Боги, спасите меня! – Нед заплакал. – Я схожу с ума.

Боги не удостоили его ответом!

Каждый раз, когда тюремщик приносил ему воду, Нед говорил себе, что прошел еще один день. Сперва он просил рассказать ему что-нибудь о его дочерях, о том, что происходит снаружи. Но пинки и ворчание были ему единственным ответом. Потом, когда заболел желудок, он стал просить еды. Но напрасно: его не кормили. Быть может, Ланнистеры решили заморить его голодом?

– Нет, – сказал он себе. Если бы Серсея хотела его смерти, его могли бы убить в тронном зале. Королеве нужно было, чтобы он жил: в слабости и отчаянии, но жил. Кейтилин захватила брата Серсеи, и королева не смела убить его, не поставив жизнь Беса под угрозу.

Снаружи камеры раздалось громыхание железных цепей. Дверь, заскрипев, отворилась, и, опершись рукой на влажную стену, Нед заставил себя повернуться лицом к свету. Свет факела заставил его сощуриться.

– Еды, – проскрежетал он.

– Вина, – ответил голос. Это был не крысеныш; новый тюремщик казался крепче и ниже, хотя на нем был тот же короткий кожаный плащ и шипастый стальной шлем. – Пейте, лорд Эддард. – Он сунул бурдюк в руки Неда.

Голос показался странно знакомым, однако Нед Старк не сразу узнал его.

– Варис, – сказал он и словно в тумане прикоснулся к лицу пришедшего. – А вы… не снитесь мне? Вы и в самом деле здесь? – Пухлые щеки евнуха покрывала короткая темная щетина, уколовшая пальцы Неда. Варис преобразился в грязного тюремщика, от него пахло путом и кислым вином. – Как вы сумели… ну какой же вы волшебник!

– Утоляющий жажду, – сказал Варис. – Пейте, милорд.

Руки Неда приняли мех.

– С тем самым ядом, который дали Роберту?

– Вы несправедливы ко мне, – печально сказал Варис. – Воистину, никто не любит евнухов. Дайте бурдюк. Он отпил, красная струйка побежала от уголка пухлого рта.

– Не столь хорошее, как то вино, которым вы угощали меня в ночь

турнира, но без всякой отравы. Пейте, – заключил он, вытирая губы.

Нед попытался глотнуть.

– Помои. – Ему показалось, что желудок его вот-вот извергнет вино.

– Всем людям положено заедать сладкое кислым. И занятым лордам, и евнухам. Ваш час пришел, милорд.

– Мои дочери…

– Младшая девочка бежала от сира Меррина и скрылась, – сказал Варис. – Я не сумел отыскать ее. Ланнистеры тоже. Это хорошо. Наш новый король ее не любит. Ваша старшая дочь все еще обручена с Джоффри, Серсея держит ее при себе. Несколько дней назад она явилась ко двору и попросила о том, чтобы вас пощадили. Жаль, что вас там не было, вы были бы растроганы. – Варис наклонился вперед. – Надеюсь, вы понимаете, что можете считать себя покойником, лорд Эддард?

– Королева не станет убивать меня, – сказал Нед. Голова его поплыла. Вино оказалось крепким, а он слишком давно не ел… – Кет… Кет захватила ее брата…

– Увы, не того брата, – вздохнул Варис. – Потом, она не сумела им воспользоваться. Она позволила Бесу выскользнуть из ее рук. Думаю, что он уже погиб где-то в Лунных горах.

– Если это правда, режьте мне глотку, и довольно. – Голова Неда кружилась от вина, он ощущал усталость и тоску.

– Ваша кровь мне нужна в самую последнюю очередь.

Нед нахмурился:

– Когда гибли мои гвардейцы, вы стояли возле королевы и наблюдали за происходящим, не проговорив ни слова.

– И не скажу впредь. Как мне кажется, тогда я был без оружия и панциря – в окружении отряда Ланнистеров. – Евнух с любопытством нагнул голову. – Когда я был мальчишкой – до того, как меня обрезали, – мне довелось поездить с труппой кукольников из Вольных Городов. Актеры научили меня тому, что у каждого человека есть своя роль – в жизни, в спектакле… и при дворе. Королевский палач должен быть страшным, мастер над монетой – скупым, лорд-командующий гвардией – доблестным… а мастер над шептунами – лукавым, подобострастным и бессовестным. Доблестный доносчик столь же бесполезен, как трусливый рыцарь. – Взяв у Неда бурдюк, Варис отпил вина.

Нед поглядел на лицо евнуха, пытаясь угадать истину под шрамами кукольника и фальшивой щетиной. И решил еще выпить вина, на этот раз оно прошло легче.

– Можете ли вы освободить меня из этой ямы?

– Я мог бы… но зачем? Нет, начнут задавать вопросы, а ответы приведут ко мне.

Нед не ожидал другого.

– Вы откровенны.

– У евнуха нет чести, щепетильность – роскошь, недоступная пауку, милорд.

– Согласитесь ли вы хотя бы вынести записку?

– Это будет зависеть от ее содержания. Если вы хотите, я охотно предоставлю вам перо и бумагу, но когда вы напишете свое послание, я прочту его – а уж доставлю или нет, будет зависеть от его соответствия моим собственным целям.

– Вашим собственным целям… и каковы же они, лорд Варис?

– Мир, – ответил Варис без малейших колебаний. – Если в Королевской Гавани была хоть одна душа, которая отчаянно стремилась сохранить жизнь Роберту Баратеону, так это я. – Он вздохнул. – Пятнадцать лет я защищал короля от врагов, но не сумел защитить от друзей. Кстати, какой странный припадок безумия заставил вас сообщить королеве, что вы узнали правду о происхождении Джоффри?

– Безумство милосердия, – признал Нед.

– Так, – проговорил Варис. – Можно было не сомневаться. Вы честный и почтенный человек, лорд Эддард. Иногда я забываю об этом. Слишком уж редко мне встречались люди, подобные вам. – Он оглядел камеру. – И когда я вижу, что принесли вам доблесть и честь, то понимаю причину.

Нед Старк припал головой к влажному камню и закрыл глаза. Левая нога его пульсировала.

– Насчет королевского вина… Вы допросили Ланселя?

– Конечно. Серсея сама дала ему бурдюки и сказала, что это любимое вино Роберта. – Евнух пожал плечами. – Охотнику грозит много опасностей. Если бы кабан не расправился с Робертом, король упал бы с коня, или его укусила бы лесная гадюка, или поразила случайная стрела… лес – это бойня богов. Короля убило не вино… а ваше милосердие.

Нед опасался именно этого.

– Боги простят меня!

– Если боги существуют, – проговорил Варис, – а я в этом не сомневаюсь. Королева в любом случае не стала бы долго ждать. Роберт начал выходить из-под ее контроля, и ей нужно было избавиться от него, чтобы освободить себе руки и разделаться с братьями короля. Вот эта парочка – Станнис и Ренли. Кольчужная и шелковая перчатки. – Он утер рот тыльной стороной ладони. – Вы проявили глупость, милорд. Вам

нужно было послушаться Мизинца, когда он просил вас поддержать претензии Джоффри на престол.

– Но как… как вы могли узнать об этом?

Варис улыбнулся:

– Я знаю это, – а откуда, вам знать не надо. Кроме того, я знаю, что сегодня утром королева нанесет вам визит.

Нед медленно поднял глаза:

– Почему?

– Серсея боится вас, милорд… однако у нее есть и другие враги, которых она боится еще больше. Ее возлюбленный Джейме сейчас сражается с речными лордами. Лиза Аррен засела в Орлином Гнезде, окруженная камнем и сталью… и симпатии к королеве она не испытывает. В Дорне Мартеллы не простили Ланнистерам убийство принцессы Элии с ее детьми. А теперь еще ваш сын идет от Перешейка во главе северной рати.

– Но Робб почти мальчишка, – удивился Нед.

– Мальчишка, но во главе войска, – сказал Варис. – Бесспорно, он еще мальчишка, как вы сами сказали. А поэтому Серсея не спит по ночам из-за братьев короля… в особенности из-за лорда Станниса. Его-то притязания подлинны. Станнис – знаменитый и доблестный полководец. К тому же он полностью лишен милосердия. Нет на земле существа более жуткого, чем истинно справедливый человек. Никто не знает, чем занимался лорд Станнис на Драконьем Камне, однако клянусь, он уже собрал больше мечей, чем ракушек на берегу. Вот что мучит Серсею: пока брат ее и отец расходуют свои силы на сражение со Старком и Талли, лорд Станнис высаживается, объявляет себя королем и сворачивает кудрявую головенку ее сыну, а заодно и ей самой. Хотя я действительно верю, что голова сына ей дороже.

– Станнис Баратеон – подлинный наследник Роберта, – сказал Нед. – По праву престол принадлежит именно ему, и я готов приветствовать его восхождение.

Варис цыкнул зубом.

– Серсея не станет вас слушать, уверяю вас. Станнис, возможно, завоюет престол, однако приветствовать его будет лишь ваша отрубленная голова, если вы не сумеете обуздать свой язык. Санса была так трогательна; стыдитесь зачеркнуть ее труды. Вам даруют жизнь – если вы хотите принять ее. Серсея не дура. Она знает, что ручной волк полезнее мертвого.

– Вы хотите, чтобы я стал служить женщине, которая убила моего короля, погубила моих друзей, искалечила моего сына? – В голосе Неда

слышалось явное недоверие.

– Я хочу, чтобы вы служили стране, – ответил Варис. – Скажите королеве, что вы признаете свою вину, прикажите сыну сложить оружие и признайте Джоффри истинным наследником. Предложите ей объявить Станниса и Ренли бесчестными узурпаторами. Наша зеленоглазая львица знает, что вы – человек чести. И если вы предоставите ей мир, в котором она нуждается, дадите время расправиться со Станнисом и пообещаете унести тайну в могилу, полагаю, королева позволит вам уйти в Черные Братья и провести остаток своих дней на Стене – рядом с братом и вашим незаконнорожденным сыном.

Мысль о Джоне наполнила Неда стыдом и печалью, слишком глубокой для слов. Если бы только увидеть мальчика снова, сесть рядом, поговорить. Боль пронзила сломанную ногу под грязно-серым гипсом лубков. Нед вздрогнул, бессильно разжав и снова сжав пальцы.

– Это ваш собственный план, – выдохнул он, – или вы в союзе с Мизинцем?

Евнух явно удивился.

– Скорее я подружусь с Черным Козлом Квохора. Мизинца можно назвать вторым по изобретательности среди всего народа Семи Королевств. О да, я скармливал ему избранные слухи – в достаточном количестве для того, чтобы он мог поверить, что я в его руках… Аналогичным образом я позволяю Серсее считать, что я поддерживаю ее.

– Так же, как позволяете мне верить в ваше сочувствие. Скажите же, лорд Варис, кому вы действительно служите?

Варис отвечал тонкой улыбкой:

– Конечно же, стране, мой добрый лорд, как вы могли в этом усомниться? Клянусь в этом своим потерянным мужским естеством. Я служу государству, а королевство нуждается в мире. – Прикончив вино, он отбросил пустой мех в сторону. – Итак, жду ответа? Дайте мне слово, что скажете королеве именно то, что она хочет услышать, придя сюда!

– Если я сделаю это, слово мое сделается столь же пустым, как снятый с плеч доспех. Жизнь не настолько уж дорога мне.

– Жаль. – Евнух встал. – А как насчет жизни вашей дочери, милорд? Цените ли вы ее?

Мороз пронзил сердце Неда.

– Моей дочери…

– Конечно же, вы не думали, что я могу забыть о вашей милой невинной девочке, милорд. Королева, безусловно, не забыла о ней.

– Нет, – попросил Нед надтреснутым голосом. – Варис, боги да будут к

вам милосердны, делайте со мной что угодно, только не вовлекайте мою дочь в свои планы. Санса еще только ребенок!

– Рейенис тоже была ребенком. Дочь принца Рейегара. Милая малышка, она была тогда младше ваших девочек. Помнится, у нее был черный котенок, которого она звала Балерионом. Вы не видели его? Меня всегда интересовала его судьба. Рейенис любила играть с ним. Представляла, что он и есть истинный Балерион, Черный Ужас старинных времен, однако Ланнистеры быстро растолковали девочке разницу между котенком и драконом, вломившись в ее опочивальню.

Варис протяжно вздохнул с усталостью человека, принявшего весь груз скорбей мира на свои плечи.

– Верховный септон некогда говорил мне, что тот, кто грешит, должен и страдать. Если он прав… лорд Эддард, скажите мне тогда, почему, когда вы, знатные лорды, играете в престолы, больше всех страдают невинные? Ожидая королеву, поразмышляйте-ка над этой мыслью, если хотите. И подумайте еще кое над чем: следующий гость может принести вам хлеб, сыр и маковое молоко, чтобы ослабить боль… или положить перед вами голову Сансы. Выбор, мой дорогой лорд-десница, полностью в ваших руках.

Кейтилин

Войско тянулось по гатям через черные болотины Перешейка, вытекало из них на широкие равнины Приречья, но Кейтилин одолевали предчувствия. Страхи свои она скрывала за внешним спокойствием и строгостью, однако они не оставляли ее и лишь возрастали с каждой новой пройденной лигой. Дни ее проходили в тревогах, ночь не приносила покоя, и каждый появившийся в небе ворон заставлял ее вздрагивать.

Кейтилин боялась за своего лорда-отца и удивлялась его зловещему молчанию. Она боялась за брата, боялась и молилась, чтобы боги помогли ему, если Эдмару придется на поле брани встретиться лицом к лицу с Цареубийцей. Она боялась за Неда и за девочек, за милых сыновей, которых оставила в Винтерфелле. Однако она ничем не могла помочь им, а поэтому заставляла себя гнать прочь все мысли о них. «Ты должна отдать все свои силы одному Роббу, – сказала она себе. – Только ему ты можешь помочь. Кейтилин Талли, ты должна быть жестокой и суровой, как север. Ты должна стать истинным Старком, как и твой сын!» Робб ехал во главе колонны под плещущим белым знаменем Винтерфелла; каждый день он просил одного из своих лордов разделить его общество, чтобы переговорить с ним на марше; по очереди он выказывал внимание каждому, не заводя любимцев, подобно его лорду-отцу, выслушивая и взвешивая слова каждого. «Ты многому научился у Неда, – думала Кейтилин, глядя на сына. – Но хватит ли тебе этих

(пропуск текста? – Consul)

Черная Рыба отобрал сотню людей и самых быстрых коней и ехал впереди, открывая движение и разведывая дорогу. Вести, доставляемые всадниками сира Бриндена, не многим могли ободрить Кейтилин. Войско лорда Тайвина еще находилось на юге – во многих днях пути, однако Уолдер Фрей, лорд Переправы, собрал почти четыре тысячи людей в своих замках на Зеленом Зубце.

– Опять опоздал, – пробормотала Кейтилин, услыхав, об этом. Снова, как у Трезубца. Проклятый старик! Брат ее Эдмар созвал знамена, и лорд Фрей обязан был присоединиться к войску Талли при Риверрране, но он остался дома.

– Четыре тысячи людей, – повторил Робб, скорее озадаченный, чем разгневанный. – У лорда Фрея не хватит сил, чтобы в одиночку противостоять Ланнистерам. Конечно, он намеревается соединиться с

нами.

– В самом деле? – Кейтилин выехала вперед, пристроившись к Роббу и Роберту Гловеру, его сегодняшнему спутнику. Авангард растянулся позади них, неторопливый лес пик, знамен и копий. – Хотелось бы знать. Лучше не ожидать от Уолдера Фрея ничего, тогда не будет оснований для удивления.

– Он – знаменосец твоего отца.

– Люди по-разному относятся к своим клятвам, Робб, а лорд Уолдер всегда обнаруживал больше приязни к Бобровому утесу, чем нравилось моему отцу. Один из его сыновей женат на сестре Тайвина Ланнистера. Правда, сам по себе этот факт недорого стоит; при том множестве детей, которых он породил за свою долгую жизнь, всякий из них должен иметь супруга. И все же…

– Значит, вы, миледи, считаете, что он изменит нам, встав на сторону Ланнистеров? – серьезно спросил Роберт Гловер.

Кейтилин вздохнула:

– Откровенно говоря, я сомневаюсь в том, что самому лорду Фрею сейчас известно, что именно собирается предпринять лорд Фрей. Осторожность старца в его натуре сосуществует с честолюбием молодого человека, да и хитрости ему не занимать.

– Как нужны Близнецы, мать, – с жаром сказал Робб. – Другого пути через реку нет. Ты знаешь это.

– Да. А еще это знает Уолдер Фрей, можешь не сомневаться.

В ту ночь они остановились лагерем на южном краю болот, на половине пути между Королевским трактом и рекой. Здесь Теон Грейджой доставил им новую весть от ее дяди.

– Сир Бринден велел передать вам, что его всадники скрестили мечи с отрядом Ланнистеров. Их была дюжина, и ни один не предстанет с вестью перед лордом Тайвином – ни сейчас, ни потом. – Он ухмыльнулся. – Их разведчиками командует сир Аддам Марбранд, и он отступает назад, сжигая все на пути. Он примерно представляет, где мы находимся, но Черная Рыба клянется, что он не узнает, когда мы разделимся.

– Если только лорд Фрей не расскажет ему, – резко бросила Кейтилин. – Теон, когда ты вернешься к моему дяде, передай ему, что он должен расставить лучших лучников вокруг Близнецов, чтобы они днем и ночью сбивали любого ворона, который взлетит со стен. Я не хочу, чтобы птицы принесли лорду Тайвину весть о движении войска моего сына.

– Сир Бринден уже позаботился об этом, миледи, – ответил Теон с задиристой улыбкой. – Вот собьем еще нескольких черных птах, и можно будет испечь хороший пирог. А перья их я соберу вам для шляпки.

Следовало бы помнить, что Бринден Черная Рыба видит не хуже ее.

– А что делают Фрей, пока Ланнистеры сжигают их поля и грабят остроги?

– Произошло несколько стычек между людьми сира Аддама и лорда Уолдера, – доложил Теон. – Почти в дне езды отсюда мы обнаружили двух ланнистерских лазутчиков, повешенных Фреем. Основные силы лорда Уолдера стоят у Близнецов.

Поступок этот, вне сомнения, нес на себе печать лорда Фрея, с горечью подумала Кейтилин; засесть, дождаться, понаблюдать и не рисковать, пока не заставят.

– Если он оказал сопротивление Ланнистерам, то, быть может, захочет выполнить свой обет.

Кейтилин не ощущала особой надежды.

– Защищать свою землю – дело одно, открыто выступить против лорда Тайвина – совсем другое.

Робб повернулся к Теону Грейджою:

– А Черная Рыба не сумел отыскать другую переправу через Зеленый Зубец?

Теон качнул головой:

– Река глубока и быстра. Сир Бринден утверждает, что здесь, на севере, бродов через нее нет.

Робб повернулся назад к Теону и гневно выкрикнул:

– Я должен переправиться! Наши кони переплывут реку, но только без латников. Можно было бы соорудить плоты, чтобы переправить на них все железо – шлемы, кольчуги и пики, но для этого у нас нет деревьев. И времени. Лорд Тайвин идет маршем на север… – Он сжал руку в кулак.

– Лорд Фрей проявит глупость, если решит преградить нам путь, – проговорил Теон Грейджой с обычной уверенностью. – Наше войско в пять раз больше. Мы можем взять Близнецы, если понадобится, Робб.

– Дело нелегкое, – предупредила их Кейтилин. – И несвоевременное. Пока вы будете брать замок, Тайвин Ланнистер приведет свое войско и раздавит вас с тыла.

Робб поглядел на Грейджоя в поисках ответа, но не нашел его. На мгновение он показался Кейтилин даже моложе своих пятнадцати лет, невзирая на кольчугу и заросшие щеки.

– А как поступил бы в подобном случае мой лорд-отец? – спросил он.

– Нед нашел бы способ перебраться, – ответила Кейтилин. – Во что бы то ни стало!

На следующий день к ним приехал сам сир Бринден Талли. Тяжелый

панцирь и шлем, положенные Рыцарю Ворот, он сменил на легкую кожаную куртку и кольчугу разведчика, однако плащ по-прежнему был перехвачен обсидиановой рыбой.

Спрыгнув с коня, дядя посмотрел на Кейтилин серьезным взглядом.

– Под стенами Риверрана состоялась битва, – сказал сир Бринден сурово. – Мы узнали об этом от взятых нами лазутчиков. Цареубийца разгромил войско Эдмара, лорды Трезубца с боем отступили.

Холодная рука стиснула сердце Кейтилин.

– А брат мой?

– Раненым взят в плен, – сказал сир Бринден. – Лорд Блэквуд и все, кто уцелел, осаждены в Риверране войском Джейме.

Робб явно был недоволен.

– Мы обязаны перебраться через эту проклятую реку, если надеемся успеть в Ривeрран вовремя.

– Сделать это будет нелегко, – проговорил сир Бринден. – Лорд Фрей отвел все свое войско за стены, ворота его закрыты и заперты.

– Проклятый! – выругался Робб. – Если старый дурак не передумает и будет препятствовать нашей переправе, придется идти на приступ. И тогда уж я прикажу похоронить его под руинами. Посмотрим, как ему это понравится.

– Ты говоришь голосом обиженного мальчишки, Робб, – резко бросила Кейтилин. – Когда ребенок видит препятствие, первым делом он стремится обежать вокруг или сломать его. Лорд должен знать, что иногда слова способны достичь того, что не под силу мечам.

Робб покраснел, смутившись.

– Объясни мне, что ты имеешь в виду, мать, – проговорил он кротко.

– Фреи удерживают Переправу шесть сотен лет и ни разу не ошиблись в достижении собственной цели.

– Какой цели? Чего он хочет?

Она улыбнулась:

– А это мы еще должны выяснить.

– Ну а если я не сочту возможным заплатить его цену?

– Тогда тебе лучше возвратиться назад ко рву Кейлин и ожидать там лорда Тайвина… иначе придется отрастить крылья. Других способов я не вижу. – Кейтилин ударила пятками коня и отъехала, оставив сына обдумывать ее слова. Так ему не покажется, что мать пытается занять его место.

«Научил ли ты его мудрости, Нед… или одной только доблести? – подумала она. – Научил ли ты его кланяться? Кладбища Семи Королевств

полны отважных людей, так и не сумевших одолеть этот урок».

Авангард заметил башни Близнецов, где издавна сидели лорды Переправы, уже около полудня.

Течение Зеленого Зубца было здесь и быстрым и глубоким, но Фреи много веков назад перекинули мост через реку, разбогатев на монете, которую им платили за переправу. Массивный пролет из гладкого серого камня был достаточно широк, чтобы по нему могли проехать в ряд два фургона. В середине моста поднималась Водяная башня, преграждая реку и дорогу своими бойницами и решетками. Мост строили три поколения Фреев. И закончив, воздвигли прочные деревянные укрепления на каждом берегу так, чтобы никто не мог пересечь реку без их разрешения.

Дерево давно уступило место камню. Близнецы – два приземистых, уродливых, но крепких замка, схожих буквально во всем, не один век охраняли въезд на изгибающийся между ними мост. Высокие стены, глубокие рвы, решетки; прочные створки из железа и дуба защищали ворота под висячими башнями. Водяная башня перекрывала саму переправу.

Одного взгляда было достаточно, чтобы Кейтилин поняла: замок этот штурмом не взять. Стены щетинились копьями и мечами наверху, гнули скорпионьи хвосты катапульт, лучники стояли у всех амбразур и зубцов, подъемный мост поднят, решетки опущены, ворота и закрыты и заперты.

Большой Джон начал ругаться и проклинать все на свете, едва увидев это зрелище. Рикард Карстарк угрюмо молчал.

– Замок неприступен, милорды, – объявил Русе Болтон.

– По крайней мере мы не сумеем взять его штурмом и переправить войско на другой берег, чтобы осадить второй замок, – буркнул Хелман Толхарт. Двойник замка, высившийся за глубокими зелеными водами, казался отражением своего восточного брата. – Даже если бы у нас было время – а его у нас нет.

Пока северяне изучали замок, в воротах открылась калитка, дощатый мост лег на ров и дюжина рыцарей выехала навстречу; возглавляли отряд четверо из многочисленных сыновей лорда Уолдера. Их серебристое знамя украшали двойные темно-синие башни. Слово от Фреев, сказал сир Стеврон, наследник лорда Уолдера. Все Фреи напоминали хорьков, и сир Стеврон, при своих шестидесяти годах успевший обзавестись внуками, казался особенно старым и усталым хорьком, однако же держался с достаточной вежливостью.

– Мой лорд-отец отправил меня приветствовать вас и осведомиться о том, кто ведет это могучее войско.

– Я. – Робб послал коня вперед. Он был в панцире, но украшенный лютоволком щит Винтерфелла оставался привязан к седлу. Серый Ветер последовал за своим хозяином.

Старый рыцарь поглядел на сына Кейтилин с легким удивлением в водянистых серых глазах, хотя мерин его попятился от лютоволка.

– Мой лорд-отец будет польщен, если вы разделите с ним мед и мясо в нашем замке, а заодно объясните цель вашего появления у его стен.

Слова эти рухнули на лордов-знаменосцев как огромный камень, пущенный с катапульты. Согласных не было. Они ругались, спорили и кричали друг на друга.

– Вы не должны делать этого, милорд, – обратился Галбарт Гловер к Роббу. – Лорду Уолдеру нельзя доверять.

Русе Болтон кивнул:

– Только войди к нему в одиночку – и конец! Он продаст вас Ланнистерам, бросит в тюрьму, перережет глотку – если захочет.

– Если он хочет разговаривать с нами, пусть откроет ворота, и мы все охотно разделим с ним его мясо и мед, – объявил сир Уэндел Мандерли.

– Или же пусть выедет сюда и переговорит с Роббом, так чтобы видели и мы, и его люди, – предложил его брат, сир Уилис.

Кейтилин Старк полностью разделяла все их сомнения, но, судя по лицу сира Стеврона, ход разговора абсолютно не удовлетворял его. Еще несколько слов, и мгновение будет безвозвратно утеряно. Надо действовать – быстро и решительно.

– Я поеду, – громко проговорила она.

– Вы, миледи? – Большой Джон нахмурил чело.

– Мать, ты уверена? – Робб явно сомневался.

– Конечно же, – непринужденно солгала Кейтилин. – Лорд Уолдер – знаменосец моего отца; я знаю его с детства. Он никогда не причинит мне вреда. – Если не увидит, что это ему выгодно, добавила она про себя. Впрочем, правду не всегда нужно произносить, а ложь нередко бывает необходимой.

– Я уверен, что мой лорд-отец будет рад беседе с леди Кейтилин, – проговорил сир Стеврон. – В доказательство наших добрых намерений мой брат, сир Первин, останется здесь, пока она благополучно не возвратится к вам.

– Он будет нашим почетным гостем, – заверил Робб. Сир Первин, самый младший из четверых Фреев, спешился и передал брату поводья своего коня.

– Ставлю условие, чтобы моя леди-мать возвратилась к вечеру, –

продолжил Робб. – Я не намереваюсь долго задерживаться здесь.

Сир Стеврон вежливо кивнул:

– Как вам угодно, милорд.

Кейтилин, не оглядываясь, послала коня вперед и не стала прощаться. Сыновья лорда Уолдера и свита последовали за ней.

Отец ее некогда говаривал, что во всех Семи Королевствах лишь один Уолдер Фрей способен отрядить на войну войско из своих собственных отпрысков. Лорд Переправы приветствовал Кейтилин в огромном зале Восточного замка в окружении двадцати сыновей (сир Первин был двадцать первым по счету), тридцати шести внуков, девятнадцати правнуков и несчетного количества дочерей, внучек, бастардов и прабастардов, и только тут она по-настоящему поняла слова отца.

Девяностолетний лорд Уолдер напоминал морщинистую розовую куницу с покрывшейся пятнами лысиной; подагра мешала ему стоять. Самая последняя жена его, хрупкая бледная девушка лет семнадцати, стояла возле его носилок, среди жен она была восьмой по счету.

– Весьма рада видеть вас после столь долгих лет, милорд, – проговорила Кейтилин.

Старик подозрительно прищурился.

– В самом деле? Сомневаюсь. Избавьте меня от любезностей, леди Кейтилин, я слишком стар для них. Для чего вы здесь? Или ваш мальчишка слишком горд, чтобы прийти ко мне? Что я должен делать с вами?

Кейтилин в последний раз была в Близнецах еще девочкой, но уже тогда лорд Уолдер, раздражительный и острый на язык, показался ей человеком, не признающим вежливости. С возрастом он, похоже, сделался только хуже. Итак, придется тщательно выбирать слова и не обижаться на его колкости.

– Отец, – сказал сир Стеврон с укоризной, – ты забываешь, что леди Старк прибыла сюда по твоему приглашению.

– Разве я спрашивал тебя? Ты станешь лордом Фреем лишь после моей смерти. А я как будто бы не похож на покойника. Твои наставления мне не нужны!

– Не надо так говорить перед нашей благородной гостьей, отец, – заметил один из его младших сыновей.

– Ну теперь и мои бастарды начнут учить меня вежливости, – пожаловался лорд Уолдер. – Я буду говорить так, как хочу, проклятые! Я принимал троих королей и столько же королев, и ты, Ригер, считаешь, что я нуждаюсь в твоих наставлениях? Твоя мать доила коз, когда я наделил ее своим семенем. – Он отмахнулся от побагровевшего юнца движением

пальцев и махнул двум другим сыновьям. – Денвел, Велен, помогите мне перейти в кресло.

Они перенесли лорда Уолдера из носилок к высокому престолу Фреев; высокая спинка, вырезанная из черного дерева, изображала две башни, связанные мостом. Его молодая жена застенчиво поднялась наверх и прикрыла ноги старика пледом. Усевшись, лорд Фрей поманил Кейтилин к себе и прикоснулся бумажными губами к ее руке.

– Вот, – объявил он. – Теперь я соблюл все любезности, миледи, и мои сыновья, возможно, окажут мне честь, закрыв свои рты. Зачем вы здесь?

– Чтобы попросить вас открыть ворота, милорд, – вежливо ответила Кейтилин. – Мой сын и его лорды-знаменосцы стремятся пересечь реку и продолжить свой путь.

– К Риверрану? – Фрей фыркнул. – Только не надо обманывать меня – не надо. Я еще не ослеп. Этот старик еще способен читать карту!

– К Риверрану, – подтвердила Кейтилин. Бессмысленно отрицать это. – Возле которого я рассчитывала увидеть вас, милорд. Вы как будто все еще считаетесь знаменосцем моего отца, правда?

– Хо, – начал лорд Уолдер, не то усмехнувшись, не то кашлянув. – Я созвал свои мечи, правильно; все мои люди здесь, и вы видели их на стенах. Я намеревался выступить сразу, как только соберу все свои силы. Ну конечно, послать сыновей. Я уже не способен к походам, леди Кейтилин. – Подыскивая доказательство, он огляделся вокруг и указал на высокого согбенного человека лет пятидесяти. – Скажи ей, Джяред. Скажи, что я действительно намеревался так поступить.

– Да, миледи, – подтвердил сир Джяред Фрей, один из сыновей второй жены старика. – Честью своей свидетельствую.

– И в чем я виноват, если ваш глупый брат проиграл битву раньше, чем мы успели выступить? – Хмурясь, лорд Фрей откинулся на подушки, словно бы Кейтилин оспаривала его версию. – Мне сказали, что Цареубийца разрубил его войско, как спелый сыр топором. Зачем теперь отправлять моих мальчиков на юг – на верную смерть? Все, кто пошел к Риверрану, теперь бегут на север.

Кейтилин охотно насадила бы говорливого старца на вертел и поджарила его над огнем, однако нужно было еще до вечера уговорить его открыть мост. А посему она спокойно ответила:

– Тем больше у нас причин поскорее добраться до Риверрана. Где мы можем переговорить, милорд?

– Но мы уже разговариваем, – удивился лорд Фрей. Пятнистая розовая голова огляделась вокруг. – Что вы тут увидели? – закричал он на свою

родню. – Все убирайтесь. Леди Старк хочет переговорить со мной с глазу на глаз.

– Возможно, она рассчитывает покуситься на мою добродетель, ха. Ступайте, займитесь полезным делом. Да, и ты, женщина. Все, все, все – вон!

Когда его сыновья, внуки, дочери, бастарды, племянники и Племянницы потекли из зала, лорд Фрей пригнулся поближе к Кейтилин и пожаловался:

– Все они ждут только моей смерти. Стеврон ждет дольше всех, но я уже сорок лет разочаровываю его. А зачем мне умирать только для того, чтобы он стал лордом? Я спрашиваю вас! Я не хочу этого делать…

– Я надеюсь, что вы встретите столетний юбилей.

– Ну, тогда они будут кипеть, не сомневайтесь. Итак, что вы хотите сказать?

– Мы хотим пересечь реку, – проговорила Кейтилин.

– В самом деле? Откровенное признание. А почему я должен вас пропустить?

На мгновение она поддалась гневу:

– Если бы у вас, лорд Фрей, хватило сил, чтобы подняться на собственные стены, вы бы увидели, что мой сын стоит у ваших ворот во главе двадцатитысячной рати.

– К приходу лорда Тайвина от нее останутся двадцать тысяч трупов, – ответил выпадом старик. – Не пытайтесь испугать меня, миледи. Ваш муж брошен в гнилое подземелье под Красным замком, отец ваш болен, быть может, умирает, Джейме Ланнистер надел цепи на вашего брата. Кого мне бояться? Вашего сына? Ставлю против ваших детей сына на сына, и у меня останется восемнадцать, когда все ваши погибнут.

– Вы дали присягу моему отцу, – напомнила ему Кейтилин.

Фрей с улыбкой покачал головой из стороны в сторону:

– О да, я говорил какие-то слова, но я присягал и короне, как мне кажется. Теперь правит Джоффри, а посему и вы, и ваш мальчишка, и все дураки, явившиеся ко мне, являются обычными мятежниками. Даже если бы я обладал только рассудком, которым боги наделили рыбу, мне следовало бы помочь Ланнистерам свалить вас всех.

– Почему вы этого не делаете? – спросила она.

Лорд Уолдер фыркнул с пренебрежением:

– Лорд Тайвин, великолепный и пышный. Хранитель Запада, десница короля и все такое… Великий муж, золото здесь и золото там, и львы повсюду! Но, уверяю вас, когда он переест бобов, то пускает ветер, как и я

сам, однако ни за что не признается в этом. О нет! Потом, почему он так надувается? У него всего два сына, и один из них уродливый карлик. Я выставлю против него сына за сына, и у меня останется девятнадцать с половиной, когда все они погибнут! – Он кашлянул. – Если бы лорд Тайвин хотел моей помощи, то вполне мог бы и попросить ее…

Именно на это рассчитывала Кейтилин.

– Тогда я прошу вашей помощи, милорд, – проговорила она смиренно. – И мой отец, и мой брат, и мой лорд-муж, и мои сыновья просят моим голосом!

Лорд Уолдер ткнул в ее сторону костлявыми пальцами.

– Приберегите ваши ласковые речи, миледи. Их мне говорит жена. Видели ее? Ей шестнадцать, маленький цветочек, и мед ее предназначен лишь для меня. Клянусь, на будущий год, примерно в эту пору, она подарит мне сына. Возможно, я назову наследником именно его, чтобы позлить всех остальных.

– Не сомневаюсь в том, что ваша жена подарит вам еще множество сыновей.

Голова старика закивала вверх и вниз.

– А ваш лорд-отец не явился на мою свадьбу. На мой взгляд, это оскорбление. Даже если он умирает. Не был он и на моей предыдущей свадьбе. А вы знаете, что лорд Хостер зовет меня покойным лордом Фреем? Или он уже считает меня покойником? А я еще переживу и его, как пережил его собственного отца. Ваша семья всегда хотела ссать на меня… не надо отрицать, не лгите, вы знаете, что это так! Много лет назад я послал к вашему отцу и предложил заключить брак между его сыном и моей дочерью. Почему бы и нет? Я наметил одну дочь, милая девочка, лишь на несколько лет старше Эдмара, но если бы у вашего брата не лежало к ней сердце, у меня нашлись бы другие, молодые, старые, девственницы, вдовы – словом, все что угодно! Так нет, лорд Хостер даже не захотел слышать об этом. О, он ответил мне ласковыми словами, принес извинения, но я-то хотел сбыть с рук девицу!

А ваша сестра, та еще хуже. Это произошло год назад, не более. Джон Аррен тогда был еще королевской десницей. Я отправился в город, чтобы посмотреть, как мои сыновья выступят на турнире. Стеврон и Джяред слишком стары для этого, но Денвел и Хостин выехали, Первин тоже; двое моих бастардов записались в общую схватку. Если бы я только знал, как они опозорят меня, то не стал бы предпринимать такое далекое путешествие. Зачем мне таскаться за тридевять земель, чтобы увидеть, как этот щенок Тирелл выбил из седла моего Хостина! Мальчишка-то

вполовину младше его. Его там кличут сир Маргаритка… что-то в этом роде. А Денвела выставил засечный рыцарь! На несколько дней я даже усомнился в том, что они действительно мои дети. Третья моя жена была родом из Кракехолла, а все их женщины – шлюхи. Впрочем, вас это не должно интересовать, она умерла еще до вашего рождения.

Ах да, я говорил о вашей сестре. Я предложил лорду и леди Аррен взять ко дворцу моих внуков и воспитать здесь, в Близнецах, их сына. Неужели мои внуки не достойны появиться при дворе короля? Милые мальчики, спокойные и воспитанные. Уолдера, сына Меретта, его назвали в мою честь, а другой… эх, забыл… он тоже мог быть Уолдером, они всегда называют их Уолдерами, чтобы я любил их, но его отец… кто же был его отцом, а? – Лицо его наморщилось. – Ладно, кто бы он ни был, лорд Аррен мог взять его – или другого, – и в этом я обвиняю вашу леди-сестру! Она держалась так, словно бы я предложил ей отдать мальчишку в труппу марионеточника или сделать его евнухом; а когда лорд Аррен ответил, что дитя поедет на Драконий Камень, к Станнису Баратеону, она вылетела из палаты, не сказав даже слова сожаления; деснице пришлось принести мне извинения! А что из них можно сделать, скажите мне?

Кейтилин беспокойно нахмурилась:

– Насколько я понимаю, мальчика Лизы хотели отдать на воспитание лорду Тайвину.

– Речь шла о лорде Станнисе, – раздраженным тоном ответил Уолдер Фрей. – Неужели вы считаете, что я уже не способен отличить лорда Станниса от лорда Тайвина! Обе эти жопы считают себя слишком благородными, чтобы срать, но разница между ними все-таки есть. Или вы думаете, что от старости я лишился памяти? Мне уже девяносто, но я все очень хорошо помню. Помню и то, что надо делать с женщиной. Клянусь, эта жена родит мне сына в следующем году или же дочь, этого не избежишь. Мальчика или девочку – красного, морщинистого и верещащего младенца, и скорее всего она захочет назвать его Уолдером или Улдой.

Кейтилин не было дела до того, как леди Фрей назовет своего ребенка.

– Джон Аррен намеревался воспитывать своего сына у лорда Станниса? Вы уверены в этом?

– Да, да и да, – отвечал старик. – Но он умер, так что какая разница? Итак, вы говорите, что хотите пересечь реку?

– Хотим.

– Вы не можете этого сделать, – отрывисто объявил лорд Уолдер, – без моего разрешения, а зачем мне эти хлопоты? Талли и Старки никогда не были моими друзьями. – Старик откинулся в своем кресле и скрестил руки,

ожидая ответа.

Ну а потом начался торг.

Распухшее красное солнце уже опустилось к краю холодных холмов, когда ворота замка открылись, подъемный мост заскрипел, решетка поднялась, и леди Кейтилин выехала, чтобы присоединиться к сыну и его знаменосцам. За нею следовали сир Джяред Фрей, Хостен Фрей, Денвел Фрей и бастард лорда Уолдера, Ронил Риверс, во главе длинной двойной цепочки копейщиков в синих стальных кольчугах и серебристо-серых плащах.

Робб галопом направился навстречу, и Серый Ветер несся возле его коня.

– Сделано, – сказала ему Кейтилин. – Лорд Уолдер разрешает нам переправиться и предоставляет тебе все свои силы, за исключением четырех сотен мечей, которые необходимы ему для обороны Близнецов. Я предложила, чтобы ты оставил ему четыре сотни своих мечников и лучников. Он едва ли станет возражать против укрепления гарнизона… только убедись, чтобы твоими людьми командовал достойный доверия человек. Не исключено, что лорду Уолдеру придется помочь выполнить его долг.

– Как тебе угодно, мать, – ответил Робб, оглядывая ряды копейщиков. – Быть может… подойдет сир Хелман Толхарт. Как ты думаешь?

– Отличный выбор.

– А что… что он хочет от нас?

– Если можешь, выдели нескольких мечников проводить двух внуков лорда Фрея на север, в Винтерфелл, – сказала она. – Я согласилась взять их в воспитанники. Это мальчишки восьми и семи лет. Похоже, их обоих зовут Уолдерами. Как мне кажется, Бран будет рад обществу ребят своего возраста.

– И это все? Двое воспитанников? Достаточно малая цена за…

– С нами отправится сын лорда Фрея Оливер, – продолжила Кейтилин. – Он будет твоим сквайром. Отец хочет, чтобы его в должное время возвели в рыцари.

– Сквайр? – Робб пожал плечами. – Отлично, это отлично, если он…

– А также – если сестра твоя Арья возвратится к нам – мы решили, что она выйдет замуж за младшего сына лорда Уолдера Элмара, когда оба они повзрослеют.

Робб казался недовольным.

– Арье это не понравится.

– А ты обвенчаешься с одной из его дочерей, когда война закончится, –

договорила она. – Его светлость любезно согласился предоставить тебе право выбора. У него много девиц, которые подходят тебе по возрасту.

К чести сына, Робб не дрогнул.

– Понимаю.

– Ты возражаешь?

– Разве я могу отказаться?

– Нет, если хочешь переправиться через реку.

– Я согласен, – проговорил Робб торжественно. Он еще никогда не казался ей более взрослым, чем в это мгновение. Мальчишки могут играть с мечами, но брак заключает лорд, понимая, что это значит.

Через реку они переправились уже вечером, когда рогатый месяц поплыл над водой. Двойная колонна втекала в ворота восточного Близнеца огромной стальной змеей и, скользнув по двору крепости, а потом по мосту, извергалась из ворот замка на западном берегу.

Кейтилин ехала во главе змеи вместе с сыном, сиром Бринденом и сиром Стевроном. За ними последовали девять из каждых десяти всадников: рыцари, копейщики, наемники, конные лучники. Переправлялись они несколько часов. Потом Кейтилин долго вспоминала стук бессчетных копыт по подъемному мосту, лорда Уолдера Фрея, наблюдавшего из носилок за переправой, блестящие глаза за щелями бойниц в потолке Водяной башни.

Основные силы северного войска – копейщики, лучники и пехота остались на восточном берегу под командованием Русе Болтона. Робб приказал им следовать на юг и встретить огромную армию Ланнистеров, идущую на север под командованием лорда Тайвина.

К счастью или нет, но сын ее бросил кости.

Джон

С тобой все в порядке, Сноу? – спросил лорд Мормонт хмурясь.

– В порядке, – каркнул ворон. – В порядке.

– Да, милорд, – солгал Джон громким голосом, словно это могло придать его словами правдивость. – А как вы?

Мормонт нахмурился:

– Мертвяк попытался убить меня. Как я могу себя хорошо чувствовать? – Он поскреб под подбородком. Кустистая седая борода обгорела в огне, и он срезал ее. Бледная щетина усов превратила его в сердитого неопрятного старца. – Ты не похож на себя. Как твоя рука?

– Заживает. – Джон изогнул перевязанные пальцы, показывая ему. Не замечая того, он сильно обжегся, бросая горящие занавеси, и правая рука его почти по локоть была обвязана шелком. Тогда он почти ничего не почувствовал, мука началась после. Из трещин побагровевшей кожи текла жидкость, между пальцами надулись жуткие кровавые пузыри, огромные, как тараканы. – Мейстер говорит, что у меня останутся шрамы, но рука будет такой же, как и прежде.

– Шрамы – это не страшно. На Стене чаще приходится носить перчатки.

– Безусловно, милорд. – Но не шрамы смущали Джона, а все остальное. Мейстер Эйемон давал ему маковое молоко, но, невзирая на это, боль оставалась ужасной. Поначалу ему казалось, что руку его днем и ночью опалял огонь.

Лишь погружая ее в снег или лед, он ощущал какое-то облегчение. Джон благодарил богов, что никто, кроме Призрака, не видит, как он крутится на своей постели, скуля от боли. Когда он наконец засыпал, приходили сны, а это было еще хуже. У снившегося ему мертвяка было лицо отца; синеглазый, он тянул к нему черные руки, однако Джон не посмел рассказать об этом Мормонту.

– Дайвин и Хаке возвратились вчера вечером, – сказал Старый Медведь.

– Они не обнаружили никаких следов твоего дяди, как и все остальные.

– Я знаю это. – Джон заставил себя добраться до общего зала, чтобы пообедать с друзьями, и все вокруг говорили только о неудачном поиске.

– Ты знаешь, – буркнул Мормонт. – Как это получается, что все вокруг все знают? – Он, похоже, не рассчитывал на ответ. – Кажется, что их было только двое… этих созданий. Кем бы они ни были, я не назову их людьми. Было бы больше… об этом лучше не думать. Благодари за это богов! Но

они еще придут. Я ощущаю это своими старыми костями. Мейстер Эйемон согласен со мной. Задувают холодные ветры, лето кончается; грядет зима, какой еще не видал мир!

«Зима близко». Девиз Старков еще никогда не казался Джону настолько мрачным и зловещим.

– Милорд, – неуверенно сказал он, – говорят, прошлой ночью прилетела птица.

– Да. Ну и что?

– Я надеялся получить хоть какое-то известие об отце.

– Отец, – передразнил его старый ворон и, склонив голову, переступил по плечам Мормонта. – Отец.

Лорд-командующий протянул руку, чтобы прищемить ему клюв, но ворон дернул головой, взмахнул крыльями и, перелетев через палату, сел над окном.

– Горе и шум, – проворчал Мормонт. – Ничего другого от этих воронов не услышишь. И зачем я связался с этой зловещей птицей… неужели ты думаешь, что я не послал бы за тобой, получив вести о лорде Эддарде? Пусть ты бастард, но все равно от крови его. В письме шла речь о сире Барристане Селми. Его, выходит, выгнали из Королевской гвардии, а на его место взяли этого черного пса Клигана, и теперь Селми разыскивают за измену. Эти дураки послали за ним стражников, но он убил двоих и бежал. – Мормонт фыркнул, не скрывая своего мнения о людях, выславших золотые плащи против столь прославленного рыцаря, как Барристан Отважный. – По лесу бродят Белые Ходоки, мертвяки врываются в наши покои, а тут еще мальчишка уселся на Железный трон, – недовольно проговорил он. Ворон пронзительно расхохотался:

– Мальчишка, мальчишка, мальчишка, мальчишка!

Старый Медведь всегда надеялся на помощь сира Барристана, вспомнил Джон. И если он пал, кто теперь прислушается к письму Мормонта? Джон стиснул руку в кулак. Боль пронзила обожженные пальцы.

– А что слышно о моих сестрах?

– Мне ничего не написали ни о лорде Эддарде, ни о его дочерях. – Мормонт раздраженно пожал плечами. – Быть может, они не получили мое письмо. Эйемон послал две копии с лучшими птицами, но разве можно быть в чем-то уверенным? Скорее всего Пицель не хочет отвечать. Не в первый раз и не в последний. Боюсь, что нам не на кого рассчитывать в Королевской Гавани; нам говорят лишь то, что считают нужным, а этого, увы, мало.

«Ты и сам говоришь мне лишь то, что считаешь нужным, а это, увы,

еще меньше», – недовольно подумал Джон. Брат его Робб созвал знамена и отправился на юг воевать, и обо всем этом ни слова… правда, Сэмвел Тарли, который читал письмо, полученное мейстером Эйемоном, по секрету рассказал ему все, то и дело повторяя, что не должен этого делать. Вне сомнения, они считали, что поход брата его не касается, однако война волновала Джона сильнее, чем он смел сказать. Лорд Робб шел в бой, а он не был с ним. Сколь часто ни твердил себе Джон, что теперь его место здесь, на Стене, рядом с новыми братьями, он все равно ощущал себя трусом.

– Зерна, – каркнул ворон, – зерна, зерна!

– Да замолчи же, – сказал птице Старый Медведь. – И скоро, по мнению мейстера Эйемона, ты сумеешь пользоваться этой рукой?

– Скоро, – ответил Джон.

– Хорошо. – Лорд Мормонт положил на стол между ними большой меч в черных металлических ножнах, окованных серебром. – Вот. Значит, сумеешь поднять его.

Ворон слетел вниз, опустился на стол и направился к мечу, с любопытством наклонив набок голову. Джон медлил, не понимая, что это значит.

– Милорд?

– Огонь расплавил серебряное яблоко, сжег поперечину и рукоять… что ж, сухая кожа, старое дерево, чего еще ожидать. Клинок… лишь огонь в сотню раз более жаркий смог бы причинить вред этой стали. – Мормонт подвинул ножны по грубым дубовым доскам. – Остальное я приказал сделать заново. Бери его.

– Бери его, – отозвался ворон. – Бери его. Бери!

Неловким движением Джон взял оружие левой рукой – перевязанная правая была еще слишком неловкой. Он осторожно извлек меч из ножен и поднес к глазам. Яблоко вырезали из бледного камня, залитого свинцом, чтобы уравновесить длинный клинок, изобразив подобие оскалившейся волчьей головы. Вместо глаз в нее были вставлены зернышки граната, рукоять обтянули новой кожей, ни пот, ни кровь еще не оставили пятен на ее мягкой черной поверхности. Сам клинок оказался на добрых полфута длиннее, чем тот, к которому привык Джон. Меч суживался к концу, чтобы можно было и колоть и рубить, три глубоких желобка тянулись по всей длине. Если Лед был настоящим двуручным мечом, этот был полуторным, – иногда такие называли бастардскими. Тем не менее Волчий меч показался Джону легче клинков, которыми ему приходилось фехтовать. Повернув клинок, Джон заметил узоры на темной стали, оставшиеся после ковки.

– Это же валирийская сталь, милорд, – сказал он с восторгом. Отец часто позволял ему рассматривать Лед, так что Джон знал и облик и ощущение.

– Так, – согласился Старый Медведь. – Оружие это принадлежало моему отцу, а прежде деду. Мормонты владели им пять столетий. Было время, я сам извлекал его из ножен, а потом передал сыну, когда ушел в Черные Братья.

«Он дарит мне меч сына!» Джон едва мог поверить в это. Клинок был самым точным образом уравновешен. Под поцелуем света лезвие поблескивало.

– Ваш сын…

– Мой сын навлек позор на дом Мормонтов, но по крайней мере честь помешала ему прихватить с собой в изгнание этот меч. Моя сестра возвратила оружие мне, но уже один вид меча напоминал мне о бесчестье Джораха, поэтому я спрятал его и забыл – пока его не нашли в пепле, оставшемся от моей опочивальни. Прежняя рукоять изображала медвежью голову из серебра, но серебро настолько истерлось за века, что его уже трудно было заметить. Я решил, что тебе больше подходит белый волк. Один из наших строителей прекрасно режет по камню.

Когда-то – в возрасте Брана – Джон мечтал о великих подвигах, как и всякий здоровый мальчишка. Подробности подвигов менялись от грезы к грезе, однако чаще всего ему представлялось, как он спасает жизнь своего собственного отца. И лорд Эддард называет его истинным Старком и отдает свой меч. Даже воспоминание пристыдило его. «Какой человек может покуситься на первородство собственного брата? У меня нет права владеть и этим мечом, и Льдом», – подумал он. Джон шевельнул обгорелыми пальцами, ощутив под кожей острый укол.

– Милорд, вы оказываете мне честь, но…

– Избавь меня от всяких но, мальчик, – перебил его лорд Мормонт. – Я бы не сидел здесь, если бы не ты со своим зверем. Ты дрался отчаянно, более того – быстро соображал! Огонь! Проклятие, нам следовало бы знать. Нам следовало бы вовремя вспомнить о нем. Длинная Ночь уже приходила. Конечно, восемь тысяч лет – долгий срок, но… но если не помнит Ночной Дозор, кто же вспомнит!

– Вспомнит, – подтвердил разговорчивый ворон. – Вспомнит…

В ту ночь боги воистину услышали молитву Джона. Огонь охватил одежду мертвяка и поглотил его самого, словно убитая плоть была свечным воском, а кости – сухой древесиной. Джону нужно было только закрыть глаза, чтобы увидеть, как тварь мечется по солярию, натыкается на мебель

и пытается сбить пламя. Но как истинное наваждение, преследовало Джона его лицо, окруженное облаком огня… волосы, пылающие как солома; расплавившаяся мертвая плоть стекает с черепа, открывая голую кость. Та демоническая сила, которая овладела Отором, бежала от огня, и среди пепла они обнаружили изуродованный труп – жареное мясо и обгорелые кости. Но в кошмарах мертвяк являлся Джону снова и снова… и всякий раз черный труп был как две капли воды похож на лорда Эддарда. Это кожа его отца лопалась и чернела, это отцовские глаза слезами вытекали на щеки. Джон не понимал, что это значит, но видение пугало его сильнее, чем он мог предположить.

– Меч – скромная плата за жизнь, – заключил Мормонт. – Так что бери его; я не хочу ничего больше слышать об этом, понятно?

– Да, милорд. – Мягкая кожа подалась под пальцами Джона, словно бы меч приспосабливался к его руке. Он знал, что ему оказали честь, он понимал это, и все же…

«Он не мой отец, – непрошеная мысль толкнулась в голову Джона. – Мой отец – лорд Эддард Старк, и я не забуду этого, пусть меня задарят мечами». Нельзя же признаться лорду Мормонту, что он-то всегда мечтал о другом клинке.

– Я не хочу никаких любезностей, Сноу, – продолжил лорд Мормонт. – Поэтому не благодари меня. Чти сталь подвигом, а не словами.

Джон кивнул:

– Есть ли у него имя, милорд?

– Прежде он звался Длинным Когтем.

– Когтем, – отозвался ворон. – Когтем.

– Длинный Коготь – подходящее имя. – Джон для пробы взмахнул левой рукой. Движение вышло неловким, но меч взлетел к потолку, словно по собственной воле. – Когти есть и у волков, и у медведей.

Старый Медведь был доволен:

– Конечно же. Тебе придется носить его через плечо; меч для тебя еще слишком длинен, чтобы носить на поясе… Ничего, подрастешь еще на несколько дюймов. Нужно только разучить удары двумя руками. Когда твои ожоги заживут, сир Эндрю покажет тебе некоторые приемы.

– Сир Эндрю? – Джон не знал этого имени.

– Сир Эндрю Тарт, добрый человек. Он направляется сюда из Сумеречной башни, чтобы принять обязанности мастера над оружием. Сир Аллисер Торне вчера вечером отбыл в Восточный Дозор у моря.

Джон опустил меч и с дурацким недоумением спросил:

– Почему?

Мормонт фыркнул:

– Потому, что я отослал его, понятно? Он взял кисть, которую твой Призрак оторвал от запястья Яфера Флауэрса. Я приказал сиру Аллисеру плыть на корабле в Королевскую Гавань и положить эту штуковину перед мальчишкой-королем. Уж это привлечет внимание юного Джоффри, я думаю… К тому же сир Аллисер – человек знатный, помазанный рыцарь. У него есть старые друзья при дворе, его-то уж при дворе заметят в отличие от простого ворона.

– Ворона. – Джону послышалось некоторое неодобрение в голосе птицы.

– Потом, – продолжил лорд-командующий, игнорируя выходку птицы, – он окажется в тысяче миль от тебя, и мы избавимся от всяких ссор. – Лорд Мормонт ткнул пальцем в сторону Джона. – Не думай, что я одобряю ту бессмыслицу, которая произошла в общем зале. Доблесть способна скомпенсировать проявленную глупость, но ты теперь не мальчишка, при всех твоих немногих годах. Меч этот подобает мужчине, и владеть им должен человек зрелый. Рассчитываю, что с этой поры ты будешь вести себя как положено.

– Да, милорд. – Джон задвинул меч в окованные серебром ножны; сам он выбрал бы не этот клинок, но это был дар благородный, а освобождение от злых козней сира Аллисера Торне сулило облегчение.

Старый Медведь поскреб подбородок.

– Я уже и забыл, как сильно чешется новая борода, – сказал он. – Но этому не поможешь. А твоя рука позволяет тебе приступить к делам?

– Да, милорд.

– Хорошо. Сегодня ночью будет холодно, я хочу горячего вина со специями. Найди мне бутыль красного, не слишком кислого, и не жалей специй. Потом скажи Хобу, что, если он еще раз приготовит мне отварную баранину, я прикажу отварить его самого. Та ножка, которую он прислал в последний раз, уже позеленела от старости. Даже моя птица не захотела прикоснуться к ней. – И он погладил пальцем ворона по голове, птица отвечала удовлетворенным звуком. – Ну, иди. Мне надо поработать.

Стражи, устроившиеся в нишах, встретили улыбками спустившегося по лестнице Джона, держащего меч в здоровой руке.

– Отличная сталь, – сказал один из них.

– Ты заслужил ее, Сноу, – добавил другой. Джон заставил себя отвечать улыбаясь, но сердце его было не здесь. Он знал, что должен быть доволен, однако не ощущал радости. Рука болела, вкус гнева еще не оставил рот, хотя Джон и не знал, на кого сердится и почему. С полдюжины его друзей

собрались неподалеку от Королевской башни, где теперь расположился лорд-командующий Мормонт. Они повесили мишень на двери житницы так, будто тренировали свою меткость, однако он немедленно все понял.

Едва Джон отошел от башни, Пип окликнул его:

– Ну-ка, иди сюда, дай посмотреть.

– На что посмотреть? – спросил Джон. Жаба подвинулся ближе:

– На твои розовые задние щечки, на что же еще?

– Меч, – заявил Гренн. – Хотим видеть меч.

Джон обвел их обвиняющим взглядом.

– Значит, вы знали.

Пип ухмыльнулся:

– Не все такие тупые, как Гренн.

– Сам такой, – отозвался Гренн. – И даже тупее!

Строитель Халдер, смущаясь, пожал плечами:

– Я помогал Пеиту резать камень для рукояти, а твой друг Сэм разыскал гранаты в Кротовом городке.

– А мы знали даже еще раньше, – сказал Гренн. – Рудис помогал Доналу Нойе в кузнице, он был там, когда Старый Медведь принес обгорелый клинок.

– Меч! – настаивал Матт. Другие хором присоединились к нему:

– Меч, меч, меч!

Джон извлек Длинный Коготь из ножен и показал его, поворачивая так и эдак, чтобы все могли восхититься. Клинок бастарда поблескивал в бледном солнечном свете, темный и смертоносный.

– Валирийская сталь, – провозгласил Джон торжественно, пытаясь показать подобающие случаю довольство и гордость.

– А знаешь, что было с тем человеком, который сделал бритву из валирийской стали? – спросил Жаба. – Слушай – он отрезал себе голову, пытаясь побриться!

Пип ухмыльнулся:

– Ночному Дозору тысячи лет. Однако не сомневаюсь, что наш лорд Сноу первым среди братьев отмечен за то, что сжег башню лорда-командующего.

Все захохотали. Даже Джону пришлось улыбнуться. Учиненный им пожар, конечно, не мог уничтожить внушительную каменную твердыню, однако огонь повредил палаты на двух верхних этажах, которые занимал Старый Медведь. Случившаяся беда никого особо не волновала, поскольку в огне погиб полный убийственных намерений труп Отора.

Другой мертвяк – однорукий, тот, что был прежде Яфером Флауэрсом, –

был изрублен в куски дюжиной мечей… но лишь после того, как он убил сира Джареми Риккера и еще четверых. Сир Джареми уже заканчивал дело, сняв с покойника голову, но тем не менее погиб, когда уже обезглавленный труп, вытащив из ножен собственный кинжал Риккера, вонзил его в нутро дозорного. Сила и отвага не помогали против врага, который не падал потому, что был уже мертв; даже оружие и броня не предоставляли надежной защиты.

Эта мрачная мысль еще больше испортила настроение Джона.

– Мне надо еще переговорить с Хобом относительно обеда Старого Медведя, – объявил он отрывисто, опуская Длинный Коготь в ножны. Друзья хотели ему добра, но ничего не понимали. Это не их вина. Им не пришлось стоять перед Отором, они не видели бледный свет синих мертвых глаз, не ощущали своей кожей холодное прикосновение черных мертвых пальцев. Не знали они и о войне, начинавшейся в Приречье. Разве могут они понять? Джон резко отвернулся и мрачно зашагал прочь. Пип окликнул его, но Джон не обратил на него внимания.

После пожара он переселился обратно в свою старую каморку в обрушившейся башне Хардина. Призрак дремал, свернувшись клубком возле двери, но, заслышав шаги Джона, поднял голову. Красные глаза лютоволка казались темнее гранатов, в них ощущалась свойственная человеку мудрость. Джон пригнулся, почесал волка за ухом и показал на рукоять меча:

– Смотри – это ты.

Призрак обнюхал свое резное подобие, попытался лизнуть камень. Джон улыбнулся.

– Эта честь принадлежит тебе, – сказал он волку… и вдруг вспомнил, как нашел его в тот день в поздних летних снегах. Они уже направились прочь с остальными щенками, но Джон услышал писк и вернулся назад. Тут-то он и нашелся, белый мех скрывал щенка среди сугробов. Он был совсем один, подумал Джон. Один, в стороне от всех остальных. Он был не похож на других, поэтому его и прогнали.

– Джон? – Он поглядел вверх. Сэм Тарли нервно покачивался на пятках. Щеки его покраснели, тяжелый меховой плащ явно годился для предстоящей зимы.

– Сэм, – Джон встал, – что случилось? Или ты тоже хочешь увидеть меч? – Если знали все остальные, значит, о Когте известно и Сэму.

Толстяк качнул головой.

– Я был наследником клинка своего отца, – сказал он скорбно. – Его имя – Губитель Сердец, лорд Рендил несколько раз давал мне его подержать,

только я всегда пугался. Он тоже был из валирийской стали, прекрасной, но настолько острой, что я опасался ранить кого-нибудь из сестер. Теперь им владеет Дикон. – Он вытер потные руки о плащ. – Я… я… мейстер Эйемон хочет видеть тебя.

Менять повязку было еще рано. Джон подозрительно нахмурился.

– Почему? – спросил он. Сэм казался несчастным. Этого было достаточно.

– Ты сказал ему? – сердито спросил Джон. – Ты признался ему в том, что все рассказал мне?

– Я… он… Джон, я не хотел этого… но он спросил… я хочу сказать… я думаю, он знал; он видит вещи, как никто другой…

– Но мейстер Эйемон слеп, – с недовольством подчеркнул Джон. – Я сам найду путь.

Затрясшийся Сэм, открыв рот, остался на месте. Мейстер Эйемон находился в птичнике и кормил ворон. С ним был Клидос с ведерком нарезанного мяса, они неторопливо переходили от клетки к клетке.

– Сэм сказал, что вы хотели видеть меня?

Мейстер кивнул:

– Действительно. Клидос, передай Джону ведерко, быть может, он будет настолько добр, что поможет мне.

Горбатый брат с розовыми глазами передал Джону ведерко и заторопился вниз по лестнице.

– Бросай мясо в клетки, – велел Эйемон. – Птицы сделают все остальное.

Джон переложил ведерко в правую руку, запустив левую в окровавленное содержимое. Вороны, шумно перекрикиваясь, жались к решетке, ударяя по металлу черными как ночь крыльями и клювами. Мясо порезали на куски толщиной в палец. Наполнив кулак, он бросил красную плоть в клетки, и ссоры сделались жарче. Полетели перья, когда две крупные птицы схватились из-за куска. Джон торопливо набрал вторую горсть и швырнул мясо в клетку.

– А ворон лорда Мормонта любит фрукты и зерно.

– Редкая птица, – сказал ему мейстер. – Вообще-то вороны едят зерно, но предпочитают мясо. Оно придает им силу, к тому же птицам приятен вкус крови. В этом они похожи на людей… Ты, наверное, не знаешь, что, подобно людям, вороны не похожи друг на друга…

Джону нечего было ответить. Он разбрасывал мясо, гадая, зачем его вызвали. Старик скажет все сам, когда сочтет нужным. Мейстер Эйемон не из тех, кого можно торопить.

– Голубей и горлиц тоже можно было бы приучить носить письма, – продолжил мейстер. – Но ворон сильнее. Крупная, отважная и умная птица способна отбиться от ястребов… Но вороны черны пером и едят мертвечину, а посему некоторые люди испытывают к ним отвращение. Бейелор Благочестивый попытался заменить воронов голубями, ты слыхал об этом? – Мейстер обратил свои бельма к Джону и улыбнулся:

– Ночной Дозор предпочитает воронов.

Пальцы Джона опустились в ведерко, вся ладонь до запястья была в крови.

– Дайвин утверждает, что одичалые зовут нас ворунами, – сказал он неуверенным голосом.

– Воруна – бедная родственница вурона. Птицы эти – как нищие в черном, ненавистные и непонятные.

Джону самому хотелось бы понять, о чем говорит Эйемон и почему. Какое ему дело до воронов и голубей? Если старик хочет что-то сказать ему, почему нельзя это сделать просто И прямо?

– Джон, ты никогда не думал, почему братья Ночного Дозора не вправе заводить жен и детей? – спросил мейстер Эйемон.

Джон пожал плечами.

– Нет, – ответил он, разбрасывая мясо. Пальцы его левой руки стали липкими от крови, правую пронизывала пульсирующая боль от тяжести ведра.

– Это для того, чтобы они не могли любить, – ответил старик. – Потому что любовь способна погубить честь, убить чувство долга.

На взгляд Джона, в этих словах не было правды, однако он промолчал. Мейстеру перевалило за сотню лет, он – один из старших офицеров в Ночном Дозоре, и не его дело противоречить старику.

Тот как будто бы ощутил сомнения юноши.

– Скажи мне, Джон, если случится такое, что твоему лорду-отцу придется выбирать между честью и теми, кого он любит, что предпочтет лорд Эддард?

Джон медлил. Он хотел было сказать, что лорд Эддард никогда не обесчестит себя даже ради любви, но тихий лукавый голос шептал: «Он родил бастарда, какая же в этом честь? Потом, твоя мать, как насчет его долга перед ней, почему он так никогда и не назвал тебе ее имя?»

– Он сделает то, что сочтет справедливым, – сказал Джон… звонко, чтобы скрыть колебания. – Не считаясь ни с чем.

– Тогда второго такого, как лорд Эддард, не найдешь и среди десяти тысяч. В основном люди не столь сильны. Разве честь можно сравнить с

женской любовью? И как чувство долга может превысить ту радость, с которой ты берешь на руки новорожденного сына… Ветер и слова. Ветер и слова. Мы всего только люди, и боги создали нас для любви. В ней и наше величие, и наша трагедия.

Люди, создавшие Ночной Дозор, знали, что бывают минуты, когда лишь их отвага сможет защитить страну от наползающей с севера тьмы. Они понимали, что не должны заводить связей, способных ослабить их решимость. Поэтому они поклялись не иметь ни жен, ни детей.

Но у них были братья и сестры. И матери, которые родили их, и отцы, которые дали им имена. Эти мужи приходили сюда из сотни задиристых королевств; они знали, что времена могут перемениться, но люди останутся прежними. Поэтому они поклялись, что Ночной Дозор никогда не примет участия в битвах тех земель, которые они охраняют.

Они выполнили свое обещание. Когда Эйегон убил Черного Харрена и объявил себя королем, брат Харрена был лордом-командующим на Стене и имел под рукой десять тысяч мечей, но он не выступил. В те времена, когда Семь Королевств воистину были семью королевствами, не проходило и поколения, чтобы три или четыре из них не схватились в войне. Черные Братья не принимали в них участия. Когда андалы переплыли Узкое море и смели королевства Первых Людей, верные своим обетам сыновья павших королей остались на своем посту. Так было все эти несчетные годы. Такова цена чести!

Трус может обнаружить истинную отвагу, когда ему нечего опасаться. Все мы выполняем свой долг, когда это ничего нам не стоит. Как легко кажется тогда следовать тропою чести! Однако рано или поздно в жизни каждого человека наступает день, когда не знаешь, как поступить, когда приходится выбирать.

Некоторые из воронов все еще клевали, вырывая у своих собратьев мясо из клюва. Остальные наблюдали за ними. Джон ощущал на себе тяжесть этих крошечных черных глаз.

– Значит, пришел мой день… вы это хотите сказать?

Мейстер повернул голову и поглядел на него мертвыми белыми глазами. Он словно бы видел его насквозь, заглядывал в самое его сердце, Джон казался себе нагим и беспомощным. Он взял ведерко обеими руками и перебросил через решетку оставшееся мясо. Куски разлетелись, забрызгав кровью птиц. Закричав, они взлетели, самые ловкие хватали мясо на лету и глотали его. Пустое ведерко звякнуло о пол.

Старик положил сморщенную пятнистую руку на его плечо.

– Тебе больно, мальчик, – сказал он. – Конечно. Выбирать… выбирать

всегда больно. И всегда будет больно.

Я знаю.

– Нет, не знаете, – с горечью сказал Джон. – И никто не знает. Пусть я только бастард, но он все-таки мой отец!

Мейстер Эйемон вздохнул:

– Неужели ты не услышал моих слов? Почему это ты считаешь себя первым? – Он качнул древней головой с невыразимой усталостью. – Три раза боги испытывали мой обет. Однажды, когда я был мальчишкой, однажды во всей полноте мужественности, и еще раз, когда я состарился. К тому времени сила оставила меня, глаза потускнели, но последний выбор был столь же жесток, как и первый. Вороны приносили мне с юга слова еще более черные, чем их крылья: вести о гибели моего дома, о смерти моих родичей, о позоре и истреблении. Но что я мог сделать, старый, слепой и бессильный? Я был беспомощен как младенец, но сколь горько мне было сидеть здесь, в забвении, когда зарубили бедного внука моего брата, его сына и даже его малых детей…

Потрясенный Джон увидел слезы, блеснувшие на глазах старика.

– Кто вы? – спросил он, едва ли не в тихом ужасе. Беззубая улыбка дрогнула на древних губах.

– Я только мейстер цитадели, обязанный служить Черному замку и Ночному Дозору. В нашем ордене принято забывать свой род, давая обет и надевая оплечье.

Старик прикоснулся к цепи мейстера, свободно свисавшей с его тонкой бесплотной шеи.

– Отцом моим был Мейекар, он первый носил это имя, и брат мой Эйегон наследовал ему вместо меня. Дед мой назвал меня в честь принца Эйемона, Рыцаря-дракона, бывшего ему дядей – или отцом, в зависимости от того, кому верить. Меня он назвал Эйемоном…

– Эйемон… вы Таргариен? – Джон не мог поверить своим ушам.

– Некогда был им, – отвечал старик. – Некогда. Словом, теперь ты понял, Джон, что я знаю, о чем говорю… но зная, не скажу тебе, как следует поступить. Ты должен совершить свой выбор самостоятельно и весь остаток своей жизни прожить, зная это. Как пришлось сделать мне. – Голос его превратился в шепот. – Как пришлось сделать мне…

Дейенерис

Когда битва закончилась, Дени пустила Серебрянку на покрытое мертвыми телами поле. Служанки и мужи кхаса следовали за ней, улыбаясь и перешучиваясь.

Копыта дотракийских коней взрыли землю и втоптали в нее рис и чечевицу, а аракхи и стрелы пожали свой страшный урожай, напоив ее кровью. Умирающие кони поднимали головы и ржали. Раненые стонали и молились. Джакка рхан – мужи милосердия – переходили от одного к другому, тяжелыми топорами лишая головы мертвых и умирающих. За ними следовали стайки маленьких девочек; выдергивая стрелы из трупов, они складывали их в свои корзины. За ними торопились псы, тощие и голодные; свирепая стая которых никогда не отставала от кхаласара.

Первыми погибли овцы. Похоже, их были тысячи, тушки уже почернели под покровом мух, каждая щетинилась стрелами. Это сделал наездник кхала Ого, Дени это знала. Ни один всадник из кхаласара Дрого не обнаружил бы глупости, расходуя стрелы на овец, когда нужно было еще убить пастухов.

Город горел, черные клубы дыма поднимались в жесткую синеву неба. Под разрушенными стенами из сушеной земли взад и вперед разъезжали наездники; размахивая длинными кнутами, они выгоняли уцелевших из дымящихся руин. Женщины и дети из кхаласара Ого шествовали с угрюмой гордостью, которой их не могли лишить даже поражение и неволя. Теперь они сделались рабами, но как будто бы не боялись этого. Иначе вели себя горожане. Дени жалела их, вспоминая свой прежний ужас. Матери с бледными помертвевшими лицами увлекали за собой за руки рыдающих детей. Мужчин было немного: деды, калеки, трусы.

Сир Джорах говорил, что люди этой страны называли себя лхазарянами, но дотракийцы звали их хаеш ракхи, народом ягнят. Прежде Дени могла бы принять их за дотракийцев: та же медная кожа, такой же миндалевидный разрез глаз. Теперь они казались ей чужаками – коренастые, плосколицые, с чересчур уж коротко подстриженными черными волосами. Они пасли овец и выращивали овощи; кхал Дрого говорил, что их место к югу от речной излучины. Трава дотракийского моря не предназначена для овец.

Дени видел, как один из мальчишек вырвался и бросился к реке. Всадник отрезал ему дорогу и заставил вернуться, за ним бросились другие. Ударяя кнутами, они гнали беглеца то туда, то сюда, за спиной

мальчишки ехал дотракиец, хлеставший кнутом по ягодицам, пока бедра ребенка не побагровели от крови. Новый всадник бросил его на землю, обвив лодыжку кнутом. Наконец, когда мальчишка мог только ползти, они оставили свое развлечение, наградив жертву стрелой, посланной в спину.

Сир Джорах Мормонт встретил ее возле разбитых городских ворот. Темно-зеленый плащ прикрывал его панцирь. Перчатки, поножи и великий шлем отливали темно-серой сталью. Дотракийцы стали дразнить его трусом, когда он надевал доспехи, рыцарь отвечал оскорблениями; вспыхнула ссора, длинный меч столкнулся с аракхом, и самый недовольный из всадников пал на землю, истекая кровью.

Подъехав к ней, сир Джорах поднял забрало плосковерхового шлема.

– Ваш благородный муж ожидает вас в городе.

– С Дрого все в порядке?

– Несколько порезов, – ответил сир Джорах. – Ничего существенного. Он убил двух кхалов. Сперва кхала Ого, а потом его сына Фого, сделавшегося кхалом после гибели отца. Кровные срезали колокольчики с их кос, и теперь каждый шаг кхала Дрого сделался еще более громким.

Кхал Ого и его сын делили высокое седалище с ее благородным мужем на том именинном пиршестве, где Визерис добился короны, но это было в Вейес Дотрак, у подножия Матери гор, где все всадники были братьями и все ссоры были забыты. Здесь, в степи, отношения складывались иначе. Кхаласар Ого штурмовал город, когда кхал Дрого застал дотракийцев врасплох. Интересно, о чем подумали ягнячьи люди, заметив со своих потрескавшихся сырцовых стен пыль, поднятую копытами их коней? Быть может, несколько молодых глупцов и поверили, что боги, услышав молитвы отчаявшихся людей, послали им помощь.

По ту сторону дороги девушка, не старше Дени, закричала тоненьким голосом, когда всадник, бросив ее вниз лицом на гору поверженных трупов, вошел в ее тело. Другие всадники спускались с коней, занимали очередь. Такое вот избавление принес кхал Дрого народу ягнят.

«Я от крови дракона», – напомнила себе Дейенерис Таргариен отворачиваясь. Сжав губы и ожесточив свое сердце, она въехала в ворота.

– Большая часть кхаласара Ого бежала, – сказал ей сир Джорах. – Однако пленников взяли тысяч десять.

Рабов, подумала Дени. Кхал Дрого погонит их теперь вдоль реки к одному из городов на берегу залива Работорговцев. Ей хотелось заплакать, однако она напомнила себе, что должна быть сильной. Это война. Такой будет цена Железного трона.

– Я сказал кхалу, что ему нужно повернуть к Миши-рину, – сказал сир

Джорах. – Там заплатят больше, чем он получит от странствующих работорговцев. Иллирио пишет, что в прошлом году Миширин посетил мор, и бордели платят двойную цену за здоровых молодых девиц, и тройную за мальчишек не старше десяти лет. Если дети выдержат дорогу, полученного за них золота может хватить, чтобы нанять нужные нам корабли и оплатить услуги матросов.

Ту девушку все еще насиловали, долгий рыдающий стон продолжался и продолжался. Дени, стиснув поводья в кулаке, повернула голову к Серебрянке.

– Пусть они остановятся, – приказала она сиру Джораху.

– Кхалиси? – В голосе рыцаря послышалось смущение.

– Вы слышали мои слова, – сказала она. – Остановите их. – Она обратилась к своему кхасу на отрывистом дотракийском. – Чхого, Куаро, помогите сиру Джораху. Я не хочу насилия.

Воины обменялись озадаченными взглядами. Сир Джорах направил своего коня ближе к ней.

– Принцесса, – проговорил он, – у вас мягкое сердце, но вы не понимаете. Так было всегда. Эти мужи проливали кровь за кхала. Теперь они получают свою награду.

Девушка на этой стороне дороги все еще рыдала, высокий звонкий говор казался странным для ушей Дени. Первый дотракиец закончил с делом, и место его занял второй.

– Это ягнячья девица, – сказал Куаро на дотракийском. – Она ничто, кхалиси. Всадники делают ей честь. Все знают, что ягнячьи мужчины любят и овец.

– Все это знают, – подтвердила ее служанка Ирри.

– Все это знают, – подтвердил и Чхого со спины высокого серого жеребца, которого подарил ему Дрого. – Но если ее стоны терзают твои уши, кхалиси, Чхого положит перед тобой ее язык.

– Я не хочу, чтобы ей причинили вред, – сказала Дени. – Она будет моей. Делай, как я приказываю, или кхал Дрого захочет узнать, почему ты отказался исполнять.

– Ай, кхалиси, – ответил Чхого, ударив пятками в бока коня. Куаро и остальные последовали за ним под пение колокольчиков в их волосах.

– Ступайте с ними, – приказала она сиру Джораху.

– Как вам угодно. – Рыцарь с любопытством поглядел на Дени. – А знаете, вы действительно сестра своего брата.

– Визериса? – Она не поняла его.

– Нет, – ответил рыцарь. – Рейегара. – И галопом направился прочь.

Дени услышала крик Чхого. Насильники расхохотались. Один ответил оскорблением. Мелькнул аракх Чхого, и голова обидчика слетела с плеч. Смех превратился в проклятия, всадники потянулись к оружию, к этому времени и Куаро, и Агто, и Ракхаро уже были рядом. Она видела, как Агго показал через дорогу на нее, сидевшую на своей Серебрянке. Всадники поглядели на нее с холодом в черных глазах. Один сплюнул. Другие, недовольно бормоча, полезли на коней.

Все это время мужчина, оседлавший ягнячью девицу, продолжал свое дело: удовольствие явно не позволяло ему обратить внимание на происходящее вокруг. Сир Джорах спустился с коня и оторвал его от жертвы рукой в кольчужной перчатке. Дотракиец упал в пыль, вскочив с ножом в руке, и умер, получив в горло стрелу Агго. Мормонт поднял девицу с груды трупов, набросив на нее свой окровавленный плащ, и повел через дорогу к Дени.

Девица дрожала, широкие глаза недоуменно озирались, волосы ее были перепачканы кровью.

– Дореа, посмотри, не ранена ли она. Ты не похожа на наездницу, быть может, тебя она не испугается. Остальные – за мной. – Она послала Серебрянку в проломленные деревянные ворота.

Там, в городе, было еще хуже. Многие дома горели, и джакка рхан занимались своим мрачным делом, наполняя узкие извилистые улицы безголовыми трупами. Они проезжали мимо других сцен насилия. И каждый раз Дени останавливала коня, посылала кхас, чтобы люди ее прекратили это занятие, и забирала себе рабыню.

Одна из них, толстая плосконосая женщина лет сорока, неуверенно поблагодарила Дени на общем языке, однако остальные отвечали угрюмыми взглядами. Они боялись ее, со скорбью осознала Дени, боялись, что она приберегает их для другой участи.

– Ты не можешь взять всех себе, дитя, – сказал сир Джорах, когда они остановились в четвертый раз, чтобы воины ее кхаса могли присоединить новую рабыню.

– Я – кхалиси, наследница Семи Королевств, от крови дракона, – напомнила ему Дени. – И не тебе напоминать мне, что я могу делать.

На другой стороне города рухнул дом, вспыхнул огонь, поднялся столб дыма. Дени услышала далекие крики и вопли испуганных детей.

Кхала Дрого они обнаружили на площади перед квадратным храмом; над толстыми, лишенными окон стенами из сырцового кирпича набухала одутловатая маковка, похожая на огромную луковицу. Перед ней высилась груда отрубленных голов, уже поднявшаяся выше роста кхала. Одна из

коротких стрел ягнячьих людей пронзила мякоть его плеча, кровь пятном краски покрывала левую сторону его груди. Трое кровных всадников были возле него.

Чхику помогла Дени спуститься; живот сделал ее неловкой. Она преклонила колено перед кхалом.

– Мое солнце и звезды ранен. – Аракх ударил широко, но не глубоко; левый сосок был срублен, и полоска окровавленной плоти свисала с груди кхала мокрой тряпкой.

– Эту царапину, луна моей жизни, нанес мне один из кровных наездников кхала Ого, – ответил кхал Дрого на общем языке. – Я убил его за это и Ого тоже. – Он повернул голову, колокольчики в косе мягко звякнули. – Ты слышишь: Ого и Фого, его кхалакку, который стал кхалом, перед тем как я убил его.

– Ни один муж не в силах устоять перед солнцем моей Жизни, – проговорила Дени, – отцом жеребца, который покроет весь мир.

Подъехавший всадник выпрыгнул из седла. Он обратился к Хагто, поток гневных дотракийских слов тек слишком быстро, чтобы Дени могла понять. Громадный кровный всадник мрачно поглядел на нее, прежде чем повернулся к кхалу.

– Перед тобой Маго, который едет в кхасе ко Чхаго. Он говорит, что кхалиси забрала его добычу, ягнячью девицу, которую он мог по праву покрыть.

Лицо кхала Дрого оставалось спокойным и жестким, но черные глаза с любопытством обратились к Дени.

– Говори мне правду, луна моей жизни, – приказал он на дотракийском.

Дени рассказала мужу о своем поступке на его собственном языке, так, чтобы кхал понял ее лучше, простыми и прямыми словами.

Выслушав, Дрого нахмурился:

– Так положено на войне. Эти женщины стали нашими рабынями, и они обязаны угождать нам.

– Мне было бы приятно, если бы они остались целы, – проговорила Дени, не зная, не дерзает ли она на слишком многое.

– Если твои воины поднимутся на этих женщин, пусть берут их себе в жены. Дай им место в кхаласаре, чтобы они рожали сыновей.

Квото всегда был самым жестоким среди кровных. Он и расхохотался:

– От овцы разве может родиться конь?

Что-то в его голосе напомнило ей о Визерисе. Дени повернулась к нему с гневом:

– Дракон ест и коней и овец.

Кхал Дрого улыбнулся.

– Видите, какой свирепой она становится! – сказал он. – Это мой сын, жеребец, который покроет весь мир, наполняет ее своим огнем. Скачи помедленней, Квото… если мать не испепелит тебя на этом самом месте, значит, сын ее втопчет тебя в грязь. А ты, Маго, придержи свой язык и найди себе другую овцу. Эти принадлежат моей кхалиси.

Он протянул руку к Дейенерис, но вздрогнул от боли и отвернул голову.

Дени чувствовала, как он страдает. Раны оказались куда серьезнее, чем говорил ей сир Джорах.

– А где целители? – спросила она. В кхаласаре они были двух разновидностей: бесплодные женщины и рабы-евнухи. Знахарки применяли мази и заклинания, евнухи действовали огнем, ножом и иглой. – Почему они не приглядели за кхалом?

– Кхал отослал безволосых прочь, кхалиси, – ответил ей старый Кохолло. Дени заметила, что кровный сам получил рану: глубокий порез зиял в его левом плече.

– Среди всадников много раненых, – проговорил кхал Дрого. – Пусть они первыми получат лечение. Эта стрела всего лишь комариный укус, а маленький порез превратится в новый шрам, которым я буду хвастать перед своим сыном. Срезанная кожа открывала мышцы груди. Струйка крови стекала из раны, оставленной стрелой, пронзившей руку.

– Кхалу Дрого не положено ждать, – объявила Дени. – Чхого, разыщи евнухов и немедленно доставь сюда.

– Серебряная госпожа, – раздался из-за ее спины женский голос. – Я могу залечить раны Великого Наездника.

Дени повернула голову. Говорила одна из рабынь, которых она забрала себе: тяжелая плосконосая женщина, поблагодарившая ее.

– Кхал не нуждается в помощи жен, чьи мужья спят с овцами, – рявкнул Квото. – Агго, отрежь ей язык.

Агго ухватил ее за волосы и приложил нож к горлу. Дени подняла руку:

– Нет, она моя. Пусть говорит.

Агго посмотрел на Квото и опустил нож.

– Я не хочу вам зла, свирепые наездники. – Женщина хорошо говорила по-дотракийски. Легкое одеяние ее некогда сшили из тончайшей шерсти, украсив богатой вышивкой, но теперь, разодранное, оно было покрыто грязью и кровью. Женщина прижимала оторванный верх к своим тяжелым грудям. – Я умею исцелять.

– Кто ты? – спросила ее Дени.

– Меня зовут Мирри Маз Дуур. Я божья жена из этого храма.

– Мейега, – пробормотал Хагго, крутя в пальцах аракх. Он мрачно озирался. Дени вспомнила это слово из жуткой истории, которую ей однажды ночью возле костра рассказала Чхику. Мейегами звали женщин, развлекавшихся с демонами и предававшихся самому черному волшебству. Злых, преступных и бездушных тварей, в темноте ночи нападавших на людей, высасывая жизнь и силу из их тел.

– Нет, я целительница, – проговорила Мирри Маз.

– Целительница овец, – фыркнул Квото. – Кровь от моей крови, прошу тебя, убей эту мейегу и подожди безволосых.

Дени не обратила внимания на выпад кровного. Старая и такая домашняя с виду, толстуха не казалась ей мейегой.

– Где ты научилась целительному искусству, Мирри Маз Дуур?

– Моя мать была здесь божьей женой; она научила меня всем песням и заклинаниям, угодным Великому Пастырю, научила делать священные курения и мази из листа, корня и ягоды. А когда я была еще молодой и красивой, то сходила с караваном в Асшай, чтобы поучиться у их магов. В этом краю собираются корабли из многих земель, и я жила там, осваивая способы исцеления, знакомые дальним народам. Лунная певица из Джогос Нхая обучала меня родовспомогательным песням, женщина из вашего конного народа научила меня волшебству травы, зерна и коня, мейстер из Закатных земель вскрыл передо мной тело и объяснил мне все тайны, скрывающиеся под кожей.

Сир Джорах Мормонт переспросил:

– Мейстер?

– Он назвал себя Марвином, – ответила женщина на общем языке. – А прибыл из-за моря. Из Семи земель, сказал он. Закатных земель. Там, где люди выкованы из железа, а правят ими драконы. Он научил меня их речи.

– Мейстер в Асшае? – удивился сир Джорах. – Скажи мне, божья жена, что носил этот Марвин на шее?

– Цепь столь тугую, что она могла вот-вот задушить его, железный господин. Звенья ее были выкованы из многих металлов.

Рыцарь поглядел на Дени.

– Только человек, обученный в Цитадели Старгорода, имеет право носить подобную цепь, – сказал он, – такие люди многое знают об искусстве исцеления.

– Почему ты хочешь помочь моему кхалу?

– Нас учат тому, что все люди – единое стадо, – ответила Мирри Маз Дуур. – Великий Пастырь послал меня на землю лечить его ягнят, где бы они ни жили.

Квото больно ударил ее.

– Мы не овцы, мейега.

– Прекрати, – гневно сказала Дени. – Она моя. Я не хочу ей вреда.

Кхал Дрого буркнул:

– Эта стрела должна выйти из моего тела, Квото.

– Да, Великий Наездник, – наклонила голову Мирри Маз Дуур, ощупывая синяк на лице. – А твою грудь следует омыть и зашить, чтобы рана не воспалилась.

– Делай тогда, – приказал кхал Дрого.

– Великий Наездник, – сказала женщина, – инструменты мои и мази находятся внутри дома бога – там целительная сила сильнее.

– Я отнесу тебя, кровь от моей крови, – предложил Кхаго.

Кхал Дрого отмахнулся.

– Я не нуждаюсь в помощи мужчины, – сказал он голосом гордым и жестким, поднимаясь без всякой помощи. Свежая кровь хлынула из раны, оставленной на груди ударом аракха. Дени торопливо придвинулась к Дрого.

– Я не мужчина, – прошептала она, – поэтому ты можешь опереться на меня.

Дрого опустил тяжелую ладонь на ее плечо. Приняв на себя часть его веса, она направилась к огромному храму, построенному из сырцового кирпича. За ними следовали трое кровных всадников. Дени приказала сиру Джораху и воинам своего кхаса охранять вход и приглядеть, чтобы здание не подожгли, пока они находятся в нем.

Миновав несколько прихожих, они вступили в высокий центральный зал под куполом. Неяркий свет сочился из укрытых над головой окон. Несколько факелов дымили на стенах. Земляной пол прикрывали разбросанные овечьи шкуры.

– Сюда, – указала Мирри Маз Дуур на массивный алтарь. Каменные с синими прожилками бока его покрывали резные изображения пастухов со стадами. Кхал Дрого лег. Женщина бросила горстку сушеных листьев на жаровню, и палата наполнилась благоуханным дымом. – Лучше, если вы будете ждать снаружи, – сказала она.

– Мы кровь от его крови, – проговорил Кохолло. – И мы ждем здесь.

Квото шагнул к Мирри Маз Дуур.

– Знахарка, жена овечьего бога. Знай – повредишь кхалу, встретишь ту же участь. – Он извлек свой нож и показал ей клинок.

– Она не сделает ничего плохого. – Дени чувствовала, что может довериться этой простой плосконосой старухе, которую она – в конце

концов – вырвала из жестких рук насильников.

– Если вы должны остаться, тогда помогите мне, – сказала знахарка кровным. – Великий Наездник слишком силен для меня. Держите его, пока я буду извлекать стрелу из его плоти.

Мирри Маз Дуур опустила руку, позволив платью открыть ее грудь, и принялась копаться в резном сундуке, извлекая из него флаконы, шкатулки, ножи и иголки. Подготовившись, она отломила зазубренный наконечник и вытащила древко, распевая что-то на певучем языке Лхазарина. А потом вскипятила на жаровне вино и облила им рану. Кхал Дрого ругался, но не пошевелился. Покрыв рану, оставленную стрелой, пластырем из влажных листьев, она занялась разрезом на груди, намазав его бледно-зеленой пастой, прежде чем вернуть полоску кожи на место. Лишь сомкнув зубы, кхал сумел подавить крик. Достав серебряную иголку и катушку шелковых ниток, божья жена начала сшивать плоть. Покончив с этим делом, она провела по шву красной мазью и, покрыв его листьями, обвязала грудь кхала куском овечьей шкуры.

– А теперь ты будешь произносить молитвы, которым я научу тебя, а овечья шкура пусть остается на месте. Тебя будет лихорадить, кожа будет чесаться, а когда исцеление совершится, останется огромный шрам.

Кхал Дрого сел, зазвенев колокольчиками.

– Я пою о моих шрамах, ягнячья женщина. – Кхал согнул руку и нахмурился.

– Не пей ни вина, ни макового молока, – предостерегла она. – Тебе будет больно, но тело твое должно быть сильным, чтобы одолеть ядовитых духов.

– Я кхал, – сказал Дрого. – Я плюю на боль и пью что хочу. Кохолло, принеси мой жилет. – Старик одел Кхала.

– Я слыхала, что ты знаешь повивальные песни, – обратилась Дени к уродливой лхазарянке.

– Я знаю все секреты кровавого ложа, серебряная госпожа, и ни разу не потеряла жизнь ребенка, – поклонилась Мирри Маз Дуур.

– Мое время близко, – сказала Дени. – Я бы хотела, чтобы ты приглядела за мной, когда начнутся роды, – если ты не против.

Кхал Дрого расхохотался:

– Луна моей жизни, рабыню не просят, ей приказывают. Она выполнит твой приказ. – Он соскочил с алтаря. – Пойдем, кровь моя. Жеребцы зовут, а здесь пепел. Пора ехать!

Хагго последовал за кхалом из храма, но Квото задержался, чтобы почтить Мирри Маз Дуур яростным взглядом.

– Запомни, мейега, от здоровья кхала зависит твое собственное здоровье.

– Как тебе угодно, наездник, – ответила ему женщина, собирая горшочки и флаконы. – Великий Пастырь охраняет свое стадо.

Тирион

На холме, выходящем на Королевский тракт, под ильмом поставили на козлах длинный стол из грубых сосновых досок и застелили золотой тканью, чтобы лорд Тайвин мог отужинать возле своего шатра со своими ближними рыцарями и лордами-знаменосцами. Огромные штандарты – алый и золотой – развевались над ними на высоком древке.

Тирион опоздал; недовольный собой, сбив ноги о седло, он ковылял по склону, слишком отчетливо представляя, какое впечатление производит на отца. Дневной переход выдался длинным и утомительным, и он рассчитывал сегодня крепко выпить. Сгущались сумерки, и в воздухе кружили мерцающие светляки.

Повара подавали мясное блюдо: пятерых молочных поросят, зажаренных до хруста, с разными плодами в зубах. Запах наполнил его рот слюной.

– Приношу свои извинения, – начал он, занимая на скамье место возле своего дяди.

– Наверное, мне придется поручить тебе хоронить убитых, Тирион, – проговорил лорд Тайвин. – Если ты выедешь на поле боя с таким же опозданием, как к столу, сражение закончится до твоего появления.

– О, конечно, ты оставишь для меня мужика с вилами, а то и двух, отец, – отвечал Тирион. – Но не слишком много, я не хочу быть жадным.

Наполнив вином чашу, он посмотрел на слугу, нарезавшего свинину. Корочка хрустела под его ножом, из мяса выступал горячий сок. Более приятного зрелища Тирион не видел целый век.

– Разведчики сира Аддама утверждают, что войско Старков двинулось на юг от Близнецов, – сообщил отец, когда блюдо его было наполнено ломтями свинины. – К ним присоединились подданные лорда Фрея. Они находятся менее чем в одном дневном переходе к северу от нас.

– Пожалуйста, отец, – попросил Тирион. – Я хочу поесть.

– Неужели мысль о том, что нам предстоит встреча с мальчишкой Старка, лишает тебя мужества, Тирион? Твой брат Джейме был бы рад схватиться с ним.

– Я предпочту схватиться с этой свиньей. Робб Старк не настолько мягок, и от него никогда не пахло так сладко.

Лорд Леффорд, кислый тип, следивший за съестным и прочим припасом, повернулся к Тириону:

– Я надеюсь, что ваши дикари не разделяют подобной застенчивости, иначе мы понапрасну израсходовали на них добрую сталь.

– Мои дикари самым лучшим образом воспользуются вашей сталью, милорд, – ответил Тирион. Когда он рассказал Леффорду, что ему нужны оружие и доспехи на сотню мужчин, которых он привел из предгорий, тот скривился так, что можно было подумать, что его просили отдать им для увеселения собственных девственных дочерей.

Леффорд нахмурился:

– Я сегодня видел огромного и волосатого – того, который утверждал, что ему нужно два боевых топора из тяжелой черной стали с лезвиями в форме двух полумесяцев.

– Шагга любит убивать обеими руками, – проговорил Тирион, когда перед ним поставили блюдо с дымящейся свининой.

– Он так и не снял со спины свой топор дровосека.

– Шагга полагает, что три топора полезнее, чем два. – Тирион взял щепоть соли из блюда и густо посыпал мясо. Сир Кивай наклонился вперед:

– Мы решили поставить тебя с дикарями в авангард, когда дело дойдет до битвы.

Мысли редко приходили в голову сира Кивана, не побывав предварительно в голове лорда Тайвина. Тирион насадил было ломоть мяса на острие кинжала и поднес ко рту. Но теперь сразу опустил кусок свинины.

– В авангард? – переспросил он с сомнением в голосе. Либо лорд-отец воспылал новым уважением к способностям Тириона, либо же решил сразу отделаться от его сомнительного приобретения. Мрачная рассудительность подсказала Тириону правильный ответ.

– Они показались мне достаточно свирепыми.

– Свирепыми? – Тирион понял, что повторяет слова дяди, словно ученая птица. А отец наблюдает за ними, взвешивая и оценивая каждое слово. – Позвольте мне рассказать, насколько они свирепы. Вчера ночью один из Лунных Братьев заколол Каменную Ворону из-за сосиски. Сегодня, когда мы остановились лагерем, трое Каменных Ворон схватили его и перерезали глотку. Зачем – не знаю; наверное, они надеялись получить сосиску назад. Брони не позволил Шагте отрезать хрен мертвеца, и слава за то богам, однако сейчас Улф требует денег за кровь, а Конн и Шагга отказываются платить.

– Когда солдаты не умеют соблюдать дисциплину, виноват их лорд-командир, – заметил отец.

Брат его Джейме всегда умел заставить людей последовать за ним – и умереть, если придется. Тирион был лишен этого дара. Верность он приобрел золотом, а повиновения добился своим именем.

– Более рослый человек, должно быть, сумел бы вселить в них страх, если вы имеете в виду это, милорд.

Лорд Тайвин повернулся к своему брату:

– Если отряд моего сына не повинуется ему, быть может, авангард – не их место. Вне сомнения, ему будет удобнее в тылу – охранять наш обоз.

– Пожалуйста, не заботьтесь обо мне, отец, – проговорил Тирион сердитым голосом. – Если вы не предложите мне ничего другого, я поведу ваш авангард.

Лорд Тайвин поглядел на своего сына.

– Я ничего не говорил о командовании авангардом. Ты будешь подчиняться сиру Григору.

Откусив кусок свинины, Тирион пожевал и с негодованием выплюнул его.

– Похоже, мне расхотелось есть, – сказал он, неловко перелезая через скамейку. – Прошу извинить меня, милорды.

Лорд Тайвин наклонил голову, отпуская его. Тирион повернулся и направился прочь. Ковыляя вниз по склону, он ощущал спиной общее внимание. Позади поднялся громкий хохот, однако Тирион не обернулся и только пожелал про себя, чтобы все они подавились этими молочными поросятами.

Спустился сумрак, превратив все знамена в траурные. Лагерь Ланнистеров занял несколько миль между рекой и Королевским трактом. Среди людей и деревьев было нетрудно потеряться, и Тирион заблудился.

Он прошел мимо дюжины огромных шатров и сотни костров. Светляки блуждающими звездами реяли между палаток. Запахло чесночными сосисками, острый аромат заставил взвыть пустой желудок. Вдалеке нестройный хор завел непристойную песню. Мимо него метнулась, хихикая, женщина; наготу ее прикрывал только темный плащ, пьяный преследователь спотыкался о корни. Еще дальше двое копейщиков, став друг напротив друга над узеньким ручейком, нападали и защищались попеременно, успев уже взмокнуть.

Никто не глядел на Тириона. Никто не говорил с ним. Никто не обращал на него никакого внимания. Он был окружен людьми, присягнувшими дому Ланнистеров, целым войском в двадцать тысяч человек, и все же он был один.

Он нашел стан Каменных Ворон, укрывшихся в уголке ночи, лишь по

грохочущему хохоту Шагги. Конн, сын Коратта, махнул ему кружкой эля.

– Эй, Тирион-полумуж! Иди, садись возле нашего огня, раздели мясо с Каменными Воронами, мы добыли быка.

– Я вижу это, Конн, сын Коратта.

Над ревущим огнем висела огромная кровавая туша на вертеле размером с небольшое дерево. Собственно говоря, это и было небольшое дерево. Кровь и жир капали в пламя, а двое Каменных Ворон поворачивали быка.

– Благодарю, позовите, когда мясо испечется. – Судя по всему, это могло случиться лишь перед самой битвой.

Тирион пошел дальше.

Каждый клан собрался вокруг собственного очага. Черноухие не ели с Каменными Воронами, те не садились рядом с Лунными Братьями, и уж вовсе никто не делил трапезу с Обгорелыми. Скромная палатка, которую он лестью добыл из припасов лорда Леффорда, была расставлена посреди четырех костров. Тирион увидел Бронна, делившегося вином из меха с новыми слугами. Лорд Тайвин прислал сыну слугу и конюха и даже настоял, чтобы он взял сквайра. Они собрались вокруг угольков небольшого костра. С ними была девушка – тонкая, темноволосая, не старше восемнадцати лет, если судить по виду. Тирион поглядел на нее какое-то мгновение, а потом заметил в пепле рыбные кости.

– Что вы ели?

– Форель, милорд, – ответил конюх. – Брони наловил рыбы.

Форель, подумал Тирион, скорбно разглядывая кости. Молочный поросенок. Проклятый отец. В желудке его урчало.

Юный Подрик, его сквайр, носивший зловещую фамилию Пейн, проглотил те слова, которые уже собрался сказать. Парнишка был дальним родственником сира Илина Пейна, королевского палача… и вел себя почти столь же молчаливо, хотя не из-за отсутствия языка. Тирион даже заставил его однажды открыть рот, чтобы проверить…

– Ну, видишь, язык есть, – проговорил он. – Когда-нибудь ты научишься им пользоваться.

В настоящий момент Тирион не имел настроения извлекать эту мысль из парня, которого – как он подозревал – навязали ему в порядке грубой насмешки, а посему обратил внимание на девушку.

– Это она? – спросил он у Бронна. Девица поднялась изящным движением и поглядела на него сверху вниз – с высоты своих скромных пяти с чем-то там футов.

– Да, милорд, и я могу говорить сама, если это угодно вам.

Он наклонил голову набок.

– А я Тирион из дома Ланнистеров. Люди зовут меня Бесом.

– Мать назвала меня Шаей. А мужчины зовут… нередко.

Бронн расхохотался, и Тирион тоже улыбнулся.

– Пройдем в палатку, Шая, если ты не против. – Подняв полог, он пригласил ее войти. Внутри шатра он пригнулся, чтобы зажечь свечу.

Жизнь солдата имела определенные преимущества. Во всяком военном лагере находились те, кто непременно увязывался за воинами. В конце дневного перехода Тирион отослал Бронна назад, чтобы тот отыскал ему шлюху поприятнее.

– Лучше, чтоб была помоложе и посимпатичнее, но – какую найдешь. Я уже буду рад, если она хоть раз умывалась в этом году. Если нет, пусть умоется. Но скажи ей, кто я, и предупреди, каков из себя.

Джик не всегда утруждал себя этим, и в глазах девиц при виде лорденыша, которого они собирались потешить, появлялось нечто совсем иное… чего Тирион Ланнистер не желал бы видеть.

Подняв свечу, он оглядел ее. Брони постарался: тоненькая, с глазами голубки, твердые и маленькие грудки… и улыбка, то застенчивая, то наглая и ехидная. Ему это понравилось.

– Снять ли мне и рубашку, милорд? – спросила она.

– В свое время. Ты, случайно, не девственна, Шая?

– Если это вам угодно, милорд, – сказала она.

– Мне угодно слышать правду, девица.

– Да, но это обойдется вам в два раза дороже!

Тирион решил, что они сумеют поладить.

– Я – Ланнистер. Золота у меня много, не сомневайся в моей щедрости. Но я потребую от тебя большего, чем то, что есть у тебя между ногами, хотя мне нужно и это. Ты будешь делить со мной шатер, подавать мне вино, смеяться над моими шутками, растирать мои ноги после дневных переходов… и продержу ли я тебя день или год, но, пока мы вместе, ты не примешь в свою постель никого другого.

– Мне и вас вполне достаточно. – Она потянулась к подолу своей грубой домотканой рубахи и, одним движением стянув ее через голову, отбросила в сторону. Под рубахой не было ничего, кроме Шаи. – Если вы не опустите эту свечу, милорд, она обожжет ваши пальцы.

Тирион опустил свечу, взял ее за руку и притянул к себе. Шая пригнулась, чтобы поцеловать его. Рот ее пах медом и гвоздикой, ловкие и умелые пальцы отыскали застежки его одежды.

Когда он вошел в нее, она подбодрила его ласковыми словами и тихим

удовлетворенным вздохом. Тирион подозревал, что восторг свой она изобразила, однако Шая сделала это хорошо и ему было все равно. Зачем знать обо всем правду?

В том, насколько Шая была нужна ему, Тирион убедился, когда она – после – притихла в его руках. Она или любая другая женщина. Прошел почти уже год с тех пор, когда он в последний раз делил ложе с женщиной; было это, когда он направлялся в Винтерфелл в обществе своего брата и короля Роберта. Вполне возможно, что смерть встретит его завтра или послезавтра, так что лучше отправиться на тот свет, вспоминая Шаю, а не лорда-отца или леди Кейтилин Старк.

Он ощущал плечом ее мягкие груди. Приятное чувство. Песня наполняла его голову, и Тирион негромко засвистел.

– Что это, милорд? – прошептала Шая, прижимаясь к нему.

– Ничего, – отвечал он. – Песня, которую я запомнил мальчишкой, и ничего более, моя милая.

Когда глаза ее закрылись, а дыхание сделалось ровным и медленным, Тирион выскользнул из-под нее – осторожно, чтобы не потревожить ее сон. Голым он выбрался наружу, переступил через сквайра и отправился за шатер, чтобы побрызгать.

Бронн сидел под каштаном, скрестив ноги, возле привязанных лошадей. Даже не думая спать, он точил острие меча. Он, похоже, не так нуждался во сне, как обычный человек.

– Где ты отыскал ее? – спросил его Тирион, мочась.

– Отобрал у рыцаря. Он не хотел расставаться с ней, но ваше имя несколько переменило его настроение… ну и мой кинжал у горла.

– Великолепно, – сухо сказал Тирион, отрясая последние капли. – Кажется, я просил найти мне шлюху, а не врага.

– Хорошенькие все при деле, – сказал Брони. – Охотно отведу эту обратно, если ты предпочтешь беззубую каргу.

Тирион прохромал к месту, где сидел наемник.

– Мой лорд-отец назвал бы эти слова наглостью и сослал бы тебя в рудники в качестве наказания.

– Стало быть, мне повезло, что ты не твой отец, – ухмыльнулся Брони.

– Я тут видел одну – вся рожа в прыщах, может, хочешь?

– Ну что ты… разбивать твое сердце? – ответил Тирион. – Я оставлю себе Шаю. Послушай, а ты не запомнил имя рыцаря, у которого отобрал ее? Я бы не хотел, чтобы он оказался возле меня в битве.

Брони поднялся с кошачьей легкостью и быстротой, повернул меч в руке.

– В битве я буду рядом с тобой, карлик.

Тирион кивнул. Теплый ночной воздух проникал к его нагой коже.

– Позаботься, чтобы я уцелел в этой битве, и можешь требовать, что захочешь.

Брони перебросил меч из правой руки в левую, замахнулся.

– Ну кто захочет убивать такого, как ты?

– Например, мой лорд-отец. Он поставил меня в авангард.

– Я сделал бы то же самое. Маленький воин за большим щитом. Стрелки помрут от расстройства.

– Твои слова вселяют в меня непонятную бодрость, – улыбнулся Тирион. – Должно быть, я свихнулся.

Брони вернул меч в ножны.

– Вне сомнения.

Когда Тирион вернулся в шатер, Шая перекатилась на локоть и сонным голосом пробормотала:

– Я проснулась, а милорд исчез…

– Милорд вернулся. – Он скользнул рядом с ней. Ладонь Шаи направилась к развилке между его коротких ног и обнаружила там нечто твердое.

– Вернулся, – согласилась она, оглаживая его. Тирион спросил, у кого отобрал ее Брони, Шая назвала Мелкого вассала кого-то из незначительных лордов. – Его можно не опасаться, милорд, – сказала девушка, занимаясь его предметом. – Он не из больших людей.

– А как насчет меня? – спросил Тирион. – Или я гигант?

– О да, – промурлыкала она. – Мой гигант среди Ланнистеров. – А потом уселась на него и на какое-то время почти заставила Тириона поверить в это. Он заснул улыбаясь…

…И проснулся во тьме от рева труб. Шая трясла его за плечо.

– Милорд, – прошептала она. – Просыпайтесь, милорд, мне страшно.

Сонный он поднялся, отбросил назад одеяло. Трубы трубили в ночи, дикий и настоятельный голос их говорил: «Торопись, торопись, торопись». Раздавались крики, стук копий, ржание коней, но ничто не говорило о схватке.

– Трубы моего отца, – сказал он. – Боевой сбор; я слыхал, что Старк находится в дневном переходе отсюда.

Шая растерянно затрясла головой. Глаза ее расширились и побелели.

Тирион со стоном поднялся на ноги и, выбравшись в ночь, крикнул сквайра. Клочья белого тумана тянулись к нему от реки длинными пальцами. Люди и кони двигались в предутреннем холодке: вокруг седлали

коней, грузили фургоны, гасили костры. Трубы запели снова: торопись, торопись, торопись! Рыцари поднимались на всхрапывающих коней, латники застегивали на бегу пояса с мечами. Когда он нашел Пода, оказалось, что мальчишка негромко храпит.

Тирион резко ткнул его пальцем в ребра.

– Панцирь, – сказал он, – и быстро.

Брони выехал рысцой из тумана на коне, в панцире и в видавшем виды шишаке.

– Ты знаешь, что происходит? – спросил его Тирион.

– Мальчишка Старк надул нас на целый переход, – сказал Брони. – Всю ночь он полз по Королевскому тракту, и теперь его войско менее чем в миле к северу отсюда разворачивается в боевой порядок.

Торопись, звали трубы, торопись, торопись!

– Проверь, готовы ли горцы? – Тирион нырнул в шатер. – Где моя одежда? – рявкнул он Шае. – Сюда. Нет, кожу, проклятие. Да принеси мне сапоги!

Пока он одевался, сквайр приготовил его доспехи. Вообще-то Тириону принадлежал прекрасный тяжелый панцирь, великолепно подогнанный под его уродливое тело. Увы, в отличие от Тириона он пребывал в полной безопасности на Бобровом утесе. Так что карлику пришлось воспользоваться разнородными предметами, полученными от лорда Леффорда: кольчужными калберком и шапкой, воротником убитого рыцаря, поножами, перчатками и остроносыми стальными сапогами. Кое-что было украшено, кое-что нет. Не все предметы подходили друг к другу и сидели на нем так, как следовало бы. Нагрудная пластина предназначалась для более рослого человека, для его большой головы едва отыскали огромный шлем ведерком, увенчанный треугольной пикой.

Шая помогала Поду с застежками и пряжками.

– Если я погибну, поплачь, – сказал Тирион шлюхе.

– А как ты узнаешь? Мертвый-то?

– Узнаю.

– И я так думаю. – Шая опустила огромный шлем на его голову, и Под привязал его к воротнику. Тирион застегнул пояс, отягощенный коротким мечом и кинжалом. К тому времени конюх подвел ему коня, рослого, в столь же тяжелой броне. Тириону нужна была помощь, чтобы подняться в седло; ему казалось, что он весит добрую тысячу стоунов. Под вручил ему щит – толстую доску из тяжелого железоствола, охваченную сталью. Наконец ему подали боевой топор. Шая, отступив назад, оглядела его.

– Милорд восхищает меня.

– Милорд похож на карлика в неподогнанной броне, – ответил кислым голосом Тирион, – однако все равно спасибо за доброту. Подрик, если битва сложится против нас, проводи даму домой. – Отсалютовав топором, Тирион развернул коня и направился прочь. Желудок его свернулся в тугой и болезненный клубок. Позади него слуги поспешно собирали шатер. Солнце уже тянуло вверх свои бледно-пурпурные пальцы из-за восточного горизонта. Густая синева на западе была еще усеяна звездами. Тирион подумал, что в последний раз встречает рассвет, и попытался уразуметь, не свидетельствует ли такая мысль о его трусости. Думает ли о смерти его брат Джейме перед битвой?

Вдали прозвучал боевой рог, глубокая скорбная нота холодила душу. Горцы садились на своих мохнатых коньков, обмениваясь ругательствами и грубыми шутками. Несколько человек показались ему пьяными. Встающее солнце начало сжигать ползучие щупальца тумана, когда Тирион повел свой отряд. Оставленная лошадьми трава отяжелела от росы, словно какой-то бог мимоходом высыпал на землю мешок алмазов. Горцы ехали следом за Тирионом, каждый клан после своего предводителя.

Армия лорда Тириона Ланнистера раскрывалась под лучами зари – словно железная роза, ощетинившаяся шипами.

Дядя его возглавит центр: сир Киван поднял свои штандарты на Королевском тракте. С колчанами у поясов пешие стрелки выстроились тремя длинными шеренгами к востоку и западу от дороги и уже невозмутимо надевали тетивы. Между ними квадратом стояли копейщики, позади них выстроились латники с мечами, копьями и топорами. Три сотни тяжелой конницы окружали сира Кивана и лордов-знаменосцев Леффорда, Лиддена, Серрета и всех, присягнувших им.

На правом крыле была только конница – почти четыре тысячи, – отягощенная весом брони. Более чем три четверти рыцарей находились там, образуя огромный стальной кулак. Командовал им сир Аддам Марбранд. Тирион увидел, как развернулась его хоругвь, когда знаменосец тряхнул ею. Горящее дерево, дым на оранжевом фоне. Позади него затрепетали стяги – сира Флемента с пурпурным единорогом, пятнистый вепрь Кракехолла, бентамский петушок Свифтов и так далее…

Его лорд-отец оставался на холме, где провел ночь. Вокруг него собрался резерв – огромная сила, наполовину конница, наполовину пешие, целых пять тысяч. Лорд Тайвин почти всегда предпочитал командовать резервом. Занимая высокое место, он наблюдал за ходом сражения, вводя свои силы именно там и тогда, когда это было нужно больше всего. Даже издалека его лорд-отец казался великолепным. Боевое облачение Тайвина

Ланнистера, бесспорно, посрамило Джейме с его позолоченным панцирем. Огромный плащ, сшитый из бесчисленных слоев золотой ткани, был настолько тяжел, что едва шевелился, когда лорд Тайвин трогался с места, и настолько велик, что закрывал почти все задние ноги коня. Ни одна обычная застежка не выдержала бы подобной тяжести, поэтому великий плащ удерживался на месте парой миниатюрных львиц, изгибавшихся на его плечах, словно готовясь к прыжку. Их супруг, лев с великолепной гривой, полулежал на великом шлеме лорда Тайвина, разрывая воздух лапой и рыком. Все три фигуры были отлиты из золота, а рубины заменяли им глаза. Пластинчатый панцирь лорда Тайвина покрывала темно-пурпурная эмаль, поножи и перчатки были выложены причудливыми золотыми узорами. Налокотники напоминали золотые звезды, все застежки были вызолочены, а красная сталь просто сияла огнем в лучах восходящего солнца.

Тирион уже слышал рокот барабанов противника. Ему вспомнился чертов Винтерфелл и Робб Старк в момент последней их встречи – на высоком престоле отца, с обнаженным мечом в руках. Потом он вспомнил, как на него набросились лютоволки, и вдруг увидел зверей снова – скалящихся, обнажающих зубы перед его лицом. Взял ли мальчишка своих волков на войну? Мысль эта заставила Тириона поежиться.

Северяне, наверное, утомлены долгим ночным переходом. Тирион попробовал представить себе, на что рассчитывал парень. Неужели он действительно надеялся застать их врасплох во время сна? На это было немного шансов; что бы ни говорили, Тайвина Ланнистера одурачить было невозможно.

Авангард собирался слева. Тирион увидел первый штандарт: три черных пса на желтом фоне. Под ним восседал Григор – на самом большом коне из всех, которых доводилось когда-либо видеть Тириону.

Поглядев на него, Бронн ухмыльнулся:

– В бою всегда следуй за рослым.

Тирион подозрительно поглядел на него.

– А почему так?

– Из них получается великолепная цель. А уж этот притянет к себе внимание каждого лучника.

Рассмеявшись, Тирион поглядел на Гору свежим взглядом.

– Признаюсь, я никогда не воспринимал его в таком свете.

Клиган не был окружен великолепием, тускло-черная сталь пластинчатого панциря была покрыта щербинами, оставленными долгим употреблением, и не была украшена ничем – даже гербом. Сир Григор

указывал своим людям их места великим двуручным мечом, держа его в одной руке, словно какой-то кинжал.

– Того, кто побежит, я зарублю сам, – проревел он, заметив Тириона. – Бес! Налево, держи реку, если сумеешь.

На левый фланг левого фланга. Чтобы обойти их, Старкам потребуются кони, способные бежать по воде. Тирион повел своих людей к берегу.

– Видите?! – прокричал он, указывая топором. – река. – Полотнище белого тумана до сих пор висело над поверхностью воды, над мутно-зеленым и глубоким, бурлящим руслом. Илистое мелководье заросло тростником. – Эта река – наша. Что бы ни случилось, держитесь возле воды. И никогда не теряйте ее из вида. Пусть враг не отрежет нас от нее, а если они посмеют осквернить наши воды, секите их и бросайте рыбам.

Шагга, державший по топору в каждой руке, звонко стукнул ими друг о друга.

– За полумужа! – закричал он. Остальные Каменные Вороны присоединились к его боевому кличу. Черноухие и Лунные Братья тоже. Обгорелые не кричали, но и они постучали мечами о копья.

– За полумужа! За полумужа! За полумужа!

Тирион направил коня полукругом, чтобы оглядеть поле. Покатый и неровный склон, мягкий и глинистый у реки, неторопливо поднимался к Королевскому тракту, за которым на востоке начиналась обычная здесь каменистая и неровная местность. На склонах можно было видеть несколько деревьев, но в основном земля была расчищена и обработана. Сердце колотилось и грохотало в груди Тириона, повторяя ритм барабанов, и под сталью чело его увлажнилось путом.

Он проводил взглядом сира Григора, когда Гора два раза проехал вдоль линии, жестикулируя и что-то выкрикивая. Это крыло было тоже составлено из конницы, но если справа располагался бронированный кулак из рыцарей и тяжеловооруженной кавалерии, то авангард войска западного края составили из отбросов: лучников в кожаных куртках, нестройной массы неприученных к боевому порядку вольных всадников и наемников, сельских работников на пахотных лошадях с косами и ржавыми мечами, полученными от отцов, недоученных ребят из борделей Ланниспорта, ну и Тириона с его горцами.

– Вороний харч, – пробормотал рядом Брони слова, которые Тирион оставил при себе. Ему пришлось только кивнуть. Неужели его лорд-отец лишился рассудка? Нет копейщиков, горстка лучников, несколько рыцарей, плохо вооруженное ополчение, и командует безмозглое чудовище, склонное к припадкам слепой ярости… Как может ожидать лорд Тайвин,

что эта пародия на боевые ряды удержит его левый фланг?

Впрочем, на размышления у него не было времени. Барабаны били так близко, что мороз заползал под его кожу, заставляя холодеть руки. Брони извлек меч, и тут враг разом появился перед ними; кипящая масса размеренным шагом потекла через гребень холма, приближаясь за стеной из щитов и пик.

Проклятие богам, какая силища, подумал Тирион, даже зная, что отец вывел на поле больше людей. Войско вели капитаны на закованных в железо конях, ехавшие под собственными знаменами. Он заметил лося Хорнвудов, колючую звезду Карстарков, боевой топор лорда Сервина, кольчужный кулак Гловеров… и двойные башни Фреев, голубые на сером. Вот и плата за уверенность его отца в том, что лорд Уолдер не станет утруждать себя. Белый флаг дома Старков был виден повсюду, серые лютоволки бежали и прыгали на знаменах, рвались с высоких древков. А где же мальчишка? Хорошо было бы догадаться, подумал Тирион.

Пропел боевой горн. «Харуууууууууууууу», – говорил он голосом, низким и холодным, как ветер, дувший с севера. Ответили трубы Ланнистеров: да-да, да-да-да-ДАААААААААА! Медный и возмущенный голос их показался Тириону менее громким и слегка неуверенным. Он ощутил шевеление в своем чреве, неприятное чувство. Оставалось только надеяться, что умрет он не от поноса.

Трубы умолкли, и воздух над полем зашипел. Лучники, стоявшие у дороги, засыпали войско Старков стрелами. Северяне с боевым кличем перешли на бег, но стрелы Ланнистеров сыпались на них градом – сотнями, тысячами, клич рассыпался в вопли, люди спотыкались и падали. Но второй залп был уже в воздухе, и лучники накладывали третью стрелу на тетиву.

Тут трубы пропели снова. Да-ДАААА, да-ДАААА, да-ДА, да-Да да-ДАААААААА. Сир Григор махнул огромным мечом и рыкнул команду, тысячи голосов присоединились к нему. Тирион пришпорил коня, добавляя еще один голос к какофонии, авангард рванулся вперед.

– У реки, – крикнул он горцам, когда они тронулись с места. – Помните, держитесь реки!

Он еще был впереди, когда они прибавили ходу, наконец. Чилла, испустив вопль, от которого кровь застывала в жилах, галопом опередила его. Шагга взвыл и последовал за ней. Горцы бросились вперед, оставив Тириона в пыли.

Встречая их, копейщики врага выстроились полукругом, двойная изгородь копий торчала стальной щетиной из-за высоких деревянных

щитов с золотой звездой Карстарков. Григор Клиган первым достиг их во главе клина опытных латников. Половина коней попятилась в последнюю секунду, остановив бег перед рядом копий. Остальные погибли, когда стальные острия разорвали их тело, на землю упала, наверное, дюжина нападавших. Конь Горы взвился на дыбы, молотя по воздуху окованными железом копытами, когда зубастый наконечник копья распорол ему шею. Обезумевший зверь рванулся вперед. Копья пронзали его с обеих сторон, но стена щитов развалилась под его весом. Северяне отшатнулись, опасаясь предсмертных движений животного. Конь упал, обливаясь кровью, но Гора поднялся целым и невредимым, размахивая вокруг великим двуручным мечом.

Шагга пролетел в брешь прежде, чем щиты успели сомкнуться, остальные Каменные Вороны последовали за ним.

Тирион закричал:

– Обгорелые! Лунные Братья! За мной! – Впрочем, почти все они были впереди него. Тиметт уже соскакивал с коня, убитого на полном скаку, кто-то из Лунных Братьев повис, пронзенный копьем Карстарка, конь Конна, лягнув, сломал ребро воину врагов. Посыпались стрелы – неизвестно кем пущенные, – падали они и на Старков, и на Ланнистеров, отскакивая от брони или находя плоть. Прикрываясь, Тирион поднял щит.

Изгородь рушилась, северяне отступали под натиском конных. Тирион видел, как Шагга сразил копейщика ударом в грудь, когда дурень попытался шагнуть вперед; топор разрубил и панцирь, и кожу, и мышцы, вскрыв легкое. Северянин умер мгновенно, но топор завяз в его груди, а Шагта отправился дальше, успев расколоть надвое чей-то щит ударом топора в левой руке; правая же удерживала на весу труп.

Наконец мертвец сполз с древка. Шагга ударил топором о топор и заревел.

Но тут враг приблизился к Тириону, от всей битвы осталось лишь несколько футов земли вокруг коня. Латник ударил Тириона в грудь, движением топора он отбил копье. Враг отступил назад для новой попытки, но Тирион пришпорил коня и затоптал его. Бронна окружали трое, но он уже снес наконечник с первого копья и обратным движением сумел ударить клинком в лицо второму противнику.

Брошенное копье с гулким стуком вонзилось в щит Тириона. Повернув, он погнался за кидавшим, но тот поднял щит высоко над головой. Тирион объезжал его, осыпая дерево ударами топора. Полетели дубовые щепки, наконец северянин оступился и упал на спину, прикрываясь щитом. Он был за пределами досягаемости топора, а спешиваться было бы слишком

сложно, и поэтому Тирион направился к другому противнику, взяв его сзади ударом, больно отозвавшимся в руке. Получив мгновенную передышку, он оглянулся, отыскивая взглядом реку. Она оказалась справа. Каким-то образом он развернулся в обратную сторону.

Мимо, привалившись к холке коня, проехал кто-то из Обгорелых. Копье пронзило его живот, наконечник торчал из спины. Он был за пределами помощи, однако, заметив, что один из северян попытался схватить за поводья, Тирион бросился вперед. Противник встретил его с мечом. Высокий и ловкий, в длинной кольчуге и перчатках из стали, он потерял свой шлем, и кровь текла на его глаза из раны на лбу. Тирион ударил в лицо, но высокий отбил удар в сторону.

– Карлик, – завопил он. – Умри.

Он поворачивался, пока Тирион объезжал его, рубя по голове и плечам. Сталь звенела о сталь, и Тирион скоро понял, что человек этот быстрее и сильнее его. В которое же пекло из семи провалился этот Бронн?

– Умри, – зарычал противник, нанося отчаянный удар. Тирион едва успел поднять щит, и дерево словно взорвалось под могучим ударом, осыпав щепками его руку.

– Умри, – завопил меченосец, ударив Тириона в висок так, что в голове его зазвенело. Клинок врага скрежетнул по стали шлема. Высокий ухмыльнулся… но тут конь Тириона со змеиной быстротой укусил его, открыв щеку до кости. Враг закричал, и Тирион погрузил топор в его голову.

– Сам умри, – сказал он; противнику другого и не оставалось.

Вырвав свой топор, Тирион услыхал крик.

– За Эддарда! – звенел голос. – За Эддарда Винтерфелла!

На него наезжал рыцарь, размахивая шипастым кистенем над головой. Кони сошлись, прежде чем Тирион успел позвать Бронна. Правый локоть его взорвался от боли, когда шипы пронзили тонкий металл возле сустава. Топор мгновенно куда-то запропастился, он потянулся к мечу, но кистень вновь закружил, метя в его лицо. Мерзкий хруст предшествовал его падению. Тирион не помнил, как оказался на земле, но когда он поглядел вверх, над ним было лишь только небо. Тирион перекатился на бок, попытался подняться на ноги, но боль пронзила его, и мир вокруг запульсировал. Рыцарь, выбивший его из седла, остановился.

– Тирион-Бес, – прогрохотал он. – Ты – мой. Сдаешься, Ланнистер?

Да, подумал Тирион, но слово застряло в его горле. Крякнув, он попытался подняться на колени, отыскать оружие. Меч, кинжал, что угодно…

– Сдаешься? – Рыцарь на бронированном коне нависал над ним. Человек и лошадь казались огромными. Шипастый шар лениво кружил в воздухе. Руки Тириона онемели, он плохо видел, ножны были пусты.

– Сдавайся или умри, – объявил рыцарь, ускоряя вращение шара. Вскочив на ноги, Тирион ткнул головой в брюхо коня. Животное с ужасным воплем встало на дыбы, пытаясь избавиться от муки. Ливень крови обрушился на Тириона. Конь рухнул лавиной. Потом он понял, что забрало его забито грязью и что-то давит на ногу. Тирион едва вырвался на свободу, горло так перехватило, что он почти не мог говорить.

– Сдаюсь, – едва сумел выдавить он.

– Сдаюсь, – повторил полный боли голос. Тирион стер грязь со шлема и мог теперь видеть, что конь упал на своего всадника. Нога рыцаря оставалась под животным; рука, которой он попытался остановить падение, вывернулась под причудливым углом.

– Сдаюсь, – повторил тот и, отстегнув меч, здоровой рукой бросил оружие к ногам Тириона. – Сдаюсь, милорд.

Ошеломленный карлик пригнулся и поднял меч. Боль пронзила его локоть, когда он шевельнул рукой. Битва, похоже, ушла вперед. Рядом никого не было, если не считать изрядного количества трупов. Вороны уже кружили над ними. Тирион заметил, что сир Киван повернул центр на поддержку авангарда, огромное скопление копейщиков оттесняло северян обратно к холмам. Борьба шла на склонах, пики упирались в стену овальных щитов, скрепленных железными нашлепками. Воздух вновь наполнился свистом, и люди позади дубовой стены начали падать под ударами убийственных наконечников.

– По-моему, вы проигрываете, сир, – сказал он рыцарю, лежавшему под конем. Тот не ответил.

Звук копыт за спиной заставил карлика обернуться, хотя он едва ли сумел бы поднять меч из-за терзающей локоть боли. Брони остановился и поглядел на него сверху вниз.

– Большой пользы ты мне не принес, – укорил его Тирион.

– Вижу, что ты прекрасно справился сам, – ответил Бронн. – Хотя и потерял рог на своем шлеме.

Тирион потянулся к макушке шлема. Шип отломился начисто.

– Я не потерял его. Я знаю, где он находится. А ты не видишь моего коня?

Когда они отыскали животное, трубы запели снова, и лорд Тайвин пустил свой резерв вдоль реки. Тирион видел, как отец пролетел мимо под пурпурным и золотым знаменем Ланнистеров, трепетавшим над его

головой. Пять сотен рыцарей окружали его, солнечный свет играл на остриях пик. Оборона Старков рассыпалась как стекло под их сокрушительным ударом.

Ощущая пульсирующую боль в локте, Тирион не стал пытаться присоединиться к смертоубийству. Они с Бронном принялись разыскивать своих людей. Многие нашлись среди мертвых, Улф, сын Умара, лежал в луже густевшей крови – без руки, отсеченной ниже локтя, вокруг него распростерлась дюжина Лунных Братьев. Утыканный стрелами Шагга скрючился под деревом, голова Конна лежала на его коленях. Тирион решил, что оба мертвы, но когда он спешился, Шагга открыл глаза и проговорил:

– Они убили Конна, сына Коратта.

Симпатичный Конн с виду был цел, если не считать алого пятна, оставленного на груди ударом копья. Когда Брони поднял Шаггу на ноги, рослый горец, казалось, впервые заметил стрелы в своем теле. И по одной принялся вырывать их, проклиная дырки, которые острия оставили в его кольчуге и куртке. Те немногие, которые добрались до его плоти, он извлекал с младенческими стенаниями. Тут к ним подъехала Челла, дочь Чейка, предъявляя четыре отрезанных ею уха. Тиметта они обнаружили за грабежом: он раздевал убитых вместе со своими Обгорелыми. Из трех сотен горцев, которые выехали на поле битвы позади Тириона Ланнистера, уцелела, наверное, половина.

Он оставил живых приглядеть за убитыми, приказал Бронну позаботиться о пленном рыцаре и отправился разыскивать отца. Лорд Тайвин восседал у реки, прихлебывая вино из украшенной самоцветами чаши, сквайр возился с завязками на его панцире.

– Прекрасная победа, – проговорил сир Киван, заметив Тириона. – Твои дикари сражались отлично.

Глаза отца были обращены к нему, их бледная зелень, усыпанная золотыми искорками, казалась настолько холодной, что Тирион поежился. – Ты удивлен, отец, – спросил он, – или это расстроило твои планы? Наверное, мы обязаны были погибнуть?

Лорд Тайвин осушил чашу, выражение на лице его не изменилось.

– Я поставил на левый фланг менее дисциплинированных. Я ожидал, что они не выдержат натиска… Робб Старк – зеленый мальчишка, он скорее проявит отвагу, чем мудрость. Я надеялся, что, заметив провал на нашем левом фланге, он бросится развивать успех. И тогда копейщики сира Кивана, развернувшись, ударили бы северян в бок, загнали бы в реку, а я с резервом добил бы их.

– И вы отправили меня в самое пекло, не сообщив ничего о своих планах?

– Нельзя убедительно изобразить отступление, – сказал отец, – а я не склонен доверять свои планы человеку, общающемуся с наемниками и дикарями.

– Как жаль, что мои дикари испортили танец. – Тирион стащил с руки стальную перчатку и выронил ее, вздрогнув от пронзившей локоть боли.

– Мальчишка Старк оказался осторожнее, чем я ожидал, – признался лорд Тайвин. – Но победа – всегда победа. Кажется, ты ранен?

Правый рукав Тириона был пропитан кровью.

– Спасибо, что вы заметили это, отец, – проговорил он, скрипнув зубами. – Могу ли я обременить вас просьбой? Пошлите кого-нибудь за вашими мейстерами. Если только вы не предпочтете иметь в качестве сына однорукого карлика.

Настоятельный крик «Лорд Тайвин!» заставил отца повернуть голову прежде, чем он успел ответить. Тайвин Ланнистер поднялся на ноги, когда сир Аддам Марбранд соскочил с коня. Конь был покрыт пеной, и губы его кровоточили. Сир Аддам пал на одно колено – рослый, темная медь волос ниспадает на плечи, полированная бронза играет на стали, изображая огненное дерево дома, вытравленное на нагруднике.

– Мой господин, мы захватили некоторых из их командиров: лорда Сервина, сира Уилиса Мандерли, Харриона Карстарка, четверых Фреев; лорд Хорнвуд погиб, и, увы, Русе Болтон сумел улизнуть.

– А мальчишка? – спросил лорд Тайвин. Сир Аддам помедлил.

– Мальчишки Старка не было с ними, милорд. Говорят, что он пересек реку у Близнецов с большой частью своей конницы и отправился прямо к Риверрану.

Зеленый мальчишка, вспомнил Тирион, он скорее проявит отвагу, чем мудрость… Карлик расхохотался бы, если бы ему не было так больно.

Кейтилин

В лесу было множество шорохов.

Лунный свет играл на быстрых водах ручья, искавшего дорогу среди камней на дне долины. Укрытые под деревьями боевые кони с негромким ржанием взрывали копытами влажную, покрытую опавшими листьями почву, люди негромко обменивались нервными шутками. Тут и там позвякивало оружие, тихо шелестели кольчуги.

– Осталось недолго, – сказал Халлис Моллен. Он просил чести охранять ее в грядущей битве – по праву, как капитан гвардии Винтерфелла, – и Робб не отказал.

Кейтилин окружали тридцать латников, обязанных в целости и сохранности проводить ее в Винтерфелл, если битва повернется против Старков. Робб хотел выделить полсотни, Кейтилин же считала, что и десятерых ей будет довольно, а ему в битве понадобится каждый меч. Сошлись на тридцати, и оба остались недовольны принятым решением.

– Она придет в свое время, – сказала Кейтилин сыну, зная, что она – это смерть… ее собственная или Робба. Никто не мог считать себя в безопасности. Ни за чью жизнь нельзя было поручиться. И Кейтилин была готова ждать, ждать и ждать, слушая шепот леса и тихое пение ручья, ощущая прикосновение теплого ветра к волосам.

В конце концов она привыкла ждать. Мужчины успели приучить ее к этому занятию.

– Жди меня, кошечка, – всегда говорил ей отец, уезжая ко двору, на ярмарку или на битву. И она терпеливо ждала его на стенах Риверрана, между вод Красного Зубца и Камнегонки. Отец не всегда возвращался вовремя; проходили дни, а Кейтилин несла свою стражу возле зубцов и амбразур, пока наконец на берегу не появлялся лорд Хостер на своем старом гнедом мерине.

– Значит, ты ждала меня? – спрашивал он, нагибаясь, чтобы обнять ее.

– Значит, ты ждала меня, кошечка?

Брандон Старк тоже просил ее ждать.

– Я не надолго, миледи, – обещал он. – Я вернусь, и мы сразу же повенчаемся. – Но когда наконец этот день настал, вместо него в септе рядом с ней стоял его брат Эддард.

Нед провел со своей новобрачной едва ли пару недель и тоже уехал на войну с обещаниями на губах. Но он-то, во всяком случае, оставил ей не

только слова: он дал ей сына. Девять раз округлялась и тощала луна, и Робб родился в Ривеpране, а отец его все еще воевал на юге. Она родила сына в крови и боли, не зная, увидит ли еще раз своего мужа. Ее сын! Он был таким маленьким…

А теперь она ждала Робба… Робба и Джейме Ланнистера, позолоченного рыцаря, который, как утверждали люди, так и не научился ждать.

– Цареубийца не знает покоя и скор на гнев, – сказал Бринден Роббу. И сын ее рискнул всем – их жизнями и победой, положившись на правоту этих слов.

Если Робб и боялся, то не проявлял признаков испуга. Кейтилин внимательно следила за своим сыном; он обходил людей, хлопал одного по плечу, с другим обменивался шуткой, третьему помогал успокоить встревоженного коня. Броня его негромко позвякивала на ходу. Но голова Робба была обнажена. Кейтилин видела, как ветерок теребил его осенние волосы, так похожие на ее собственные, и удивлялась, не понимая, когда же ее сын успел стать таким взрослым. Ему пятнадцать, а он уже почти догнал ее ростом.

«Пусть он перерастет меня, – попросила Кейтилин богов. – Пусть доживет до шестнадцати, до двадцати и до пятидесяти. Пусть станет таким же высоким, как его отец, и возьмет на руки своего сына. Прошу вас, боги, прошу, прошу!» И она смотрела на этого высокого юношу с пробивающейся бородкой и лютоволком, следовавшим за ним по пятам, но видела лишь младенца, которого давным-давно в Ривеpране приложила к груди.

Ночь выдалась теплой, но от мыслей о Ривеpране мороз пробегал по коже. Где же Ланнистеры, гадала она. Неужели дядя ошибся? Сколько же зависело от справедливости его слов! Робб выделил Черной Рыбе три сотни отборных людей и послал их вперед прикрывать движение.

– Джейме не знает, – сказал сир Бринден, вернувшись. – Клянусь жизнью, ни одна птица не достигла его, об этом позаботились мои лучники. Мы встречали его разведчиков, но те, кто заметил нас, расстались с жизнью и не способны более говорить. Джейме следовало бы выслать побольше людей. Он ничего не знает.

– А большое ли у него войско? – спросил его сын.

– Двенадцать тысяч пеших стоят вокруг замка тремя лагерями, разделенные реками, – сказал дядя с жесткой улыбкой, которую она помнила так хорошо. – Иначе Ривеpран нельзя окружить. Но это их и погубит… Еще у него две или три тысячи конных.

– У Цареубийцы в три раза больше людей, чем у нас, – напомнил Галбарт Гловер.

– Именно, – подтвердил сир Бринден. – Однако сиру Джейме не хватает одной очень важной вещи.

– Чего же? – спросил Робб.

– Терпения.

Войско их теперь увеличилось по сравнению с тем, которое вышло из Близнецов. Лорд Ясон Маллистер привел свое войско из Сигарда. Пока они огибали исток Синего Зубца, к ним присоединялись засечные рыцари, малые лорды и лишившиеся господ латники, бежавшие на север, когда брат ее Эдмар потерпел поражение под стенами Риверрана. Они торопили коней, стараясь успеть вовремя – так, чтобы Джейме Ланнистер не услыхал об их появлении, – и теперь час настал.

Кейтилин видела, как сын ее поднялся в седло. Державший его коня Оливар Фрей, сын лорда Уолдера, был на два года старше Робба и на десять лет юнее и взволнованнее. Привязав щит Робба, он подал ему шлем. Когда забрало опустилось, прикрыв столь любимое Кейтилин лицо, на сером жеребце вместо ее сына остался молодой рыцарь. Под деревьями было темно, луна не заглядывала сюда. Робб повернул голову к матери, но она увидела лишь черноту за забралом.

– Я должен проехать вдоль линии, мать, – сказал он ей. – Отец говорил, что войско перед битвой обязательно должно увидеть полководца.

– Тогда ступай, – ответила она. – Пусть они увидят тебя.

– Это придаст им отваги, – сказал Робб. «Но кто поделится отвагой со мной?» – подумала она, тем не менее сохраняя молчание и заставив себя улыбнуться.

Робб развернул высокого серого коня и шагом направился от нее. Серый Ветер следовал рядом, позади собиралась охрана. Кейтилин согласилась на это при условии, что сын тоже окружит себя верными людьми, и лорды-знаменосцы согласились. Многие из их сыновей добивались чести выехать на поле рядом с Молодым Волком, как стали называть ее сына. Торрхен Карстарк и его брат Эддард были среди его тридцати, с ними Патрек Маллистер, Маленький Джон Амбер, Дарин Хорнвуд, Теон Грейджой, никак не менее пяти отпрысков Уолдера Фрея; были и люди постарше – сир Уэндел Мандерли и Робин Флинт. Среди них оказалась даже девица, Дейси Мормонт, старшая дочь леди Мейдж, наследница Медвежьего острова, стройная шестифутовая особа, получившая шипастую булаву в том возрасте, когда ей было еще положено играть в куклы. Когда некоторые лорды выразили недовольство, Кейтилин не стала прислушиваться к их

жалобам.

– Речь идет не о чести ваших домов, – сказала она. – А о том, чтобы мой сын остался живым и невредимым.

Если дойдет до этого, подумала она, хватит ли ему тридцати человек? Хватит ли ему шести тысяч?

У реки негромко крикнула птица, острая трель ледяной иглой пронзила сердце Кейтилин. Ей ответила вторая, третья, четвертая. Голоса эти были памятны ей по Винтерфеллу. Снежные сорокопуты, они всегда прилетают в середине зимы, когда богороща бела и тиха. Голоса севера.

Они идут, подумала Кейтилин.

– Идут, миледи, – шепнул Хал Моллен. Он всегда любил подчеркнуть очевидное. – Да помогут нам боги!

Она кивнула; лес вокруг сразу притих. В тишине уже слышалась далекая еще поступь многих коней, звон мечей, копий и кольчуг, бормотание человеческих голосов, ругательства и проклятия.

Вечность, казалось, сменялась вечностью. Звуки становились все громче. Она слышала смех, громкие приказы, плеск, когда они переходили узкий ручей. Фыркнула лошадь, ругнулся человек. И тут она увидела… лишь на мгновение этот рыцарь промелькнул среди ветвей, однако она узнала его. Сира Джейме Ланнистера трудно было с кем-то перепутать – даже издалека, даже ночью. Лунный свет посеребрил золото панциря и волос, окрасил алый плащ чернотой. На нем не было шлема.

Джейме появился и исчез снова. Серебряная броня скрылась за деревьями. За ним тянулись остальные – длинная колонна рыцарей, наемников, вольных всадников – три четверти ланнистерской конницы.

– Этот не останется в шатре ждать, пока его плотники достроят осадные башни, – посулил ей сир Бринден. – Он уже трижды выезжал со своими рыцарями, чтобы поймать налетчиков или взять непокорный острог.

Кивая, Робб изучал карту, которую нарисовал для него дядя. Нед научил сына читать карту.

– Надо напасть на него отсюда, – указал он. – Взять несколько сотен людей – не более, – со знаменем Талли. Он погонится за вами, а мы будет ожидать. – Палец его сдвинулся налево. – Здесь.

Теперь это «здесь» пряталось в ночных тенях под луной, густой ковер мертвых листьев прикрывал землю, заросшие лесом края долины мягко понижались к ложу ручья, покрытые редевшим у воды подлеском.

«Здесь» ее сын оглянулся с коня в последний раз, отсалютовав матери мечом.

«Здесь» взревел рог Мейдж Мормонт, низкий голос его, прокатившись

по долине с востока, сообщил им, что последний из всадников Джейме въехал в ловушку.

Серый Ветер откинул к небу голову и завыл.

Голос его, казалось, пронзил Кейтилин Старк, она задрожала. В жутких нотах звучала и музыка. На мгновение она ощутила нечто вроде жалости к войску Ланнистеров. Так говорит смерть, подумала она.

– ХААуууууууууууууууууууу, – отозвался ответ с дальнего гребня, где Большой Джон дунул в свой рог. На востоке и западе трубы Маллистеров и Фреев призвали к отмщению, на севере, где долина сужалась и поворачивалась локтем, боевые горны лорда Карстарка влили глубокую скорбную ноту в зловещий хор. Внизу у ручья кричали люди, пятились кони. Шепчущий Лес разом вздохнул, когда укрывшиеся в ветвях дерева лучники Робба выпустили стрелы на волю, и ночь взорвалась воплями раненых людей и коней. Вокруг нее всадники поднимали пики; грязные листья, скрывавшие жестокие ясные наконечники, осыпались, открывая блеск острой стали.

– За Винтерфелл, – услыхала она голос Робба после того, как стрелы вздохнули снова. И сын рысью повел своих людей.

Кейтилин без движения сидела на коне рядом с Халом Молленом, окруженная охраной; она снова ждала, как прежде ждала Брандона, Неда, отца. Она находилась на краю долины, и деревья скрывали от глаз Кейтилин большую часть того, что происходило внизу. Один удар сердца, два, четыре, и вдруг на свете словно бы никого не осталось, кроме ее защитников. Все остальные растаяли в зелени.

Однако поглядев на противоположную сторону долины, она увидела всадников Большого Джона, появившихся между деревьями. Ряды их показались ей бесконечными, и когда они оставили лес, на короткую долю мгновения лунный свет вспыхнул на остриях их пик, словно тысяча духов спускалась вниз, окутанная серебряным пламенем.

Но Кейтилин моргнула, и они вновь превратились в людей, мчавшихся, чтобы убить или умереть.

После она не смогла бы утверждать, что видела эту битву. Но слышно было прекрасно, а по долине ходили звуки: треск ломающихся копий, звон мечей, крики «За Ланнистеров»; «За Винтерфелл», «Талли! За Ривердан и Талли». Поняв, что смотреть здесь не на что, Кейтилин закрыла глаза отдалась слуху. Битва окружала ее. Она слышала топот; копыт, железные сапоги расплескивали мелкую воду, глухо – словно под топором дровосека – стонали дубовые щиты, сталь скрежетала о сталь, свистели стрелы, грохотали барабаны, в ужасе тысячью глоток ржали кони. Мужчины

ругались и просили пощады, получали ее – или нет, – жили или умирали. Края долины странным образом играли со звуком: однажды она услыхала голос Робба столь же ясно, как если бы он стоял возле нее. Сын звал:

– Ко мне! Ко мне!

Потом закричал лютоволк, лязгнули, раздирая плоть, длинные зубы, в крике ужаса слились голоса человека и коня, или здесь не один волк? Трудно было понять.

Понемногу звуки начали стихать и удаляться. Наконец слышно стало лишь волка. Когда на востоке забрезжил кровавый рассвет, Серый Ветер снова завыл.

Робб подъехал к ней на другом коне, пегом мерине, заменившем серого жеребца, на котором сын спустился в долину. Волчья голова на его щите была изрублена, в древесине остались глубокие борозды, однако сам Робб казался целым и невредимым. И все же, когда сын подъехал ближе, Кейтилин заметила, что его кольчужная перчатка и рукав почернели от крови.

– Ты ранен? – спросила она.

Робб поднял руку, развел и сомкнул пальцы. – Нет, – ответил он. – Это… наверное, кровь Торрхена или… – Он качнул головой. – Не знаю. – За ним следовала толпа – грязная, помятая, но довольная. Теон и Большой Джон шли впереди, держа между собой обмякшего сира Джейме Ланнистера. Они бросили его перед конем Кейтилин.

– Цареубийца, – объявил Хал, констатируя очевидное.

Стоя на коленях, Ланнистер поднял голову и сказал:

– Леди Старк. – Кровь бежала по его щеке из глубокого разреза, бледный свет зари уже золотил его волосы. – Мне следовало бы отдать вам свой меч, но я, увы, потерял его.

– Мне не нужен ваш меч, сир, – заявила она. – Верните мне моего отца и брата Эдмара, отдайте моих дочерей, верните моего лорда-мужа.

– Боюсь, я утратил и их.

– Жаль, – прохладным голосом сказала Кейтилин.

– Убей его, Робб, – посоветовал Теон Грейджой. – Снеси ему голову.

– Нет, – ответил сын, стаскивая окровавленную перчатку. – От живого нам будет больше пользы, чем от покойника. Да и мой лорд-отец никогда не любил убивать пленников после боя.

– Мудрый человек и достопочтенный, – отозвался Джейме Ланнистер.

– Уберите его и забейте в железо, – сказала Кейтилин.

– Исполните волю моей матери, – приказал Робб. – Удостоверьтесь, чтобы охрана была надежной. Лорд Карстарк захочет поднять его голову на

пику.

– Безусловно, – согласился Грейджой, махнув. Ланнистера повели прочь, чтобы перевязать и заковать.

– Почему это лорд Карстарк захочет его смерти? – спросила Кейтилин.

Робб поглядел в лес с тем же самым задумчивым выражением, которое иногда появлялось на лице Неда.

– Он… он убил их…

– Сыновей лорда Карстарка, – объяснил сир Гловер.

– Обоих, – добавил Робб. – Торрхена и Эддарда, а еще Дарина Хорнвуда.

– Никто не может усомниться в отваге Ланнистера, – заявил Гловер. – Увидев, что все потеряно, он собрал свою свиту и стал пробиваться вверх по долине, надеясь достичь лорда Робба и зарубить его. И почти преуспел в своем намерении.

– Меч его остался в шее Эддарда Карстарка после того, как Джейме отрубил руку Торрхену и расколол череп Дарину Хорнвуду, – сказал Робб. – Он все время выкрикивал мое имя. Если бы они не попытались остановить его…

– …тогда сегодня плакала бы я, а не лорд Карстарк, – сказала Кейтилин. – Твои люди выполнили свой долг, Робб, они погибли, защищая своего сюзерена. Скорби о них. Чти их отвагу, но после. Сейчас для горя у нас нет времени. Возможно, ты сумел раздавить голову змея, но три четверти длины его тела еще охватывают замок моего отца. Мы выиграли битву, а не войну.

– Но какую битву! – сказал Теон Грейджой с пылом. – Миледи, страна не знала такой победы со времен Огненного поля. Клянусь, Ланнистеры потеряли десятерых на каждого нашего. Мы взяли в плен почти сотню рыцарей и дюжину лордов-знаменосцев. Лорда Уэстерлинга, лорда Бейнфорта, сира Гарта Гринфилда, лорда Эстрена, сира Титоса Бракса, Маллора Дорнийца… и еще троих Ланнистеров, кроме Джейме, племянников самого лорда Тайвина, двух сыновей его сестры и наследника его покойного брата.

– А как насчет лорда Тайвина? – перебила его Кейтилин. – Быть может, вы случайно прихватили и Тайвина, Теон?

– Нет. – Грейджой сразу притих.

– Пока вы не сделаете этого, война далеко не окончена.

Робб поднял голову и откинул волосы с глаз.

– Мать права. Нам еще нужно освободить Ривердан.

Дейенерис

Мухи облаком окружили кхала Дрого, их тонкий, едва слышный писк наполнял Дени ужасом. Высокое солнце поднялось и безжалостно палило. Жар трепещущими волнами поднимался над каменистыми выступами невысоких холмов. Тонкая струйка пота неторопливо ползла между набухшими грудями Дени. Она слышала лишь ровную поступь копыт, ритмичное звяканье колокольчиков в волосах Дрого и далекие голоса за спиной. Дени следила за мухами.

Они были здесь величиной с пчел, жирные, пурпурные, блестящие. Дотракийцы звали их кровавыми мухами. Насекомые эти жили в болотах и стоячих прудах, пили кровь и человека, и лошади, а яйца свои откладывали в умирающих. Дрого ненавидел их. Если какая-нибудь подлетала поближе, рука его выстреливала и с быстротой змеи смыкалась вокруг насекомого. Дени ни разу не видела, чтобы он промахнулся. Потом Дрого держал муху внутри своего огромного кулака и слушал ее отчаянное жужжание. Наконец пальцы сжимались, а когда он раскрывал кулак снова, от мухи оставалось лишь красное пятно на ладони.

Теперь одна из них ползла по крупу его жеребца, лошадь сердитым движением хвоста отогнала ее. Другие подлетали к Дрого все ближе и ближе. Кхал не реагировал. Глаза его были обращены к далеким бурым горам, поводья свободно лежали в руке. Под расписным жилетом пластырь из фиговых листьев и запекшейся синей глины укрывал рану на груди. Его сделала знахарка. Повязка Мирри Маз Дуур чесалась и жгла, и Дрого сорвал ее шесть дней назад, обругав лхазарянку мейегой. Глиняный пластырь не так раздражал; знахарка сделала ему макового вина. Все эти три дня Дрого налегал на дурманящие напитки, если не на маковое вино, то на перебродившее кобылье молоко или перечное пиво. Тем не менее он едва прикасался к еде, а по ночам стонал и метался.

Дени видела, как исхудало его лицо. Рейего не знал покоя в ее животе, он брыкался, как жеребец, но даже это не успокаивало Дрого. Каждое утро, пока он приходил в себя после тревожного сна, глаза ее обнаруживали на лице мужа новые следы боли. А теперь это молчание. Она боялась его. С тех пор как они сели в седло на рассвете, Дрого не сказал ни слова. На ее реплики он отвечал каким-то ворчанием, а после полудня не стало слышно даже такого ответа.

Одна из кровавых мух опустилась на голую кожу на плече кхала.

Другая, кружа, прикоснулась к его шее и поползла ко рту. Кхал Дрого раскачивался в седле, колокольчики звенели, жеребец ровно шел вперед.

Дени ударила пятками свою Серебрянку, подъехала ближе.

– Мой господин, – сказала она. – Дрого, мое солнце и звезды!

Он как будто не слышал. Новая муха заползла под его вислый ус и перебралась на щеку – в складку возле носа.

Дени охнула:

– Дрого, – и неловкой рукой коснулась его плеча. Кхал Дрого пошатнулся в седле, медленно накренился и тяжело рухнул с коня. Мухи взлетели на мгновение, затем закружили снова, чтобы усесться на лежащего.

– Нет, – проговорила Дени, останавливая коня. Не обращая внимания на живот, она слезла с коня и подбежала к кхалу. Трава под ним была бурой и сухой. Дрого вскрикнул от боли, когда Дени встала на колени возле него. Дыхание застревало в горле; не узнавая, он глядел на нее.

– Коня, – выдохнул он. Дени согнала мух с его груди и раздавила одну, как сделал бы он сам. Кожа кхала обожгла ее пальцы. Кровные следовали за ними. Она услыхала крик подъехавшего Хагго. Кохолло спрыгнул с коня.

– Кровь моей крови, – сказал он, падая на колени. Двое остальных оставались на конях.

– Нет, – застонал кхал Дрого, напрягаясь в руках Дени. – Надо ехать. Ехать. Нет.

– Он упал с коня, – сказал Хагго, поглядев вниз. Широкое лицо его было бесстрастным, но в голосе звучал свинец.

– Ты не должен говорить так, – сказала Дени. – Мы отъехали достаточно далеко. Мы остановимся здесь.

– Здесь? – Хагго огляделся. Земля вокруг казалась выгоревшей и негостеприимной. – Здесь не станешь.

– Женщина не приказывает остановиться, – сказал Квото. – Даже кхалиси не вправе этого делать.

– Мы остановимся здесь, – повторила Дени. – Хагго, скажи всем, что кхал Дрого велел остановиться. Если кто-нибудь спросит о причине, скажи, что мое время близко и я не могу продолжать путь. Кохолло, пришли рабов, пусть они немедленно поставят шатер кхала. Квото…

– Ты не приказываешь мне, кхалиси, – проговорил Киото.

– Отыщи Мирри Маз Дуур, – сказала она. Божья жена шла среди других ягнячьих людей, в длинной колонне рабов. – Приведи ее ко мне вместе с сундучком!

Квото яростно поглядел на нее, глазами жесткими как кремень.

– Мейега. – Он плюнул. – Этого я не сделаю.

– Ты сделаешь это, – сказала Дени. – Когда Дрого очнется, он захочет узнать, почему ты не послушался меня.

Разъяренный Квото развернул жеребца и отъехал… и Дени знала, что он вернется с Мирри Маз Дуур, нравится это ему или нет. Рабы поставили шатер кхала Дрого у зубастого выступа черной скалы, тень которого давала некоторое облегчение от полуденного солнца. Но и несмотря на это, под песчаным шелком было жарко, когда Ирри и Дореа помогли Дени внести Дрого внутрь. Землю прикрыли толстыми коврами и по углам разбросали подушки. Ероих, застенчивая девушка, которую Дени спасла возле сырцовых стен города ягнячьих людей, разожгла жаровню. Они положили Дрого на плетеные циновки.

– Нет, – пробормотал он на общем языке. – Нет, нет. – И ничего больше. У него уже не осталось сил, чтобы говорить.

Дореа расцепила его пояс из медальонов, сняла жилет и штаны, а Чхику склонилась у ног кхала, расплетая шнурки сандалий.

Ирри решила оставить тент открытым, чтобы впустить ветер, но Дени запретила ей. Она не хотела, чтобы кто-нибудь увидел Дрого в лихорадочном забытьи. Когда ее кхас собрался, она поставила их снаружи на стражу.

– Никого не пускайте без моего разрешения, – приказала она Чхого. – Никого.

Ероих с испугом поглядела на Дрого.

– Он умирает, – прошептала она. Дени ударила ее.

– Кхал не может умереть. Он отец жеребца, который покроет весь мир! Волосы его ни разу не были острижены. Он до сих пор носит те колокольчики, которые подарил ему отец.

– Кхалиси, – проговорила Чхику, – он упал с коня. Дрожа, с полными внезапных слез глазами, Дени отвернулась от них.

Он упал с коня! Это было так, она видела это, как и кровные всадники, служанки и люди ее кхаса. Сколько их было еще? Случившееся нельзя было сохранить в тайне, а Дени понимала, что это значит. Кхал, который не может ехать, не способен и править. А Дрого упал с коня.

– Мы должны выкупать его, – сказала она упрямо. Ей нельзя было отчаиваться. – Немедленно принесите ванну. Дореа и Ероих, найдите воды – холодной, у него жар. – Кожа кхала под ее рукой горела огнем.

Рабы поставили тяжелую медную ванну в уголке шатра. Когда Дореа принесла первый кувшин воды, Дени смочила длинный шелк, чтобы положить его на лоб Дрого, на его горящую кожу. Глаза кхала обратились к

ней, но он ничего не видел. Когда его губы открылись, с них сошел только стон, но не слова.

– А где Мирри Маз Дуур? – вопросила ома, страх уносил ее терпение.

– Квото найдет ее, – ответила Ирри.

Служанки наполнили ванну теплой, пахнувшей серой водой, усладили ее кувшинчиками горького масла и горстями листьев мяты.

Когда ванну приготовили, Дени неловко встала на колени возле своего благородного мужа, не обращая внимания на живот. Она расплела его косу пальцами, как было в ту ночь, когда он впервые взял ее под звездным небом. Колокольчики она отложила в сторону, один за одним. Они понадобятся Дрого, когда он поправится.

Дуновение воздуха вошло в шатер вместе с Агго, просунувшим голову сквозь щель в шелке.

– Кхалиси! – сказал он. – Пришел Андал и просит разрешения войти.

Андал, так дотракийцы звали сира Джораха.

– Да, – сказала Дени поднимаясь. – Пусть войдет. – Она доверяла рыцарю. Если кто-то способен ей помочь, так только он.

Сир Джорах Мормонт нырнул под дверной полог и подождал мгновения, чтобы глаза его приспособились к полумраку. В великой заре юга он носил широкие штаны из пятнистого песчаного шелка и зашнурованные до колена ездовые сандалии с открытыми пальцами. Ножны его свисали с пояса, сплетенного из конского волоса. Выгоревший добела жилет прикрывал обнаженное тело, солнце окрасило кожу загаром.

– Изо рта в ухо по всему кхаласару говорят, – сказал он, – что кхал Дрого упал с коня.

– Помоги ему, – попросила Дени, – ради той любви, которую ты испытываешь ко мне, помоги ему теперь!

Рыцарь склонился возле Дрого. Он поглядел на него долгим и жестким взглядом, потом перевел взгляд на Дени.

– Отошли своих служанок.

Не говоря ни слова – горло ее перехватил страх, – Дени сделала жест. Ирри выгнала остальных девиц из шатра.

Когда они остались одни, сир Джорах извлек свой кинжал и с деликатностью, удивительной для столь рослого мужа, начал срезать черные листья и засохшую синюю глину с груди Дрого. Пластырь запекся, как земляные кирпичи людей-ягнят, и как их стены, он легко ломался. Сир Джорах разбил сухую глину ножом, сковырнул обломки с плоти и по одному снял листья. Гнусный сладкий запах поднялся от раны, едва ли не удушая. Листья были покрыты сукровицей и гноем. Загнившая грудь Дрого

почернела и вздулась.

– Нет, – прошептала Дени, слезы бежали по ее щекам. – Нет, боги, нет, прошу вас, боги, услышьте меня, не надо.

Кхал Дрого дернулся, словно сопротивляясь какому-то невидимому врагу. Черная кровь медленно и обильно хлынула из его открытой раны.

– Считай своего кхала мертвым, принцесса.

– Нет, он не может умереть, он не должен, это был всего лишь порез. – Дени взяла его мозолистую руку в свои небольшие ладошки и сжала их. – Я не позволю ему умереть…

Сир Джорах с горечью усмехнулся:

– Кхалиси или королева, такие приказы за пределами твоей власти. Прибереги слезы, дитя. Оплачешь его завтра или через год. У нас нет времени для горя. Мы должны уехать отсюда быстро, пока он еще жив.

Дени растерялась.

– Уехать? Куда мы должны уехать?

– В Асшай. Он лежит далеко на юге, на краю известных морей, но люди говорят, что это огромный порт. И мы отыщем там корабль, который отвезет нас в Пентос. Нас ждет трудное путешествие, в этом можно не сомневаться. Веришь ли ты своему кхасу? Поедут ли с нами эти люди?

– Кхал Дрого приказал им охранять меня, – с уверенностью проговорила Дени. – Но если он умрет… – Она по привычке прикоснулась к своему круглому животу. – Я не понимаю, почему мы должны бежать? Я – кхалиси. Я ношу наследника Дрого. После Дрого он станет кхалом…

Сир Джорах нахмурился:

– Принцесса, выслушай меня. Дотракийцы не последуют за младенцем. Они склонялись перед силой Дрого и только перед ней. Когда его не станет, Чхако, Пого и все остальные начнут сражаться за его место, и кхаласар Дрого пожрет себя. Ну а победитель не захочет соперников. Мальчишку отнимут от твоей груди в тот самый момент, когда он родится. И отдадут псам…

Дени обхватила себя за плечи.

– Почему? – закричала она жалобным голосом. – Почему? Зачем им убивать младенца?

– Он – сын Дрого, и старухи сказали, что он станет жеребцом, который покроет весь мир. Так было предсказано, а значит, лучше убить дитя, чем столкнуться с его гневом, когда он сделается взрослым. – Ребенок взбрыкнул внутри ее, как будто услышав. Дени вспомнила повесть, которую рассказывал ей Визерис, о том, как псы узурпатора обошлись с детьми Рейегара. Сына его, еще младенца, оторвали от груди матери и

ударили головой о стену. Так поступают мужчины.

– Они не должны убить моего сына! – вскричала она. – Я прикажу моему кхасу оберегать его, и кровные Дрого будут…

Сир Джорах схватил ее за плечи.

– Кровные умирают вместе со своим кхалом. Ты знаешь это, дитя. Они отвезут тебя в Вейес Дотрак к старухам, это последняя обязанность, которую они выполнят ради него… но закончив с этим делом, они присоединятся к Дрого в ночных землях.

Дени не хотелось возвращаться в Вейес Дотрак – доживать остаток своей жизни среди ужасных старух, – и все же она поняла, что рыцарь говорит правду. Дрого был больше чем ее солнцем и звездами. Он был щитом, который охранял ее жизнь.

– Я не оставлю его, – сказала она упрямым, полным горя голосом. Она снова взяла мужа за руку. – Не оставлю.

Движение в шатре заставило Дени повернуть голову. Мирри Маз Дуур вошла и низко поклонилась. Все эти дни она шла позади кхаласара и теперь прихрамывала и осунулась, ноги ее покрылись пузырями и кровоточили, под глазами залегли тени. За ней вошли Квото и Хагго, неся между собой сундук божьей жены. Когда кровные увидели рану Дрого, сундук выпал из пальцев Хагго на пол шатра, а Квото выругался так грязно, что буквально запачкал воздух.

Мирри Маз Дуур осмотрела Дрого с лицом спокойным и мертвым.

– Рана загнила.

– Твоя работа, мейега, – крикнул Квото. Хагго ударил кулаком по щеке Мирри, со смачным звуком повалив ее на землю. И пнул ее ногой.

– Прекрати, – отрезвила его Дени. Квото отодвинул Хагго в сторону со словами:

– Пинки – слишком легкая казнь для этой мейеги. Выведи ее наружу. Мы поставим ее и привяжем к колышкам, так чтобы ее мог взять каждый прохожий. А потом пусть ею воспользуются псы. Хорьки вырвут ее внутренности, а падальщицы-вороны выклюют глаза. Мухи с реки отложат в ее чреве яйца, и их личинки будут пить гной из гнилых грудей.

Жесткими как железо пальцами он ухватил дряблую плоть божьей жены и поставил ее на ноги.

– Нет, – проговорила Дени, – я не хочу причинять ей вреда.

Губы Квото раздвинулись, открывая кривые коричневые зубы, в жуткой пародии на улыбку.

– Нет? Это ты говоришь мне – нет? Лучше молись, чтобы мы не поставили тебя рядом с твоей мейегой! Это сделала ты – не только она!

Сир Джорах шагнул между ними, доставая длинный меч из ножен.

– Придержи язык, кровный всадник. Принцесса пока еще твоя кхалиси.

– Лишь пока кровь моей крови живет, – отвечал Квото рыцарю. – Когда он умрет, она ничто.

Дени ощутила, как напряглось ее чрево.

– Прежде чем я стала кхалиси, я была от крови дракона. Сир Джорах, призови мой кхас!

– Нет, – отвечал Квото. – Мы уйдем… но потом вернемся, кхалиси. – Хагго, хмурясь, последовал за ним из шатра.

– Он не хочет тебе добра, принцесса, – сказал Мормонт. – Дотракийцы говорят, что человек и его кровные живут одной жизнью, и Квото видит ее конец. Мертвец не боится.

– Пока еще никто не умер, – сказала Дени. – Сир Джорах, мне потребуется ваш клинок. Лучше наденьте панцирь.

Она испугалась сильнее, чем смела признаться себе самой.

Рыцарь поклонился:

– Как вам угодно, – и направился из шатра. Дени повернулась к Мирри Маз Дуур. Та смотрела на нее настороженными глазами.

– Ты снова спасла мне жизнь.

– А теперь ты должна помочь мне, – сказала Дени. – Пожалуйста…

– Рабыню не просят, – резко отвечала Мирри, – ей приказывают. – Она подошла к Дрого, горевшему в жару на циновке, и внимательно поглядела на его рану. – Проси или приказывай, безразлично. Он уже неподвластен искусству целителя. – Глаза кхала были закрыты. Она открыла двумя пальцами один из них. – Он притуплял боль маковым молоком?

– Да, – проговорила Дени.

– Я сделала ему пластырь из огненного стручка и не-коли-меня и завернула в овечью шкуру.

– Он сказал, что пластырь жжет, и сорвал его. Знахарка сделала ему новый. Влажный и успокаивающий.

– Он жег, правильно. Огонь – великий исцелитель, это знают даже твои безволосые люди.

– Сделай ему другой компресс, – умоляла Дени. – На этот раз я пригляжу, чтобы он не сорвал его.

– Время для лечения прошло, моя госпожа, – проговорила Мирри. – Теперь я могу только облегчить ему спуск по темной дороге, чтобы он мог безболезненно сойти в ночные земли. Его не станет к утру.

Слова ее словно нож пронзили грудь Дени. Что она сделала, почему боги настолько жестоки к ней? Она наконец нашла безопасный уголок,

наконец испытала любовь и надежду. Она уже повернула к дому. И все сгинуло…

– Нет, – умоляла она. – Спаси его, и я освобожу тебя, клянусь. Ты должна знать способ… какое-нибудь волшебство, что-то…

Мирри Маз Дуур опустилась на пятки и принялась изучать Дейенерис глазами черными словно ночь.

– Есть одно заклинание, – шепот ее был тих. – Но злое и черное, госпожа. Некоторые скажут, что смерть чище. Я научилась ему в Асшае и дорого заплатила за урок. Учил меня заклинатель крови из Края Теней.

Дени похолодела.

– Значит, ты в самом деле мейега?

– В самом деле! – Мирри Маз Дуур улыбнулась. – Только мейега может спасти твоего всадника, серебряная госпожа.

– Есть ли другой способ?

– Никакого.

Кхал Дрого, задрожав, охнул.

– Тогда делай, – выпалила Дени. Она не должна бояться, ведь она от крови дракона. – Спаси его!

– Но это дорого стоит, – предупредила ее божья жена.

– У тебя будет золото, кони; все что захочешь.

– Я говорю не о золоте или конях. Там, где заклинают кровь, госпожа, жизнь можно купить лишь смертью.

– Смертью? – Дени обняла себя, защищая, раскачиваясь взад и вперед на пятках. – Моей?

Она сказала себе, что умрет ради него, если придется. Она от крови дракона и ничего не боится. Ее брат Рейегар умер ради любимой.

– Нет, – обещала Мирри Маз Дуур. – Не твоей смертью, кхалиси.

Дени вздрогнула от облегчения.

– Тогда делай!

Мейега торжественно кивнула:

– Как ты говоришь, так и будет. Созови своих слуг.

Кхал Дрого слабо поежился, когда Ракхаро, Куаро и Агго опустили его в ванну.

– Нет, – пробормотал Дрого. – Нет, надо ехать. – Здесь, в воде, все силы наконец оставили его.

– Приведите его коня, – приказала Мирри Маз Дуур, и это было сделано. Чхого ввел в шатер огромного рыжего жеребца. Уловив запах смерти, конь заржал и попятился, закрывая глаза. Лишь втроем мужчины сумели удержать его.

– Что ты намереваешься делать? – спросила Дени.

– Нам нужна кровь, иначе ничего не сделаешь. Чхого отступил назад с аракхом в руке. Молодой, еще шестнадцатилетний, тонкий как кнут, бесстрашный, быстрый как смех, с еле заметной тенью усов на верхней губе, он упал перед ней на колени.

– Кхалиси, – молил он, – ты не должна этого делать. Позволь мне убить эту мейегу.

– Убей ее, и ты убьешь своего кхала, – проговорила Дени.

– Она совершает волшебство над кровью, – сказал он, – это запрещено.

– А я, кхалиси, говорю тебе, что это не так: в Вейес Дотрак кхал Дрого убил жеребца, и я съела его сердце, чтобы сын наш приобрел отвагу и силу. Здесь то же самое.

Конь забился и попятился, когда Ракхаро и Агго потащили его к ванне, в которой словно покойник плавал кхал. Гной и кровь сочились из его раны, загрязняя купальную воду. Мирри произнесла несколько слов на языке, которого Дени не знала, и в ее руке появился нож. Дени и не заметила, откуда он взялся. Нож показался ей старинным – из кованой красной бронзы, в форме листка. Клинок его покрывали древние иероглифы. Мейега провела им по горлу жеребца прямо под благородной головой: конь закричал и забился, кровь хлынула из него красным потоком. Он бы рухнул, но люди кхаса поддерживали его.

– Сила коня, перейди во всадника, – пела Мирри, проливая конскую кровь на кхала Дрого. – Сила животного, войди в человека.

Чхого боролся с весом коня, опасаясь прикоснуться к его мертвой плоти, опасаясь и выпустить ее. Это всего лишь конь, подумала Дени. Если жизнь Дрого можно выкупить смертью коня, такую плату она охотно внесет и тысячу раз.

Когда они позволили коню упасть, ванна наполнилась красной жидкостью, из которой выступало одно только лицо Дрого. Мирри Маз Дуур не нужно было конское мясо.

– Сожгите жеребца, – сказала Дени своим людям. Так было положено, она знала это. Когда умирал мужчина, коня его убивали и клали на похоронный костер, чтобы он унес хозяина в ночные земли. Люди ее кхаса поволокли конский труп из шатра. Кровь была всюду. Даже стены шатра были забрызганы красными каплями, а ковры почернели и хлюпали под ногами.

Зажгли жаровню. Мирри Маз Дуур бросила щепотку красного порошка на угли. Пряный дымок показался Дени приятным, но Ероих, взрыдав, бежала, и теперь даже ее собственное сердце наполнилось страхом. Однако

она зашла слишком далеко и не могла отступать. Дени отослала служанок.

– Ступай вместе с ними, серебряная госпожа, – сказала ей Мирри Маз Дуур.

– Я останусь. Этот человек взял меня под звездами и дал жизнь моему ребенку. Я не оставлю его!

– Ты должна это сделать. Когда я запою, никто не должен входить в шатер. Моя песня пробудит древние и темные силы. Мертвецы будут плясать здесь сегодня ночью. Никто из живых не должен видеть их.

Дени беспомощно склонила голову. Никто не должен входить в шатер. Она согнулась над ванной, над Дрого, утопавшим в кровавой купели, и легко поцеловала его в чело.

– Верни его мне, – прошептала она Мирри Маз Дуур, прежде чем выбежать.

Снаружи солнце опустилось к самому горизонту, небо побагровело. Кхаласар разбивал стоянку. Шатры и спальные циновки виднелись повсюду, насколько мог видеть глаз. Дул жаркий ветер, Чхого и Агго рыли яму, чтобы сжечь мертвого жеребца. Собравшаяся толпа глядела на Дени жесткими черными глазами, лица дотракийцев напоминали ей маски из кованой меди. Сир Джорах Мормонт в панцире и коже проталкивался сквозь толпу, капельки пота усыпали его широкий лысеющий лоб.

Увидав алые отпечатки, которые оставили на земле сапоги, он побледнел как полотно.

– Что ты натворила, дурочка? – спросил сир Джорах хриплым голосом.

– Мне надо спасти его.

– Мы могли бы бежать, – сказал он. – Я бы доставил тебя в Асшай, принцесса. Не было необходимости…

– А я действительно твоя принцесса? – спросила она.

– Ты знаешь, что это так, боги да спасут нас обоих!

– Тогда помоги мне теперь.

Сир Джорах скривился.

– Если бы я знал как!

Голос Мирри Маз Дуур превратился в высокий дрожащий стон, от которого дрожь пробежала по спине Дени. Кое-кто из дотракийцев забормотал и начал пятиться. Шатер изнутри освещали жаровни. Позади забрызганного кровью песчаного шелка двигались тени.

Мирри Маз Дуур танцевала не одна…

Дени видела животный страх на лицах дотракийцев.

– Этого не должно быть, – прогрохотал Квото. Она не видела, как кровник вернулся. Хагго и Кохолло были с ним. Они привели безволосых

людей, евнухов, исцелявших иглой, ножом и иглой.

– Так будет, – проговорила Дени.

– Мейега, – проворчал Агго. И старый Кохолло – Кохолло, который связал свою жизнь с Дрого в день его рождения, Кохолло, всегда бывший с ней добрым, – плюнул ей прямо в лицо.

– Ты умрешь, мейега, – посулил Квото. – Но другая умрет первой!

Он извлек свой аракх и направился к шатру.

– Нет, – выкрикнула Дени. – Ты не должен этого делать!

Она поймала его за плечо, но Квото оттолкнул ее в сторону. Дени упала на колени, скрестив руки на животе, чтобы защитить дитя.

– Остановите его, – приказала она кхасу. – Убейте его.

Ракхаро и Куаро стояли возле полога шатра. Куаро шагнул вперед, потянувшись к рукояти кнута, но Квото повернулся изящным движением танцора; взлетевший аракх угодил Куаро прямо под руку, острая яркая сталь рассекла одежду, кожу, мышцы и ребра. Хлынула кровь, и молодой всадник, охнув, повалился назад. Квото вырвал клинок.

– Табунщик, – окликнул его сир Джорах Мормонт. – Попробуй-ка меня. – Меч его выпрыгнул из ножен.

Квото обернулся ругаясь. Аракх метнулся так быстро, что кровь Куаро полетела с него тонкой пылью, как дождь под жарким ветром. Длинный меч перехватил его в футе от лица сира Джораха, аракх замер на мгновение, и Квото взвыл от ярости. Рыцарь был одет в кольчугу, на нем были стальные перчатки, поножи, тяжелый воротник защищал горло, однако он не подумал надеть шлем.

Квото, пританцовывая, отступал, аракх вился вокруг его головы сияющим кругом, молнией выскакивая из него. Сир Джорах как только мог отбивал удары, следовавшие настолько быстро, что Дени казалось, что он вот-вот пропустит аракх.

Изогнутый меч хрустнул о кольчугу, просыпались искры, когда кривой клинок соскользнул по перчатке. Вдруг оказалось, что Мормонт неловко отступает, а Квото продвигается вперед. Левая сторона лица рыцаря покраснела от крови, рана в бедре заставила его прихрамывать. Квото выкрикивал оскорбления, называл его трусом, молокососом и евнухом в железной рубахе.

– А теперь ты умрешь, – посулил он, и аракх вспорол красные сумерки. Сын отчаянно брыкнул в чреве Дени. Кривой клинок скользнул вдоль прямого и глубоко рассек бедро рыцаря там, где кольчуга раскрылась.

Мормонт охнул и пошатнулся. Дени ощутила острую боль в животе, влага хлынула на бедра. Квото победно вскрикнул, но аракх его наткнулся

на кость и на мгновение остановился.

Этого было довольно. Сир Джорах обрушил на Квото свой меч, вложив в удар последние силы, прорезав плоть, мышцы и кость; и предплечье Квото повисло на тонкой полоске кожи и сухожилий. Следующий удар рыцаря пришелся в ухо дотракийца, и лицо Квото как будто бы взорвалось.

Дотракийцы кричали, Мирри Маз Дуур нечеловеческим голосом вопила в шатре, Куаро просил воды, умирая. Дени попросила помощи, но никто не слыхал ее. Ракхаро бился с Хагго, аракх плясал с аракхом, но наконец щелкнул кнут Чхого, обвиваясь вокруг горла Хагго. Движение – и кровный сделал шаг назад, оступившись и выронив меч. Взвыв, Ракхаро прыгнул вперед и, перехватив аракх обеими руками, обрушил удар на макушку головы Хагго… острие вышло между глазами, красное и дрожащее. Кто-то бросил камень, и обернувшись, Дени заметила на своем плече кровавую рану.

– Нет, – зарыдала она. – Нет, не надо. Цена слишком высока.

Опять полетели камни, она попыталась ползти к шатру, но Кохолло поймал ее. Запустив пальцы в волосы, он запрокинул назад голову Дени, и она ощутила горлом холодное прикосновение ножа.

– Мой ребенок, – завизжала она, и боги, наверное, услыхали ее, потому что Кохолло умер на месте. Стрела Агго вонзилась у него под рукой, пробив и сердце и легкие.

Когда наконец Дейенерис нашла в себе силы поднять голову, она увидела, что толпа рассеивается: дотракийцы безмолвно пробирались к своим шатрам и спальным циновкам. Некоторые уже седлали коней, отъезжая. Солнце село. Костры пылали по кхаласару, огромные оранжевые языки, яростно треща, выплевывали угольки к небу. Дени попыталась подняться, но боль охватила ее, стиснув, как кулак гиганта. Дыхание оставило ее, она сумела только охнуть. Голос Мирри Маз Дуур уже казался погребальным напевом. Внутри шатра кружили тени.

Твердая рука подняла ее и поставила на ноги. Лицо сира Джораха увлажнила кровь. Дени заметила, что половина уха его исчезла. Она дернулась в его руках, когда боль вновь овладела ею, и услышала, как рыцарь крикнул, чтобы служанки помогли ей. Почему они так испугались? Она знала ответ. Боль вновь пронзила ее, и Дени прикусила губу: похоже было, что сын пробивается наружу, ножами в обеих руках кромсая ее тело.

– Дореа, проклятая! – взревел сир Джорах. – Иди сюда. Приведи повивальных бабок.

– Они не придут, они сказали, что кхалиси проклята.

– Они придут, или я снесу им головы.

Дореа зарыдала.

– Они ушли, милорд.

– А мейега? – сказал кто-то. Кажется, Агто. – Отведите ее к мейеге.

«Нет, – хотела сказать Дени, – нет, только не это. Нельзя». Но когда она открыла рот, из него вырвался лишь долгий стон боли, и пот выступил на коже. Что случилось с ними, почему они ничего не видят? Внутри шатра плясали тени, они кружили вокруг жаровни и кровавой купели, вырисовываясь на песчаном шелке, и не все из них казались людьми; она заметила тень громадного волка, другая напоминала охваченного пламенем человека.

– Женщина из овечьего народа знает секреты родильного ложа, – сказала Ирри. – Так она говорила, и я слыхала ее.

– Да, – согласилась Дореа, – я тоже слыхала ее.

– Нет, – закричала Дени или, быть может, только хотела закричать, потому что ни звука, ни шепота не сошло с ее губ. Глаза ее обратились к небу, черному, мутному и беззвездному. – Прошу вас, не надо. – Голос Мирри Маз Дуур становился громче и наконец наполнил весь мир.

– Тени, – завизжала она. – Плясуны!

Сир Джорах внес Дени в шатер.

Арья

Запах горячего хлеба, вытекавший из лавок Мучной улицы, казался Арье слаще любых духов, которые ей приходилось нюхать. Она глубоко вдохнула и подобралась поближе к голубку. Упитанная, в коричневых пятнышках птица деловито клевала корку, застрявшую между двумя камнями, но когда тень Арьи упала на нее, немедленно взмыла в воздух.

Деревянный меч со свистом зацепил беглянку футах в двух над землей. Птица упала, разбросав коричневые перышки. Арья бросилась вперед, мгновенно ухватив трепещущее крыло. Голубь клюнул руку. Арья схватила его за голову и повернула, почувствовав, как хрустнула косточка.

Ловить голубей легче, чем кошек. Мимохожий септон искоса поглядел на нее.

– Голубей нужно ловить здесь, – объяснила ему Арья, отряхиваясь и подбирая упавший деревянный меч. – Они прилетают за крошками. – Он заспешил прочь.

Арья привязала голубя к поясу и направилась дальше. Торговец вез пирожки на двухколесной тележке, пахло черникой, лимоном и абрикосом. В желудке Арьи заурчало.

– Можно мне один? – услыхала она собственный голос. – С лимоном… или любой.

Разносчик поглядел на нее сверху вниз, явно не удовлетворенный увиденным.

– Три медяка.

Арья постучала деревянным мечом о свой ботинок.

– Меняю на жирного голубя, – сказала она.

– А иди-ка ты со своим голубем к Иным, – усмехнулся разносчик.

Пирожки были еще теплыми – из печи. Запахи эти наполняли рот Арьи слюной, но у нее не было трех медяков… даже одного. Она поглядела на разносчика, вспомнив наставления Сирио, обучавшего ее видеть. Коротышка с округлым брюшком, он как будто бы приволакивал левую ногу. Она подумала, что, если схватить пирожок и броситься наутек, он не сумеет поймать ее, но торговец сказал:

– Не смей тянуть свои грязные руки! Золотые плащи знают, как надо обращаться с маленькими уличными воришками, так вот…

Арья опасливо огляделась. Двое из городской стражи стояли в переулке. Плащи их свисали почти до земли; тяжелая, явно золотая шерсть, черные

сапоги, панцирь и перчатки. У одного на поясе был длинный меч, у другого железная дубинка. Бросив короткий завистливый взгляд на пирожки, Арья отступила от тележки и заторопилась дальше. Золотые плащи не обратили на нее никакого внимания, однако, проходя мимо, она ощутила, как кишки стянулись узлом. Арья держалась от замка настолько далеко, насколько это было возможно. Но даже издали она видела головы, разлагавшиеся над высокими красными стенами. Над ними реяла мушиным облаком стая ворон, перебранивавшихся из-за добычи. В Блошином конце поговаривали, что золотые плащи приняли сторону Ланнистеров, их начальника произвели в лорды, ему пожаловали поместье у Трезубца и место в Королевском совете.

Слыхала она и другие вещи – ужасные – и не верила им. Одни говорили, что ее отец убил короля Роберта и, в свой черед, принял смерть от руки лорда Ренли. Другие настаивали на том, что Ренли убил короля, спьяну поссорившись с братом. Зачем же ему понадобилось бежать, подобно обычному татю? Поговаривали также, что короля убил кабан на охоте; другая версия утверждала, что он умер, переев свинины, причем настолько, что лопнул прямо за столом. Да, король умер за столом, уверяли другие, но только потому, что Варис-паук отравил его. Нет, его отравила королева! Нет, он умер от язвы! Нет, он подавился рыбной костью…

Однако все истории сходились на одном: король Роберт умер. Колокола семи башен Великой септы Бейелора звонили целый день и ночь. Громовое их горе бронзовым прибоем прокатывалось над городом.

– Так звонят лишь по королю, – объяснил Арье мальчишка красильщика.

Она хотела только добраться домой, но оставить Королевскую Гавань было не так легко, как ей представлялось. Все говорили, что началась война, и золотых плащей на стенах города было как блох на… как на ней самой. Арья ночевала в Блошином конце, на крышах, в стойлах – там, где можно лечь, – и быстро поняла, что имя свое этот квартал заслужил не случайно.

Каждый день после своего бегства Арья по очереди обходила семь городских ворот. Драконьи, Львиные и Старые были закрыты и заложены. Грязные и Божьи оставались открытыми, но лишь для тех, кто ехал в город; за стены стража никого не выпускала. Получившие разрешение уезжали через Королевские или Железные, которые охраняли латники Ланнистеров в пурпурных плащах и львиных шлемах. С крыши постоялого двора возле Королевских ворот Арья видела, как они обыскивают фургоны и повозки, заставляют всадников открывать седельные сумы, допрашивают всех

уходящих пешком…

Иногда она подумывала, не уплыть ли ей по реке, но Черноводная текла глубоко и широко, и все называли ее течение предательским и коварным. А чтобы заплатить перевозчику или попасть на корабль, надо было иметь деньги.

Лорд-отец учил их никогда не красть, но ей становилось все труднее и труднее припоминать эти уроки. Если не убежать поскорее из города, рано или поздно она нарвется на неприятную встречу с золотыми плащами. Арья не голодала с тех пор, как научилась сбивать птиц деревянным мечом, однако голубиное мясо уже надоело ей до тошноты.

Парочку птиц она съела сырыми, ну а потом обнаружила Блошиный конец.

Здесь в переулках находились харчевни, в которых годами кипели огромные котлы похлебки, за половину птицы ей давали горбушку вчерашнего хлеба и «мису хлебова», даже позволяли поджарить другую половинку голубя на огне, если ты сама ощипала перья. Арья отдала бы все, что угодно, за чашку молока с лимонным пирогом, но и хлебово было не столь уж дурно. В похлебке обычно обнаруживался ячмень, кусочки морковки, лука и репки, иногда даже яблоко, а сверху плавала пленочка жира. О мясе она старалась не думать. Однажды ей досталась рыба.

Плохо было то, что харчевни никогда не пустовали, и, заскакивая за едой, Арья ощущала на себе любопытные взгляды. Кое-кто поглядывал на ее сапоги и плащ; она знала, что они думают. Другие словно бы пытались взглядом снять с нее одежду, и она не знала, что думают эти, что пугало ее еще больше. Пару раз за ней увязывались по переулку и пытались поймать, но этого еще никому не удавалось сделать.

Серебряный браслет, который Арья собиралась продать, украли в первую же проведенную ею в городе ночь – вместе со свертком одежды, – пока она спала в сгоревшем доме возле Свиного переулка. Ей оставили только плащ и кожаный костюм, что был на ней, деревянный меч… и Иглу. Арья положила меч под себя – он стоил всего остального и, конечно, тут же исчез бы.

После этого Арья начала ходить с плащом на правой руке, скрывая клинок у бедра. Деревянный меч она носила в левой, чтобы отпугивать грабителей, но в харчевнях попадались и такие люди, которые не испугались бы даже боевого топора в ее руках. Этого было достаточно, чтобы она потеряла вкус к голубятине и черствому хлебу. Она нередко предпочитала уснуть голодной, чем попадаться под эти взгляды.

Там, за городом, можно собирать ягоды, ей встретятся яблоневые и

вишневые сады. Арья помнила их у Королевского тракта. Еще можно нарыть корней в лесу, даже поймать нескольких кроликов. А в городе ловить некого: только крыс, кошек и ободранных псов. В харчевне за нескольких щенков давали горсть медяков, она слыхала об этом, но сама идея ей почему-то не нравилась.

Вниз от Мучной улицы располагался лабиринт Кривых переулков и Поперечных улиц. Арья проталкивалась сквозь толпу, стараясь обходить подальше золотые плащи. Она привыкла держаться поближе к середине улицы. Иногда ей приходилось отскакивать от фургонов и коней, но тут по крайней мере издалека было видно, что идет стража. Тот, кто ходит у стены, легко может попасться. Однако в некоторых переулках оставалось только жаться к стенам, настолько близко сходились дома.

Мимо нее пробежала стайка маленьких детей следом за катящимся обручем. Арья презрительно поглядела на них, вспомнив ту пору, когда она еще играла в обруч с Браном, Джоном и маленьким братцем Риконом. Арья подумала, что Рикон, наверное, подрос, а Бран скучает без нее. А за то, чтобы Джон назвал ее маленькой сестричкой и взлохматил волосы, она отдала бы все, что угодно. Впрочем, она видала свое отражение в лужах и полагала, что сильнее растрепать ее прическу нельзя.

Сперва она пыталась завязать разговор с детьми, которых встречала на улице, подружиться с кем-нибудь из них, найти уголок, чтобы поспать, но, видно, говорила что-то не то. Маленькие смотрели на нее настороженными глазами и убегали, когда она слишком уж приближалась. Их старшие братья и сестры задавали вопросы, на которые Арья не знала ответов, обзывали ее, пытались обокрасть. Лишь вчера босая и оборванная девчонка, раза в два старше Арьи, повалила ее и попыталась стянуть с ног сапоги, но, получив по уху деревянным мечом, бросилась прочь, рыдая и обливаясь кровью.

Над головой кружила чайка, Арья спускалась с холма к Блошиному концу. Девочка задумчиво поглядела на птицу, однако та находилась далеко за пределами досягаемости ее палки. Чайка напомнила Арье о море. Что, если оно откроет ей путь из города? Старая Нэн рассказывала о мальчишках, убегавших на торговых галеях навстречу всякого рода приключениям. Быть может, и Арья сумеет так сделать. Она решила сходить к реке. Идти нужно было к Грязным воротам, возле которых она сегодня еще не побывала.

Людные прежде улицы оказались странно притихшими, когда Арья вышла к ним. Пара золотых плащей расхаживала бок о бок по рыбному рынку, но они даже не поглядели на нее. Половина прилавков пустовала, и

у причала оказалось меньше кораблей, чем было раньше. По Черноводной шли три военных галеи, золотые носы взрывали волны, весла поднимались и опадали. Арья поглядела на корабли и продолжила свой путь вдоль реки.

Когда она увидела на третьем пирсе гвардейцев в серых, подбитых белым атласом плащах, сердце замерло у нее в груди. Цвета Винтерфелла. У причала покачивалась трехпалубная торговая галея. Арья не смогла прочитать надпись на корпусе. Слова выходили странные; мирийские или браавосийские, а может, даже старовалийские. Арья ухватила за руку проходящего грузчика.

– Пожалуйста, скажите мне, что это за корабль?

– Это «Владычица ветра» из Мира, – ответил тот.

– Она все еще здесь?! – выпалила Арья.

Грузчик недоуменно поглядел на нее, пожал плечами и отправился прочь.

Арья бросилась к причалу. «Владычица ветра»! Тот самый корабль, который отец нанял, чтобы ее отвезли домой. Судно ждет ее, а она-то думала, что оно уже в море.

Двое гвардейцев играли в кости, третий расхаживал возле них, не снимая руки с меча. Устыдившись непрошеных слез, она остановилась, чтобы отереть их, глаза, глаза, глаза, но почему…

– Гляди своими глазами, – услышала она шепоток Сирио.

Арья огляделась. Она знала всех людей отца. Эти же трое в серых плащах были не знакомы ей.

– Эй ты, – окликнул ее тот, что расхаживал. – Чего тебе нужно здесь, малый? – Двое других оторвались от костей. Арье оставалось только заставить себя остаться на месте. Она знала, что, если повернется и убежит, они немедленно бросятся за нею. Она заставила себя подойти ближе. Они ловят девчонку, значит, она выдаст себя за мальчика. Она станет мальчиком.

– Не купите ли голубя? – Она показала ему мертвую птицу.

– Убирайся отсюда, – крикнул гвардеец. Арья со всей искренностью поступила, как ей приказали, испуг можно было даже не изображать. Позади нее вновь застучали кости.

Она не помнила, как вернулась в Блошиный конец, но, оказавшись на узкой и немощеной извилистой улочке, поднимавшейся между холмов, обнаружила, что изрядно запыхалась. В Блошином конце вообще повонивало: свинарники, конюшни, лавки красильщиков добавляли крепости испарениям винных погребов и дешевых публичных домов. Арья тупо брела по лабиринту. И поняла, что потеряла птицу, лишь уловив запах бурлящей коричневой похлебки, тянувшийся из-за двери харчевни.

Наверное, голубь незаметно выскользнул из ее рук, или его незаметно стащили, когда она побежала. Мгновение Арья собиралась заплакать. Значит, придется опять тащиться в такую даль на Мучную, чтобы поймать столь же упитанную птицу.

Вдалеке над городом ударили колокола. Арья огляделась, не понимая, что означает их бой.

– Что еще случилось? – спросил толстопузый хозяин харчевни.

– Снова звонят, милосердные боги, – простонала старуха.

Рыжеволосая шлюха в тонком расписном шелке высунулась из окна второго этажа.

– Не мальчишка ли король помер? – крикнула она, наклоняясь над улицей. – Так всегда с мальчишками, долго они не могут!

Шлюха расхохоталась, за спиной ее появился обнаженный мужчина, – припав к ее шее, он из-за спины принялся тискать тяжелые белые груди, свисавшие под рубашкой.

– Глупая девка, – крикнул снизу толстяк. – Король не умер. Король созывает. Звенит одна башня. Когда умирает король, звонят во все колокола.

– Эй, перестань кусаться, или я звякну уже в твой колокол, – огрызнулась шлюха, отталкивая локтем навалившегося на нее мужчину. – Так кто же умер, если не король?

– Это зов, – повторил толстяк.

Двое мальчишек, почти ровесники Арьи, пробежали, разбрызгивая лужи. Старуха обругала их, но они и не думали останавливаться. На улице появились люди, направившиеся вверх, чтобы узнать, из-за чего шум. Арья побежала за отставшим мальчишкой.

– Что случилось? – крикнула она, оказавшись за его спиной. – Что происходит?

Он обернулся на ходу.

– Золотые плащи несут его в септу.

– Кого? – крикнула она, прибавив скорость.

– Десницу! Ему отрубят голову, так говорит Буу.

Мимоезжий фургон оставил глубокую колею на улице. Мальчишка перепрыгнул ее, но Арья не заметила рытвину. Споткнувшись, она упала, ударившись лицом, раскроив колено о камень и врезавшись пальцами в засохшую землю. Игла оказалась прямо между ее ног. Рыдая, Арья поднялась с земли. Палец на левой руке был покрыт кровью. Обсосав его, она заметила, что половина ногтя исчезла, сорванная при падении. Рука пульсировала, колено покрыла кровь.

– Дорогу! – закричали на Поперечной улице. – Дорогу милордам

Редвинским.

Арья едва успела убраться, чтобы ее не затоптали четверо гвардейцев. Огромные кони пролетели в галопе, на клетчатых плащах чередовались алые и синие квадраты. Позади них на паре гнедых кобыл ехали два молодых лорда, похожие как две горошины в одном стручке. Арья тысячу раз видела во дворе замка близнецов Редвинов, сира Хораса и сира Хоббера, некрасивых молодых людей с ярко-рыжими волосами и квадратными веснушчатыми лицами. Санса и Джейни Пуль назвали их сиром Орясиной и сиром Боббером и хихикали всякий раз, когда замечали их. Теперь молодые люди не показались Арье забавными.

Все двигались в одну сторону, все торопились узнать причину звона. Колокола слышались громче, они звали, звенели, и Арья присоединилась к потоку людей. Ноготь настолько болел, что она едва удержалась от слез. Прикусив губу, она хромала вперед, прислушиваясь к взволнованным голосам.

– …Десница короля, лорд Старк. Его несут в септу Бейелора.

– Я слыхал, что он уже умер.

– Скоро, скоро умрет. Вот, хочешь, ставлю серебряного оленя, что ему отрубят голову.

– Опоздал, изменник, – отвечал человек. Арья попыталась сказать.

– Он никогда… – начала она, но ее детский голос дрогнул и оборвался. Взрослые переговаривались над ней.

– Дурак! Ему не отхватят голову. С каких это пор изменников казнят на ступенях Великой септы?

– Не в рыцари же его там возведут. Я слыхал, что этот Старк убил старого короля Роберта. Перерезал ему глотку в лесу, а когда их нашли, стоит себе спокойный такой и говорит, мол, с государем расправился старый вепрь.

– Да ну тебя, это не так, с королем расправился его собственный брат. Этот Ренли с позолоченными рогами!

– Заткни свой лживый рот, женщина. Ты не знаешь, о чем говоришь; его светлость – истинно благородный и верный человек!

Когда они достигли улицы Сестер, толпа сделалась сплошной. Арья позволила людскому потоку унести ее на вершину холма Висеньи. Белая мраморная площадь была забита взволнованным народом, все толкались, пытались пробиться поближе к Великой септе Бейелора. Колокола уже оглушали.

Арья нырнула в толпу, виляя между ног лошадей и крепко держа свой палочный меч. Из гущи она могла видеть лишь ноги, руки и животы, а еще

семь тонких башен над головой. Заметив фургон лесоруба, она решила влезть на него, чтобы лучше видеть. Но не она одна сообразила это, возница оглянулся и прогнал всех кнутом.

Арья впала в неистовство. Когда она проталкивалась вперед, ее прижали к каменному столбу. Поглядев вверх, она увидела изваяние Бейелора Благословенного, короля-септона. Засунув деревянный меч за пояс, Арья полезла вверх. Обломанный ноготь оставлял пятна крови на крашеном камне, но она справилась с подъемом и устроилась между ногами короля.

Тут она увидела своего отца.

Лорд Эддард стоял на кафедре Великого септона перед дверями септы, поддерживаемый двумя золотыми плащами. На нем был богатый дублет из серого бархата с белым волком, вышитым бисером на груди, и серый шерстяной плащ, отороченный мехом. Арья еще не видела отца таким худым, лицо его исказила боль. Собственно говоря, лорд Эддард и не стоял, его держали. Лубок на сломанной ноге побурел от грязи.

Позади отца стоял сам Великий септон, человек приземистый, седой и невероятно жирный. Длинные белые одежды венчала невероятных размеров тиара из витого золота и хрусталя, рассыпавшая вокруг радужные искры при малейшем движении.

Вокруг дверей септы, перед вознесенной мраморной кафедрой, теснились рыцари и высокие лорды. Среди них она заметила Джоффри, в алом шелке и атласе, расшитом скачущими оленями и ревущими львами, с золотой короной на голове. Возле сына стояла королева-мать в черном траурном одеянии с алыми прорезями. Расшитая черными алмазами вуаль покрывала ее волосы.

Арья узнала Пса в снежно-белом плаще на темно-серой броне, его окружали четверо королевских гвардейцев. Она увидела Вариса-евнуха, скользившего между лордов в своих мягких туфлях и расшитом дамаскиновом одеянии. Потом она подумала, что коротышка с остроконечной бородой под серебряным капюшоном, наверное, и есть тот самый юноша, что однажды сражался из-за матери на дуэли.

Среди лордов находилась и Санса в платье из небесно-голубого шелка, длинные золотисто-рыжие волосы были свежевымыты и завиты, запястья ее украшали серебряные браслеты. Арья нахмурилась, не зная, что делает там сестра и почему она кажется такой радостной.

Длинный ряд облаченных в золотые плащи копейщиков сдерживал толпу; командовал ими крепкий мужчина в причудливом панцире, покрытом черным лаком и золотой филигранью. Плащ его играл

металлическим блеском настоящей парчи.

Колокол умолк, и тишина постепенно воцарилась на огромной площади, отец ее поднял голову и заговорил голосом настолько тонким и слабым, что она едва различала слова. Люди позади них начали выкрикивать:

– Что? Громче!

Человек в черно-золотой броне зашел за спину отца и больно толкнул его.

«Оставьте его в покое!» – хотела было выкрикнуть Арья, однако она знала, что ее никто не послушает. Она прикусила губу. Отец возвысил голос и начал снова.

– Я, Эддард Старк, лорд Винтерфелла, десница короля, – проговорил он голосом уже более громким, прокатившимся по площади, – предстал перед вами, чтобы признаться в предательстве перед богами и людьми.

– Нет, – проскулила Арья. Толпа под ней завопила и закричала. Оскорбления и непристойности наполнили воздух. Санса закрыла лицо руками.

Отец продолжил еще громче, чтобы его услышали.

– Я обманул доверие моего друга короля Роберта, – выкрикнул он. – Я поклялся защищать и оборонять его детей, но, прежде чем король оставил нас, я вступил в заговор, чтобы сместить его сына и захватить трон. Пусть верховный септон, Бейелор Благословенный и Семеро будут свидетелями моих слов. Джоффри Баратеон является единственным законным наследником Железного трона и, по воле всех богов, лордом Семи Королевств и Хранителем государства.

Из толпы вылетел камень. Арья вскрикнула, увидев, что он попал в отца. Золотые плащи удержали лорда Эддарда от падения. Кровь потекла по его лицу из глубокой раны на лбу. Полетели новые камни. Один попал в гвардейца, находившегося слева от отца, другой звякнул об украшенный золотом панцирь черного рыцаря. Двое королевских гвардейцев стали перед Джоффри и королевой, прикрывая их своими щитами.

Запустив руки под плащ, Арья нащупала Иглу и обхватила рукоять меча, стиснув ее так, как еще никогда ничего не стискивала. «О Боги, сохраните его, прошу вас, – молила она. – Пусть отец мой останется невредимым».

Верховный септон преклонил колено перед Джоффри и его матерью.

– Мы грешим, мы страдаем, – проговорил он гулким басом, куда громче, чем отец. – Этот человек исповедал свои прегрешения перед лицом богов и людей в этом святом месте. – Радуги заплясали вокруг его головы,

и он простер руки к королю. – Боги справедливы, но Благословенный Бейелор учил нас тому, что они также и милосердны. Что будет сделано с этим предателем, светлейшая государыня?

Закричала тысяча голосов. Но Арья не слышала ничего. Принц Джоффри… король Джоффри… быстро шагнул вперед из-за щитов гвардейца.

– Мать моя просит, чтобы лорду Эддарду разрешили уйти к Черным Братьям, и леди Санса умоляла простить ее отца. – Поглядев на Сансу, он улыбнулся, и на мгновение Арье показалось, что боги услышали ее молитву, но Джоффри повернулся к толпе и сказал:

– Женское сердце мягко. И пока я – ваш король, ни одно предательство не окажется безнаказанным. Сир Илин, принесите мне голову изменника!

Толпа взревела, и Арья ощутила, как дрогнула статуя Бейелора, когда люди навалились на камень. Верховный септон схватил короля за плащ, Варис бросился вперед, размахивая руками, даже королева что-то сказала сыну, но Джоффри качнул головой. Лорды и рыцари расступились перед высоким, бесплотным скелетом в железной броне, воплощавшим королевское правосудие. Смутно, словно бы издалека, Арья услышала крик сестры. Истерически рыдая, Санса упала на колени. Сир Илин Пейн поднялся на ступени кафедры.

Скользнув между ногами Бейелора, Арья бросилась в толпу, извлекая Иглу. Она приземлилась на спину мужчине в фартуке мясника и повалила его на землю. Тут кто-то толкнул ее в спину, и она едва не упала. Толпа сомкнулась, спотыкаясь и топча бедного мясника. Арья замахнулась Иглой.

На ступенях сир Илин взмахнул рукой, и рыцарь в черном с золотом панцире отдал приказ. Золотые плащи бросили лорда Эддарда на мрамор, оперев грудью о край.

– Эй ты! – крикнул ей сердитый голос, но Арья метнулась мимо, расталкивая людей, просачиваясь между ними, натыкаясь на тех, кто попадался ей по пути.

Чья-то рука попыталась ухватить ее за ногу, она рубанула Иглой и ударила пяткой. Упала споткнувшаяся женщина, и Арья пробежала по ее спине, рубя в обе стороны, но все это было ни к чему. Слишком много было людей вокруг, и всякий намеченный ею проход немедленно смыкался. Кто-то оттолкнул ее в сторону. Санса еще кричала.

Сир Илин извлек огромный двуручный меч из ножен, пристроенных за спиной. Он занес клинок над головой, и солнечный свет заплясал на темном металле, отражаясь от края более острого, чем любая Игла. Лед, поняла она. В руках у него Лед! Слезы заструились по лицу Арьи, ослепляя

ее. И тут из толпы метнулась рука, сомкнувшаяся на ее предплечье волчьим капканом. Игла отлетела в сторону. Арья пошатнулась. Она упала бы, если бы человек не поднял ее вверх, словно куклу.

Перед ней оказалось лицо: длинные черные волосы, спутанная борода и гнилые зубы.

– Не гляди! – рявкнул грубый голос.

– Я… я… я… я. – Арья зарыдала. Старик встряхнул ее так, что зубы забарабанили друг о друга.

– Закрой свой рот и глаза, мальчишка! Где-то, словно бы вдали, она услыхала… шум, мягкий вздох, словно бы воздух сразу вышел из груди миллиона людей. Пальцы старика впились в ее руку, жесткие, как железо.

– Гляди на меня. Да, так, именно на меня. – Пахло от него кислым вином. – Помнишь меня, парень?

Она вспомнила запах, увидела спутанные сальные волосы, залатанный пыльный плащ, покрывавший кривые плечи, мрачные черные глаза. А потом вспомнила Черного Брата, явившегося с визитом к отцу.

– Вспомнил меня, так? Смышленый мальчишка. – Он сплюнул. – Здесь все закончено. А ты пойдешь со мной и будешь держать рот на замке.

Она начала отвечать, и он встряхнул ее еще жестче.

– На замке, я сказал!

Площадь начинала пустеть. Толпа расступилась вокруг, люди возвращались к повседневным занятиям. Но жизнь оставила Арью. Онемев, она шла возле… Иорена, да, его звали Иорен. Она вспомнила, что он подобрал Иглу, лишь когда новый спутник вернул ей меч.

– Надеюсь, ты умеешь пользоваться им, парень?

– Я не… – начала она.

Он толкнул ее к двери и, запустив грязные пальцы в волосы, дернул, запрокидывая голову назад.

– Я не умный мальчишка, ты это хочешь сказать? – В руке его был нож.

Клинок прыгнул к ее лицу, и, отчаянно брыкаясь, Арья отдернулась, мотая головой из стороны в сторону. Но он держал ее за волосы так крепко, что кожа на голове разрывалась, а губы ощущали только соленые слезы.

Бран

Самые старшие были уже взрослыми: по семнадцать и восемнадцать лет прошло после того, как они получили имя. Один даже встретил двадцатилетие. Но в основном здесь собрались шестнадцатилетние и моложе.

Бран следил за ними с балкона башни мейстера Лювина, прислушивался к напряженным голосам и ругательствам, с которыми они размахивали палками и деревянными мечами. Двор ожил, выслушивая стук дерева о дерево, слишком уж часто прерывавшийся вскриками боли, когда удар приходился по телу. Сир Родрик расхаживал среди мальчишек, – лицо его багровело под белыми усами, – и ругал всех и каждого. Бран никогда не видел старого рыцаря таким раздраженным.

– Нет, – приговаривал он. – Нет. Нет. Нет!

– Они не слишком хороши в бою, – с сомнением проговорил Бран. Он почесал Лето за ушами, лютоволк был занят куском мяса. Кости хрустнули под его зубами.

– Конечно, – согласился, глубоко вздохнув, мейстер Лювин. Мейстер смотрел в трубу с большими мирийскими линзами, измеряя тени и отмечая положение кометы, повисшей над горизонтом в утреннем небе. – Но если хватит времени, сир Родрик справится с делом. Нам нужны люди на стенах. Твой лорд-отец увел лучших в Королевскую Гавань, твой брат взял остальных годных парней. Они теперь за много лиг от замка. Многие не вернутся назад, а нам нужны люди, чтобы занять их места.

Бран с сомнением посмотрел на потевших внизу парней.

– Если бы у меня были ноги, я бы сумел побить любого. – Он вспомнил, что в последний раз держал меч в руке, когда король посещал Винтерфелл. Это был всего лишь деревянный меч, но все-таки он несколько раз сумел сбить с ног принца Томмена. – Сир Родрик обучит меня пользоваться алебардой. Если ее насадить на длинную ручку, Ходор может стать моими ногами. Вместе мы составим рыцаря.

– Едва ли… – усомнился мейстер Лювин. – Бран, на поле брани руки, ноги и мысли человека должны составлять единое целое.

Внизу на дворе вопил сир Родрик:

– Ты дерешься как гусь. Он клюнет тебя, и ты клюнешь его. Отбивайтесь! Защищайтесь от ударов. Гуси нам не нужны! Настоящий меч первым же ударом снесет тебе руку. – Один из мальчишек расхохотался, и

старик повернулся. – И ты еще смеешься! Наглец. Ты дерешься как еж!

– Однажды был такой рыцарь, который не мог видеть, – настойчиво продолжал Бран, не обращая внимания на голос сира Родрика. – Старуха Нэн рассказывала мне о нем. У него было длинное древко с кинжалами на обоих концах, он крутил его обеими руками и мог уложить сразу двоих людей.

– Симеон Звездный Глаз, – проговорил Лювин, занося числа в книжку. – Потеряв глаза, он вставил сапфиры в пустые глазницы, так по крайней мере утверждают певцы. Бран, это же сказки, как о Флорианушке-дурачке. Сказка из века героев. – Мейстер цыкнул зубом. – Оставь эти сны, они только разорвут твое сердце.

Сны… Бран вспомнил самый последний.

– Прошлой ночью мне вновь приснился тот ворон… Трехглазый. Он влетел в мою опочивальню и велел идти вместе с ним. Я послушался. Мы спустились в крипту. Там был отец, и мы поговорили. Он был печален.

– Почему же? – спросил мейстер, глядя через трубу.

– По-моему, грусть его имела какое-то отношение к Джону. – Сон смутил Брана больше всех предыдущих. – Ходор не хочет нести меня в крипту.

Мейстер слушал его вполуха. Бран видел это. Лювин оторвал глаз от трубки и моргнул.

– Что Ходор не хочет?…

– Спускаться со мной в крипту. Проснувшись, я приказал отнести меня вниз, чтобы посмотреть, действительно ли отец находится там. Сперва он не понял, чего я хочу. Но когда я привел его на лестницу, показал, куда идти и куда поворачивать, он не захотел спускаться вниз. Просто остановился во тьме на верхней ступени и сказал «Ходор» – так, словно боялся темноты. Но у меня был с собой факел. Я обезумел настолько, что хотел стукнуть его по голове, как делает старая Нэн. – Увидев, что мейстер хмурится. Бран поспешно добавил:

– Но я не сделал этого.

– Хорошо. Ходор – человек, а не мул, которого можно колотить.

– Во сне я летел вниз вместе с вороном, но я не могу сделать так наяву, – пояснил Бран.

– Почему ты хочешь спуститься в крипту?

– Я же сказал, чтобы поискать отца…

Мейстер потянул за цепочку на шее, как делал часто, когда чувствовал себя неуютно.

– Милое дитя, Бран, однажды каменное подобие лорда Эддарда сядет

внизу возле своего отца и деда, рядом со всеми Старками, начиная от старых Королей Севера… Но это случится не скоро, да будут милосердны к нам боги. Отец твой в плену у королевы, он в темнице, и ты не найдешь его в крипте.

– Он был здесь прошлой ночью, я разговаривал с ним.

– Упрямый мальчишка, – вздохнул мейстер, откладывая книгу. – Посмотрим?

– Я не могу. Ходор туда не идет, а для Плясуньи ступени слишком узки и извилисты.

– По-моему, я знаю выход из положения.

Вместо Ходора пригласили Ошу, женщину, взятую среди одичалых. Высокая и крепкая, она была готова сделать все, что ей приказывают.

– Я прожила всю свою жизнь за Стеной, милорды, и эта дыра в земле меня не пугает.

– Лето, пошли, – позвал Бран, когда она подняла его на крепких руках.

Оставив свою кость, лютоволк последовал за Ошей, понесшей Брана через двор и вниз по спиральным ступеням в холодное подземелье. Мейстер Лювин шел впереди с факелом. Бран даже не обратил внимания – совершенно никакого – на то, что она несет его на руках, а не за спиной. Сир Родрик приказал, чтобы с Оши сняли цепь, поскольку после своего появления в Винтерфелле она служила Старкам честно и преданно. Но тяжелые железные обручи на лодыжках остались – в знак того, что ей не полностью доверяют, – однако они не мешали Оше уверенно шагать вниз по ступеням.

Бран и не помнил, когда в последний раз был в криптах. Конечно, это было еще до того. А в детстве он нередко играл здесь с Роббом, Джоном и сестрами.

Жаль только, что их нет сейчас рядом. Тогда бы подземелье не казалось столь темным и страшным.

Лето шел впереди в гулком мраке и вдруг остановился, поднял голову и принюхался к холодному мертвому воздуху. Оскалившись, он отступил, сверкнув золотым глазом в свете факела мейстера. Даже Оша, жесткая, как старое железо, неуютно поежилась.

– Судя по лицам, народ суровый, – сказала она, разглядывая длинный ряд гранитных Старков на тронах.

– Покойные Короли Зимы, – прошептал Бран. Здесь почему-то нельзя было разговаривать слишком громко. Она улыбнулась.

– У зимы нет короля. Увидишь ее – узнаешь почему, летний мальчик.

– Тысячи лет они были Королями Севера, – проговорил мейстер Лювин,

поднимая факел так, чтобы свет озарил каменные лица. Некоторые были длинноволосы и бородаты, лохматые люди, свирепые, как те лютоволки, что лежали у их ног. Другие, чисто выбритые, острым тонким лицом напоминали длинный меч, лежащий у каждого на коленях. – Суровое время, суровые люди. Пошли. – Резким шагом мейстер направился по залу, мимо каменных столбов и бесконечных резных фигур. Язык пламени срывался с поднятого факела.

Длинное подземелье было больше самого Винтерфелла; некогда Джон рассказывал ему, что можно спуститься еще ниже в мрачные и глубокие подземелья, где были похоронены самые древние короли. Так что без света не обойтись. Лето не согласился отойти от лестницы, даже когда Оша с Браном на руках последовала за факелом.

– Помнишь историю своего рода, Бран? – спросил мейстер, пока они шли вперед. – Расскажи Оше, кто они и чем знамениты, если сумеешь.

Глядя на лица. Бран вспоминал: что-то ему рассказывал мейстер, а старая Нэн дополняла и оживляла его повествование.

– Это Джон Старк. Когда на востоке высадились морские грабители, он прогнал их и построил в Белой гавани замок. Сын его, Рикард Старк, – не отец моего отца, а другой Рикард, – отобрал Перешеек у Болотного короля и женился на его дочери. Теон Старк – вон тот худой, с длинными волосами и узкой бородой. Его прозвали Голодным Волком, потому что он всегда воевал. А вот Брандон – с сонным лицом, – ему дали прозвище Корабельщик, потому что он любил море. Гробница эта пуста. Он поплыл на запад по Закатному морю, но не вернулся. Рядом его сын – Брандон Факельщик; с горя он сжег все корабли своего отца. Вот Родрик Старк, в поединке отвоевавший Медвежий остров и отдавший его Мормонтам. А вот и Торрхен Старк, Король, Преклонивший колено. Он был последним Королем Севера и стал лордом Винтерфелла после того, как присягнул Эйегону завоевателю. А вот Криган Старк. Он однажды сразился с принцем Эйемоном, и сам Драконий рыцарь сказал, что никогда не встречал лучшего фехтовальщика. – Ряды заканчивались, и Бран ощутил накатывавшую на него печаль. – А вот мой дед, лорд Рикард, которого обезглавил Безумный король Эйерис. Рядом с ним покоятся его дочь Лианна и сын Брандон. Не я – другой Брандон, брат моего отца. Им не положены изваяния, их удостаиваются только лорды и короли, но отец мой так любил брата и сестру, что приказал изготовить статуи.

– Какая красавица, – сказала Оша.

– Роберт был обручен с ней, но принц Рейегар похитил ее и изнасиловал, – пояснил Бран. – Роберт затеял войну, чтобы вернуть Лианну.

Он убил Рейегара возле Трезубца, но Лианна умерла и не досталась ему.

– Скорбная история, – сказала Оша, – но эти зияющие отверстия вселяют в меня больше скорби.

– Эта гробница ждет лорда Эддарда, когда придет его время, – проговорил мейстер Лювин. – Здесь ли в том сне ты видел своего отца, Бран?

– Да, – ответил мальчик. Воспоминание заставило его поежиться. Бран оглядел подземелье. Волосы на его затылке встали дыбом. Неужели он слышал шум? Или это ему почудилось?

Мейстер Лювин с факелом в руке шагнул вперед.

– Ну, видишь, твоего отца здесь нет. И не будет еще много лет. Не надо бояться снов, дитя. – Он протянул руку в темные недра гробницы, словно в пасть какого-то огромного дикого зверя. – Видишь – она пу…

Тьма, зарычав, прыгнула на него.

Сверкнули зеленые глаза и белые зубы на черной, словно могильные недра, шерсти. Мейстер Лювин, вскрикнув, вскинул руки. Факел вылетел из его пальцев, ударившись о каменное лицо Брандона Старка, и упал к ногам изваяния; языки лизали колено. В неровном мечущемся свете можно было видеть, как Лювин борется с лютоволком, молотя рукой по челюстям, стиснувшим его другую руку.

– Лето! – завопил Бран.

И Лето тенью вылетел из сомкнувшейся позади них тьмы. Столкнувшись с Лохматым Песиком, он сбил его на землю, и оба лютоволка покатились клубком серой и черной шерсти, рыча и кусая друг друга. Тем временем мейстер Лювин поднялся на колени, придерживая окровавленную руку.

Оша посадила Брана спиной к изваянию лорда Рикарда и бросилась на помощь. Отбрасываемые светом упавшего факела громадные – футов в двадцать – тени волков воевали на стенах и на потолке.

– Лохматик, – позвал тонкий голос. Бран поглядел и увидел младшего брата, появившегося из гробницы отца. В последний раз тяпнув Лето, Лохматый Песик вырвался и бросился к Рикону.

– Оставь в покое моего отца, – сказал Рикон. – Оставь его в покое.

– Рикон, – негромко промолвил Бран, – нашего отца нет здесь.

– Нет, он здесь. Я видел его. – Слезы поблескивали на лице Рикона. – Я видел его прошлой ночью.

– Во сне…

Рикон кивнул:

– Оставьте его. Оставьте. Он вернулся домой, как обещал. Он вернулся

домой!

Бран никогда не видел, чтобы мейстер Лювин обнаруживал подобную нерешительность. Кровь капала с его руки; Лохматый Песик разодрал шерстяной рукав и плоть под ним.

– Оша, факел, – приказал он, закусывая губу от боли, и она подобрала факел, не дав огню погаснуть. На каменных ногах его дяди остались следы сажи. – Эта… эта тварь… – продолжил Лювин, – кажется, должна сидеть на цепи.

Рикон погладил влажную от крови морду своего лютоволка.

– Я отпустил его. Он не любит цепей, – и облизнул пальцы.

– Рикон, – сказал Бран. – Хочешь пойти со мной?

– Нет. Мне нравится здесь.

– Здесь темно и холодно.

– Я не боюсь. Я хочу дождаться отца.

– Ты можешь подождать вместе со мной, – сказал Бран. – Будем ждать вместе… ты и я, и наши волки. – Оба волка зализывали раны и явно нуждались в осмотре.

– Бран, – твердо сказал мейстер. – Я знаю, что ты хочешь добра, но Лохматый слишком одичал, чтобы оставить его. Я стал третьим, кого он покусал. Если он будет бегать по замку, то рано или поздно кого-нибудь убьет. Истина сурова, этого волка надо посадить на цепь или… – Он умолк.

«…или убить», договорил в уме Бран и ответил.

– Он создан не для цепей. Мы будем ждать у тебя в башне, все вместе.

– Это невозможно, – сказал мейстер Лювин. Оша ухмыльнулась:

– Насколько я помню, мальчишка здесь лорд. – Она вернула Лювину факел и вновь подхватила Брана на руки. – Отправляемся в башню мейстера.

– Ты идешь, Рикон?

Брат кивнул.

– Если Лохматик пойдет, – сказал он, обегая Ошу и Брана; мейстеру Лювину, опасливо поглядывавшему на волков, оставалось только последовать за ними. В обители мейстера Лювина было настолько тесно, что Бран не понимал, как здесь можно что-нибудь найти. На столах и стульях росли кривые башни из книг, ряды закупоренных кувшинов выстроились на полках. Повсюду на мебели посреди лужиц застывшего воска торчали огарки свечей, бронзовая труба с миришскими линзами восседала на треножнике возле двери на террасу, звездные карты свисали со стен, теневые карты лежали между тростинок и бумаг, перьев и бутылочек с чернилами, и на всем оставили свои пятна вороны,

устроившиеся среди балок. Под их хриплую перебранку Оша омыла, обработала и перевязала рану мейстера, выполняя отрывистые наставления Лювина.

– Это безрассудство, – говорил седой человечек, пока она промакивала волчьи укусы едкой жидкостью. – Конечно, странно, что вам обоим, мальчики, приснился один и тот же сон, но, если задуматься, это вполне естественно. Вам не хватает лорда-отца, и вы знаете, что он в плену. Страх может воспалить человеческий разум и вселить в него странные мысли. Рикон слишком мал, чтобы понимать…

– Мне уже четыре, – сказал Рикон, разглядывая сквозь трубу с линзами фигуры горгулий из Первой Твердыни. Лютоволки держались в противоположных концах большой комнаты; когда они зализали раны, им бросили по кости.

– Слишком мал, и… седьмое пекло, как жжет, не надо больше! Слишком мал, как я сказал, но ты, Бран, уже достаточно большой, чтобы знать, что сны – это всего только сны.

– Бывает так, а бывает иначе. – Оша плеснула бледно-красным огненным молочком в длинную рану. Мейстер охнул. – Дети Леса могли бы кое-что рассказать тебе о снах.

Слезы текли по лицу мейстера, но он решительно качнул головой.

– Дети Леса… сами существуют только во снах. Их нет, они умерли. Хватит, довольно! Теперь повязку. Сперва тампон, потом обмотай и натяни посильнее. Чтобы не шла кровь.

– Старая Нэн говорит, что Дети Леса знали песни деревьев, умели летать как птицы и плавать как рыбы, они даже знали язык животных, – сказал Бран. – А музыка у них была настолько прекрасной, что, услышав ее, люди плакали от этих звуков.

– И всего этого они добивались волшебством, – сказал рассеянно мейстер Лювин. – Жаль, что их нет рядом. Во-первых, исцелили бы тогда мою руку и объяснили бы Лохматому, что кусать своих нельзя. – Он искоса, с раздражением поглядел на черного волка. – Учись, Бран. Человек, который полагается на заклинания, фехтует стеклянным мечом. Как делали Дети Леса. Давай-ка я вам кое-что покажу.

Он резким движением встал, направился на другую сторону комнаты и вернулся с зеленым горшочком в здоровой руке.

– Видите, – сказал он, откупорив сосуд и высыпав из него горсточку блестящих черных наконечников для стрел. Бран взял один из них.

– Они сделаны из стекла.

Любопытный Рикон подобрался поближе и поглядел на стол.

– Драконье стекло, – назвала Оша камень, садясь возле Лювина с бинтами в руке.

– Обсидиан, – поправил ее мейстер Лювин, протягивая раненую руку. – Выкованный в кузне богов, глубоко под землей. С помощью таких стрел Дети Леса охотились тысячи лет назад. Они не знали металла; кольчугами им служили длинные рубахи из листвы, обувью – кора деревьев… получалось, что они просто растворялись в лесу. А вместо мечей у них были клинки из обсидиана.

– Они до сих пор носят их. – Оша опустила мягкие тампоны на рану и перевязала предплечье мейстера длинными льняными полосками.

Бран поднес к глазам наконечник стрелы. Скользкое черное стекло блестело. Он решил, что наконечник прекрасен.

– А можно я возьму один?

– Как хочешь, – качнул головой мейстер.

– И мне нужен один, – сказал Рикон. – Нет, четыре, мне ведь четыре года.

Мейстер заставил его отсчитать.

– Осторожно, они все еще острые. Не порежься.

– Расскажи мне о Детях Леса, – попросил Бран. – Это важно знать.

– Что ты хочешь услышать?

– Все.

Мейстер потянул за оплечье, прикоснувшееся к коже.

– Они жили в эпоху Зари, в самые первые времена, еще до королей и королевств. В те дни не было ни замков, ни острогов, ни городов; отсюда до самого Дорнского моря нельзя было сыскать ни одной ярмарки. Людей тоже не было вовсе, лишь Дети Леса обитали в землях, которые мы зовем теперь Семью Королевствами.

Смуглые и прекрасные, они никогда не вырастали выше человеческого ребенка. Они жили в глубинах леса и пещерах, посреди озер и в тайных жилищах на деревьях. Легкие, они были быстры и изящны. Мужчины и женщины охотились вместе, пользуясь луками из чардрева и летучими силками. Боги их были богами леса, ручья и камня… старые боги, чьи имена остались тайной. Их мудрецов звали Видящими Сквозь Зелень, это они вырезали странные лики на чардревах, чтобы те караулили лес. Как долго обитали здесь Дети и откуда они явились, никто из людей не знает.

Но примерно двенадцать тысячелетий назад с востока пришли Первые Люди – вдоль Перебитой Руки Дорна, прежде чем она сломалась, – верхом на конях, с бронзовыми мечами в руках и огромными кожаными щитами. По эту сторону Узкого моря еще не знали лошадей, и Дети Леса, конечно,

боялись их, ну а Первые Люди боялись ликов на деревьях. Срубая деревья для острогов и ферм на будущих полях, Первые Люди стесывали лица и предавали их огню. В ужасе Дети Леса начали войну. Старые песни уверяют, что Видящие Сквозь Зелень прибегли к черным чарам, дабы море восстало и унесло землю, они раздробили Руку, но было уже поздно закрывать дверь. Война продолжалась, наконец вся земля пропиталась кровью людей и Детей Леса, однако их погибло больше, потому что люди были сильнее, а дерево, камень и обсидиан не могли противостоять бронзе. Наконец обе расы послушались своих мудрецов и договорились. Вожди и герои Первых Людей встретились с Видящими Сквозь Зелень и плясунами леса в рощах чардрева, на маленьком острове, что лежит посреди огромного озера, именуемого Глазом Богов.

Там они заключили договор. К Первым Людям отошли берега, высокие равнины и чистые луга, холмы и горы. Только густой лес навсегда оставался собственностью детей, и нельзя было отныне предать топору ни одного чардрева во всей стране. Чтобы боги были свидетелями заключения договора, каждое дерево на острове наделили лицом, а после учредили священный орден Зеленых людей, обязанных приглядывать за островом Ликов.

Мир этот создал основу четырех тысячелетней дружбы между людьми и Детьми Леса. Шло время, и Первые Люди даже отреклись от богов, которых привезли с собой, и поклонились тайным божествам леса. Заключение договора положило конец эпохе Зари, и начался век героев.

Кулак Брана свернулся вокруг блестящего черного наконечника.

– Но ты говоришь, что все Дети Леса исчезли.

– Да, они исчезли, но только здесь, – ответила Оша, откусывая конец последнего бинта зубами. – К северу от Стены все обстоит иначе. Туда ушли Дети Леса, гиганты и прочие древние расы.

Мейстер Лювин вздохнул:

– Женщина, помни, что ты сейчас должна была лежать в земле или томиться в цепях. Старки проявили к тебе не заслуженную тобой доброту. И нехорошо платить им, забивая головы ребят чепухой.

– Но тогда ты скажи мне, куда они ушли, – попросил Бран. – Я хочу знать.

– И я тоже, – присоединился Рикон.

– Слушайте тогда, – продолжил Лювин. – Мир этот соблюдался, пока стояли королевства Первых Людей, и весь век героев, и Долгую Ночь, и в пору рождения Семи Королевств, но через много столетий новые люди пришли из-за моря.

Их возглавляли андалы, высокие светловолосые воины, пришедшие со сталью, огнем и семиконечной звездой новых богов, вытатуированной на груди. Война затянулась на века, однако в конце концов все шесть южных королевств пали перед завоевателями. Только здесь, где Короли Севера отбрасывали каждую армию, пытавшуюся пересечь Перешеек, сохранилось правление Первых Людей. Андалы жгли чар-древа, срубали с них лики, убивали Детей Леса повсюду, где находили их, и шумно провозглашали победу Семерых над старыми богами. Поэтому Дети убежали на север…

Лето взвыл.

Мейстер Лювин вздрогнул и умолк. Вскочив на ноги, Лохматый присоединил свой голос к голосу Лето, и ужас наполнил сердце Брана.

– Он близко, – прошептал Бран с уверенностью отчаяния. Он знал это со вчерашней ночи, когда ворон водил его в крипту прощаться. Он знал, но не верил. Он хотел, чтобы прав оказался мейстер Лювин. Ворон, подумал он, трехглазый ворон…

Волки смолкли столь же внезапно. Лето отправился к Лохматому и лизнул окровавленную шкуру на шее брата. В окно влетела птица.

Ворон опустился на серый каменный подоконник, раскрыл клюв и каркнул хриплым горестным голосом.

Рикон зарыдал. Наконечники стрел один за одним попадали из его рук, звонко ударяясь о пол. Бран прижал к себе брата и обнял его.

Мейстер Лювин глядел на черную птицу, как на скорпиона, облаченного в перья. Он поднялся и медленной походкой лунатика направился к окну. Потом мейстер свистнул, и ворон перескочил на его перевязанную руку. На крыльях его запеклась кровь.

– Сова, – пробормотал Лювин, снимая письмо с ноги, – а может, и ястреб. Бедняга, удивительно, как это он долетел.

Бран обнаружил, что, пока мейстер разворачивал листок, его била крупная дрожь.

– Что там? – спросил он, прижимая к себе брата.

– Ты уже знаешь, что там написано, мальчик, – сказала Оша, не без сочувствия в голосе. И опустила ладонь на его голову.

Мейстер Лювин, невысокий седеющий человечек, с обагренным кровью рукавом серого шерстяного одеяния, не веря, глядел на них… В его ясных серых глазах блеснули слезы.

– Милорды, – обратился он к обоим сыновьям лорда Эддарда голосом хриплым и надломленным. – Нам необходимо найти каменотеса, который хорошо знал вашего отца…

Санса

В верхнем помещении башни, в самом сердце крепости Мейегора, Санса провалилась во тьму. Она задвинула занавески вокруг постели; засыпала, просыпалась рыдая, засыпала снова. А когда не могла спать, просто лежала под одеялом, сотрясаясь от горя. Слуги приходили и уходили, приносили еду, но она не могла даже видеть ее. Блюда ставили на стол под окно; там еда только кисла, потом слуги забирали ее.

Иногда ее одолевал свинцовый, лишенный видений сон, тогда просыпалась она еще более усталой. И все же это было лучше, чем видеть во сне отца. Бодрствующая или сонная, она видела его; видела, как золотые плащи бросают его на мрамор, видела сира Илина, извлекающего меч из-за плеча, видела тот момент… момент, когда… она хотела отвернуться, хотела! Только ноги вдруг подвели ее, она упала на колени, но почему-то не отвернула головы. Все кричали и визжали вокруг, принц улыбался ей, улыбался! И она почувствовала себя в безопасности, но только на мгновение, пока он не сказал эти слова, и ноги ее отца… это она помнила, его ноги, как они дернулись, когда сир Илин… когда меч…

Быть может я тоже скоро умру, сказала себе Санса, и мысль эта не показалась ей столь уж ужасной. Если она выбросится из окна, то все страдания окончатся, ну а потом певцы сложат песни о ее горе. Тело ее останется на камнях; разбитая и невинная, она посрамит всех, кто предал ее. Санса даже дошла до окна, открыла ставни, но тут отвага оставила ее, и, рыдая, она упала в постель.

Приносившие ей пищу служанки пытались завести с ней разговор, но она не отвечала. Однажды явился великий мейстер Пицель со своими бутылочками и флакончиками, чтобы спросить, не заболела ли она. Он потрогал ее лоб, заставил раздеться и осмотрел – всю, – пока служанка придерживала ее. А потом дал настой из трав на медовой воде и велел ей проглатывать по глотку каждый вечер. Она выпила сразу все и провалилась в сон.

Ей снились шаги на лестнице башни, зловещее скрежетание кожи о камень, кто-то крался к ее спальне, шаг за шагом. Она могла только сжаться в комок возле двери и замереть, но он подступал все ближе и ближе. Она знала: это сир Илин Пейн идет за ней со Льдом в руках, чтобы снять голову и с нее. Бежать было некуда, прятаться негде, дверь заложить нечем. Наконец шаги смолкли, и она поняла, что он остановился снаружи,

разглядывая ее мертвыми глазами на длинном, покрытом рытвинами лице. Заметив свою наготу, она скрючилась, пытаясь прикрыть себя руками, но дверь заскрежетала, распахиваясь, пропуская острие великого меча.

Она проснулась со словами:

– Пожалуйста, пожалуйста, я буду хорошей, я буду хорошей! Пожалуйста, не надо! – Но слушать было некому.

Когда за ней действительно пришли, Санса шагов не услышала. Дверь открыл Джоффри – не сир Илин, а мальчик, который был ее принцем. Свернувшись, она лежала в постели, и за занавеской ей трудно было сказать, день сейчас или полночь. Она вздрогнула, когда хлопнула дверь. Затем шторы вокруг постели отодвинулись, и она прикрыла глаза ладонью, защищаясь от внезапного света, и увидела их, стоявших над ней.

– Сегодня днем ты выйдешь ко двору, – проговорил Джоффри. – Умойся и оденься, как подобает моей невесте.

Рядом с ним стоял Сандор Клиган в простом коричневом дублете и зеленой мантии, утро сделало его обгорелое лицо особенно жутким. Позади них замерли двое рыцарей Королевской гвардии в длинных белых атласных плащах.

Прикрывая себя, Санса натянула одеяло до подбородка.

– Нет, – жалобно попросила она. – Пожалуйста, не надо, пожалуйста, оставьте мне жизнь!

– Если ты не оденешься сама, мой пес сделает это за тебя, – сказал Джоффри. – Вставай!

– Я прошу вас, мой принц…

– Я теперь король. Пес, вынь ее из постели. – Сандор Клиган, взяв Сансу за плечи, вытащил ее из перины, невзирая на сопротивление. Одеяло упало на пол. Тонкая ночная рубашка едва прикрывала ее наготу.

– Делай, как тебе велят, дитя, – сказал Клиган. – Одевайся. – Он подтолкнул ее к шкафу – едва ли не с добротой.

Санса попятилась от них.

– Я сделала все, о чем попросила меня королева, я написала письма, написала так, как она мне сказала. Ты обещал мне свою милость. Пожалуйста, отпусти меня домой! Я никого не предам, я буду хорошей, клянусь! Во мне нет крови предателя. Я хочу только домой. – Вспомнив про воспитание, она опустила голову. – Если вы не против, – договорила она слабым голосом.

– Я против, – ответил Джоффри. – Мать говорит, что я должен жениться на тебе. Ты останешься здесь и будешь послушной.

– Я не хочу выходить за тебя, – простонала Санса. – Ты отрубил голову

моему отцу!

– Он был предателем, и я никогда не обещал пощадить его, но я обещал ему свою милость и проявил ее. Не будь он твоим отцом, я велел бы разорвать его на части… или четвертовать, или ободрать кожу, но я подарил ему чистую смерть.

Санса глядела на Джоффри, словно увидев его впервые. На нем был расшитый львами, отороченный алый дублет и короткий золотой плащ с высоким воротником. Санса удивилась тому, что он мог показаться ей красивым. Мягкие и красные губы, прямо дождевые червяки… глаза тщеславные и жестокие.

– Ненавижу тебя, – прошептала она. Лицо короля Джоффри отвердело.

– Мать моя утверждает, что королю не подобает бить Жену. Сир Меррин!

Рыцарь оказался перед ней, прежде чем она успела что-нибудь сообразить; отбросив руку, которой она пыталась защитить лицо, он ударил ее тыльной стороной руки, облаченной в перчатку.

Санса не помнила, как упала. Но когда очнулась, обнаружила, что стоит на коленях на тростнике. В голове ее звенело. Сир Меррин Трант стоял над ней, кровь обагрила костяшки его белой шелковой перчатки.

– Будешь ты повиноваться или ему придется еще раз наказать тебя?

Ухо Сансы онемело. Она прикоснулась к нему, ощутив пальцами кровь.

– Я… как вам будет угодно, милорд.

– Светлейший государь, – поправил ее Джоффри. – Я жду тебя во дворе. – Он повернулся и вышел.

Сир Меррин и сир Арис последовали за ним, но Сандор Клиган задержался и грубым рывком поднял ее на ноги.

– Избавь себя от хлопот, девица, и дай ему то, что он хочет.

– А что… что он хочет? Пожалуйста, скажи мне!

– Он хочет, чтобы ты улыбалась, чтобы от тебя сладко пахло и чтобы ты была его дамой, – проскрежетал Пес. – Он хочет услышать те милые словечки, которым тебя научила септа. Он хочет, чтобы ты любила… и боялась его.

Когда Пес ушел, Санса опустилась на тростник и глядела на стену до тех пор, пока в опочивальню не заглянули две ее служанки.

– Мне нужна горячая вода для ванны, прошу вас, – сказала она, – духи и пудра, чтобы спрятать синяк. – Правая сторона лица ее распухла и уже начинала болеть, но Санса знала, что Джоффри захочет, чтобы она выглядела красиво.

Горячая вода заставила ее вспомнить о Винтерфелле и тем принесла

силу. Она не мылась с того дня, как умер отец, и удивилась тому, какой грязной сделалась вода. Одна из девушек смыла кровь с ее лица, потерла спину, вымыла волосы и расчесала, пока они не рассыпались густыми осенними завитушками. Санса не разговаривала с ними, только отдавала команды. Они служили Ланнистерам, она их не знала и не доверяла им. Когда настала пора одеваться, Санса выбрала платье зеленого шелка, в котором была на турнире. Она вспомнила всю тогдашнюю любезность Джоффа. Быть может, он тоже вспомнит тот пир и отнесется к ней мягче.

Чтобы желудок не волновался, она выпила бокал сливок со сладким печеньем. В середине дня за ней пришел сир Меррин в полном облачении: белой броне из эмалевых чешуек, украшенной золотом, в высоком шлеме с золотым гребнем в виде звезды, поножах, воротнике, перчатках, сапогах из сияющей кожи; тяжелый шерстяной плащ на горле застегивал золотой лев.

Забрало он снял, и она теперь отлично видела эту кислую физиономию, мешки под глазами, широкий унылый рот, ржавые волосы, тронутые сединой.

– Миледи, – сказал он, отвесив любезный поклон, словно три часа назад ударил ее кто-то другой. – Светлейший государь приказал мне проводить вас в тронный зал.

– А приказывал ли он вам еще раз ударить меня, если я откажусь?

– Вы отказываетесь идти, миледи? – Сир Меррин поглядел на нее без всякого выражения, даже не обращая внимания на синяк, который оставил на ее лице. «Он не из тех, кто ненавидит меня, – поняла Санса. – Но и не испытывает ко мне симпатии. И вообще никак не относится. Я для него все равно… что вещь».

– Нет, – ответила она поднимаясь. Ей хотелось в гневе ударить его, крикнуть, что когда она станет королевой, то прикажет сослать его, если он осмелится ударить ее снова, но, вспомнив слова Пса, Санса сказала:

– Я выполню то, что приказывает светлейший государь.

– Как и я, – произнес он.

– Да… но вы же вовсе не рыцарь, сир Меррин.

Тут Сандор Клиган расхохотался бы, Санса знала это. Другой обругал бы ее, велел умолкнуть, наконец, попросил бы прощения. Но сир Меррин Трант не сделал ничего. Он просто не обратил на нее внимания.

На балконе не было никого, кроме Сансы; она стояла, склонив голову, пытаясь сдержать слезы, а Джоффри сидел внизу на Железном троне и вершил то, что называл своим правосудием. В девяти случаях из десяти вопросы не были ему интересны, их решения он предоставлял своему совету и только ерзал на престоле, пока лорд Бейлиш, великий мейстер

Пицель и королева Серсея разбирали дело. Но когда он выносил решения сам, никто, даже королева-мать, не мог заставить его изменить мнение.

Перед Джоффри поставили вора, и он приказал сиру Илину отрубить ему руку, прямо здесь, во дворе. Еще были два рыцаря, поспорившие из-за каких-то земель; Джоффри приказал, чтобы утром они сразились за право владения ими и добавил:

– До смерти.

Женщина, пав на колени, просила у него голову человека, казненного за измену; она сказала, что любила его и хотела похоронить подобающим образом.

– Если ты любила предателя, значит, и ты предательница, – решил Джоффри. Двое золотых плащей увлекли просительницу вниз в темницу.

Лягушачья физиономия лорда Слинта маячила в конце стола совета; новоявленный лорд был облачен в черный бархатный дублет, блестящий плащ с капюшоном из золотой парчи и сопровождал одобрительным кивком каждый приговор короля. Санса с ненавистью глядела на уродливую рожу, вспоминая, что именно он бросил отца перед сиром Илином. Ей хотелось самой ударить его, хотелось, чтобы какой-нибудь герой бросил его на пол и отсек голову. Но голос в душе ее шептал: «Это не герои». И она вспомнила, что говорил ей лорд Петир на этом самом месте.

– Жизнь – не песня, моя милая, – сказал он тогда. – Однажды ты это узнаешь, к собственной скорби.

В жизни побеждают чудовища, напомнила она себе и вновь услышала голос Пса, скрежет металла о камень. Избавь себя от хлопот, девица, дай ему то, что он просит…

Последним привели пухлого певца, который в таверне пел песню, осмеивавшую покойного короля Роберта. Джоффри приказал принести арфу и велел певцу спеть. Тот плакал, клялся, что никогда не будет петь эту песню, но король настоял. Действительно забавная песня повествовала о схватке Роберта со свиньей. Свиньей здесь был назван вепрь, который убил короля. Санса знала это, но некоторые куплеты явно намекали на королеву. Когда песня закончилась, Джоффри объявил, что он решил проявить милосердие. Завтра певец останется либо без пальцев, либо без языка. И пусть сам выбирает. Янос Слинт кивнул.

Санса с облегчением поняла, что это последнее решение. Однако испытания не закончились. Когда герольд отпустил двор, она торопливо спустилась с балкона, лишь для того, чтобы обнаружить Джоффри у подножия лестницы. Его сопровождали Пес и сир Меррин.

Король критически осмотрел ее с ног до головы.

– Ты выглядишь намного лучше, чем прежде.

– Спасибо, светлейший государь, – ответила Санса. Пустые слова, однако же он кивнул и улыбнулся.

– Пойдем со мной, – проговорил Джоффри, предлагая ей руку. И ей не оставалось ничего другого, как принять ее. Когда-то одно прикосновение привело бы ее в восторг, теперь же кожа ее съежилась от отвращения.

– Скоро день моих именин, – сказал Джоффри, когда они вышли из тронного зала. – Будет великий пир и подарки. Что ты подаришь мне?

– Я… не думала об этом, милорд.

– Светлейший государь, – резко напомнил он. – Ты действительно глупая девушка, так? Мать моя утверждает это.

– В самом деле? – После всего, что случилось, слова эти не должны были ранить ее, но каким-то образом получилось иначе. Ведь королева всегда была добра к ней.

– Ах да. Ее волнует, что наши дети могут оказаться такими же глупыми, как и ты. Но я приказал ей не беспокоиться. – Король повел рукой, и сир Меррин открыл перед ними дверь.

– Благодарю вас, светлейший государь, – пробормотала она. Пес был прав, подумала Санса. Я всего лишь крохотная пташка, повторяющая слова, которым меня научили.

Солнце опустилось за западную стену, и камни Красного Замка загорелись кровью.

– Я сделаю тебе ребенка, как только ты созреешь для этого. – Джоффри провожал ее через двор. – Если первый окажется глупым, я отрублю тебе голову и возьму себе жену посмышленей. А когда ты сможешь рожать детей?

Санса не могла поглядеть на него, так ей было стыдно…

– Септа Мордейн утверждает, что… знатные девушки расцветают в двенадцать или тринадцать лет. Джоффри кивнул:

– Да. – Он повел ее в караульный дом, к подножию лестницы, выводящей на стену.

Санса отодвинулась от него, затрепетала. Она вдруг поняла, куда они направляются.

– Нет, – проговорила она, испуганно охнув. – Пожалуйста, не заставляй меня, прошу тебя. Джоффри поджал губы.

– Я хочу показать тебе, что бывает с изменниками.

Санса отчаянно затрясла головой:

– Не надо. Не надо!

– Я велю сиру Меррину отнести тебя наверх, – сказал он. – Тебе это не

понравится. Лучше делай то, что я говорю. – Джоффри потянулся к ней, но Санса отодвинулась, наткнувшись на Пса.

– Делай, девица, – сказал Сандор Клиган, подталкивая ее к королю. Рот его дернулся на обгорелой стороне лица, и Санса почти что услышала: он все равно велит отнести тебя наверх, так что делай, как он хочет.

Санса заставила себя принять руку короля Джоффри. Подъем показался ей мукой, каждую ступеньку она преодолевала с трудом, словно бы ей приходилось вытаскивать ноги, по лодыжку увязавшие в глине. Даже ступеней оказалось много больше, чем ей казалось. Их была тысяча тысяч, и на стене ее ожидал ужас.

С высоких укреплений караульного дома перед Сансой открылся весь мир. Она увидела Великую септу Бейелора на холме Висеньи, где умер ее отец. На другой стороне улицы Сестер высились опаленные огнем руины Драконьего Дома. На западе распухшее красное солнце опускалось за Божьи ворота. Соленое море осталось за ее спиной, на юге рыбный рынок и причалы выстроились у бурной реки. А на севере…

Она поглядела в ту сторону, но увидела только улицы, переулки, холмы и низины, новые улицы и переулки, камень далеких стен. И все же Санса знала, что за ними начинается открытый простор, фермы, леса и поля, а еще дальше, далеко-далеко на севере высится Винтерфелл.

– Куда ты смотришь? – проговорил Джоффри. – Я не это хотел тебе показать.

Толстый каменный парапет укреплял внешний край стены, поднимаясь до подбородка Сансы, через каждые пять футов в нем были устроены бойницы для стрелков. Головы выставили между бойницами, насадив на железные пики так, чтобы они были обращены лицом к городу. Санса заметила их в тот самый момент, когда ступила на стену, но река, улицы, полные людей, и заходящее солнце были много прекраснее.

Он может заставить меня смотреть на головы, сказала она себе, но он не в силах заставить увидеть их.

– Эта вот принадлежит твоему отцу, – сказал Джоффри. – Вот она. Пес, поверни, пусть она увидит ее. – Сандор Клиган взял голову за волосы и повернул. Отрубленная голова была облита смолой – для сохранности. Санса спокойно глядела на нее и не видела. Голова совсем не была похожа на лорда Эддарда Старка, она даже казалась ненастоящей.

– Сколько я должна смотреть?

Джоффри казался разочарованным.

– Может быть, ты хочешь увидеть и остальные? – Головы выстроились в длинный ряд.

– Если это угодно светлейшему государю.

Джоффри провел ее вдоль стены мимо дюжины голов и двух пустых пик.

– Эти я приберегаю для моих дядьев – лордов Станниса и Ренли, – объяснил он.

Остальные головы пробыли на стене много дольше, чем голова ее отца. Невзирая на смолу, их уже почти невозможно было узнать. Король показал на одну из них и заметил:

– А вот твоя септа.

Санса даже не могла понять, что это женщина: челюсть уже отвалилась, птицы выклевали ухо и большую часть щеки.

Санса все гадала, что случилось с септой Мордейн, и думала, что давно поняла это.

– Почему вы убили ее? – спросила она. – Она присягнула богам…

– Она была предательницей. – Джоффри надулся, Санса чем-то вызвала его недовольство. – А ты еще не сказала мне, что хочешь подарить мне на день рождения. Быть может, это мне следует сделать тебе подарок, как тебе это понравится?

– Если это угодно вам, милорд, – ответила Санса. Когда он улыбнулся, Санса поняла, что он издевается над ней.

– Твой брат тоже предатель, ты это знаешь. – Он повернул голову септы Мордейн назад. – Помню твоего брата по Винтерфеллу. Мой Пес назвал его лордом деревянного меча. Так было, Пес?

– В самом деле? – спросил Клиган. – Я не помню.

Джоффри воинственно дернул плечами.

– Твой брат победил моего дядю Джейме. Мать говорит, что он сделал это предательством и обманом. Она плакала, услыхав об этом. Все женщины слабы, даже мать, хотя она старается изобразить, что это не так. Она утверждает, что нам нужно оставаться в Королевской Гавани и ждать прихода войск Ренли и Станниса, но я не хочу ждать. После пира в честь моих именин я соберу войско и сам убью твоего брата. И тогда сделаю тебе подарок, леди Санса, подарю голову твоего брата.

Какое-то подобие безумия охватило Сансу, и она услышала собственный голос:

– А что, если это мой брат подарит мне твою голову?

Джоффри нахмурился:

– Ты не должна говорить со мной так. Верная жена не смеется над своим господином. Сир Меррин, поучи ее!

На этот раз рыцарь поднял ее голову за подбородок и ударил, не

выпуская, ударил дважды. Сперва по правой, а потом по левой щеке. Он рассек Сансе губу, и кровь побежала по ее щеке, смешиваясь с солеными слезами.

– Тебе не следует все время плакать, – сказал ей Джоффри. – Тебе идет, когда ты улыбаешься и смеешься.

Санса заставила себя улыбнуться, чтобы он не приказал сиру Меррину снова ударить ее; однако король не был доволен и опять качнул головой.

– Сотри кровь, ты вся перепачкалась.

Внешний парапет доходил ей до подбородка, но с внутренней стороны верх стены ничто не ограждало; внизу, в семидесяти или восьмидесяти футах, был двор. «Нужно только толкнуть, – сказала она себе, – он стоит как раз там, где надо, улыбаясь этими жирными червяками. Ты можешь сделать это. Ты можешь. Так сделай прямо сейчас. Не важно, даже если ты последуешь за ним. Это ничего не значит!»

– Ну-ка, девочка. – Сандор Клиган склонился перед Сансой, встав между ней и Джоффри. С деликатностью, удивительной для такого рослого человека, он промокнул кровь, выступившую на ее разбитой губе.

Мгновение было утеряно. Санса закрыла глаза.

– Спасибо, – сказала она, когда Клиган закончил. Она была доброй девочкой и всегда помнила про хорошие манеры.

Дейенерис

Крылья туманили ее лихорадочные сны. – Ведь ты не хочешь разбудить дракона, правда? Она шла длинным коридором под высокими каменными арками. Она не могла оглянуться, этого нельзя было делать. Впереди, где-то далеко перед ней, маячила крошечная дверь – красная, это было видно даже отсюда. Она шла быстрей и быстрей, и босые ноги ее уже оставляли кровавые отпечатки на камнях.

– Ведь ты не хочешь разбудить дракона, правда? Она увидела озаренное солнцем дотракийское море, живую равнину, сочащуюся ароматом земли и смерти. Ветер колыхал траву, пускал по ней волны.

Дрого обнимал ее сильными руками, ласкал ее женственность, раскрывая ее и пробуждая эту сладкую влагу, которая принадлежала только ему одному, и звезды улыбались им – звезды! – с дневного неба.

– Дом, – прошептала она, когда он вошел в нее и наполнил своим семенем, но звезды вдруг исчезли; по синему небу проплыли огромные крылья, и мир вспыхнул.

– …ты не хочешь разбудить дракона, правда?

Сир Джорах, скорбный и осунувшийся, сказал ей:

– Последним драконом был Рейегар, – и принялся греть прозрачные руки над пылающей жаровней с раскаленными докрасна драгоценными драконьими яйцами. Только что он был рядом и вдруг исчез, превратившись в дуновение ветра. – Последним… – шепнул он исчезая. Она ощущала тьму позади себя, и красная дверь словно бы удалилась.

– Ты… не хочешь разбудить дракона? Перед нею возник вопящий Визерис:

– Шлюха, дракон не простит. Не тебе повелевать драконом. Я – дракон, и я получу корону! – Расплавленное золото воском стекало по лицу брата, выжигая глубокие борозды в его плоти. – Я дракон, и я буду коронован! – визжал он, и пальцы его извивались как змеи, хватали за ее соски, щипали, крутили, не переставая, даже когда глазные яблоки лопнули и слизь потекла по обуглившимся щекам.

– Ты не хочешь разбудить дракона…

Красная дверь была еще так далеко, а за спиной она уже ощущала ледяное дыхание, облаком преследующее ее. Если оно догонит, она умрет смертью, которая глубже смерти, и будет выть в вечном мраке и одиночестве. Она побежала…

– …не хочешь разбудить дракона…

Она чувствовала пламя внутри себя. Жуткий жар терзал матку. Сын ее, высокий и гордый, с медной кожей Драго и ее серебряно-золотыми волосами, обратил к ней фиалковые миндалины глаз. Улыбнулся и протянул к ней руку, но когда он открыл рот, между губ хлынул огонь. Она видела, как сгорает его сердце за ребрами, и в одно мгновение он исчез, превратившись в пепел, как мотылек в пламени свечи. Она оплакала свое дитя, этот сладкий рот, так и не прикоснувшийся к ее груди, но слезы ее превратились в пар, едва притронувшись к плоти.

– …хочешь разбудить дракона…

Призраки выстроились в коридорах, одетые в линялые облачения королей. В руках их бледным пламенем полыхали мечи. Волосы их были как серебро, как золото и как светлая платина, а глаза – как опалы, аметисты, турмалины и яшма.

«Быстрее, – кричали они, – Быстрее, быстрее». Она бежала, и ноги ее плавили камень. «Быстрее!» – единым голосом вскричали призраки. И она рванулась вперед. Боль ножом вспорола ее спину; она ощутила, как расторгается ее кожа, ощутила запах горячей крови и увидела под собою тень крыльев. Дейенерис Таргариен летела.

– …разбудить дракона…

Дверь возникла перед ней – красная дверь – так близко, так близко. Стены коридора летели назад. И холод остался сзади. И вдруг камень исчез. Она летела над дотракийским морем, поднимаясь все выше и выше; внизу по зелени ходили волны, и все живое в ужасе бежало от тени ее крыльев. Она ощущала запах дома, и она видела его там, за этой Дверью: зеленые поля, великие каменные дома и руки, которые согреют ее. Она распахнула дверь.

– …дракона…

И увидела своего брата Рейегара верхом на вороном жеребце, черном, как его панцирь. Узкая прорезь забрала горела красным огнем.

– Последний дракон, – слабым голосом шепнул сир Джорах. – Последний, последний.

Дени подняла полированное черное забрало. На нее глядело ее собственное лицо.

А потом – долго – с ней оставались лишь боль, огонь, сжигавший ее недра, и шепот звезд.

Она проснулась, ощущая пепел во рту.

– Нет, – простонала она, – не надо, пожалуйста.

– Кхалиси? – Чхику склонилась к ней испуганной голубкой.

Шатер утопал во мраке, спокойном и тихом. Хлопья пепла поднимались от жаровни, и Дени провожала их взглядом до дымового отверстия. Летят, подумала она. У меня были крылья, я летала. Но это был только сон.

– Помогите мне, – прошептала она, пытаясь подняться. – Принесите мне… – Больно было даже говорить, и Дени не могла понять, чего она хочет. Откуда такая мука? Словно бы тело ее разорвали на части и сшили заново. – Я хочу…

– Да, кхалиси. – Чхику мгновенно исчезла, выбежав из шатра с криком. Дени нуждалась… в чем-то… в ком-то… в чем же? Это было важно, она понимала это. Ей было нужно то, чего нет важнее на белом свете. Она перекатилась на бок и попыталась, оперевшись локтем, сдвинуть одеяло, запутавшее ее ноги. Оно оказалось неимоверно тяжелым. Мир плыл вокруг нее.

– Мне надо…

Ее нашли на ковре… она ползла к драконьим яйцам. Сир Джорах Мормонт взял Дени на руки и положил в ночные шелка, она и не сопротивлялась. За плечом рыцаря она увидела трех служанок, Чхого с крошечными усиками и широкое лицо Мирри Маз Дуур.

– Я должна, – попыталась сказать она. – Мне надо…

– …спать, принцесса… – продолжил за нее сир Джорах.

– Нет, – сказала Дени. – Прошу вас. Прошу.

– Да. – Рыцарь прикрыл ее шелком; тело Дени горело. – Спи и набирайся сил, кхалиси. Возвращайся к нам. – Тут Мирри Маз Дуур оказалась рядом, мейега приложила чашу к ее губам. Из нее пахло кислым молоком и еще чем-то горьким. Теплая жидкость побежала по подбородку. Каким-то образом Дени умудрилась проглотить питье. Шатер отступил, и сон вновь овладел ею. На этот раз Дени не видела снов. Она тихо и мирно плыла по поверхности не знавшего берегов черного моря.

Спустя какое-то время – через ночь, еще через день или через год, она не знала – Дени проснулась снова… В шатре было темно, шелковый полог хлопал как крылья, пропуская рвущийся снаружи ветер. На этот раз Дени не стала пытаться подняться.

– Ирри, – позвала она, – Чхику, Дореа. – Они немедленно оказались рядом. – Принесите пить, горло пересохло, – сказала она.

Ей принесли воды, она оказалась пресной и безвкусной, но Дени жадно выпила ее и послала Чхику за новой порцией. Ирри увлажнила мягкую тряпку и промокнула ей лоб.

– Я болела? – спросила Дени. Дотракийка кивнула. – Долго? – Влажная ткань успокаивала, но Ирри казалась такой печальной. Дотракийка

кивнула.

– Долго, – прошептала она. Когда Чхику вернулась с водой, вместе с ней вошла Мирри Маз Дуур, глаза которой еще были полны сна.

– Пей, – проговорила она и, приподняв голову Дени, снова приложила к ее губам чашу – на этот раз только с вином. Сладким-сладким. Дени выпила и откинулась назад, прислушиваясь к звуку собственного дыхания. Она ощущала тяжесть в конечностях, и сон вновь овладел ею.

– Принесите мне… – проговорила она неразборчивым сонным голосом, – принесите… я хочу подержать…

– Да? – спросила мейега. – И чего же ты хочешь, Кхалиси?

– Принесите мне… яйцо… драконье яйцо… пожалуйста… – Ресницы ее обратились в свинец, и не было сил, чтобы поднять их.

Когда Дени проснулась в третий раз, луч золотого света пробивался сквозь дымовое отверстие в шатре, и она лежала, обнимая драконье яйцо… бледное, с чешуйками цвета сливочного масла, пронизанное золотыми и бронзовыми вихрями. Дени ощущала исходивший от него внутренний жар. Под постельными шелками тонкий слой пота покрывал ее кожу. Драконья роса, сказала она себе. Слабые пальцы ее прикоснулись к поверхности скорлупы, к золотым завиткам, и где-то в глубине камня что-то пошевелилось, вздрогнуло, отвечая. Это не испугало ее. Все ее страхи сгинули в огне.

Дени прикоснулась ко лбу. Покрытая путом кожа показалась под рукой слишком холодной, но лихорадка исчезла. Она заставила себя сесть. Голова ее закружилась, и острая боль пронзила ее между ногами. И все же она ощущала в себе силу. На зов прибежали служанки.

– Воды, – сказала она. – Холодной, если найдете. И фруктов, лучше фиников.

– Как тебе угодно, кхалиси.

– Мне нужен сир Джорах, – сказала она вставая. Чхику подняла халат из песчаного шелка и набросила ей на плечи. – Потом теплую ванну, еще Мирри Маз Дуур и…

Память разом вернулась к ней, и она осеклась.

– А кхал Дрого? – с ужасом проговорила Дени, глядя на их лица. – Он уже…

– Кхал живет, – спокойно ответила Ирри… но Дени заметила мрак в ее глазах; едва выговорив два этих слова, служанка бросилась за водой.

Дени повернулась к Дореа:

– Скажи мне.

– Я… я приведу сира Джораха, – потупилась лисенийка и, склонив

голову, выбежала из шатра.

Чхику тоже бы побежала, но Дени поймала ее за запястье и удержала на месте.

– Что случилось? Я должна знать. Дрого… и мой ребенок… – Почему же она только сейчас вспомнила про ребенка? – Мой сын… Рейего… где он? Я хочу видеть его.

Служанка потупила глаза.

– Мальчик… не выжил, кхалиси. – Голос ее превратился в испуганный шепот.

Дени отпустила руку. «Сын мой мертв», – подумала она, когда и Чхику оставила палатку. Она знала это. Она поняла это, еще когда пробудилась в первый раз и услышала плач Чхику. Нет, она знала это прежде, чем проснулась. Сон вернулся назад, внезапный и яркий, она вспомнила, как сгорел высокий муж с медной кожей и золотым серебром косы.

Значит, надо поплакать, поняла Дени, но глаза ее остались сухи как пепел. Все свои слезы она выплакала во сне, когда слезы превращались в пар на ее щеках. «Тот огонь выжег из меня все горе», – сказала она себе. Дени ощущала скорбь, и все же… Рейего оставил ее, его как бы никогда и не было.

Сир Джорах и Мирри Маз Дуур вошли несколько мгновении спустя и застали Дени стоящей над драконьими яйцами, два из которых оставались в своем ящике. Тем не менее ей показалось, что они были не холоднее того яйца, с которым она спала; это было чрезвычайно странно.

– Сир Джорах, подойдите ко мне, – сказала Дени. Она взяла его за руку, приложила к черному яйцу с алыми завитками. – Что вы чувствуете?

– Скорлупу, твердую как камень. – Рыцарь держался настороженно. – И чешуйки.

– А теплоту?

– Нет, это холодный камень. – Он убрал руку. – Принцесса, вам не будет плохо? Следует ли вставать при такой слабости?

– Слабости? Я хорошо себя чувствую, Джорах. – Чтобы доставить ему удовольствие, она опустилась на груду подушек. – Расскажите мне, как умер мой ребенок.

– Он и не жил, принцесса. Женщины говорили… – Он осекся, Дени заметила, как осунулся рыцарь, как хромал при ходьбе.

– Так что говорили женщины?

Сир Джорах отвернулся. В глазах его стояла боль.

– Они сказали, что дитя было… Дени ждала, но сир Джорах не мог вымолвить эти слова. Лицо его потемнело от стыда, он казался ей

полутрупом.

– Чудовищным, – докончила за него Мирри Маз Дуур. Рыцарь был могуч, но Дени вдруг поняла, что мейега сильнее его и более жестока, и бесконечно более опасна. – Я сама извлекла урода наружу. Он был слеп, покрыт чешуями, словно ящерица, с коротким хвостом и маленькими кожаными крылышками, как у летучей мыши. Когда я взяла его, плоть отвалилась с костей, и внутри оказались только могильные черви и запах тлена. Он был мертв уже не один год…

Это сделала тьма, подумала Дени. Та тьма, наползшая сзади, чтобы пожрать ее. Если бы она оглянулась, то пропала бы.

– Сын мой был жив и здоров, когда сир Джорах понес меня в этот шатер, – сказала она, – я сама ощущала, как он брыкается, просясь наружу.

– Так, наверное, и было, – ответила Мирри Маз Дуур. – И все же явившееся из твоего чрева создание было именно таким, как я сказала. Смерть была тогда в этом шатре, кхалиси.

– Тени, только тени, – буркнул сир Джорах, но Дени слышала сомнение в его голосе. – Я видел, мейега. Ты была одна и плясала с тенями.

– Могила отбрасывает длинные тени, железный лорд, – заметила Мирри, – длинные и темные, и никакой свет не может полностью отразить их.

Сир Джорах убил ее сына, поняла Дени. Он сделал это из преданности и любви, однако он принес ее туда, где нет места живому человеку, и отдал ее младенца тьме. Он тоже понимал это – о чем говорили серое лицо его, пустые глаза и хромота.

– Тени прикоснулись и к тебе, сир Джорах, – сказала она. Рыцарь не ответил. Дени повернулась к повитухе:

– Ты говорила мне, что лишь смертью можно выкупить жизнь. Я думала, ты говоришь про коня.

– Нет, – сказала Мирри Маз Дуур. – Эту ложь ты сказала себе сама. Ты знала цену.

«Знала? Неужели? Если я оглянусь, я пропала».

– Цена выплачена, – сказала Дени. – Конь, мое дитя. Куаро и Квото, Хагго и Кохолло. Я заплатила несколько раз. – Дени поднялась с подушек. – Где кхал Дрого? Покажи мне его, повитуха-мейега, волшебница, кем бы ты ни являлась на самом деле. Покажи мне теперь кхала Дрого, покажи мне, за что отдала я жизнь своего сына.

– Как тебе угодно, кхалиси, – сказала старуха. – Пойдем, я отведу тебя к нему.

Дени не знала, что настолько слаба. Сир Джорах обнял ее за плечи и

помог встать.

– Это можно сделать и потом, моя принцесса, – сказал он негромко.

– Я увижу его немедленно, сир Джорах!

После мрака шатра свет снаружи показался ей ослепительным. Солнце проливало расплавленное золото на обожженную и бесплодную землю. Служанки ожидали Дени с фруктами, вином и водой, а Чхого шагнул вперед, чтобы помочь сиру Джораху поддержать ее. Агго и Ракхаро стояли позади. Сверкающий под солнцем песок мешал ей смотреть, и Дени подняла руку, прикрывая глаза. Вокруг неровного кострища бродили несколько дюжин лошадей, тщетно пытавшихся отыскать хоть какой-нибудь травы, за ними стояли редкие шатры. Небольшая группа детей собиралась поглазеть на нее, женщины занимались работой, старцы усталыми глазами разглядывали синее небо, отмахиваясь от кровавых мух. Она сумела насчитать сотню людей, не более. Там, где стояли остальные сорок тысяч, лишь, поднимая пыль, гулял ветер.

– Кхаласар Дрого ушел, – сказала она.

– Кхал, который не способен ехать на коне, больше не кхал, – ответил Кхого.

– Дотракийцы следуют только за сильным, – добавил сир Джорах. – Прости, принцесса, их нельзя было удержать. Первым уехал ко Поно, он назвал себя кхалом Поно, и многие последовали за ним. Чхако последовал его примеру. Остальные бежали тайно – ночь за ночью, большими и малыми группами. Теперь на месте прежнего кхаласара Дрого в дотракийском море появилась дюжина новых кхаласаров.

– А с нами остались старые, – сказал Агго. – Испуганные, слабые и больные. И мы, присягнувшие. Мы остаемся.

– Они увели стада кхала Дрого, кхалиси, – сказала Ракхара, – нас было мало, и мы не смогли остановить их. Сильный вправе отбирать у слабого. Они увели с собой и рабов, твоих и кхала, но все же кое-кого оставили.

– А Ероих? – спросила Дени, вспомнив ту испуганную девушку, которую спасла у стен города ягнячьих людей.

– Ее забрал Маго, теперь он кровный наездник кхала Чхако, – сказал Чхого. – Он брал ее так и эдак, а потом отдал своему кхалу, а Чхако отдал своим кровным. Их было шестеро. Потешившись, они перерезали ей горло, кхалиси.

– Так было ей суждено, кхалиси, – сказал Агго. «Если я оглянусь, то пропаду».

– Жестокая судьба, – проговорила Дени. – И все же не столь жестокая, как та, что ожидает Маго. Обещаю вам перед богами старыми и новыми,

перед богами конного и ягнячьего народа, перед всяким живым богом. Клянусь в этом Матерью гор и Чревом Мира. Я потешусь над ними так, что Маго и ко Чхако будут молить о том милосердии, которое они дали Ероих.

Дотракийцы неуверенно переглянулись.

– Кхалиси, – принялась объяснять служанка Ирри, словно бы обращаясь к ребенку, – ко Чхако теперь кхал, он правит двадцатью тысячами всадников.

Она подняла голову.

– А я Дейенерис Бурерожденная. Дейенерис из дома Таргариенов, наследница Эйегона-завоевателя, Мейегора Жестокого и старой Валирии. Я – дочь дракона и клянусь перед вами, что этим людям суждена жестокая смерть. А теперь проведите меня к кхалу Дрого.

Он лежал на голой ржавой земле, глядя на солнце. Дюжина кровавых мух ползала по его телу, но кхал не замечал их. Дени отогнала насекомых и стала на колени возле мужа. Глаза Дрого были широко открыты, но он не видел ее, и Дени сразу поняла, что кхал слеп. Она прошептала его имя, но он не услышал. Рана на груди зажила, оставив ужасный серо-желтый шрам.

– А что он делает здесь на солнце? – спросила она.

– Похоже, ему нравится тепло, принцесса, – проговорил сир Джорах. – Глаза кхала следуют за солнцем, хотя он его не видит. Он может даже ходить. Он идет туда, куда ты его ведешь, но не дальше. Он ест, если кладешь ему пищу в рот, пьет, если лить ему воду в губы.

Дени ласково поцеловала свое солнце и звезды в чело и встала перед Мирри Маз Дуур.

– Мейега, твое волшебство слишком дорого стоит.

– Но кхал жив, – сказала Мирри Маз Дуур. – Ты просила, чтобы он жил, и заплатила за это.

– Но это не жизнь для такого человека, как Дрого. Он жил смехом, мясом, жарящимся на костре, и конем между ног своих. Он жил, встречая врага аракхом в руке и колокольчиками, звенящими в волосах. Он жил своими кровными и мной, и сыном, которого я должна была родить ему.

Мирри Маз Дуур промолчала.

– А когда он станет таким, каким был прежде? – потребовала ответа Дени.

– Когда солнце встанет на западе и опустится на востоке, – забормотала Мирри Маз Дуур. – Когда высохнут моря и ветер унесет горы, как листья. Когда чрево твое вновь зачнет и ты родишь живое дитя. Тогда он вернется – но прежде не жди!

Дени махнула сиру Джораху и всем остальным:

– Отойдите, я хочу поговорить с этой мейегой!

Мормонт и дотракийцы отступили.

– Ты знала, – сказала Дени, когда их никто не мог услышать. Ее терзала боль изнутри и снаружи, но ярость придавала ей силы. – Ты знала, ЧТО я покупаю, и знала цену, но тем не менее заставила меня заплатить ее за другое…

– Они не должны были сжигать мой храм, – мирно ответила тяжелая плосконосая женщина. – Это прогневало Великого Пастыря.

– Это сделал не бог, – с холодом в голосе сказала Дени. «Если я оглянусь, я пропала». – Ты обманула меня. Ты убила дитя во мне.

– Жеребец, который покроет весь мир, теперь не сожжет ни одного города. Его кхаласар не втопчет в пыль ни одной страны.

– Я заступилась за тебя, – сказала она. – Я спасла тебя.

– Спасла меня? – Лхазарянка плюнула. – Трое всадников взяли меня, и не как мужчина берет женщину, а сзади, как пес поднимается на суку. Четвертый был во мне, когда ты ехала мимо. Когда же ты спасла меня? Я видела, как сгорел дом моего бога, в котором я исцелила несчетное множество добрых людей. Мой дом они тоже сожгли; я видела на улицах груды голов, а среди них голову пекаря, который пек мне хлеб, и голову мальчишки, которого я спасла от мертвоглазия две недели назад… я видела, как наездники гонят кнутами плачущих детей. Скажи мне еще раз, что ты спасла?

– Твою жизнь.

Мирри Маз Дуур жестоко расхохоталась:

– Погляди-ка на своего кхала и увидишь, чего стоит жизнь, когда ушло все остальное.

Крикнув мужей своего кхаса, Дени приказала связать Мирри Маз Дуур по рукам и ногам, но мейега только улыбнулась, когда ее уводили, словно бы они разделяли общую тайну. Еще слово, и Дени приказала бы срубить ей голову… но что она тогда получит? Голову? Если даже жизнь ничего не стоит, чего же тогда стоит смерть?

Они привели кхала Дрого назад в ее шатер, и Дени приказала наполнить ванну, но на сей раз в воде не было крови.

Она сама выкупала кхала, вымыла длинные черные волосы и чесала их, пока они вновь не заблестели прежним блеском. Дело затянулось до тьмы, и Дени устала. Она хотела было поесть и попить, но сумела только проглотить финик и запить его глотком воды. Сон был бы облегчением, но она и так спала достаточно долго… точнее говоря, слишком долго. Эту ночь она должна посвятить Дрого – ради всех ночей, что были у них, и тех,

что, может быть, еще будут.

Уводя кхала во тьму, она вспомнила их первую поездку по ночной степи, ведь дотракийцы верили, что все важные события в жизни мужчины должны совершаться под открытым небом. Она пыталась уверить себя в том, что есть сила сильнее ненависти и есть чары надежнее и вернее тех, которым мейега научилась в Асшае. Ночь выдалась темной, безлунной, на небе искрились звездные мириады. Дени усмотрела в этом предзнаменование. Здесь их не ждало мягкое одеяло травы – лишь жесткая пыльная земля, усеянная камнями. Ветер не шевелил деревья, и ручей не прогонял ее страхи своей тихой музыкой. Дени решила, что довольно будет и звезд.

– Вспомни, Дрого, – прошептала она. – Вспомни о нашей первой поездке в день свадьбы. Вспомни ночь, в которую мы зачали Рейего, когда кхаласар окружил нас и ты глядел мне в лицо. Вспомни, какой чистой и прохладной была вода в Чреве Мира. Вспомни, мое солнце и звезды, вспомни и вернись ко мне!

Роды слишком разорвали ее внутри, чтобы принять в себя его мужество, но Дореа научила ее другим способам. Дени пользовалась ртом, губами и грудями. Она водила по нему ногтями, покрывала поцелуями, шептала, молилась и наконец залилась слезами. Но Дрого не чувствовал ее, не говорил и не восстал.

Когда блеклый рассвет забрезжил над пустым горизонтом, Дени поняла, что Дрого навсегда ушел от нее.

– Когда солнце встанет на западе и опустится на востоке, – повторила она со скорбью. – Когда высохнут моря и ветер унесет горы, как листья. Когда чрево мое вновь зачнет и я рожу живого ребенка. Тогда ты вернешься, мое солнце и звезды, но прежде не жди.

«Никогда, – выкрикнула тьма, – никогда, никогда, никогда!» Внутри шатра Дени отыскала набитую перьями подушку из мягкого шелка. Прижав ее к груди, она вернулась к Дрого, к своему солнцу и звездам. «Если я оглянусь, я пропала». Ей было больно ходить, хотелось спать, спать и ничего не видеть во сне.

Встав на колени, она поцеловала Дрого в губы и прижала подушку к его лицу.

Тирион

– Они захватили моего сына.

– Истинно, милорд, – отозвался гонец голосом тусклым от утомления. Полосатый вепрь Кракехолла на груди его порванного кафтана наполовину скрывался за пятнами засохшей крови.

Одного из твоих сыновей, подумал Тирион. Но глотнув вина, не проронил ни слова, погрузившись в размышления о Джейме. Когда карлик поднял руку, боль пронзила его локоть, напомнив о недолгом знакомстве с битвой. При всей любви к своему брату, Тирион не хотел бы оказаться возле него в Шепчущем Лесу даже за все золото Бобрового утеса.

Капитаны и знаменосцы лорда-отца сразу притихли, когда гонец сообщил свою весть. И стало слышно, как потрескивают и шипят бревна в очаге на дальнем конце холодной гостиной.

После всех лишений, перенесенных во время долгой и безжалостной скачки на юг, возможность хотя бы раз заночевать на постоялом дворе весьма приободрила Тириона… впрочем, он предпочел бы другую гостиницу – только не эту. Воспоминания не всегда бывают веселыми…

Отец гнал жестоко, и дорога брала свое. Раненым приходилось напрягать все свои силы, иначе их предоставляли собственной судьбе. Каждое утро возле дороги оставалось еще несколько человек, заснувших вечером, но более не проснувшихся. Каждый день из седла падали новые. И каждый вечер кое-кто исчезал, растворившись во тьме. Тириону, пожалуй, даже хотелось присоединиться к ним.

В своей комнате наверху он наслаждался мягкой периной и теплой Шаей, устроившейся под боком, когда сквайр разбудил его, доложив, что прибыл гонец с жестокими вестями из Риверрана. Итак, все было бесполезно. Эта скачка, бесконечные переходы, тела, брошенные возле дороги, – все попусту. Робб Старк пришел в Ривердан несколько дней назад.

– Как это могло случиться? – простонал сир Харис Свифт. – Как? Даже после Шепчущего Леса Ривердан был охвачен железным кольцом, окружен огромным войском. Какое безумие заставило сира Джейме разделить своих людей на три отдельных лагеря? Он ведь знал, насколько уязвимы они будут!

Уж лучше, чем ты, трус с подрубленным подбородком, подумал Тирион. Джейме вполне мог потерять Ривердан, но он не мог слышать, как его брата

склоняют такие, как Свифт, бесстыжие лизоблюды: самое великое достижение этого типа заключалось в том, что он выдал свою, также лишенную подбородка дочь за сира Кивана, тем самым связав себя с Ланнистерами.

– Я поступил бы так же, – заметил его дядя куда более спокойным голосом, чем сделал бы Тирион. – Вы никогда не видели Риверрана, сир Харис, иначе вы бы знали, что у Джейме не было выбора. Дело в том, что замок расположен на мысу между Камнегонкой и Красным Зубцом. Реки ограждают Риверран с двух сторон, а в случае опасности Талли открывают шлюзы и наполняют широкий ров с третьей стороны треугольника, превращая замок в остров. Стены поднимаются прямо из воды, а со своих башен защитники прекрасно видят, что происходит на противоположных берегах на много лиг вокруг. Чтобы перекрыть все подходы, осаждающий должен поставить лагеря к северу от Камнегонки и к югу от Красного Зубца, а третий должен располагаться между реками, к западу от рва. Другого способа нет.

– Сир Киван говорит правду, милорды, – сказал гонец. – Лагеря мы оградили частоколами из заостренных кольев, но этого оказалось мало; разделенные реками, мы не смогли предупредить друг друга. Враги сначала напали на северный лагерь. Никто не ожидал этого. Марк Пайпер тревожил наших фуражиров, но у него было не более пятидесяти человек; к тому же мы думали, что сир Джейме управился с ними прошлой ночью, мы ведь не знали тогда, что это северяне. Мы считали, что Старки находятся к востоку от Зеленого Зубца и идут на юг.

– А ваши разведчики? – Лицо сира Григора Клигана казалось вырезанным из камня. Огонь в очаге бросал оранжевые отблески на его кожу, черные тени заливали глазницы. – Неужели они ничего не видели? Они вас предупреждали?

Окровавленный вестник затряс головой.

– Наши разведчики все время исчезали. Мы считали, что это работа Марка Пайпера. Ну а те, кто возвращался назад, утверждали, что не видели ничего.

– Человек, который ничего не видит, не умеет пользоваться глазами, – объявил Гора. – Такие глаза нужно вырвать и отдать другому разведчику; пусть знает, что вы считаете, что четверо глаз видят лучше, чем двое. Если ж не поймет, у следующего будет шесть глаз.

Лорд Тайвин повернул лицо к сиру Григору. Тирион заметил золотые искры в глазах отца, однако трудно было понять, выражает ли этот взгляд одобрение или презрение. Лорд Тайвин часто безмолвствовал в совете,

предпочитая слушать, а не говорить; привычке этой пытался следовать и Тирион. Однако столь упорное молчание было непривычным даже для него; вино в его чаше тоже осталось нетронутым.

– Ты сказал, что они напали ночью, – проговорил сир Киван.

Человек устало кивнул.

– Черная Рыба вел авангард, они зарубили часовых, проломили бреши в палисадах для своего войска. Пока наши пытались понять, что происходит, их всадники уже ехали по лагерю с мечами и факелами в руках. Я ночевал в западном лагере между реками. Когда мы услышали звон мечей и стали загораться шатры, лорд Браке повел нас к плотам. Мы попытались переправиться, но поток унес плоты вниз по течению, а катапульты Талли начали забрасывать нас камнями со стен. Я видел, как один плот разлетелся в щепу, два других перевернулись, люди попадали в реку и утонули… Ну а те, кто сумел переправиться, попали прямо в руки Старков, поджидавших на берегу.

Сир Флемент Браке в своем пурпурно-серебряном плаще, с видом человека, явно не вполне осознающего то, что он услышал, спросил:

– А мой лорд-отец?

– Простите, милорд, – проговорил гонец, – лорд Браке был облачен в кольчугу и панцирь, когда плот его перевернулся. Он был очень доблестным человеком…

Дураком он был, подумал Тирион и, покрутив чашу, уставился в винные глубины. Если переправляться в панцире через быструю реку ночью на грубом плоту, когда враг ждет тебя на другом берегу, – это отвага, то он готов считать себя трусом. Интересно, а ощущал ли лорд Браке свою доблесть, когда тяжесть стали увлекала его в черные воды?

– Лагерь между рек также подвергся нападению, – продолжил вестник. – Пока мы пытались переправиться, с запада подошли новые знамена Старков двумя колоннами панцирной конницы. Я заметил гиганта в цепях лорда Амбера и орла Маллистеров, но войско вел мальчишка с чудовищным волком, бежавшим возле его коня. Я сам не видел, но люди рассказывали, что тварь убила четверых людей и задрала дюжину лошадей. Наши копейщики поставили стену из щитов и сдержали первый натиск, но, увидев это, Талли открыли ворота Риверрана, и Титос Блэквуд повел отряд по подъемному мосту и напал на них с тыла.

– Боги, спасите нас, – крякнул лорд Леффорд.

– Большой Джон Амбер поджег осадные башни, которые мы сооружали, а лорд Блэквуд отыскал сира Эдмара Талли в цепях среди пленников и увел их всех. Южным лагерем командовал сир Форли Престер.

Увидев, что остальные лагеря взяты, он отступил в полном порядке с двумя тысячами копейщиков и таким же количеством лучников. Однако тирошиец, возглавлявший наемников, бросил наши знамена и переметнулся к врагу.

– Проклятие. – В голосе дяди Кивана звучал скорее гнев, чем удивление. – Я просил Джейме не доверять ему. Человек, который сражается из-за денег, верен лишь собственному кошельку.

Лорд Тайвин слушал, оперев подбородок на переплетенные пальцы, не двигаясь, следя за говорящими лишь глазами. Колючие золотые бакенбарды обрамляли лицо спокойное, словно маска, но Тирион видел крошечные капельки пота, выступившие на бритой голове отца.

– Как это могло случиться? – вновь простонал сир Харис Свифт. – Сир Джейме в плену, осада снята… Это катастрофа!

– Не сомневаюсь, что все благодарны вам, сир Харис, за напоминание об очевидном. Но вопрос заключается в том, что нам делать дальше, – сказал сир Аддам Марбранд.

– Что мы можем сделать? Войско Джейме истреблено, взято в плен или разбежалось. Старки и Талли перекрыли линию снабжения. Мы отрезаны от запада! При желании они могут повернуть прямо на Бобровый утес, и чем мы остановим их? Милорды, мы потерпели поражение. И должны просить мира.

– Мира? – Тирион одним глотком опустошил чашу, бросил пустую посудину на пол, и она разлетелась на тысячу кусков. – Вот ваш мир, сир Харис. Мой милый племянник раз и навсегда лишил нас такой возможности, украсив головой лорда Эддарда Красный замок. Сейчас легче выпить вина из разбитой мной чаши, чем заставить Робба Старка заключить мир. Он побеждает, или вы этого не заметили?

– Но две битвы – это еще не война, – настаивал сир Аддам. – Мы еще не погибли! Я буду рад любой возможности испытать своей сталью мальчишку Старка.

– Быть может, они согласятся на перемирие, захотят обменять наших пленных…

– Придется уговаривать менять троих на одного, иначе нам придется туго на переговорах, – едко сказал Тирион. – Но что мы можем предложить за моего брата? Гниющую голову лорда Эддарда?

– Я слышал, что королева Серсея задержала дочерей десницы, – сказал Леффорд с надеждой. – Если бы мы вернули парню его сестер…

Сир Аддам пренебрежительно фыркнул:

– Только полный осел будет менять Джейме Ланнистера на двух

девчонок.

– Тогда мы должны выкупить сира Джейме, чего бы это ни стоило, – высказал мысль лорд Леффорд, Тирион закатил глаза.

– Если Старки ощущают необходимость в золоте, они могут переплавить панцирь моего брата.

– Если мы запросим перемирия, они подумают, что мы слабы, – проговорил сир Аддам. – Следует немедленно наступать.

– Конечно, наших друзей при дворе можно убедить присоединиться к нам со свежими войсками, – сказал сир Харис. – И кому-то придется вернуться на Бобровый утес, чтобы собрать новое войско.

Лорд Тайвин Ланнистер поднялся.

– Они захватили моего сына, – сказал он еще раз голосом, сразу пресекшим все разговоры. – А теперь оставьте меня. Все!

Даже Тирион – воплощение неповиновения – поднялся, чтобы отправиться вместе с остальными, но отец поглядел на него.

– Нет, Тирион, ты останься. И ты, Киван. Все остальные – вон!

Тирион опустился на скамью, от удивления потеряв дар речи.

Сир Кивай направился через всю комнату к бочонку с вином.

– Дядя, – попросил Тирион, – если вы будете столь любезны…

– Вот, – предложил отец ему свою чашу, к которой он так и не прикоснулся.

Теперь Тирион был воистину потрясен. Он выпил. Лорд Тайвин уселся.

– Ты прав относительно Старка. Будь он жив, мы могли бы воспользоваться лордом Эддардом, чтобы выковать мир с Винтерфеллом и Риверраном, мир, который позволил бы нам управиться с братьями Роберта. Мертвый же… – Рука его сжалась. – Безумие, откровенное безумие!

– Джофф еще мальчишка, – указал Тирион. – В его возрасте я успел натворить достаточно безрассудств.

Отец остро поглядел на него.

– Ну все-таки мы должны радоваться тому, что он еще не женился на шлюхе.

Тирион тянул вино, гадая, как отреагирует лорд Тайвин, если он выплеснет чашу прямо ему в лицо.

– Наше положение хуже, чем вы думаете, – продолжил отец. – Похоже, мы получили нового короля.

Сира Кивана словно ударили по голове.

– Нового… кого? Что они сделали с Джоффри?

Легкое недовольство отразилось на губах лорда Тайвина.

– Пока ничего. Мой внук еще сидит на Железном троне, но евнух услыхал шепотки, доносившиеся с юга. На той неделе Ренли Баратеон обвенчался с Маргарит Тирелл и заявил о своих претензиях на престол. Отец и братья невесты преклонили колена и присягнули ему мечами.

– Суровая весть. – Сир Киван нахмурился, морщины на его лице превратились в ущелья.

– Моя дочь приказывает нам немедленно ехать в Королевскую Гавань, чтобы защитить Красный замок от короля Ренли и рыцаря Цветов. – Рот его напрягся. – Приказывает нам, представляете себе… именем короля и совета!

– А как воспринял новость король Джоффри? – спросил Тирион с изумлением.

– Серсея еще не сочла возможным сказать ему, – ответил лорд Тайвин. – Она опасается того, что он решится выступить против Ренли своим силами.

– С каким же это войском? – спросил Тирион. – Вы же не собираетесь предоставить ему вот это?

– Он собирается взять городскую стражу, – ответил лорд Тайвин.

– Если он возьмет стражу, город останется без защиты, – сказал Тирион. – А лорд Станнис Баратеон сидит на Драконьем Камне…

– Да. – Лорд Тайвин поглядел на сына. – Тирион, я думал, что ты создан для роли шута, но похоже, что я ошибался.

– Ну что же, отец, – ответил карлик, – это звучит как похвала. – Он наклонился вперед. – А как насчет Станниса? Старший ведь он, а не Ренли. Как он относится к претензиям своего брата?

Отец нахмурился.

– С самого начала мне казалось, что Станнис представляет бульшую опасность, чем все остальные, вместе взятые. И все же он ничего не делает. О! До лорда Вариса доносятся слухи: Станнис строит корабли, Станнис собирает наемников, Станнис выписал из Асшая тенезаклинателя. Но что это значит? Верны ли эти шепотки? – Он раздраженно пожал плечами. – Киван, принеси нам карту.

Сир Киван выполнил поручение. Лорд Тайвин развернул кожу, разгладил ее.

– Джейме заставил нас пойти не в ту сторону. Русе Болтон и остатки его войска располагаются к северу от нас. Наши враги удерживают Близнецы и ров Кейлин. Робб Старк преграждает дорогу на запад, и без битвы мы не можем отступить к Бобровому утесу. Джейме в плену, и войско его рассеялось. Торос из Мира и Берик Дондаррион продолжают препятствовать нашим фуражирам. На востоке находятся Аррены, Станнис

Баратеон засел на Драконьем Камне, а на юге Вышесад и Штормовой Предел собирают знамена.

Тирион криво усмехнулся:

– Приободрись, отец, все-таки Рейегар Таргариен еще не восстал из мертвых.

– Я надеялся, что ты сумеешь воздержаться от своих выходок, – проговорил лорд Тайвин Ланнистер. Лорд Киван стоял над картой, наморщив лоб.

– Робб Старк уже заручился помощью Эдмара Талли и лордов Трезубца. Их объединенное войско может превосходить наше. Ну а учитывая, что Русе Болтон находится позади нас… Тайвин, если мы останемся здесь, то можем оказаться между трех армий.

– Я не намереваюсь оставаться здесь. Мы должны выяснить отношения с молодым лордом Старком прежде, чем Ренли Баратеон сумеет выступить к нам из Вышесада. Болтон не беспокоит меня. Он и так человек осторожный, а Зеленый Зубец должен был еще более остудить его. Болтон не станет торопиться с погоней. Итак… утром выступаем на Харренхолл. Киван, я хочу, чтобы разведчики сира Аддама прикрывали наше передвижение. Дайте ему столько людей, сколько потребуется, и посылайте их по четыре человека. Я не желаю, чтобы они пропадали.

– Как вам угодно, милорд, но почему на Харренхолл? Это мрачное и несчастливое место. Некоторые называют его проклятым…

– Мало ли что болтают! Спустите с поводка сира Григора и его головорезов, пошлите их вперед. Пусть едут и Варго Хоуп с вольными всадниками, и сир Амари Лорх. У каждого из них по три сотни конных. Скажи им, я хочу, чтобы Речные земли горели от Божия Ока до Красного Зубца.

– Они вспыхнут, милорд, – пообещал сир Киван вставая. – Я отдам приказы.

Он поклонился и отправился к двери.

Когда они остались вдвоем, лорд Тайвин поглядел на Тириона.

– Твои дикари могут попользоваться, скажи, чтобы ехали с Варго Хоупом грабить. Добро, скот, женщин… пусть берут все, что хотят, а остальное сжигают.

– Учить Шаггу грабить – все равно что учить петуха кукарекать, – проговорил Тирион. – Но я предпочел бы оставить их при себе. – При всей их непокорности и диком виде горцы принадлежали ему самому, им он доверял больше, чем людям отца.

– Тогда научись управлять ими. Я не хочу грабежей в городе.

– В городе? – Тирион растерялся. – В каком городе?

– В Королевской Гавани. Я посылаю тебя ко двору.

Ничего подобного Тирион Ланнистер даже не мог ожидать. Он потянулся к вину и задумался на мгновение, прежде чем глотнуть.

– И что я буду там делать?

– Править, – резко проговорил отец. Тирион взорвался смехом.

– У моей милой сестры есть свое мнение по этому вопросу.

– Пусть говорит что хочет, но сына ее нужно прибрать к рукам, прежде чем он погубит всех нас. Виноваты и эти ослы-советники. Наш друг Петир, достопочтенный великий мейстер и это чудо без хрена, лорд Варис. Какие советы они дают Джоффри, раз его бросает от одной глупости к другой! И кто это придумал возвести Яноса Слинта в лорды? Отец его был мясником, а ему дарят Харренхолл… Харренхолл, седалище королей! И пока я жив, я не позволю ему даже ступить туда. Мне рассказали, что он взял себе гербом окровавленное копье; топор мясника был бы куда уместнее.

Отец говорил ровным голосом, однако Тирион видел гнев в его золотых глазах.

– И потом, зачем они прогнали Селми, какой в этом смысл? Да, он состарился, но имя Барристана Отважного известно всему королевству. Он возвышал всякого, кому служил. Можно ли сказать то же самое о Псе? Собакам бросают корм под стол, но не сажают рядом с собой на высокий престол. – Он ткнул пальцем в сторону Тириона. – Если Серсея не способна угомонить мальчишку, ты обязан сделать это за нее. Но если эти советники дурачат нас…

Тирион сразу все понял.

– Голову с плеч, – вздохнул он. – И на стену.

– Вижу, ты научился от меня кое-чему.

– Более, чем ты думаешь, отец, – ответил Тирион негромко.

Допив вино, он задумчивым движением отставил в сторону чашу. Часть души его испытывала больше довольства, чем он готов был признать, другая часть не забыла сражение у реки… Хотелось бы знать, не посылает ли его отец снова на левый фланг?

– Но почему я? – спросил он, наклоняя голову к плечу. – Почему не мой дядя, почему не сир Аддам, не сир Флемент или не лорд Серрет? Кто-нибудь повыше ростом?

Тайвин резко поднялся.

– Потому что ты – мой сын.

Тут Тирион все понял. «Ты считаешь, что Джейме уже пропал. Сукин ты сын! Решил, что Джейме мертв и, кроме меня, у тебя никого не

осталось!» Тириону хотелось ударить отца, плюнуть ему в лицо, извлечь кинжал, вырезать сердце и посмотреть, не сделано ли и в самом деле оно из старого жесткого золота, как говорили в простонародье. Однако он сидел на месте и молчал.

Обломки разбитой чаши хрустнули под сапогом отца, лорд Тайвин направился к выходу.

– Вот еще что, – сказал он сыну. – Ты не должен брать шлюху ко двору.

Тирион долго сидел один в гостиной после того, как отец ушел. Наконец он поднялся по ступеням в свою уютную комнату в башне под часами. Потолок был невысок, что карлику, естественно, не мешало. За окном торчала виселица, которую отец поставил во дворе. Тело содержательницы постоялого двора бесшумно раскачивалось на веревке под порывами ночного ветра. Плоть ее истощала, как и надежды Ланнистеров. Шая что-то пробормотала со сна и подкатилась к нему, когда Тирион сел на край перины. Запустив руку под одеяло, он погладил рукой мягкую грудь, и глаза открылись.

– Милорд, – проговорила она с сонной улыбкой. Когда сосок Шаи напрягся, Тирион поцеловал ее.

– Я решил взять тебя в Королевскую Гавань, милая, – шепнул он.

Джон

Кобыла негромко заржала, когда Джон Сноу натянул удила.

– Полегче, милая леди, – проговорил он негромко, успокаивая лошадь прикосновением. Ветер шептал в конюшне, холодное мертвенное дыхание холодило лицо, но Джон ни на что не обращал внимания. Он привязал свой сверток к седлу, покрытые шрамами пальцы остались жесткими и неловкими.

– Призрак, – позвал Джон негромко. – Ко мне. – И волк оказался рядом. Глаза его светились угольками.

– Джон, пожалуйста, не делай этого.

Сноу поднялся в седло, взял поводья и повернул коня мордой к ночи. В дверях конюшни стоял Сэмвел Тарли, полная луна светила за его плечами, отбрасывая тень, казалось бы, принадлежащую гиганту, колоссальную и черную.

– Убирайся с моей дороги, Сэм.

– Джон, нельзя этого делать, – сказал Сэм. – Я не пущу тебя!

– Я предпочел бы не причинять тебе боль, – ответил ему Джон. – Отойди, Сэм, иначе я затопчу тебя.

– Не надо. Послушай меня. Не надо…

Джон ударил шпорами, и кобыла бросилась к двери. Мгновение Сэм стоял на месте, круглое лицо его разом сделалось бледнее повисшей сзади луны. Рот его от удивления расширился кружком. В самый последний момент он отпрыгнул вбок – в чем Джон и не сомневался, – споткнулся и упал. Кобыла перепрыгнула через него и направилась в ночь.

Джон поднял капюшон своего тяжелого плаща и дал лошади волю. Черный замок безмолвствовал в тишине. Призрак топал рядом. Позади на Стене дежурили люди, он знал это, но глаза их были обращены на север, а не на юг. Никто не увидит, как он уехал; только Сэм Тарли, пытающийся подняться на ноги в пыли старой конюшни. Он надеялся, что Сэм не получил повреждений при падении. Тяжелый и неловкий, он мог сломать кисть или вывихнуть лодыжку, убираясь с пути.

– Я же предостерегал его, – негромко сказал Джон. – Мои дела не имеют к нему никакого отношения. – Отъехав, он принялся разминать свою обожженную руку, разжимая и сжимая покрытые шрамами пальцы. Они еще болели, но все-таки без бинтов было приятнее. Лунный свет серебрил далекие горы, он скакал по извилистой ленте Королевского тракта. Нужно

отъехать от Стены как можно дальше, прежде чем там поймут, что он бежал. Утром он оставит дорогу и поедет напрямик через поле, кустарники и ручьи, чтобы сбить с толку погоню, но сейчас скорость была важнее обмана. Впрочем, они легко могли понять, куда он направился.

Старый Медведь привык подниматься с рассветом, поэтому Джону следовало до первых лучей солнца оставить между собой и Стеной как можно больше лиг… если только Сэм Тарли не предаст его. Толстяк был верен своим обязанностям и легко пугался, но любил Джона как брата. Когда его будут допрашивать, Сэм, вне сомнения, расскажет правду, но Джон не мог представить себе, чтобы друг его попросил стражу возле Королевской башни срочно разбудить Мормонта.

Когда Джон не принесет из кухни Старому Медведю завтрак, они заглянут в его келью и увидят на постели Длинный Коготь. С мечом было трудно расстаться, однако Джон не настолько забыл про честь, чтобы взять с собой такое оружие. Даже Джорах Мормонт, спасаясь бегством, не сделал этого. Вне сомнения, лорд Мормонт отыщет для такого клинка более достойного наследника. На душе Джона стало скверно, когда он подумал о старике. Он знал, что бегством своим сыплет соль на незажившую рану, оставленную позором сына. Выходило, что Джон не оправдал доверия, но этого нельзя было избежать. Как бы он ни поступил сейчас, Джон все равно кого-нибудь да предавал. Даже теперь он не знал, так ли поступает, как должен был сделать честный человек. Южанам легче, у них есть септоны, которые могут посоветовать, сообщить волю богов, отделить правое от ошибочного. Но Старки поклонялись богам старым и безымянным, и если сердце-дерево и слышало, оно не отвечало.

Когда последние огни Черного замка исчезли позади него, Джон перевел кобылу на шаг. Ему предстояла дальняя дорога, и проделать ее нужно было на одной лошади. Вдоль южной дороги встречались остроги и сельские поселки, где он мог бы при необходимости обменять свою кобылу на свежего коня; однако туда она должна добраться невредимой.

Еще надо постараться найти себе одежду, скорее всего придется украсть ее. Джон был во всем черном с головы до пят. Высокие кожаные меховые сапоги, грубые домотканые брюки, туника, кожаный жилет без рукавов и тяжелый шерстяной плащ. Ножны длинного меча и кинжал были покрыты черной кротовьей шкуркой, а кольчуга и бармище, что лежат в седельной суме, сплетены из черных колец. Один только лоскут подобного облачения после побега грозил ему смертью на месте. Одетого в черное незнакомца в каждом селении к северу от Перешейка рассматривали с холодной подозрительностью, а его скоро начнут разыскивать. Как только мейстер

Эйемон разошлет воронов, тихой пристани для него не найдется. Даже в Винтерфелле. Бран-то, может, и впустил бы его, но у мейстера Лювина больше здравого смысла. Он заложит ворона и отошлет незваного гостя подальше – как и следует поступить. Так что домой лучше не заезжать вовсе. Джон видел родной замок своим внутренним оком, словно бы оставил его только вчера. Могучие гранитные стены, великий чертог, пропахнувший дымом, собаками и жареным мясом. Солярий отца, его спальню в башне. Части души его ничего не хотелось так сильно, как вновь услышать смех Брана, съесть испеченный Гейджем пирог с беконом и говядиной, послушать сказку старухи Нэн о Детях Леса и Флорианушке-дурачке.

Но он бежал со Стены вовсе не для этого. Он поступил так потому лишь, что в конце концов он – сын своего отца и брат Роббу. Дареный меч, даже столь прекрасный, как Длинный Коготь, не превратил его в Мормонта. И в Эйемона Таргариена. Старик выбирал три раза и все три раза предпочел честь, но так выбрал и он сам. Даже теперь Джон не знал, остался ли мейстер на Стене потому, что был слаб и труслив, или же потому, что был доблестен и силен. И все же Джон понимал старика, утверждавшего, что знает боль такого выбора, он понимал это, пожалуй, чересчур хорошо.

Тирион Ланнистер говорил, что люди обычно предпочитают отрицать жестокую правду, не принимают ее, но зачем ему-то обманывать себя; ему, Джону Сноу, бастарду и проклятому клятвопреступнику, не знающему ни матери, ни друзей. Остаток своей жизни, какой бы короткой она ни оказалась, он вынужден провести человеком, чужим для всех, безмолвным обитателем теней, не смеющим назвать свое собственное имя. И чтобы проехать все Семь Королевств, он вынужден будет лгать – иначе всякий вправе поднять на него руку. Но все это безразлично, лишь бы жизни его хватило, чтобы, став рядом с братом, суметь отомстить за отца.

Он вспомнил, как прощался с Роббом; снежинки, таявшие на золотисто-рыжих волосах брата. Придется посетить его тайно – прикинувшись кем-то другим. Джон попытался представить себе то выражение, которое появится на лице Робба, когда он откроет себя. Брат тряхнет головой и улыбнется… а скажет… что же он скажет…

Нет, улыбки его Джон представить не мог, невзирая на все старания. Он вспомнил дезертира, которого отец обезглавил в тот день, когда они нашли лютоволков.

– Ты произнес слова, – сказал ему тогда лорд Эддард. – Ты дал обет перед Черными Братьями и богами – старыми и новыми.

Десмонд и Толстый Том поволокли человека к колоде. Бран смотрел на происходящее круглыми, как блюдца, глазами, и Джону пришлось напомнить, чтобы тот не забыл про поводья. Он вспомнил выражение на лице отца, когда Теон Грейджой поднес ему Лед; вспомнил алую струю, хлынувшую в снег; и то, как Теон пнул голову, подкатившуюся к его ногам.

Интересно, как поступил бы лорд Эддард, окажись дезертиром его брат Бенджен, а не незнакомый оборванец. Повел бы он себя по-другому? Конечно, да… И Робб, бесспорно, обрадуется ему! Обрадуется или…

Но об этом лучше не думать. Боль пронзила пальцы, когда он стиснул поводья. Джон ударил пятками в бока кобылы и погнал ее галопом по Королевскому тракту, словно стремясь ускакать от сомнений. Смерти Джон не боялся, но ему не хотелось умирать связанным и обезглавленным, как обычный разбойник. Если ему суждено погибнуть, он встретит смерть с мечом в руке, сражаясь с убийцами отца. Пусть он никогда не был настоящим Старком, но тем не менее способен умереть как подобает. Чтобы потом сказали, что у Эддарда Старка было четверо сыновей, а не трое!

Призрак держался вровень с ними почти полмили, вывалив красный язык изо рта. Но когда человек и конь склонили головы и Джон попросил лошадь прибавить шагу, волк быстро отстал, остановился, наблюдая, поблескивая красными в лунном свете глазами. Зверь исчез позади, но Джон знал, что лютоволк догонит его обязательно.

Впереди по обе стороны дороги среди деревьев замелькала россыпь огней. Кротовый городок. Пока Джон ехал через него, залаял пес, да мул завозился в конюшне, но и только. Из-за ставен пробивались лучики света, но таких окон было совсем мало.

Кротовый городок был много больше, чем могло показаться на первый взгляд; три четверти его располагалось под землей – теплые подземелья соединял лабиринт тоннелей. Внизу находился и публичный дом, на поверхности оставался лишь небольшой сарайчик с подвешенным над дверью красным фонарем. Он слышал, как люди на Стене называли шлюх «погребенными сокровищами». Интересно бы знать, ищет ли сегодня кто-нибудь из Черных Братьев эти самоцветы; тоже клятвопреступление, но на него никто не обращает внимания.

Джон замедлил ход, лишь проехав селение. К этому времени и он, и кобыла покрылись потом. Он спешился, ежась, обожженная рука горела. Под деревом льдинка замерзшей канавы отражала лунный свет, вода сочилась из-под нее, образуя небольшие мелкие лужицы. Джон присел на корточки и зачерпнул ладонями. Талая вода была холодной как лед. Попив,

он умыл лицо, щеки его загорелись, пальцы дергало – они уже давно так не болели, в голове грохотало. «Я поступаю правильно, – сказал он себе, – так почему же мне так плохо?» Лошадь и без того была в мыле, поэтому Джон взял узду и повел ее шагом. Здесь ширины тракта едва хватало, чтобы по нему могли проехать рядом два всадника; поверхность дороги прорезали крошечные ручейки, загромождали мелкие камни. Его ночная скачка была истинной глупостью, стремлением сломать себе шею. Джон удивился, что это вступило в него. Зачем он так торопился к смерти?

Поодаль среди деревьев испуганно вскрикнуло какое-то существо. Кобыла тревожно заржала. Неужели его волк отыскал для себя добычу? Джон поднес руку ко рту и выкрикнул:

– Призрак! Призрак, ко мне. – Но ответили ему только забившие совиные крылья.

Хмурясь, Джон продолжил свой путь. С полчаса он вел кобылу в поводу, пока она не высохла. Призрак не появлялся. Джону хотелось сесть в седло, но его тревожило, что волк отстал.

– Призрак, – окликал он снова и снова. – Где ты? Ко мне! Призрак!

В этих лесах нет зверя, опасного для лютоволка, пусть даже еще и не совсем взрослого, если только… нет, у Призрака хватит ума не дразнить медведя! Ну а если бы его окружила волчья стая, Джон, вне сомнения, услышал бы вой.

Он решил поесть. Еда успокоит его желудок, да и Призрак успеет догнать их. Опасности в этом не было: в Черном замке еще спали. В переметной суме он отыскал сухарь, кусок сыра и небольшое побуревшее, морщинистое яблоко. Еще он прихватил себе с кухни солонины и бекона, но мясо лучше приберечь до завтра. Потом придется охотиться, и это замедлит его продвижение. Джон сел под деревьями и съел хлеб и сыр, кобыла отправилась пастись к тракту. Яблоко он оставил напоследок. Оно чуточку размякло, но мякоть оставалась сочной и вкусной. Джон уже дошел до огрызка, когда с севера послышался топот копыт. Джон торопливо вскочил и направился к кобыле. Можно ли ускакать от них? Едва ли, всадники уже слишком близко, и, конечно же, они услышат его, ну а если они из Черного замка…

Он повел кобылу с дороги за частый клин сизо-зеленых страж деревьев.

– Тихо ты, – прикрикнул он на лошадь, пригибаясь, чтобы поглядеть сквозь ветви. Если боги будут добры к нему, всадники поедут мимо. Скорее всего это кто-нибудь из Кротового городка отправился в поле, хотя что там делать посреди ночи?

Джон прислушивался… топот копыт становился все громче и громче.

Судя по звуку, всадников было пятеро или шестеро. Голоса уже доносились из-за деревьев.

– …уверен, что он отправился в эту сторону?

– Мы не можем быть в этом уверены.

– Конечно, он мог бежать на восток или пуститься напрямик, оставив тракт. Так бы я поступил.

– Это ночью-то? Глупо. Тот, кто не свалится с коня и не сломает себе шею, заблудится и окажется у Стены, когда солнце взойдет.

– А я бы поступил иначе, – услышал он голос Гренна. – Я бы поехал прямо на юг; юг можно найти и по звездам.

– А когда небо облачное? – спросил Пип.

– Тогда бы я не поехал.

Вступил другой голос:

– А знаете, куда бы направился я, если бы речь шла обо мне? В Кротовый городок, поискать под землею сокровищ.

Пронзительный смех пронесся под деревьями. Кобыла Джона фыркнула.

– Тихо, – приказал Халдер. – Похоже, я что-то слышал.

– Где? А я ничего не слышу. – Лошади остановились.

– Ты не услышишь, даже когда пернешь!

– Ну это я всегда слышу, – настаивал Гренн.

– Тихо!

Все они молча прислушивались. Джон невольно задержал дыхание. Сэмова работа. Он не стал будить Старого Медведя, но и не отправился в постель, а поднял друзей. Проклятие! Если на рассвете их не увидят в постели, всех объявят дезертирами. Что они, собственно говоря, собираются здесь делать?

Глухое молчание продолжалось. Из своего укрытия Джон видел копыта их коней. Наконец заговорил Пип:

– А что ты слышал?

– Не знаю, – признался Халдер. – Звук. Мне показалось, что это лошадь…

– Здесь никого нет.

И тут уголком глаза Джон заметил бледную тень, мелькнувшую между деревьев. Зашелестели листья, и Призрак выскочил из тьмы так внезапно, что кобыла Джона вздрогнула и заржала.

– Здесь он! – крикнул Халдер.

– Я тоже слыхал!

– Предатель! – обругал Джон лютоволка, вскакивая в седло. Он

бросился прочь от дороги, но его нагнали, не успел он проехать и десяти футов.

– Джон! – крикнул ему в спину Пип.

– Останавливай! – прокричал Гренн. – Ты не сумеешь ускакать от всех нас!

Джон обернулся лицом к ним, извлекая меч.

– Возвращайтесь, я не хочу крови, но, если придется, я пойду и на это.

– Один против семерых? – Халдер дал знак. Юноши разъехались, окружая его.

– Чего вы хотите от меня? – фыркнул Джон.

– Мы хотим, чтобы ты вернулся туда, где должен быть, – крикнул Пип.

– Я должен быть рядом со своим братом!

– Теперь мы все – твои братья, – сказал Гренн.

– Тебе отрубят голову, если поймают. Ты это знаешь. – Жаба нервно хохотнул. – Такую глупость мог бы выкинуть один только Зубр.

– Такого и я не натворю, – сказал Гренн. – Я не клятвопреступник; я произнес слова и выполню их.

– Я тоже так думал, – ответил Джон. – Ну неужели вы не понимаете? Они убили моего отца! Сейчас на юге война, И мой брат Робб сражается в Речных землях…

– Мы знаем, – торжественно проговорил Пип. – Сэм рассказал нам все.

– Нам жаль твоего отца, – произнес Гренн. – Но это ничего не значит. Ты дал клятву и теперь не можешь уехать отсюда, что бы там ни случилось.

– Но я должен, – лихорадочно проговорил Джон.

– Ты сказал слова, – напомнил ему Пип. – Теперь начинается моя стража, так ты говорил, и она не кончится до моей смерти…

– И в жизни, и в смерти я останусь на своем посту, – добавил Гренн.

– Не надо повторять, я помню эти слова не хуже вас. – Теперь он уже сердился. Почему они не могут оставить его в покое? Только все усложняют.

– Я – меч во тьме, – нараспев произнес Халдер.

– И дозорный на Стене, – вставил Жаба. Джон обругал их – прямо в лицо. Никто не обратил внимания.

Пип направил коня поближе, продолжая:

– Я – огонь, который ограждает от холода, свет, который приносит рассвет, рог, который пробуждает спящих, щит, который охраняет счастье людей…

– Остановитесь, – проговорил Джон, замахиваясь мечом. – Прошу тебя, Пип. – На них не было даже панцирей, можно изрубить их в куски – если

заставят.

Матхар, заехав за его спину, присоединился к общему хору:

– Я отдаю свою жизнь и честь Ночному Дозору…

Джон пнул кобылу, поворачивая ее кругом. Мальчишки окружали его, охватывая со всех сторон.

– И в этой ночи… – Халдер подъехал слева.

– И во всех грядущих, – дополнил Пип и потянулся к удилам кобылы Джона. – Так что решай, будешь рубить меня, или все едем назад.

Джон поднял меч… и бессильно опустил его…

– Проклятие, – буркнул он. – Проклятые вы!

– Нам связать тебе руки или ты дашь слово, что с миром вернешься назад? – спросил Халдер.

– Я не убегу, если ты хочешь слышать это. – Призрак выскочил из-за деревьев, и Джон яростно поглядел на него. – Ничего себе помощничек, – сказал он. Глубокие красные глаза с сочувствием глядели на него.

– Надо бы поторопиться, – сказал Пип. – Если мы не вернемся к первому свету. Старый Медведь снимет головы со всех нас.

Возвращаясь, Джон не замечал дороги. Она теперь показалась ему короче, чем его путешествие на юг, быть может, потому, что мысли его бродили сейчас в иных местах. Пип задавал темп, он то галопировал, то пускал лошадь шагом или рысью, то снова срывался в галоп. Приблизился и остался позади Кротовый городок, красную лампу над дверью борделя давно погасили. Кони скакали быстро, и до рассвета оставался еще один час, когда Джон заметил впереди башни Черного замка, проступившие на фоне колоссальной ледяной стены. Но на этот раз они не показались ему домом.

«Пусть сегодня меня привезли назад, – сказал себе Джон, – но никто не может заставить меня остаться». Война не закончится завтра или послезавтра; друзья все равно не сумеют следить за ним день и ночь. Он будет дожидаться своего мгновения, пусть они думают, что он решил остаться на Стене… Ну а потом, когда они ослабят бдительность, он попытается бежать снова. Но в следующий раз не по Королевскому тракту. Он направится вдоль Стены на восток, скорее всего до самого моря; путь будет дольше, но безопасней. А может быть, лучше повернуть на запад к горам, а потом уже направиться к югу через высокогорные перевалы? Путь этот – путь одичалых – опасен и суров, но там по крайней мере его не будут преследовать. И он не подойдет ни к Винтерфеллу, ни к Королевскому тракту даже на сотню лиг…

Сэмвел Тарли ожидал их в старой конюшне, устроившись в сене.

Тревога помешала ему уснуть. Поднявшись, толстяк отряхнулся.

– Я… я рад, что они нашли тебя, Джон.

– А я – нет, – сказал Джон, спешившись. Пип соскочил с коня и с отвращением поглядел на светлеющее небо.

– Пригляди за конями, Сэм, – сказал невысокий юноша. – Впереди целый день, а мы даже не вздремнули по милости лорда Сноу.

Когда день забрезжил, Джон, как всегда, направился прямо в кухню. Трехпалый Хоб, ничего не говоря, выдал ему завтрак для Старого Медведя. В тот день это были три бурых яйца, сваренные вкрутую, поджаренный хлеб, кусок ветчины и чаша сморщенных слив. Джон направился с пищей в Королевскую башню. Мормонт сидел возле окна, лорд-командующий писал. Ворон расхаживал взад и вперед по его плечам, бормотал:

– Зерна, зерна, зерна…

Когда Джон вошел, птица вскрикнула.

– Оставь еду на столе, – сказал Старый Медведь, поглядев на него. – И налей пива.

Открыв ставни, Джон достал бутыль с пивом, стоявшую снаружи на подоконнике, и налил в рог. Хоб дал ему лимон, еще холодный после Стены. Джон раздавил плод в руке, сок побежал по его пальцам. Мормонт каждый день пил пиво с лимоном и объявлял, что именно это позволило ему сохранить зубы в целости.

– Вне сомнения, ты любил своего отца, – сказал Мормонт, когда Джон принес ему рог. – Нас губит именно то, что мы любим. Помнишь, я уже говорил тебе это?

– Помню, – угрюмо сказал Джон. Он не хотел разговаривать о смерти отца, даже с Мормонтом.

– Постарайся не забыть этих слов. Жестокую истину труднее всего принять. Подай-ка мне тарелку. Опять ветчина? Ладно. Ну и вид у тебя сегодня. Ночная езда-то утомляет.

Горло Джона пересохло.

– Вы знаете?

– Знает, – отозвался ворон с плеч Мормонта. – Знает.

Старый Медведь фыркнул:

– Неужели ты считаешь, что меня выбрали лордом-командующим Ночного Дозора за то, что я туп, как полено? Эйемон сказал мне, что ты уедешь. Я ответил ему, что ты вернешься. Я знаю своих людей. Честь заставила тебя ступить на Королевский тракт, честь и повернула назад.

– Это сделали мои друзья, – проговорил Джон.

– Разве я сказал – твоя собственная честь? – Мормонт поглядел на

тарелку.

– Они убили моего отца, и вы ожидаете, что я буду сидеть здесь?

– Откровенно говоря, мы ожидали, что ты поступишь именно так. – Мормонт взял сливу, выплюнул косточку. – Я приказал следить за тобой. Люди видели, как ты уезжал. Если бы не твои братья, тебя бы перехватили по пути другие – на этот раз не друзья. Разве что у твоей лошади есть крылья, как у ворона? Или все-таки есть?

– Нет. – Джон ощущал себя круглым дураком.

– Жаль, такая лошадь пригодилась бы нам.

Джон выпрямился. Он сказал себе, что умрет с честью – по крайней мере на это он способен.

– Я знаю, какое наказание положено за дезертирство, милорд. Я не боюсь умереть.

– Умереть! – отозвался ворон.

– Не побоишься и жить, я надеюсь, – проговорил Мормонт, отрезая кинжалом кусок ветчины. Подав мясо птице, он сказал. – Ты еще не дезертировал… пока. Ты стоишь передо мной. Если бы мы казнили каждого парня, который ночью удирал в Кротовый городок, то на Стене давно уже остались бы одни только призраки. Но ты, наверное, надеешься бежать завтра или через две недели, так? Ты на это надеешься, парень?

Джон молчал.

– Так я и думал. – Мормонт колупнул скорлупу яйца. – Отец твой погиб, парень. Как, по-твоему, можешь ты вернуть его назад?

– Нет, – ответил Джон мрачным голосом.

– Хорошо, – продолжил Мормонт. – Мы с тобой видели, какими возвращаются мертвые. Второй раз я бы не хотел этого увидеть!

В два глотка проглотив яйцо, Мормонт вытащил застрявший между зубов кусочек скорлупы.

– Брат твой вывел в поле все силы Севера. У каждого из его лордов-знаменосцев больше мечей, чем насчитывается во всем Ночном Дозоре. С чего это ты решил, что они нуждаются в твоей помощи? Или ты великий витязь, или в кармане у тебя сидит грамкин, способный зачаровать твой меч?

У Джона не было ответа на эти слова. Ворон клевал яйцо, разламывая скорлупу. Потом просунул клюв в дырку, начал вытаскивать кусочки белка и желтка.

Старый Медведь вздохнул:

– Война эта задела не тебя одного. Хочу я того или нет, но сестра моя Мейдж идет в войске твоего брата, она отправилась на войну вместе с

дочерьми, надев мужские доспехи… старая, вредная, упрямая, раздражительная и похотливая. Откровенно говоря, я едва могу терпеть эту поганку, но тем не менее любовь моя к ней не меньше, чем твоя любовь к сводным сестрам.

Хмурясь, Мормонт взял последнее яйцо и сжал его в кулаке так, что хрустнула скорлупа.

– Ладно, наверное, меньше. Пусть так, но мне будет горько, если она погибнет. Но я тем не менее не сбегу отсюда. Я дал клятву, произнес слова, как сделал и ты. Мое место здесь, а где твое место, парень?

«У меня нет места, – хотел ответить Джон. – Я бастард. У меня нет прав, нет имени, нет матери, нет теперь даже отца». Слова не шли.

– Не знаю.

– А я знаю, – покачал головой лорд-командующий Мормонт. – Задувают холодные ветры, Сноу; за Стеной удлинились тени. Коттер Пайк пишет об огромных стадах лосей, уходящих на юг и на восток, и о мамонтах, появившихся в лесу. Он говорит, что один из его людей видел чудовищные следы в трех лигах от Восточного Дозора. Разведчики из Сумеречной башни обнаруживают заброшенные деревни, а по ночам, утверждает сир Денис, в горах пылают костры, огромные, не гаснущие от заката и до рассвета. Куорин Полурукий взял пленника в глубинах Ущелья, и человек этот клянется, что Манс-налетчик собирает весь свой люд в какой-то неведомой нам новой тайной твердыне, а зачем – одни боги знают. Неужели ты думаешь, что твой дядя Бенджен оказался единственным разведчиком, которого мы потеряли в прошлом году?

– Бенджен, – каркнул ворон, покачивая головой, кусочки яйца разлетались из клюва. – Бен Джен. Бен Джен…

– Нет, – ответил Джон. Исчезали и другие, их было слишком много.

– И неужели ты думаешь, что война твоего брата будет важнее нашей? – рявкнул старик.

Джон прикусил губу. Ворон захлопал крыльями.

– Война, война, война, война…

– Это не так, – сказал Мормонт. – Одни боги могут спасти нас, парень; ты ведь не слеп и не глух. Когда мертвяки выходят охотиться по ночам, неужели же важно, кто будет сидеть на Железном троне?

– Нет. – Джон даже не думал об этом.

– Твой лорд-отец отослал тебя к нам. Почему, ты знаешь это?

– Почему? Почему? Почему? – отозвался ворон.

– Вот и я могу только сказать, что в жилах Старков течет кровь Первых Людей. Первые Люди построили Стену; говорят, они и сейчас помнят

вещи, забытые остальными. А этот твой зверь… он привел нас к мертвякам и предупредил тебя об убитом на лестнице. Сир Джареми, вне сомнения, назвал бы это случайностью, но сир Джареми мертв, а я нет.

Лорд Мормонт наколол кусочек ветчины на острие кинжала.

– Я думаю, что твое место именно здесь; там, за Стеной, мне потребуетесь и ты, и твой волк.

От этих слов восторг побежал по спине Джона.

– За Стеной?

– Я намереваюсь отыскать Бена Старка, живым или мертвым. – Мормонт пожевал и проглотил. – Я не буду кротко дожидаться здесь прихода снегов и ледяных ветров, мы должны знать, что происходит. На этот раз Ночной Дозор выйдет во всей своей силе – против Короля за Стеной, Иных… любого, кто встанет на нашем пути. Я сам поведу войско. – Он указал кинжалом в сторону Джона. – По обычаю стюард лорда-командующего является и его сквайром. Однако, просыпаясь, я должен быть уверен в том, что ты не убежал ночью. Поэтому я требую от вас ответа, лорд Сноу, и я получу его именно сейчас. Кто ты: Брат Ночного Дозора… или мальчишка-бастард, который решил поиграть в войну?

Джон снова распрямился, глубоко вздохнул. «Простите меня, отец, Робб, Арья, Бран, простите меня… я не могу помочь вам. Он прав. Место мое здесь».

– Я… ваш, милорд. Я – ваш человек. Клянусь. Я больше не убегу!

Старый Медведь фыркнул:

– Хорошо. А теперь ступай, надень свой меч.

Кейтилин

Казалось, прошла тысяча лет с тех пор, как Кейтилин Старк вышла с младенцем-сыном из ворот Риверрана и, переправившись через Камнегонку в небольшой лодочке, начала свое путешествие на север – к далекому Винтерфеллу. Она снова переправлялась через Камнегонку, только на мальчике теперь была кольчуга и панцирь вместо распашонок с пеленками.

Робб сидел на носу рядом с Серым Ветром, рука его покоилась на голове лютоволка, гребцы навалились на весла. С ним был Теон Грейджой. Дядя Кейтилин Бринден следовал за ними во второй лодке, рядом с Большим Джоном и лордом Карстарком.

Кейтилин заняла место на корме. Камнегонка несла лодку вниз, бурное течение увлекало их к высокой Колесной башне. Плеск воды и грохот водяного колеса напомнили ей о детстве, и на губах Кейтилин появилась скорбная улыбка. На сложенных из красного песчаника стенах замка воины и челядь выкрикивали их с Роббом имена, то и дело слышалось: «Да здравствует Винтерфелл!» Над каждым бастионом трепетало красно-синее знамя Талли с прыгающей серебряной форелью над волнами. Вдохновляющий вид не вселял в ее сердце восторга. Интересно, суждено ли ей снова обрадоваться? О, Нед, Нед…

Под Колесной башней они развернулись, прорезая кипящую воду. Люди навалились на весла. Широкая арка Водяных ворот выросла перед ними, и Кейтилин услышала скрип тяжелых цепей. Огромная железная решетка неторопливо поползла наверх. Приближаясь, Кейтилин заметила, что нижняя половина прутьев покрылась красной ржавчиной. С нижних шипов, оказавшихся буквально в дюйме над головой, капал бурый ил. Кейтилин разглядывала решетку и все пыталась определить, насколько глубоко успела проникнуть ржавчина, устоит ли теперь решетка против тарана, не следует ли поменять ее. Подобные мысли редко покидали ее в эти дни.

Оставив свет, они проплыли под аркой в стене, погрузившись в тень, и снова выехали на солнце. Здесь повсюду вокруг них большие и малые лодки были привязаны к вделанным в стены железным кольцам. На лестнице ее встретили гвардейцы отца и брат, сир Эдмар Талли, коренастый молодой человек с лохматой гривой желтых волос и медной бородой. Нагрудные пластины его панциря были помяты и поцарапаны в

битве, сине-красный плащ запятнан кровью и сажей. Возле него стоял лорд Титос Блэквуд – не человек, а клинок с коротко подстриженными, цвета соли с перцем, усами и кривым носом. Его ярко-желтые доспехи покрывал причудливый узор из черных виноградных лоз, а плащ из перьев горного ворона был наброшен на тонкие плечи. Именно лорд Титос возглавил вылазку, освободившую ее брата из лагеря Ланнистеров.

– Помогите им, – приказал сир Эдмар. Трое его воинов спрыгнули с лестницы и, став по колено в воду, подтянули лодку к берегу длинными баграми. Когда Серый Ветер выскочил на берег, один из них вздрогнул, выронив багор, пошатнулся и уселся прямо в реку. Все расхохотались, упавшему оставалось только кротко ухмыльнуться. Теон Грейджой, перегнувшись, взял Кейтилин за талию и перенес ее на сухую ступеньку, вода лизала его сапоги.

Эдмар спустился по ступеням, чтобы обнять ее.

– Милая сестра, – послышался его хриплый голос. Синие глаза и рот его были созданы для улыбки, но теперь Эдмар не улыбался. Он показался ей усталым, даже измученным, еще не отошедшим после битвы и плена. Шея брата была перевязана. Кейтилин с пылом обняла его.

– Кет, твое горе – мое горе, – сказал он, когда они отодвинулись друг от друга. – Когда мы услышали о лорде Эддарде… Ланнистеры заплатят, клянусь тебе, ты будешь отомщена!

– Разве месть вернет Неда? – сказала она резко. Рана была слишком свежа для утешений; она не могла еще вспоминать об утрате. Нельзя. Она не вправе этого делать. Она должна быть сильной. – Но со всем этим потом. Я должна видеть отца.

– Он ожидает тебя в солярии, – сказал Эдмар.

– Лорд Хостер прикован к постели, миледи, – объяснил стюард отца. Когда же успел этот добрый человек настолько постареть, откуда взялась седина? – Он приказал мне немедленно доставить вас к нему.

– Я сам провожу ее. – Эдмар повел ее вверх по причальной лестнице, потом через нижний двор, где некогда Петир Бейлиш и Брандон Старк скрестили из-за нее мечи. Массивные, сложенные из песчаника стены крепости поднимались над ними. Входя в дверь, которую охраняли стражники с гребнями-рыбами на шлемах, она опасливо спросила:

– Ему очень плохо?

Эдмар посмотрел на нее с печалью.

– Ему недолго жить среди нас, так говорят мейстеры. Отца мучают боли, они не оставляют его.

Слепой гнев наполнял Кейтилин; гнев на весь мир, на брата Эдмара, на

сестру Лизу, на Ланнистеров, мейстеров, наконец, на Неда и отца… на чудовищную несправедливость богов, решивших отобрать у нее сразу обоих.

– Надо было известить меня, – сказала она. – Ты должен был послать мне слово сразу, как только узнал об этом.

– Отец запретил. Он не хотел, чтобы наши враги проведали о его близкой смерти. Он опасался, что, когда повсюду война, Ланнистеры могут воспользоваться его слабостью.

– И напасть на Ривердан, – жестко договорила за него Кейтилин. «Твоя работа, твоя, – шептал внутренний голос. – Если бы ты не схватила карлика…» Они молча поднимались по винтовой лестнице. Как и сам Ривердан, крепость была треугольной. Треугольным был и солярий лорда Хостера. Каменный балкон выдавался на восток кормой какого-то гигантского корабля. Отсюда владетель замка мог видеть стены и укрепления, а за ними простор, образовавшийся при слиянии вод. Кровать отца переставили на балкон.

– Он любит сидеть на солнышке и смотреть на реки, – объяснил Эдмар. – Отец, погляди, кого я привел. Кет пришла повидать тебя…

Хостер Талли всегда был внушительным мужчиной: рослым и широкоплечим в молодости, объемистым в зрелые годы. Теперь он словно съежился, плоть исчезла, оставив кости. Даже лицо его обтянула восковая кожа. Когда Кейтилин в последний раз видела отца, каштановые волосы и борода его едва подернулись сединой. Теперь они сделались белыми, словно снег.

Глаза отца открылись.

– Кошечка, – пробормотал он тонким и неровным, полным боли голосом. – Моя маленькая кошечка! – Дрожащая улыбка прикоснулась к его лицу, и он протянул руку. – Я ждал тебя…

– А теперь я оставлю вас, чтобы вы поговорили, – сказал брат, нежно поцеловав лорда-отца в лоб, прежде чем уйти.

Кейтилин преклонила колено и взяла руку отца. Большая ладонь сделалась теперь бесплотной, кости ходили свободно под кожей; все силы оставили его.

– Ты мог бы известить меня, – сказала она. – Послать всадника или ворона…

– Всадников перехватывают и допрашивают, – сказал он. – Воронов сбивают. – Судорога боли пронзила его, пальцы стиснули ее руку. – Крабы угнездились в моем животе… они щиплются, всегда щиплются, день и ночь. У них жуткие клещи, у этих крабов. Мейстер Виман делает мне

сонное вино из макового молока. Я много сплю… но я хотел бодрствовать, когда ты придешь. Я уже боялся… когда Ланнистеры захватили твоего брата и вокруг стояли враги… я боялся, что уйду, не повидавшись с тобой… Я боялся…

– Я здесь, отец, – сказала она. – С Роббом, моим сыном. Он тоже хочет видеть тебя.

– С твоим сыном… – шепнул он, – помню, у него были мои глаза.

– Были и есть. А еще мы привели Джейме Ланнистера – закованным в железо. Ривeрран вновь свободен, отец!

Лорд Хостер улыбнулся:

– Я видел. Вчера ночью, когда это началось, я велел им… надо было посмотреть. Меня принесли в Надвратную башню, и я следил с крыши. Ах, это было прекрасно… огненным ручьем текли факелы, за рекой кричали… какие же это были приятные крики… когда эта их башня вспыхнула, боги, я готов был умереть; я был бы рад смерти, если бы только сперва смог увидеть вас, моих детей. Значит, это сделал твой мальчик? Твой Робб?

– Да, – проговорила Кейтилин с гордостью. – Это сделал Робб… и Бринден. Твой брат вернулся домой, милорд.

– Вот как. – Отец едва шептал. – Черная Рыба… вернулся назад? Из Долины?

– Да.

– А Лиза? – Холодный ветер шевельнул тонкие белые волосы лорда Хостера. – Боги милосердные, твоя сестра… она тоже здесь?

Отец казался ей столь полным надежд и ожиданий, жаль было разочаровывать его.

– Как ни жаль, нет.

– Ох. – Лорд Хостер сразу приуныл, и свет оставил его глаза. – А я так надеялся… Мне бы хотелось увидеть ее, прежде…

– Сейчас она вместе с сыном в Орлином Гнезде.

Лорд Хостер устало кивнул:

– Д-да, он теперь лорд Роберт, бедный Аррен ушел… помню… почему она не приехала вместе с тобой?

– Лиза боится, милорд, а в Орлином Гнезде она чувствует себя в безопасности. – Кейтилин поцеловала морщинистый лоб. – Робб ждет встречи с тобой, ты примешь его? А Бриндена?

– Твоего сына, – прошептал он, – да. Сына Кет… у него были мои глаза. Помню, когда он родился. Пусть приходит… да.

– А твой брат?

Отец ее поглядел в даль над реками.

– Черная Рыба… – сказал он. – Он еще не женат? Так и не взял в жены какую-нибудь девицу?

Даже на смертном одре, со скорбью подумала Кейтилин.

– Он по-прежнему не женат. Ты знаешь, отец, дядя Бринден никогда не сделает этого.

– Я же говорил ему… приказывал. Женись!… Я ведь был его лордом. И я имел право подобрать ему пару. Хорошую пару. Из Редвинов. Старый дом, милая девушка, хорошенькая… с веснушками… Бетани, да. Бедная девочка, она все еще ждет! Да, все еще…

– Бетани Редвин вышла за лорда Рована много лет назад, – напомнила Кейтилин отцу. – Сейчас у нее уже трое детей.

– Даже так, – пробормотал лорд Хостер. – Даже так! Наплевать на эту девицу и Редвинов. Наплевать на меня. Его лорда, его брата… вот тебе и Черная Рыба. У меня есть другие предложения. Дочери есть у лорда Бреккена и у Уолдера Фрея… он предлагал любую из трех… Так ты говоришь, он не женат? По-прежнему?

– По-прежнему, – подтвердила Кейтилин. – Тем не менее он с боем прошел множество лиг на обратном пути в Ривердан. Если бы не помощь сира Бриндена, я бы сейчас не стояла перед тобой.

– Да, он всегда был воином, – хрипло проговорил отец. – Это он умеет. Рыцарь Ворот. Да. – Он откинулся назад и закрыл глаза в беспредельной усталости. – Пришли его, только потом. А сейчас я посплю. Я слишком хвор, чтобы сражаться с ним, так что Черная Рыба пусть придет после…

Кейтилин ласково поцеловала старика, пригладила его волосы и оставила лежащим в тени – над сливающимися внизу реками. Сир Хорстер заснул прежде, чем она оставила солярий.

Когда она спустилась во двор, сир Бринден Талли стоял у причальной лестницы в мокрых сапогах, занятый разговором с капитаном гвардии Риверрана. Он немедленно подошел к ней.

– Ну как он?…

– Умирает, – отвечала Кейтилин. – Как мы и боялись. На морщинистом лице сира Бриндена проступила явная боль. Он провел пальцами по густой седеющей шевелюре.

– Так он примет меня?

Она кивнула:

– Сказал, что слишком хвор, чтобы сражаться.

Бринден Черная Рыба усмехнулся:

– Я слишком старый воин, чтобы поверить в это. Хостер будет зудеть об этой девице даже со своего погребального костра!

Кейтилин улыбнулась, зная, что дядя прав.

– Я не вижу Робба.

– По-моему, они с Грейджоем направились в чертог.

Теон Грейджой сидел на скамье в чертоге Риверрана. Наслаждаясь пивом, он повествовал гвардейцам ее отца о Побоище в Шепчущем Лесу.

– Некоторые попытались бежать, но мы перекрыли долину с обоих концов и выехали из тьмы с мечами и копьями. Наверное, Ланнистеры решили, что попали в засаду Иных, когда волк Робба оказался среди них. Я сам видел, как эта зверюга вырвала руку из плеча одному из них; а кони вообще просто обезумели от его запаха. Я даже не знаю, скольких человек…

– Теон, – перебила она. – Где я могу отыскать моего сына?

– Лорд Робб направился в богорощу, миледи.

«Так поступил бы и Нед. Он сын своего отца, так же как и мой. Не надо забывать об этом. О боги, Нед…» Она обнаружила Робба под зеленым пологом листьев, окруженного высокими красностволами и великими старыми ильмами. Сын преклонял колено перед сердце-деревом – стройным чардревом, лицо на стволе которого было скорее скорбным, чем свирепым. Длинный меч перед ним был вонзен острием в землю, облаченные в перчатки руки сына сжимали рукоять меча. Вокруг него преклонили колена и остальные: Большой Джон Амбер, Рикард Карстарк, Мейдж Мормонт, Галбарт Гловер и прочие. Даже Титос Блэквуд находился среди них, огромный вороний плащ топорщился позади него. Они сохранили верность старым богам, подумала Кейтилин и спросила у себя, каким богам поклоняться теперь ей, но не смогла отыскать ответа.

Не дело прерывать их молитву. Боги должны получить свое… даже жестокие боги, отобравшие у нее Неда и лорда-отца. И Кейтилин принялась ждать. Ветер шевелился в высоких зеленых ветвях, справа высилась Колесная башня, наполовину заросшая плющом. Непрошеным потоком нахлынули воспоминания. Среди этих деревьев отец учил ее ездить верхом. Вон с того ильма свалился Эдмар и сломал себе руку, а среди этих кустов вместе с Лизой они играли в поцелуи с Петиром.

Она не вспоминала об этом многие годы. Как молоды они были тогда; она была не старше Сансы, а Лиза даже младше Арьи, но все-таки старше Петира. Девочки менялись им, то серьезно, то хихикая. Воспоминание оказалось настолько ярким, что она едва ли не ощутила потные мальчишеские пальцы на своих плечах и мятный запах дыхания Петира. В богороще всегда росла мята, и Петир любил жевать ее. Он был смелый мальчишка и всегда попадал в неприятности.

– Он попытался засунуть мне в рот свой язык, – призналась потом Кейтилин своей сестре, когда они остались вдвоем.

– И мне тоже, – шепнула Лиза, застенчивая и задыхающаяся. – А мне понравилось!

Робб медленно поднялся на ноги, опустил меч в ножны, и Кейтилин подумала, случалось ли ее сыну целовать девушку в богороще. Наверняка! Она видела, как Джейни Пуль глядела на него влажным взглядом, и кое-кто из служанок, даже восемнадцатилетние… А теперь он побывал в битве, убивал своим мечом и, конечно же, узнал поцелуй. На глазах ее выступили слезы. Кейтилин сердито смахнула их.

– Мать, – проговорил Робб, заметив ее, – надо созвать совет. Нужно принять решение.

– Твой дед хотел бы видеть тебя, – сказала она. – Робб, он очень болен.

– Сир Эдмар сказал мне. Мне очень жаль, мать… и лорда Хостера и тебя. Но сперва мы должны обсудить дела.

Пришли известия с юга. Ренли Баратеон заявил, что возлагает на себя корону брата.

– Ренли? – спросила удивленная Кейтилин. – А я-то думала, что это сделает лорд Станнис…

– Как и все мы, миледи, – ответил Галбарт Гловер. Военный совет собрался в чертоге, четыре длинных стола на козлах расставили неровным квадратом. Лорд Хостер был слишком слаб, чтобы присутствовать, он спал на своем балконе и видел во сне солнце, встающее над реками его молодости. Эдмар занял высокий престол Талли, Бринден Черная Рыба был возле него, знаменосцы отца расположились справа и слева у обоих боковых столов. Слово о победе при Риверрране достигло беглых лордов Трезубца, повернувших обратно. Вошел Карил Вене, ставший теперь лордом. Отец его погиб под Золотым Зубом. С ним был сир Марк Пайпер, они привели сына сира Реймена Дарри, парнишку не старше Брана. Лорд Джонос Бреккен от руин Стоунхеджа, сердитый и грозный, он устроился подальше от Титос Блэквуд – насколько это было возможно.

Северные лорды расположились напротив, вокруг Кейтилин и Робба, лицом к сиру Эдмару. Их было меньше. Большой Джон сидел у левой руки Робба, с ним рядом Теон Грейджой. Галбарт Гловер и леди Мормонт – справа от Кейтилин. Лорд Рикард Карстарк, исхудавший от горя, занял свое место движениями человека, видящего кошмарный сон. Длинная борода его была непричесана и немыта. Двое сыновей его погибли в Шепчущем Лесу, и не было вестей от третьего, старшего, который возглавлял копейщиков Карстарка, выступивших против Тайвина Ланнистера у

Зеленого Зубца.

Споры затянулись до ночи. Каждый лорд имел право сказать слово, и они говорили… кричали, ругались, рассуждали, улещивали, шутили, торговались, хлопали кружками о стол, угрожали, уходили и возвращались – мрачные или улыбающиеся. Кейтилин сидела и слушала.

Русе Болтон занял со своим потрепанным войском устье гати. Сир Хелман Олхарт и Уолдер Фрей удерживают Близнецы. Армия лорда Тайвина переправилась через Трезубец и направилась к Харренхоллу. Более того, в стране было два короля. Два короля и никакого согласия!

Многие из лордов-знаменосцев предлагали немедленно выступить к Харренхоллу, чтобы встретиться с лордом Тайвином и положить конец семени Ланнистеров раз и навсегда. Юный и горячий Марк Пайпер рекомендовал ударить на запад, на Бобровый утес. Но остальные советовали ждать.

– Ривeрран перерезал коммуникации войска Ланнистеров, – заметил Ясон Маллистер. – Надо выжидать, не позволяя подкреплениям и фуражирам достичь лорда Тайвина, мы укрепим свою оборону и дадим отдых усталым войскам.

Лорд Блэквуд не желал даже слушать об этом:

– Следует закончить дело, которое было начато в Шепчущем Лесу. Все на Харренхолл, пусть туда идет и Русе Болтон.

Как всегда против предложения Блэквуда выступал лорд Джонас, он предложил присягнуть королю Ренли и выступить на юг, чтобы соединиться с ним.

– Ренли не король, – сказал Робб. Сын ее впервые отверз уста. Подобно собственному отцу он умел слушать.

– Вы не можете присягнуть Джоффри, милорд, – проговорил Галбарт Гловер. – Он отправил на смерть вашего отца.

– Значит, он плохой человек, – отвечал Робб. – Но отсюда отнюдь не следует, что Ренли можно считать королем. Джоффри остается старшим, законнорожденным сыном Роберта, поэтому престол по праву принадлежит ему. Если он умрет, – а я постараюсь устроить это, – у него есть еще младший брат; Томмен наследует следом за Джоффри.

– Томмен такой же Ланнистер, – отрезал сир Пайпер.

– Как вам угодно, – отвечал без сомнения Робб. – Но если никто из них не может быть королем, как может стать им лорд Ренли? Он младший брат Роберта. Бран не вправе стать лордом Винтерфелла раньше меня. Ренли не быть королем перед лордом Станнисом.

Леди Мормонт согласилась:

– У лорда Станниса больше прав!

– Но Ренли коронован, – сказал Марк Пайпер. – Вышесад и Штормовой Предел поддерживают его претензии, и дорнийцы не будут тянуть с признанием. Если Винтерфелл и Ривердан будут за него, он получит поддержку пяти из семи великих домов. Шести, если Аррены потрудятся шевельнуть пальцем! Шестеро против Скалы! Милорды, через год головы всех Ланнистеров будут торчать на пиках: и королевы, и мальчишки-короля, и лорда Тайвина, и Беса, и Цареубийцы, и сира Кивана, всех! Так будет, если мы присоединимся к королю Ренли. Что может предложить нам лорд Станнис, чтобы забыть об этом?

– Справедливость, – сказал Робб упрямо, и Кейтилин почудились в голосе сына знакомые отцовские нотки.

– Итак, ты считаешь, что мы должны присягнуть Станнису? – спросил Эдмар.

– Не знаю, – ответил Робб. – Я молился, чтобы боги указали мне путь, но они молчат. Ланнистеры убили моего отца, назвав его изменником; все мы знаем, что это ложь, но если Джоффри – законный король, изменниками оказываемся уже все мы.

– Мой лорд-отец посоветовал бы соблюдать осторожность. – Пожилой сир Стеврон улыбнулся во всю хорьковую мордочку Фреев. – Надо подождать, посмотреть, как два короля разыграют свою партию. Когда драка закончится, можно преклонить колено перед победителем или выступить против него – при желании. Раз Ренли вооружается, лорд Тайвин предложит нам перемирие… потом он хочет получить назад сына. Благородные лорды, позвольте мне съездить к нему в Харренхолл, обговорить условия и выкуп…

Голос его потонул в яростном басе.

– Трус! – грохотнул Большой Джон.

– Если мы предложим перемирие, Ланнистеры сочтут нас слабыми, – объявила леди Мормонт.

– К черту любой выкуп, мы не должны отдавать Цареубийцу, – выкрикнул Рикард Карстарк.

– Чем вас не устраивает мир? – спросила Кейтилин. Лорды смотрели на нее, но она ощущала на себе только глаза Робба, его и только его.

– Миледи, они убили моего лорда-отца и вашего мужа, – мрачно сказал он. Достав длинный меч, он положил его перед собой, яркая сталь блеснула на грубом дереве. – Только он примирит меня с Ланнистерами.

Большой Джон прогрохотал одобрение, к нему присоединились и другие голоса, лорды с криками извлекали мечи и стучали кулаками по

столу.

Кейтилин дождалась, пока они притихли.

– Милорды, – проговорила она, – лорд Эддард был вашим сюзереном, я разделяла его ложе и рожала ему детей. Неужели вы думаете, что я люблю его меньше, чем вы? – Голос ее дрогнул от горя, но Кейтилин глубоким вздохом успокоила себя. – Робб, если бы этот меч мог вернуть твоего отца назад, я бы не позволила тебе вложить его в ножны, пока Эддард Старк вновь не встал бы рядом со мной… Но Неда нет, и сотне Шепчущих Лесов ничего не переменить. Нед ушел, а с ним Дарин Хорнвуд, доблестные сыновья лорда Карстарка и многие другие добрые люди; никто из них не вернется к нам. Нужны ли нам новые смерти?

– Вы женщина, миледи, – глухо прогудел Большой Джон. – Женщины не разбираются в подобных вещах.

– Вы мягкий пол, – проговорил лорд Карстарк, и свежие морщины шевельнулись на его лице. – Муж нуждается в мести.

– Дайте мне Серсею Ланнистер, лорд Карстарк, и вы увидите, какими мягкими бывают женщины, – ответила Кейтилин. – Быть может, я не знаток тактики и стратегии, но у меня есть здравый смысл. Вы выступили на войну, когда армия Ланнистеров разоряла Речной край и Нед был узником, ложно обвиненным в предательстве. Мы хотели защитить себя и освободить моего мужа.

Одна цель достигнута, а другая теперь навсегда останется невыполненной. Я буду оплакивать Неда до конца моих дней, но сперва я должна подумать о живущих. Я хочу вернуть своих дочерей, которых захватила королева. Если мне придется отдать четверых Ланнистеров за двух Старков, я назову это выгодной сделкой и поблагодарю бога. Я хочу, чтобы ты, Робб, правил в Винтерфелле на престоле своего отца. Я хочу, чтобы ты жил, целовал девушку, вступил с ней в брак и родил сына. Я хочу положить конец этой войне. Я хочу вернуться домой, милорды, и оплакать моего мужа. Все притихли, когда Кейтилин закончила.

– Мир, – проговорил ее дядя Бринден. – Мир – хорошая штука, миледи… но на каких условиях? Незачем вечером перековывать меч на орало, если утром тебе снова потребуется меч.

– За что погибли Торрхен и мой Эддард, если я вернусь в Карлхолл только с их костями? – спросил Рикард Карстарк.

– Именно, – проговорил лорд Бреккен. – Григор Клиган опустошил мои земли, перебил моих людей, превратил Стоунхеджа в дымящиеся руины. Неужели я должен преклонять колено перед теми, кто послал его? За что мы сражались, если все станет так, как было прежде!

Лорд Блэквуд согласился с ним – к удивлению и разочарованию Кейтилин:

– Но если мы помиримся с королем Джоффри, то разве не изменим королю Ренли? Где мы окажемся, если олень победит льва?

– Что бы вы ни решили, я никогда не назову Ланнистера своим королем, – объявил Марк Пайпер.

– И я тоже! – вскричал маленький Дарри. – Никогда!

Тут вновь начались крики. Кейтилин чуть не впала в отчаяние. Она была так близка к успеху, они почти послушались ее… почти. Но такого момента больше не будет! Не будет мира, исцеления, безопасности. Она глядела на своего сына, следила за тем, как он выслушивает мнения лордов… хмурящегося, встревоженного, повенчанного со своей войной.

Он обещал жениться на дочери Уолдера Фрея. Но Кейтилин видела его истинную невесту: меч, лежавший на столе перед сыном.

Кейтилин вновь думала о своих девочках, не зная, увидит ли их снова, когда на ноги поднялся Большой Джон.

– Милорды! – рявкнул он, отголоски загуляли между балками. – Вот мое мнение об этих двух королях! – Он смачно плюнул. – Ренли Баратеон – ничто для меня. Станнис тоже. Почему они должны править мной и моими людьми с их цветочного сиденья в Вышесаде или Дорне? Что они знают о Стене, о Волчьем Лесе или о курганах Первых Людей? Даже боги их ложны. Пусть Иные поберут меня, я сыт Ланнистерами по горло. – Он потянулся рукой за плечо и обнажил свой колоссальный двуручный меч. – Почему мы не можем вновь править в своей стране? Мы уступили только драконам, а драконы теперь мертвы. – Он указал на Робба клинком. – Вот единственный король, перед которым я готов преклонить колено, милорды, – прогрохотал он. – Король Севера!

И лорд Амбер поклонился и положил свой меч к ногам ее сына.

– На таких условиях я согласен на мир, – присоединился к нему лорд Карстарк. – Пусть берут себе свой Красный замок и сидят на Железном троне. – Он извлек длинный меч из ножен. – За Короля Севера! – провозгласил Карстарк, опускаясь на колено возле Большого Джона.

Встала Мейдж Мормонт.

– За Короля Зимы! – крикнула она, опуская свою шипастую булаву возле мечей. Поднимались и речные лорды Блэквуды, Браккены и Маллистеры, которые никогда не подчинялись Винтерфеллу, но Кейтилин видела, как они встают, извлекают клинки, преклоняют колена и выкрикивают старые слова, которых не было слышно в стране более трех сотен лет… с той поры, как Эйегон-Дракон явился, чтобы слить Семь

Королевств воедино… теперь они снова гремели в чертоге ее отца.

– За Короля Севера!

– За Короля Севера!

– ЗА КОРОЛЯ СЕВЕРА!

Дейенерис

В ржавом, мертвом и высохшем краю доброго дерева трудно было сыскать. Посланники ее приносили корявые ветви хлопкового куста, пурпуролиста, охапки бурой травы. Найдя два дерева попрямее, они отсекли сучья, ободрали кору и распилили, разложив бревна квадратом. Середину наполнили ветвями кустарников, корой, охапками сухой травы. Ракхаро выбрал жеребца из оставшегося у них небольшого косяка, коню было далеко до рыжего, что принадлежал кхалу Дрого, но равного тому вообще трудно было сыскать. Агго отвел жеребца внутрь квадрата, дал ему побуревшее яблоко и повалил на месте ударом топора между глаз.

Связанная по рукам и ногам Мирри Маз Дуур издали наблюдала за происходящим встревоженными глазами.

– Убить коня недостаточно, – сказала она Дени. – Сама по себе кровь бессильна. Ты не знаешь заклинаний и не владеешь мудростью, которая позволила бы тебе отыскать их. Вы считаете, что кровная магия – это детская игра. Ты зовешь меня мейегой, будто это ругательство. А это слово просто значит «мудрая». Ты еще дитя и невежественна, как младенец. Что бы ты ни задумала, у тебя ничего не получится. Освободи меня, и я помогу тебе.

– Я устала от лая мейеги, – обратилась Дени к Чхого. Тот приложил к лхазарянке кнут, после чего божья жена придерживала язык.

Над трупом коня они поставили помост из срубленных бревен, взяв стволы меньших деревьев и прямые сучья больших. Стволы клали от восхода к закату. На помост положили сокровища кхала Дрого: огромный шатер, расписанные жилеты, седла и упряжь, кнут, подаренный отцом, когда Дрого достиг зрелости. Аракх, которым муж ее сразил кхала Ого и его сына, могучий лук драконьей кости. Агго добавил бы и оружие, которое кровные Дрого подарили Дени на свадьбу, но она запретила.

– Оружие это мое, – сказала она. – И оно мне еще понадобится.

Сокровища кхала завалили новым слоем хвороста и забросали связками сухой травы.

Сир Джорах Мормонт отвел ее в сторону, когда солнце подползало к зениту.

– Принцесса… – начал он.

– Почему ты так зовешь меня? – бросила вызов Дени. – Мой брат Визерис был твоим королем, разве не так?

– Да, миледи.

– Визерис мертв, я его наследница, последняя от крови дома Таргариенов. Все, что принадлежало ему, теперь принадлежит мне.

– Да… моя королева, – проговорил сир Джорах, опускаясь на колено. – Меч мой, который прежде принадлежал ему, теперь ваш, Дейенерис. И сердце тоже, хотя оно никогда не принадлежало вашему брату. Я только рыцарь и, кроме своего изгнания, ничего не могу предложить вам, но молю, выслушайте. Пусть кхал Дрого уйдет. Вы не останетесь одна, я обещаю вам, никто не отвезет вас в Вейес Дотрак, если только вы не захотите этого. Вам незачем присоединяться к дош кхалину. Поедемте на восток вместе со мной. В Ии Ти, Каварт, к Яшмовому морю, Асшаю, что у Теней. Мы увидим невиданные чудеса и выпьем вина, которое боги предназначили для нас. Прошу, кхалиси. Я знаю, что вы задумали. Не надо, не надо этого делать!

– Я должна, – сказала ему Дени. Она прикоснулась к его лицу с тоской и печалью. – Вы не понимаете!

– Я понимаю, что вы любили его, – сказал сир Джорах голосом, полным отчаяния. – Некогда и я любил свою жену, но я не умер вместе с ней. Вы моя королева, мой меч в ваших руках, только не просите меня смотреть, когда вы взойдете на костер Дрого. Я не смогу увидеть вашу смерть!

– Неужели вы боитесь этого? – Дени легко прикоснулась губами к его широкому лбу. – Я не дитя, чтобы совершать подобные глупости, милый сир.

– Значит, вы не хотите умереть вместе с ним? Вы клянетесь в этом, моя королева?

– Клянусь, – проговорила она на общем языке Семи Королевств, по праву принадлежащих ей.

Третий уровень помоста сплели из ветвей толщиной в палец, его засыпали сухой листвой и хворостом. Их выстилали с севера на юг – от льда к огню, – а потом покрыли мягкими подушками и ночными шелками. Солнце уже начало клониться к западу, когда они покончили с делом. Дени созвала дотракийцев. Их осталось менее сотни. Со столькими же начинал Эйегон, подумала она. Впрочем, не важно.

– Вы будете моим кхаласаром, – сказала она. – Я вижу лица рабов. Я освобождаю вас! Снимите ошейники; кто хочет, может уйти; не бойтесь, никто не причинит вам вреда. Ну а те, кто останется, будут братьями и сестрами, мужьями и женами.

Черные глаза смотрели на нее внимательно, настороженные и бесстрастные.

– Я вижу детей, женщин, морщинистые лица стариков. Вчера я была девчонкой. Сегодня… я стала женщиной. Завтра я буду старухой. Каждому из вас я говорю: отдайте мне свое сердце и руки, и для них всегда найдется дело.

Она обернулась к трем молодым воинам своего кхаса.

– Чхого, тебе даю я кнут с серебряной рукоятью, который был моим свадебным даром, именую тебя ко и прошу: дай мне клятву, чтобы жить и умереть, как кровь от моей крови, странствуя рядом со мной, чтобы сохранять меня от беды.

Чхого взял кнут из ее рук, но на лице его было написано смятение.

– Кхалиси, – сказал он неуверенно, – это не дело. Мне стыдно быть кровным женщине.

– Агго, – проговорила Дени, не обращая внимания на слова Чхого. «Если я обернусь назад, я погибну». – Тебе я даю лук из драконьей кости, который был моим свадебным даром. – Блестящее чернотой древко с двойным изгибом было выше ее ростом. – Я именую тебя ко и прошу твоей клятвы жить и умереть, как кровь от моей крови, странствуя рядом со мной, чтобы охранить меня от беды.

Агго принял лук с опущенными глазами:

– Я не могу произнести эти слова, лишь муж может возглавить кхаласар и назвать меня ко!

– Ракхаро, – проговорила Дени, отворачиваясь, словно не слышав отказа. – Ты примешь великий аракх, который был моим свадебным даром, с рукоятью и клинком, украшенным золотом. И тебя я тоже именую ко и прошу, чтобы ты жил и умер, как кровь моей крови, странствуя рядом со мной, чтобы сохранить меня от беды.

– Ты кхалиси, – проговорил Ракхаро, принимая аракх. – Я доеду с тобой до Вейес Дотрак у подножия Матери гор и сохраню тебя от беды, пока ты не займешь свое место среди старух дош кхалина, – большего я не могу обещать.

Она кивнула – спокойно, словно бы не слыхала его ответа, и повернулась к последнему из ее защитников.

– Сир Джорах Мормонт, – сказала она, – первый из моих рыцарей. У меня нет для тебя свадебного дара, но клянусь, что настанет день, и ты получишь из моих рук такой длинный меч, которого еще не видел мир. Выплавленный драконом, выкованный из валирийской стали. И я прошу твоей клятвы.

– Клянусь тебе, моя королева. – Сир Джорах с поклоном опустил меч к ее ногам. – Даю обет служить тебе, повиноваться и умереть, если

потребуется.

– Что бы ни случилось?

– Что бы ни случилось.

– Я связываю всех вас этой клятвой. И обещаю, что вы никогда не пожалеете о ней!

Дени подняла его за руку. Поднявшись на цыпочки, чтобы достать его губ, она поцеловала рыцаря и сказала:

– Ты стал первым рыцарем моей королевской гвардии.

Ощущая на себе глаза кхаласара, она вошла в шатер. Дотракийцы что-то бормотали и искоса поглядывали на нее уголками миндалевидных глаз. «Они решили, что я обезумела, – поняла Дени. – Наверное они правы. Скоро я узнаю это. Но если оглянусь, я погибла».

Вода в ванне обжигала жаром, Дореа помогла ей забраться в ванну, но Дени не дернулась и не вскрикнула. Она любила тепло, возвращавшее ей ощущение чистоты. Чхику надушила воду маслами, которые отыскала на базаре в Вейес Дотрак. Поднялся благоуханный пар. Ирри вымыла ей волосы и расчесала спутавшиеся пряди. Потом потерла спину. Дени закрыла глаза, отдаваясь аромату.

Она ощутила, что тепло растворило боль между ее бедрами: она поежилась, когда жар воды вступил в нее, изгоняя боль и напряжение. Она поплыла.

Когда Дени очистилась, служанки помогли ей подняться из воды. Ирри и Чхику вытерли ее досуха, а Дореа расчесала волосы так, что они стали казаться рекой жидкого серебро, ниспадающей на ее спину. Ее надушили прянолистом и кипнамоном, прикоснувшись к обоим запястьям, за ушами и к тяжелым от молока грудям. Последнее прикосновение предназначалось для ее естества. Палец Ирри, легкий и прохладный, как поцелуй любовника, скользнул между ее губами.

Потом Дени отослала их всех, чтобы она могла подготовить кхала Дрого к отъезду в Ночные земли. Она омыла его тело, умастила волосы, последний раз перебрала их пальцами, ощущая тяжесть, вспоминая тот первый раз, когда делала это в ночь их брака. Волосы эти никогда не были острижены. Многие ли из мужей способны умереть с неостриженными волосами? Она уткнулась в них лицом, ощущая томное благоухание масел. От Дрого пахло травой и теплой землей, дымом, семенем и конями. Он пахнул собой.

«Прости меня, солнце моей жизни, – подумала она. – Прости меня за то, что я сделала, и за то, что должна сделать. Я заплатила цену, моя звезда, но она оказалась слишком высокой, слишком высокой…» Дени расчесала

волосы кхала, надела серебряные кольца на усы и по одному прицепила к косе колокольчики: их было много, золотых, серебряных и бронзовых. Колокольчики, которые слышали его враги, слабея от страха. Она надела на него штаны из конского волоса и высокие сапоги, застегнула тяжелый пояс из золотых и серебряных медальонов. Израненную грудь прикрыл расписной жилет, старый и выцветший, который Дрого любил больше прочих. Себе она выбрала свободные штаны из песочного шелка, сандалии, которые зашнуровывались до половины голени, и такой же жилет, как у Дрого.

Солнце уже садилось, когда она приказала отнести тело кхала к костру. Дотракийцы молча провожали взглядами Чхого и Агго, выносивших его из шатра. Дени шла позади них. Они положили Дрого на шелка подушек головой к Матери гор, оставшейся где-то между севером и востоком.

– Масла! – распорядилась она. Принесли кувшин и облили костер, пропитав шелка, хворост и охапки сухой травы; наконец масло закапало из-под бревен, и воздух пропитался благоуханием. – А теперь принесите драконьи яйца, – приказала Дени.

Нечто в ее голосе заставило их броситься бегом. Сир Джорах прикоснулся к ее руке.

– Моя королева, драконьи яйца не нужны Дрого в Ночных землях. Лучше продадим их в Асшае. Только за одно можно получить целый корабль, который доставит нас в Вольные Города. Если продать все три, ты будешь богатой до конца дней своих.

– Я получила их не для того, чтобы продавать, – сказала Дени.

Она поднялась на костер и собственной рукой положила яйца вокруг тела своего солнца и звезд; черное у сердца, зеленое у головы, обернув вокруг него косу, молочно-золотое легло между его ног. Целуя Дрого в последний раз, Дени ощутила губами сладость масла.

Спустившись с костра, она заметила на себе взгляд Мирри Маз Дуур.

– Ты обезумела, – хрипло проговорила божья жена.

– Далеко ли от безумия до мудрости?… – спросила Дени. – Сир Джорах, возьми эту мейегу и привяжи ее к костру.

– К костру… моя королева, нет, выслушайте меня…

– Делайте, как я сказала, сир Джорах. – Но он колебался, и гнев ее вспыхнул. – Вы поклялись повиноваться мне, что бы ни случилось. Ракхаро, помоги ему.

Божья жена не вскрикнула, когда ее поволокли к костру кхала Дрого и бросили среди его сокровищ. Дени сама облила маслом голову женщины.

– Спасибо тебе, Мирри Маз Дуур, – сказала она, – за урок, который ты

дала мне.

– Ты не услышишь моего крика, – отозвалась Мирри, когда масло потекло с ее волос, увлажняя одежду.

– Услышу, – сказала Дени, – но мне нужны не твои вопли, а твоя жизнь. Помнишь, что ты мне сказала когда-то: лишь смертью можно купить жизнь.

Мирри Маз Дуур открыла рот, но ничего не ответила. Шагнув в сторону, Дени заметила, что презрение оставило черные глаза мейеги, сменившись неким подобием страха. Больше делать было нечего, оставалось лишь следить за солнцем и ждать первой звезды.

Когда умирает повелитель табунщиков, с ним убивают его коня, чтобы он гордо ехал по Ночным землям. Тела их сжигают под открытым небом, и кхал взмывает на огненном скакуне, чтобы занять свое место среди звезд. И чем ярче горел человек в жизни, тем более яркая звезда вспыхнет в ночи.

Чхого заметил ее первым.

– Вон! – сказал он негромким голосом. Дени поглядела и увидела звезду, невысоко поднявшуюся над востоком. Первая звезда в ту ночь оказалась кометой, с нее срывался пламенный луч, кровавый драконий хвост. Она не могла ждать более верного знамения.

Взяв факел из руки Агго, Дени ткнула им между поленьями. Масло немедленно вспыхнуло. Хворост и сухая трава занялись через мгновение. Крошечные языки пробежали по дереву как быстрые красные мыши, катясь по маслу, перепрыгивая с ветви на ветвь; поднявшийся жар внезапно дохнул на нее с лаской любовника и через секунду сделался непереносимым. Дени отступила на шаг. Дерево трещало все громче и громче. Мирри Маз Дуур запела пронзительным улюлюкающим голосом. Пламя крутилось; вилось, языки его догоняли друг друга. Мрак дрожал над костром, сам воздух будто плавился от жары. Дени услышала, как затрещали бревна. Огонь охватил Мирри Маз Дуур. Песня ее сделалась пронзительней и громче… мейега охнула, снова и снова, и слова ее вдруг слились в пронзительный вой, высокий и полный муки. Наконец пламя достигло и Дрого, языки охватили его. Вспыхнула одежда, и какое-то мгновение кхал казался облаченным в лоскутья воздушного оранжевого шелка и серого дыма. Губы Дени раздвинулись, и она затаила дыхание. Часть ее стремилась подняться на этот костер, чего опасался сир Джорах, броситься в пламя, чтобы попросить у Дрого прощения и в последний раз принять его в себя, а там пусть огонь отделит их плоть от костей, когда они сольются навеки.

Она ощутила запах горящей плоти – так конина жарится на костре. Костер ревел в сгущающейся ночи огромным зверем, заглушал слабые,

последние визги Мирри Маз Дуур… долгие языки пламени лизали чрево ночи. Дым возносился все гуще, дотракийцы, кашляя, отступали. Полотнища огня разворачивались под адским ветром, бревна шипели и трещали, огненные искры новорожденными светляками возносились в дыму и исчезали во тьме. Жар плескал по воздуху огромными красными крыльями, отгоняя дотракийцев, отгоняя даже Мормонта, но Дени стояла на месте. Она от крови дракона, и огонь внутри ее.

Она давно догадывалась, как надо поступить, подумала про себя Дени, шагнув чуть поближе к кострищу. Но жаровни для этого мало. Пламя кружило перед ней, как женщины, плясавшие на ее свадьбе, кружило, пело, размахивая желтыми, оранжевыми и алыми вуалями, страшными с виду, но и прекрасными, прекрасными, живыми от жара. Дени открыла перед ними руки, плоть ее горела. «И это тоже брак», – сказала она себе. Мирри Маз Дуур умолкла. Божья жена сочла ее ребенком, но дети растут и учатся.

Еще шаг, и ступни Дени ощутили жар раскаленного песка даже сквозь сандалии. Пот бежал по ее бедрам, между грудями, ручейками тек по щекам – там, где недавно катились слезы. Сир Джорах кричал позади нее, но он теперь ничего не значил. Важен был только огонь. Пламя было таким прекрасным: ничего прекраснее она не видела, каждый язык казался ей чародеем, облаченным в желто-оранжево-алые одежды, кружившие под дымным плащом. Она видела алых пламенных львов, великих желтых змей и единорогов, сотканных из бледно-синего пламени; видела она рыб, лис и чудовищных волков, ярких птиц и цветущие деревья; каждое новое видение было прекраснее предыдущего… Она видела коня, огромного серого жеребца, сложившегося из дыма, с гривы его срывался поток синего пламени. Да, любимый, мое солнце и звезды, садись, время уезжать.

Жилет ее начал тлеть, Дени, дернув плечами, сбросила его на землю. Расписная кожа внезапно вспыхнула, а она шагнула поближе к костру, струйки молока текли из красных и раздувшихся сосков. Сейчас, сейчас, подумала она и на мгновение увидела перед собой кхала Дрого, поднимавшегося на своего дымного коня с пылающим кнутом в руке. Он улыбнулся, и хлыст с шипением ударил по костру.

Раздался треск, с которым лопается камень. Помост из дерева, хвороста и травы начал рушиться внутрь себя. Кусочки горящего дерева посыпались на нее градом пепла и угольков. И подпрыгивая, вращаясь, о землю возле ее ног ударился круглый камень, бледный, усеянный золотыми прожилками, разломанный и курящийся. Рев огня наполнял мир, но за ним Дени слышала женские крики и удивленные детские голоса.

Лишь смертью можно выкупить жизнь.

Второй громоподобный треск окружил ее тучей дыма, и костер зашевелился, бревна начали взрываться – огонь проникал в их потаенные сердца. Она слышала ржание коней и полные ужаса голоса дотракийцев. Сир Джорах выкрикивал ее имя и в страхе ругался.

«Нет, – хотела она крикнуть ему. – Нет, мой добрый рыцарь, не бойся за меня! Мое время пришло. Я Дейенерис Бурерожденная, дочь драконов, невеста драконов, мать драконов, разве ты не видишь? Разве ты не ВИДИШЬ?» Со вздохом выбросив к небу огромный султан пламени и дыма, костер рухнул вокруг нее. Ничего не боясь, Дени шагнула в огненную бурю, призывая к себе детей.

Третий удар был таким, словно треснул сам мир.

Когда костер наконец угас и почва остыла, так что на нее можно было ступать, сир Джорах Мормонт обнаружил ее посреди пепла, окруженную почерневшими бревнами и тлеющими угольками, среди обгорелых костей мужчины, женщины и коня. Дени была нага, тело ее покрывала лишь сажа, одежда ее превратилась в пепел, прекрасные волосы сгорели, но сама она была невредима…

Молочно-золотой дракон сосал ее левую грудь, золотой с бронзовыми прожилками правую. Она обнимала их. Черно-алый лежал на ее плечах, длинная шея свернулась под ее подбородком. Увидев сира Джораха, он поднял голову и поглядел на рыцаря глазами красными, как угольки.

Лишившись дара речи, рыцарь упал на колени. Люди ее кхаса собирались позади него. Чхого первым положил свой аракх у ног Дени.

– Кровь от моей крови, – прошептал он, прижимая лицо к дымящейся земле.

– Кровь от моей крови, – услышала она голос Агго.

– Кровь от моей крови, – выкрикнул Ракхаро. Потом пришли ее служанки, затем все дотракийцы, мужчины, женщины и дети, и Дени было достаточно лишь поглядеть им в глаза, чтобы понять: они принадлежат ей сегодня, завтра и навсегда; они принадлежат ей, как никогда не принадлежали Дрого.

Когда Дейенерис Таргариен поднялась на ноги, ее черный дракон зашипел, бледный дым закурился из его рта и ноздрей. Двое остальных оторвались от ее грудей и отозвались на зов, прозрачные крылья, разворачиваясь, били воздух… и впервые за последние сотни лет ночь ожила музыкой драконов.

FB2 document info

Document version: 1
Document creation date: 2009-03-06
OCR Source: Электронная Библиотека LITRU.RU

Document authors :

-

Source URLs :

- http://www.litru.ru

About

This book from library eTextLib (http://www.etextlib.com) was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter.

Эта книга из библиотеки eTextLib (http://www.etextlib.ru) создана при помощи конвертера FB2EPUB, написанного Lord KiRon.